

С. В. Максимов

ДИАЛЕКТИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ПРОГРЕССА

Монография

Институт военного обучения

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBIRIAN FEDERAL UNIVERSITY

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. В. Максимов

**ДИАЛЕКТИКА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОЕННОГО ПРОГРЕССА**

Монография

Красноярск
СФУ
2013

УДК 162.6:355.01

ББК 68.00в

М171

Рецензенты:

Н. М. Чуринов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и социальные науки» СибГАУ;

М. П. Яценко, доктор философских наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Гуманитарного института СФУ

Максимов, С. В.

М171 Диалектика отечественного военного прогресса : монография / С. В. Максимов. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – 355 с.

ISBN 978-5-7638-2872-6

Рассмотрены социально-философские аспекты диалектики военного прогресса: содержание, рациональное и иррациональное, методологический базис анализа. Освещены вопросы оценки военного прогресса в современной России в контексте глобализационных процессов.

Предназначена научным работникам, исследующим проблемы социального прогресса, преподавателям философии и истории, аспирантам и магистрантам, изучающим вопросы современной глобальной проблематики.

УДК 162.6:355.01

ББК 68.00в

ISBN 978-5-7638-2872-6

© Сибирский федеральный университет, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Исследование диалектики отечественного военного прогресса, предполагает учет того факта, что источником всякого развития является борьба противоположностей, предстающая как диалектическое противоречие. Все материальные объекты и явления несут на себе «печать» первичного диалектического противоречия между явлениями сущности и существования (между сознанием и материей). Поэтому всё в мире противоречиво и развивается «изнутри» в результате внутренней борьбы противоположностей. По отношению к военному прогрессу это означает, что его реализация возможна только при условии наличия двух противоположных элементов, например, наряду с военным прогрессом периодически проявляет себя военный регресс. В то же время внутри самого военного прогресса проявляются противоречия, благодаря чему и возможно собственно развитие (к примеру, противоречия между субъектами, а также субъектом и объектом военного прогресса).

Для исследования диалектической сущности военного прогресса важно подчеркнуть, что каждая система существует в рамках более сложных систем. Поэтому возникает внешнее противоречие – взаимодействие противоположностей, относящихся к разным системам (между военными подразделениями, армией и обществом). Необходимо заметить, что диалектический подход есть в пословицах. Например, периодически возникающие противоречия между армией и общественными структурами довольно наглядно иллюстрируются на бытовом уровне: кто не желает кормить свою армию – будет кормить чужую.

Итогом борьбы противоположностей в рамках диалектического противоречия является развитие, то есть в разрезе данного исследования это означает, что появляются новые виды вооружений, дающих нам право говорить о военном прогрессе.

Развитие – необратимое, целенаправленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов (под идеальным объектом понимается сознание человека, а также результаты его деятельности, представленные в культуре). Развитие как процесс и само противоречиво: оно есть единство изменчивости и устойчивости, движения и покоя, прогресса и регресса, качественных и количе-

ственных изменений. Действительно, трудно представить себе некую застывшую на десятилетия военную структуру, поскольку:

- периодически происходит обновление техники, а значит, и обслуживающего ее состава;
- армия не может существовать без войн или маневров (в мирное время), что также приводит к определенным, часто скачкообразным изменениям;
- значительная часть людей, способствующих прогрессу армии, – это призывники, что свидетельствует о постоянном процессе обучения и совершенствования;
- даже такие консервативные элементы, как форма, устав и т. п. должны периодически меняться, чтобы военный прогресс не превратился в свою противоположность.

Процесс развития всегда имеет свою целевую установку, происходит внутренне законосообразно, хотя с внешней стороны он может выглядеть как стихийный. Цель развития состоит в раскрытии всего потенциала объекта или явления, который является их действительностью. Достичь действительного состояния невозможно без наличия определенного потенциала, заключенного в возможности.

На примере военного прогресса можно убедиться, что диалектика утверждает глубокую взаимосвязанность всех категорий. Категории суть формы мышления, а мышление и бытие с точки зрения диалектики едины. Поскольку в бытии действует закон всеобщей связи явлений, постольку категории связаны друг с другом. Связь категорий настолько тесна, что при некоторых условиях они могут переходить, превращаться друг в друга: причина становится следствием, а следствие – причиной, необходимость становится случайностью, а случайность – необходимостью.

До XX столетия человечество жило и развивалось, осознавая себя бессмертным. В столкновениях, конфликтах и войнах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивание силы, технологической мощи человечества привело его к такому состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а, напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником орудий массового уничтожения, которые оно само же изобретает. Так во второй половине XX века возникла проблема выживания че-

---

ловчества в условиях, когда научно-технический прогресс создает все более широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения.

Для сохранения общества созидания необходима повседневная забота о воспроизведении и развёртывании военного потенциала. В частности, принципиальную роль в выживании российского общества играет возрождение чистой совести, совершенства слова, милосердия, сострадания, духовной любви, которые всегда выступали важным источником духовного потенциала народа. К примеру, русский экономический проект включает в себя отечественный опыт, веками наработанный предками (некоммерческий обмен, коллективная собственность и т. п.). Материальная и духовная жизнь представляет собой определенную целостность именно в том типе общества, где духовность – это условие его самоутверждения и устойчивого развития.

В условиях противодействия чуждому образу жизни проявляются защитные силы общества, дающие повод для оптимизма. Несмотря на серьёзные атаки в направлении отечественной исторической науки, растет интерес к духовным истокам военного прогресса, что характерно для России.

Глава 1

ДИАЛЕКТИКА ВОЕННОГО ПРОГРЕССА

1.1. Военный прогресс в диалектическом содержании

Военный прогресс – направление развития, характеризующееся переходом армии и ее сопутствующих структур от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Прогресс характеризует армию как систему в целом, так и состояние отдельных ее элементов. В данной связи необходимо: 1) изложение основных проблем теоретического описания общественного развития; 2) формирование понятийных средств, пригодных для построения теоретической схемы военного прогресса.

Большинство категорий диалектики имеют «парный» характер, поскольку объективная действительность противоречива, а категории – это отражение действительности. Категории, находящиеся в одной паре, взаимно предполагают и исключают друг друга в различных отношениях, поскольку являются полюсами диалектического противоречия.

Общество – это многокомпонентная система, и в реальной жизни процесс его развития противоречив, соответственно противоречив и путь направленности. Это значит, что в реальной жизни каждого общества может быть рывок (прогресс) в одних сферах (например, технический прогресс) и отставание или даже регресс в других (например, в сфере духовной жизни). Все это несложно определить в каждом отдельном случае (для какой-то конкретной сферы жизнедеятельности на определенном отрезке времени и определенных пространственных границах), если соотносится выдвинутая цель развития и реальная ситуация в движении к этой цели. Такое понимание прогресса, что по сути есть арифметическая сумма прогрессов в различных сферах общественной жизни, не требует какой-то общей шкалы измерений (единого критерия). Однако практически очень сложно определить прогресс для исторического развития общества в целом. Для того чтобы раскрыть

интегральную природу общественного прогресса, необходим общий критерий, с помощью которого можно было бы показать, что человеческая история неуклонно следует по пути прогресса. Однако содержание основных определений, характеризующих развитие общества, зависит от типа общества. Это в полной мере касается и военного прогресса.

Ученые по-разному трактовали сущность военного прогресса в контексте мировой истории. По Кондорсе, мировая история раскрывается как история человеческого разума, если ее рассматривать как результат деятельности поколений, т. е. масс индивидов, сосуществующих локально пространственно. Д. Дидро продолжает это направление. В целом Кондорсе и Дидро объединяет то, что начало истории они видят в человеке первобытном, неразвитом, но уже наделенном разумом. Прямо противоположный в этом отношении подход, ведущий к так называемому метафизическому романтизму, намечается в работах Ж.-Ж. Руссо и Д. Юма. В частности, Руссо идее безграничного прогресса противопоставляет тезис: «Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека». Этим тезисом он намечает жесткое разграничение между научно-техническим прогрессом и моральной личностью, между «культурой» и «цивилизацией» (в терминах Шпенглера). У истоков истории он помещает не разумного, но невежественного дикаря, а естественного человека, не имеющего никаких стимулов к самосовершенствованию. В итоге смена поколений перестает у него рассматриваться как процессия этапов прогресса. В то же время, противопоставляя человеку естественному искусственного цивилизованного человека, он переосмысливает и функцию преемственности поколений: ее задача не аккумуляция культурных достижений человечества для дальнейшего их развития, а искусство поддержания человека в цивилизованном состоянии.

Отечественные исследования социального прогресса основываются на диалектической традиции, которая развивает лучшие традиции социальных наук Запада и противостоит метафизическим и постметафизическим тенденциям, захлестнувшим зарубежные школы. Для них характерно: либо историческое бытие сворачивается к единственному событию сохранения и воспроизводства тотальности (постистория Гегеля), либо исполняется полноценная коллективная регенерация исторической энергии неименуемого (Хайдеггер). Коллективность, сотканная из мобилизаций неименуемого, – предельная

модуляция исторического опыта, в которой ряд перспектив (которые уже невозможно отличить от ретроспективы) закрывается¹.

Лучшие представители отечественной философии пытаются возродить традиционный диалектический подход при исследовании военного прогресса (как и прогресса вообще). В социальной философии высказывались различные мнения по поводу причин качественных изменений в обществе. Одни связывали их с изменением природных основ социальной жизни (Ш. Монтескье, В. Вернадский, Л. Гумилев), другие искали причины в изменениях экономики, орудий труда, методах организации производства (К. Маркс, У. Ростоу), третьи связывали процесс социального развития с изменениями в культурной жизни, системе духовных ценностей (Г. Гегель, О. Конт, П. Сорокин).

Необходимо отметить, что изучением различных аспектов социального прогресса и национальной безопасности занимаются многие отечественные и зарубежные ученые. Социальным факторам, влияющим на методологию исследования военного прогресса, посвящены работы А.А. Богданова, Н.А. Бердяева, Р.Ю. Виппера, Л.П. Карсавина, А.С. Лаппо-Данилевского, Г.В. Плеханова, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, В.Ф. Эрн и др.

В исследовании проблем социального прогресса можно выделить несколько подходов: гносеологический – В.П. Кохановский, А.И. Ракитов, А.К. Уледов; аксиологический – А.Л. Андреев, М.А. Барг, А.В. Гулыга, Ю.А. Левада; социологический – Л.М. Дробужева, А.М. Коршунов, А.А. Овсянников, представители которого акцентируют внимание на социальной значимости тех или иных проявлений общественной практики. Для отечественной школы является характерной оценка прогресса с позиций его обусловленности историческим сознанием и самосознанием как основы и механизма преемственности, как средства историко-культурный идентичности.

Диалектика военного прогресса проявляется в единстве теории и истории, что подчеркивается следующими моментами:

- всякое единство социальной теории и социальной истории предполагает соответствие той и другой одному и тому же проекту науки – космическому или универсалистскому;

---

¹ См.: Куксо, К.А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента // *Credo new*. 2006. №2 (46). С. 52.

- следование той и другой одному и тому же определенному естественноисторическому процессу (универсалистским или космо-ческим стандартам естественности, методологическим стандартам и стандартам научности);

- соответствие той и другой одному и тому же содержанию социальной детерминации, задаваемому коллективистским или индивидуалистическим способом производства общественной жизни;

- следование той и другой одним и тем же теоретическим моделям и нормам устройства общества, качествам отклонений от норм; следование специфике субъектов социального нормотворчества, естественной для того или иного типа социальной детерминации, подтверждающей в своем творчестве идеалы индивидуальной свободы или идеалы совершенства;

- социальная теория дает социальной истории знание законов естественноисторического процесса, она избавляет историю от необходимости познания этих законов. В результате, согласно Шеллингу, нечто в естественноисторическом процессе на полном основании предстает в качестве объекта истории. В свою очередь, история, не беря на себя ответственность за обоснование законов, тем не менее дает адекватный естественноисторический базис для теории: обе науки тем самым определяют очертания своей объективности, находят естественное завершение, дают полноту научной картины мира и единства научного знания.

Различие двух типов общества (коллективистского и индивидуалистического) представляет собой важный задел для объективного научного познания общества. Основания такого деления состоят в следующем:

- 1) естественноисторический процесс для своего движения и развития предполагает определенный источник. Данным источником является его противоречивость, его диалектика;

- 2) естественноисторический процесс всегда представлен сознательной деятельностью людей, ставящих перед собой те или иные цели, задачи созидания или разрушения. При этом каждый человек, социум преследуют свои интересы, исповедуют ту или иную систему ценностей, вступают в те или иные отношения с другими людьми, оставляя за собой избранные степени свободы. При этом они произвольно формулируют определенные правила игры, поведения, общения, систему права, тем самым сознательно ограничивая пределы своей свободы;

3) в различных исторических условиях, климатических зонах, географическом положении, геополитических ситуациях, реальных природных комплексах, соотношениях политических сил, коллизиях региональных амбиций и т. д. по своей социальной значимости доминируют или отношения совершенства, гармонии и красоты, или отношения свободы, свободы воли;

4) такого рода социальные доминанты в указанных исторических условиях становятся решающими для формирования типа общества, когда в одном случае руководящим принципом, определяющим жизнеспособность общества, оказывается принцип совершенства, а в другом случае – принцип свободы;

5) в тех исторических условиях, когда доминантным принципом общества оказывается принцип свободы, принципом вырожденности этого общества является принцип совершенства. И, напротив, когда доминантным принципом становится принцип совершенства, принципом вырожденности общества оказывается принцип свободы.

Коллективистскому обществу, в частности российскому, характерен прогресс, раскрывающийся как процесс перехода от менее совершенного к более совершенному уровню общественных отношений. Жизнедеятельность коллективистского общества направлена на совершенствование общественных отношений, позитивное разрешение социальных противоречий. Но каждое новое поколение не просто повторяет то, что делалось их предшественниками, а реализует свои собственные потребности, интересы и цели, что является источником общественного прогресса.

Всемирная история, по Гегелю, – основная сфера объективного духа, в которой идея свободы (идея разума как свободы) достигает (в идеальном государстве) своего практического воплощения. В доисторическом (естественном) состоянии эта идея, составляющая сущность человека, представлена лишь потенциально. Поэтому здесь царят произвол, война всех против всех и переход в «духовное человеческое царство» как раз и оказывается у него процессом всемирно-исторического развития. Этот процесс включает три главных этапа развития: восточный мир, античный мир и христианско-германский мир (последний, в свою очередь, проходит три этапа развития – начальный период, Средние века и Новое время).

Действительное открытие К. Маркса состояло в обнаружении фундаментального значения экономических механизмов истории,

влияния их на общественное сознание, в том числе и на культуру. Ею Маркс интересовался в первую очередь. Тот, кто дал себе труд изучать Маркса в подлиннике и штудировал его «Философско-экономические рукописи» и другие работы по философии и истории, мог бы заметить, что он говорит о культуре не реже, а, может быть, чаще, чем о технических компонентах производительных сил. Тем не менее действительное значение культуры и ее ядра в особенности не было понято им надлежащим образом, что, впрочем, легко объясняется его собственной теорией исторической детерминации сознания.

Марксистская методологическая основа не может в полной мере нас удовлетворять, поскольку при исследовании военного прогресса важно учитывать не только экономические критерии. Марксизм мог возникнуть лишь в техногенном обществе, высшая цель которого – обретение материальных благ. Такому обществу автор противопоставляет общество традиционное, в котором само понятие прогресса не является ценностью. Отсюда, в частности, невозможность втиснуть исторические события Востока (Индия, Китай) и славянского мира в «пятичленную» марксистскую схему (рабовладельческое общество – феодализм – капитализм – социализм – коммунизм). Начнем с того, что рабовладения, подобного существовавшему в античном Средиземноморье, на Востоке и в Славянском мире, не было. Известны потуги в советское время притянуть марксизм к событиям отечественной истории.

Нельзя не упомянуть целый ряд серьезных исследователей новой волны, которые основательно изучают процессы, происходящие в различных «секторах» социального пространства, в той или иной мере затрагивая вопросы, связанные с военным прогрессом. В частности, о ситуации в области демографии (В. Тишков), об исследовании так называемой политической элиты (О. Крыштановская), о проблемах коррупции (Г. Сатаров), состоянии общественного мнения (Ю. Левада, Е. Башкирова), социальных изменениях в конкретных сферах (М. Горшков), российском социально-политическом процессе (А.С. Панарин) и др.

Мы исходим из того факта, что для объективного изучения военного прогресса необходима иная методологическая база, а именно диалектическая. Теоретизирование коллективизма предполагает объективную диалектику социальных процессов. В условиях всеобщей связи явлений процесс объективной диалектики двойствен

и составляет единство временных рядов и придающих им определенность, направленность антиэнтропийных процессов. Тектологическое целое объективной диалектики предполагает его крайние точки, отделяющие тектологию от технологии. Они характеризуют целое как большее или меньшее, чем сумма частей, или часть большую, чем целое. Тектологическое целое не включает в себя технологическое целое, равное сумме частей¹.

В органистической модели общество предстает как целое, определенная система, структурированная особым образом на части, к которым оно полностью не сгодится. При этом понимании человек реализует себя в зависимости от места, занимаемого им в обществе, и участия в общем процессе. Отношения людей определяются не договором или контрактом, а согласием членов общества, в котором учитываются объективные закономерности исторического развития. Например, К. Марксом была разработана концепция материалистического понимания истории, суть ее составляет положение о способе производства, который складывается объективно, т. е. независимо от воли и сознания людей. С точки зрения марксизма, производительность труда – это важнейшее, самое главное для победы нового общественного порядка. Но этот критерий – экономический, он отображает уровень развития продуктивных сил, а не общественных отношений, тем более не общественного порядка. Для марксистов данный критерий является единственно правильным, так как марксизм строится на принципах экономического детерминизма. Однако данный подход к исследованию военного прогресса не может быть применим в полной мере, поскольку экономический критерий, как показывает история мировых войн, при всей своей важности все же не может быть определяющим. Отечественная история демонстрирует множество примеров, когда боевой дух оказывается сильнее техники.

Кроме того, экономический критерий прогресса не является всеохватывающим. Таким критерием может быть общесоциологический, сущностный и общий для всех сфер общественной жизни, в частности и для определения уровня духовности общества. Тем не менее такой критерий может быть очень абстрактным – это сам человек, точнее, уровень развития личности. Этот критерий пред-

---

¹ См.: Чуринов Н.М. Коллективизм и индивидуализм и их теоретизирование в западной традиции // Теория и история. 2004. №3. С. 54.

усматривает высокий уровень гуманизации общества, достижения личностью социальной свободы, т. е. ликвидации вековой отчужденности между личностью и обществом (государством). На этом основании возможно определение эмпирически конкретных факторов общественного прогресса. Определение показателей прогресса может быть прагматическим и локализованным. Например, показатели общественного прогресса могут быть дифференцированы по сферам: экономической, технической, экологической, политической, культурной и т. п. Все показатели, которые фиксируют движение общества вперед и не являются показателями регресса (упадка, деградации), могут рассматриваться как эмпирические свидетельства общественного прогресса.

В условиях коллективистского общества военный прогресс приобретает все более ярко выраженные особенности, на которых стоит остановиться более детально. В условиях коллективистского общества единство человеческого мира представлено совокупностью взаимно предполагающих друг друга и находящих завершение друг в друге социальных норм, институтов, раскрываемых мерами совершенства. Индивидуалистическое общество предполагает единство человеческого мира в качестве реализации свободы воли, индивидуальной свободы, приоритета норм прав над всеми другими социальными нормами и социальными институтами, обеспечивающими успехи правотворчества, правопослушания, правоприменения и правоисполнения. При этом личность формируется в условиях соответствующего аспекта единства человеческого мира. И, следовательно, в одном случае личность предстает как более или менее совершенная, а в другом – как более или менее свободная. В обоих случаях личность выступает как способ существования соответствующих определенному аспекту единства человеческого мира наличных общественных отношений, поскольку человек с момента своего рождения застает определенный тип общества, формируется как личность в условиях, существующих, определившихся до его рождения. И, следовательно, человек изначально формируется по линии становления в качествах свободной личности или по линии становления в качествах совершенной личности¹.

Исследование военного прогресса в диалектическом содержании предполагает понимание проблем, возникающих при анализе

---

¹ См.: Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова // Теория история. 2007. №1. С. 170.

субъектно-объектных отношений, сопровождающих социальный прогресс, в первую очередь это категориальный аппарат. Одним из первоочередных, наиболее признанных критериев различения категорий частных наук и философии многие считают степень общности обозначаемых ими явлений, отражением чего выступает сфера их научного применения¹.

В соответствии с определением выделим главные теоретические признаки (характеристики) диалектического метода:

1) основанием для него служит такое понятие модели мира, которое включает в себя соотношение «образ – прообраз» и непосредственно входит в теорию сущности науки;

2) существование науки обосновано не только практикой (материальным производством), но и культурой, внутренними законами развития познавательной деятельности;

3) наука в себе самой раскрывает сущность как единство совокупности дефиниций о том, что такое научные знания, деятельность и организация.

Еще один важный аспект состоит в том, что военный прогресс как принципиальная составляющая социального прогресса имеет различное количество разных смыслов в результате применения различных логических инструментов познания. Необходимость классификации этих различных системообразующих факторов понимания истории действительно очевидна, так как необходимо определить принципиальную динамику изменения исторического смысла, без чего исследование военного прогресса будет неполным.

Для понимания сущности диалектики военного прогресса важно акцентировать свое внимание на том факте, что в отличие от реальности природы реальность общества обладает рядом особенностей. Основные среди них можно сформулировать следующим образом.

1. Изучая общественную реальность, человек познает прежде всего самого себя как особое существо со всеми специфическими проявлениями своей сущности.

2. В этом отношении он стремится к максимальной полноте и всесторонности познания всех связей общественной жизни.

3. Отсюда возникает разнообразие подходов к общественным явлениям и точек зрения на общественное развитие.

---

¹ См.: Назаретян А.П. Универсальная перспектива творческого интеллекта в свете постклассической методологии // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире /Отв. ред. Н.К.Удумян. М., 2004. С. 398–399.

4. Будучи существом социальным, человек фиксирует в своих знаниях об обществе не только объективные свойства, события, индивидуальные действия и общественные процессы, но и свою оценку этих явлений, обусловленную его положением в обществе.

При изучении гегелевской исторической диалектики необходимости и свободы бросается в глаза характерный для него рост и прогресс историзма в постановке и разработке проблемы. В диалектическом значении государство выступает как нечто, включенное в систему других социальных институтов по принципу институционального единства человеческого мира. В этой системе имеют место социальные институты, которые специально формулируют, разрабатывают и реализуют идеологию в повседневной практике. Так что идея государства и идеология неотделимы друг от друга: самореализация государства и других социальных институтов представляет собой объективную диалектику, тогда как самореализация идеологии выступает как субъективная диалектика – основа единоумия и единомыслия. Именно эти факторы формируют представление о военном прогрессе в нашей отечественной традиции.

На примере исследования военного прогресса особо проявляется недопонимание двух типов общества – коллективистского и индивидуалистического, которое ведет за собой осуждение иного типа общества. Фундаментальные основы указанного недопонимания: у каждого из двух типов общества своя модель мира, в системе которой каждое общество самоутверждается. Схематически основания понимания мира как связи между природой и человеком, закрепленные в ментальности, можно представить следующим образом:

- на Западе: мир – это возникновение порядка из хаоса, силы зла укоренены в природе, отдельный человек может обуздать зло, подчинив себе природу через познание, благодаря собственному разуму и индивидуальной активности;
- на Востоке: мир изначально совершенен, гармоничен, зло потенциально содержится в деятельности человека, поэтому обузданию подлежат источники зла, насилия в отдельном человеке, подавляемые через коллективные установления, закрепленные в традиции;
- в славянских культурах: добро и зло вплетены в ткань мироздания, и человек своими действиями может усиливать или ослаблять каждую из них через способы взаимодействия с обществом. Природа как основа мира человеку не подвластна.

Военный прогресс ясно и последовательно отражает ценности и стандарты новейшего западного сознания индивидуалистического типа общества. Такие модели и концепции, как «конец истории», «конфликт цивилизаций», «золотой миллиард человечества», «пределы роста», выгодны тем, кто сегодня устроился наилучшим образом и пытается навечно закрепить статус-кво, лишая будущего народы «периферии». Важно подчеркнуть, что служить Отечеству могут только пассионарии, исполненные в делах своих искренними помыслами политической добродетели. Для элиты социальный прогресс не является целью. Следуя идеалам технократического детерминизма, элита изобретает законы становления общества, тогда как социальный авангард коллективистского общества следует естественным законам общественного развития. Он создает благоприятные условия для социального прогресса¹.

Характерное состояние социальной системы, по мнению авторов теории социальной энтропии, – это неравновесность, нестабильность, вызванная беспрестанным колебанием между порядком и хаосом, организацией и дезорганизацией, тенденцией к смерти и тенденцией к выживанию. Отсюда – особый интерес к таким явлениям, как экономическое и социальное неравенство, конфликты и социальные противоречия.

Социальный порядок – это мир социального неравенства: в способностях, возможностях, экономическом положении и т. п. Такая дифференция и рождает социальную динамику, движение вперед. В свою очередь, утопические идеи уничтожения социального неравенства рассматриваются в этом контексте как путь к хаосу и энтропийной смерти. Энтропийная модель социума, где все равны, а материальные блага и социальные возможности равномерно распределены между индивидами, рассматривается как аналог состояния дезорганизации в тепловом хаосе (однородность и разупорядоченность). Это более примитивное состояние системы, в которое она впадает сомопроизвольно, переставая сопротивляться энтропии.

Подвергая энтропийному анализу общую социальную эволюцию и состояние современного общества, один из авторов теории социальной энтропии Форсе считает, что главная опасность для развития общества заключается не в усложнении конфликтов, а в энтропийной тяге к инертности, усреднению и гомогенности. И

---

¹ См.: Чуринов, Н. М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 23.

если в начале XX века общество боролось с такой угрозой преимущественно экономическим способом (инфляция, безработица), то с наступлением эры «массового потребления» критерии социального различия все больше выступают как характеристики образа жизни, культуры, нормы, поскольку сама система ценностей стала объектом персонального выбора. Отсюда можно сделать вывод, что «порядок и беспорядок не противостоят один другому, т. е. энтропийный хаос не обязательно является хаосом в общем смысле слова, так как имеет место «стабильная иерархия». Другими словами, требование стабильности ведет к структурным неравенствам. Следовательно, неравенство (негэнтропийный порядок) неизбежно в обществе, стремящемся к однородности и устойчивости (энтропийный хаос)»¹.

Процессы роста социальной энтропии могут «вклиниваться» в жизнь общества, нейтрализуя ее антиэнтропийное содержание. Это происходит, например, в процессе насаждения в российском обществе чуждых ему норм социальности, западных норм личностного бытия, основанных на, как правило, принявшей только нормы права свободной личности. Происходит деструктивное для жизни коллективистского общества завышение норм права по сравнению с другими социальными нормами, навязывается неадекватная данному обществу универсалистская модель мира. Тем самым, по словам Н.А. Умова, человек «спутывает сеть» всеобщей связи, причиняя страдания себе, другим людям, обществу и природной среде. Данный процесс может приобрести массовое значение, и в этом случае он неизбежно влечет за собой тяжелейшие последствия для жизни коллективистского общества.

Гармония между личностью и обществом в своем диалектическом единстве означает отход от двух указанных метафизических крайностей. Данные крайности представляют собой выражение статического (метафизического) взгляда на общества, отрицающего принцип развития. Гармония между личностью и обществом не может быть установлена в рамках этих крайностей, т. е. она невозможна в статике, а возможна только в динамике, в диалектике единства развития (усовершенствования) личности и общества.

Согласно диалектическому теоретизированию великого русского философа Л.П. Карсавина, принцип коллективизма основан на стандарте единства личности и коллектива, которые выступают

---

¹ См.: Калашников В.Д. Советы всея Руси // Теория и история. 2004. № 2. С. 13.

в своем завершенном виде как личность соборная. Философ пишет: «Для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, т. е. сферы индивидуального бытия, так и выражение его единства, т. е. взаимная согласованность индивидуумов»¹.

Историзм и целостность, историческое и логическое в их диалектическом тождестве образуют мыслительную структуру, основную форму исторической теории. Ее содержательное наполнение осуществляется в конкретно-историческом, эмпирическом исследовании. Форма и содержание, теория и эмпирия, теоретическое и фактически эмпирическое знание находятся в единстве и друг без друга невозможны.

Не вдаваясь в детали, можно утверждать, что в переходные периоды, в нашем случае от советского к постсоветскому универсальному инновационному циклу, понимание важности интенсивной информатизации культуры есть одно из важнейших условий рационализации и оптимизации этого перехода в интересах общества. Вместе с тем при изучении естественноисторических процессов каждый соответствующий проект науки должен в соответствии со своим стандартом естественности рассматривать нормы и отклонения от норм исторического процесса.

В результате, в согласии с Шеллингом, нечто в естественноисторическом процессе на полном основании предстает в качестве объекта истории; в свою очередь, история, не беря на себя ответственность за обоснование законов, тем не менее дает адекватный естественноисторический базис для теории; обе науки тем самым определяют очертания своей объективности, находят естественное завершение, дают полноту научной картины мира, полноту единства научного знания².

Понимание военного прогресса на диалектической основе предполагает понимание тезиса о различении сущностей, способных претерпевать изменение самостоятельно, и сущностей, принимающих противоположности из-за перемены обстоятельств.

Принцип системности. Хотя принцип системности – исконная черта диалектического метода, однако в современной гносеологии популярным становится еще одно направление, в русле которого диалектика и синергетика рассматриваются как две взаимосвязанные

---

¹ См.: Чуринов Н.М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. № 1. С. 30.

² См.: Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 168–169.

ветви единой методологии. Можно согласиться с мнением Л. Ф. Матюшонка, который пишет, что сравнение категориального аппарата «старой» диалектики и общих понятий синергетики приводит к выводу о том, что в рамках синергетики складывается своеобразная форма стихийной диалектики, нуждающаяся в тщательном рассмотрении через развитую систему «забываемой» диалектики¹. Требуются определенные в диалектическом смысле усилия для понимания данного явления, его глубинных связей и отношений, особенно в исследовании военного прогресса.

Для общественной системы как наиболее высокой ступени развития реального мира время имеет особое значение и играет особую роль по сравнению с другими системами мира:

1) человек как высшее существо, созданное природой, впервые за всю ее историю начинает сознательно воспроизводить течение времени и научается с высокой точностью измерять его естественный ход;

2) человек уже на первых ступенях своего развития обнаруживает изменения окружающих предметов с течением времени, а также бренность, временный характер самой человеческой жизни. Позже люди начали понимать изменение и непостоянство тех порядков, при которых они живут. Таким образом общество создало для себя своеобразную временную ритмику протекающих исторических событий и процессов, как и исторического процесса в целом. Поэтому есть основания говорить о социальном или историческом времени как об особой социально-временной структуре.

Важно также отметить, что само гегелевское определение философии как эпохи, постигнутой в мыслях, как эпохального сознания уже в принципе исторично. Более того, такой подход несравненно глубже, например «реалистической» концепции Рассела, так как он принципиально исключает половинчатую концепцию частичной детерминации.

В свою очередь, Ф. Шеллинг опирался на противоречие между сознательными задачами, которые люди ставят перед собой в своих исторических действиях, и результатами самих действий. Результат этих действий не может быть полностью предвиден и не может полностью совпадать с задуманным. Он может возникнуть даже вопре-

¹ Матюшонко, Л. Ф. Научная диалектика на пороге XXI в. // Материалы второго российского философского конгресса. Екатеринбург, 1999. Т. 1. Ч. 2. С. 28.

ки воле и намерениям действующего. Именно этот непредвиденный результат и есть канал, по которому в исторический процесс проникает необходимость исторически совершающегося. Он необходим, так как «навязывается» действующим людям независимо от их воли и намерений, помимо и сверх их сознания и познания¹.

Важнейший элемент, который лежит у истоков понимания сущности диалектического метода в исследовании военного прогресса, – это система отражения по принципу «образ – прообраз», что имеет свои особенности в историческом познании, когда субъект и объект пребывают в различных пространственно-временных параметрах. Необходимо учитывать, что для диалектики и образ, и предмет, отраженный в этом образе, составляют единство противоположностей. Единство заключается в том, что образ – это копия предмета. Противоположность – в том, что содержание сознания выступает как идеальное по отношению к материальному предмету. Например, для того чтобы разумно действовать в обществе, необходимо знать общественные законы, а также правильно их отображать и согласовывать с ними свою деятельность². Человек есть прежде всего материальное существо в биологическом и социальном отношении, и как сознательное творческое существо он является диалектическим единством материального и духовного, объективного и субъективного. Именно поэтому категория «субъективное» в применении к общественной жизни как противоположная категории «объективное» не только и не просто однотипна категории «субъект», но и отличается от нее в связи с тем обстоятельством, что субъект общественной жизни включает и объективное, и субъективное. Однако для того чтобы удовлетворить потребности в более глубоком изучении социально-экономических и политических явлений, выявлении их исторических корней, невозможно было ограничиваться только субъективно-психологическим и прагматическим пониманием хода истории. Возникла потребность в обращении в той или иной степени к поиску объективных факторов, влияющих на исторический процесс, выявлению общих черт в прогрессивном развитии народов, признании прогрессивного характера военного прогресса.

---

¹ См.: Асмус, В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 52–69.

² См.: Пискорская, С. Ю. Репрезентация и отражение // Теория и история. 2004. № 3. С. 160.

Л.Н. Гумилев ввел в науку новое понятие «психологическая доминанта» или «пассионарность», благодаря чему ему удалось ответить на фундаментальный вопрос, почему возникают и исчезают народы (этноты). Ответом на него явилось учение о пассионарных толчках и процессах этногенеза, вызываемых этими толчками и протекающих в биосфере Земли.

Принцип единства мира. В рамках идеи логизма был разработан главный принцип диалектики – принцип единства мира, на основе которого формулируется диалектический сущностный исследовательский подход. Согласно данному подходу в его общем значении существование (материальный мир) – это воплощение (отражение) несотворённых явлений Сущности (логосов). Существование отдельно от Сущности Самой в Себе, но едино с Её явлениями. В частном значении в качестве сущности выступают оформления совершенства (совершенствующиеся отношения), а существованиями, неотделимыми от сущности, выступают определённые практические восполнения последней. Единство сущности и существования (а также единство сущности и явления, субстанции и акциденции) представляет собой диалектическое противоречие – единство противоположных сторон, взаимно предполагающих и исключаящих друг друга в различных аспектах. Это противоречие отдельности и единства. В данном положении актуализируется принципиально иная, нежели на Западе, модель мира, в русской методологии именуемая Ладом. Совершенство мира, космоса (существования) обусловлено совершенством Сущности мира (*существование – это отражение явлений Сущности*). Совершенство – одна из главных категорий диалектики. Совершенство мира многообразно и проявляется в следующих формах:

- духовно-нравственной;
- эстетической;
- природной;
- социальной;
- человека.

Отдельность Сущности и существования определяется их разнотворностью (духовная несотворённая Сущность и материальное сотворённое существование). Бытие Сущности ни в каком отношении не определяется материальным миром. Единство их состоит в том, что материальный мир существует только в своей причастности к Сущности посредством Её несотворённых явлений, он не имеет

собственного источника бытия, хотя и представляет собой отдельную его сферу. Диалектика (диалектическое противоречие) явлений Сущности и явлений существования находится в самой «сердцевине» земного бытия, поэтому всякий его объект «несёт на себе печать» этого первичного противоречия.

Принцип единства мира предполагает, что всё в материальном мире едино (в том числе, материальные и идеальные явления), поскольку всё имеет единую субстанцию (источник и основу бытия). Такой субстанцией являются логосы как несотворённые явления Сущности, с которыми явления материального мира неразрывно связаны (согласно принципу единства мира). Единство мира обосновывается множеством фактов современной науки. В частности, оно проявляется в таких фундаментальных явлениях, как изоморфизм и гомоморфизм. «Изоморфизм» и «гомоморфизм» (греч. *isos* – одинаковый, *homoios* – подобный и *morphe* – форма) – понятия, характеризующие различные степени единства между явлениями мира. Две системы являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой системы соответствует один элемент второй и каждой операции (связи) в одной системе соответствует операция (связь) в другой и обратно. Гомоморфизм является обобщением изоморфизма и предполагает, что соответствие между объектами однозначно лишь в одну сторону. Поэтому гомоморфный образ есть неполное, приближенное отображение структуры оригинала. Таково, например, отношение между картой и местностью, между грамзаписью и ее оригиналом – звуковыми колебаниями воздушной среды¹. В любом случае, объекты и явления мира изоморфны и гомоморфны, т. е. едины по структуре, замыслу. Это доказывает факт единства мира, и, следовательно, единства бытия (в основе материального мира – единая логосная субстанция).

Важно отметить, что изоморфизм существует не только между материальными явлениями и объектами, но и между материальным и идеальным. Согласно принципу единства мира материальные и идеальные явления сферы существования едины. Их относительная тождественность определяется:

общностью происхождения – материальное и идеальное сотворено;

---

¹ Slovarik.info. Тематические словари. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovarik.info/philosophical/69/53404.html> (дата обращения: 03. 04. 2012)

общностью определённости – материальные и идеальные явления сферы существования предстают как оформления совершенства, т. е. проявления изначального совершенства логосов.

Единство материального и идеального проявляется в научных фактах. Общим законам детерминизма, всеобщей связи, развития подчиняются как материальные, так и идеальные явления. Например, в психической сфере, как и в физической, не существует беспричинных явлений. Всякие мысль, чувство, эмоция имеют причину. В психическом мире всё развивается и всё взаимосвязано, как и в мире материальном. Идеальные явления психики, как и материальные, имеют временную протяжённость – начало и конец, а также пространственную локализацию (в пределах центральной нервной системы человека).

Диалектика стала основой диалектической системы теоретизирования, в которую входят все научные теории, исследующие мир с точки зрения принципа единства бытия (единства Сущности и существования). Диалектическая система теоретизирования была взята за основу в восточной (в частности, российской) науке и философии.

Бытие организовано в определенном порядке, иерархии (иерархия – подчиненность нижестоящего вышестоящему). Каждый уровень бытия – это, во-первых, движение от менее совершенного состояния к более совершенному, т. е. шаг к совершенству; во-вторых, сложность сама по себе (в данном случае, речь идет об иерархической сложности бытия) – это оформление совершенства. Поэтому иерархическая организация бытия – это оформление (характеристика) совершенства.

Отношение к миру как к совокупности совершенств предполагает, что мир *сам по себе* заслуживает самого пристального внимания человека. Для исследователя-диалектика мир, как объект познания, стоит в центре познавательной деятельности и определяют тем самым специфику теории познания. Это теория отражения действительности. Согласно данной теории мир в реальности и мир в теории – это две взаимосвязанные реальности, единые на основе отражения как особого вида связи. Теория отражает объект познания, поэтому в ней не может быть ничего привнесённого, внебытийного, примышленного. Таким образом, в гносеологической сфере реализуется принцип единства мира: теория и мир едины, представляя собой единство объективной и субъективной действительности. В онтологическом плане принцип единства бытия предполагает выявление двух взаи-

мосвязанных реальностей – духовной сущности (Софии как системы логосов) и материального существования (мира). Модель мира задаёт тип культуры общества и, следовательно, специфику его научной традиции, раскрывающейся в определённой системе теоретизирования.

Единство сущности и существования раскрывается в единстве сущности и явления, субстанции и акциденции. В данном случае можно утверждать что, согласно принципу единства мира, в «сердцевине мира» лежит диалектическое противоречие духовного и материального – логосов и материи (сущности и явления, субстанции и акциденции). Это фундаментальное положение обосновывал выдающийся русский философ А.Ф. Лосев, который утверждал, что диалектика является «последней сущностью античного космоса»¹. Субстанция (сущность, основа) и акциденция мира диалектически противоречивы, представляют собой единство (двуединство) противоположных сторон (сфер) – духовной и материальной, которое и образует единство мира.

Диалектический подход к проблеме диалектического двуединства субстанции и акциденции (сущности и явления) представлен в трудах выдающихся русских философов начала XX века. Среди них следует особо выделить Е. Н. и С. Н. Трубецких. Согласно их концепции всеединства (единства мира), целостность бытия обусловлена двуединством (диалектикой) его духовно-материальной субстанции и акциденции, представленной в единстве противоположностей логоса (идеи) и вещи (материи). Необходимо отметить, что двуединство субстанции и акциденции (сущности и явления) не должно пониматься в смысле их со-вечности и равнозначности.

В рамках диалектического материализма проблема субстанции решалась на основе монистического подхода (единство мира определяется его материальностью). Необходимо отметить, что монизм в любой из своих версий (неоминалистской – материалистической или же неореалистской – идеалистической) в своей сути не может быть диалектическим учением, поскольку в нём изначально отрицаются единство противоположностей в рамках субстанции, её диалектическая противоречивость, комплексный, системный подход к её природе. Основой диалектики является учение о противополож-

---

¹ Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука // Бытие, имя, космос. М.: Мысль, 1993. С. 305.

ностях, о неразрывном единстве различных природ. В диалектическом противоречии духа и материи как в единстве противоположных сторон нет ничего среднего, промежуточного. В данной связи необходимо признать, что, согласно подлинному диалектическому подходу к проблеме субстанции её основой должно быть такое единство противоположностей, диалектика. Как пишет Н. М. Чуринов, «... согласно космическому проекту науки, у материального и идеального, у физического и психического одна и та же «последняя сущность» – диалектика...»¹. В этом же отношении примечательна мысль В. Г. Афанасьева: «Поскольку основным отношением объективной действительности является отношение материи и сознания, объекта и субъекта, это отношение является основным содержанием философии, её основным вопросом... практика утверждает единство материального и идеального...»². Если учитывать, что со времён Аристотеля философия понимается как сущностное знание, то становится понятно, что в данных тезисах, по сути, выявляется духовно-материальная диалектика сущности.

Диалектика предполагает изучение мира как целого, представленного в своих различных космических оформлениях – системность, организация, сложность. Именно реальное, неслиянное и нераздельное бытие двух полюсов (субстанции и акциденции) является основой единства мира. Это означает, что последней сущностью (субстанцией) космоса действительно является диалектика – диалектическое противоречие духовного и материального. Диалектическое противоречие – это важнейшее оформление совершенства. В данной связи диалектика субстанции и акциденции раскрывает мир как совокупность, единство совершенств, встраивающихся друг в друга.

На каждом уровне движения материи единство (двуединство) субстанции и акциденции проявляется особым образом. На социальном уровне движения материи единство мира определяется двуединством социальной субстанции и акциденции. Оно раскрывается в единстве стандартов естественности (социально-нравственных императивов, указывающих, как должно жить) – субъективных факторов и природных предпосылок – географических, геоклиматических, геополитических, выступающих в качестве объективных усло-

---

¹ Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки. 3-е изд., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 87.

² Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. С. 94–95.

вий развития общества. Это двуединство социальной субстанции и акциденции предстаёт как диалектический комплекс двух природ – духовной (стандарты естественности) и материальной (природные факторы). Восточные (коллективистские) общества, в которых зародилась диалектика, испокон веков жили на основе коллективистских стандартов естественности, раскрывающихся в таких императивах, как любовь к ближнему, добродетель, задающих совершенство общественных отношений. В соединении с природными факторами (сложные геоклиматические, географические, геополитические условия) данные стандарты естественности образуют особый тип социальности (социальность – условия жизнеспособности общества) – коллективистский, являющий собой субстанциональные основы бытия коллективистского общества. Социальность коллективистского общества раскрывается в принципах коллективизма и совершенства общественных отношений.

Формирующаяся на основе субъективных факторов и объективных условий социальная субстанция (принципы социальности общества) выступает в качестве сущности. Данная сущность раскрывается в своём явлении – системе определений общественной жизни. Важнейшим определением социальности является общественное сознание. Общественное сознание, определяемое принципами коллективистской социальности, раскрывается в стандартах единства духовного и материального, всеобщей связи явлений, духовной императивности, естественного иерархизма и т. д. В рамках общественного сознания данного типа формируется особая (диалектическая) модель мира, выступающая как система мировидения, основанная на принципах коллективизма и совершенства общественных отношений.

Принцип всеобщей связи явлений. Этот принцип предстаёт как важнейшее определение принципа единства мира. В мире все объекты и явления теснейшим образом взаимосвязаны, что определяется общностью субстанции, лежащей в основе всех вещей, – логосной субстанции. Выдающийся византийский диалектик св. Иоанн Дамаскин писал в данном отношении: «Субстанция созерцается одинаково во всех ипостасях: в неодушевленных и одушевленных, разумных и неразумных, смертных и бессмертных»¹. Логосы (законы и идеи) объединяют всё в материальном мире, определяя его единство. На

---

¹ Пр. Иоанн Дамаскин. Диалектика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aleteia.narod.ru/damaskin/dialektika.htm>

каждом из уровней бытия действуют особые логосы, обуславливающие всеобщую связь элементов данного уровня.

Всеобщая связь явлений имеет следующие основные проявления:

1) единство (связь) сознания и объективной действительности. На основе данного принципа была разработана диалектическая теория познания – теория отражения действительности. Отражение действительности – способ познания, в соответствии с которым в процессе познания создается точная теоретическая копия (образ) объекта. Данный образ (отражение) представляет собой существование сущности (объекта). Теория отражения предполагает следующие гносеологические стандарты: 1) познаваемость мира; 2) объективизм; 3) единомыслие;

2) связь между явлениями действительности как элементами единой системы. Это проявление всеобщей связи отражено в принципе системности. Мир предстает как гигантская система (точнее, иерархия систем), в которой все элементы сущностно связаны друг с другом. Каждый элемент – это также система, но меньшего порядка сложности; элемент выполняет определенную функцию, что позволяет объекту в целом сохранять свою определенность;

3) связь между причиной и следствием, отраженная в принципе детерминизма (причинности). Принцип детерминизма указывает на всеобщую причинную обусловленность, действующую в материальном мире. В рамках этой обусловленности Сущность понимается как Причина всего в мире и самого мира (существования). В материальном бытии причиной (сущностью) каждого конкретного объекта или явления является частный логос (закон или идея).

Принцип развития. Он определяется единством субстанции и акциденции (как диалектического противоречия – источника развития), т. е. исходит из принципа единства мира. Всё в мире развивается. Источник развития находится в самих объектах или явлениях, в их диалектической противоречивости, которая является отражением первичного противоречия Сущности и существования. Развитие как процесс и само противоречиво: оно есть единство изменчивости и устойчивости, движения и покоя, прогресса и регресса, качественных и количественных изменений. Основные аспекты процесса развития отражены в законах диалектики:

Закон взаимодействия противоположностей, отражающий источник развития. Данный закон отражает источник процесса раз-

вития: всякое развитие детерминировано взаимодействием противоположных сторон одного объекта (его внутренней диалектической противоречивостью), которые в одном отношении друг друга предполагают, а в другом – исключают. Именно это единство противоположностей является источником военного прогресса, ведущим или к поражению армии (если в борьбе преобладает энтропия), или же к победе (если преобладают негэнтропийные процессы).

Закон взаимного перехода количественных и качественных изменений. Количественные или качественные изменения в каждом объекте и явлении нарастают и, достигая определенной меры, переходят в свою противоположность. Данный закон отражает противоречивый и многомерный характер процесса развития. Изменение качества армии (например, в случае его переоснащения новейшим вооружением) отражается на повышении его количественных показателей (увеличивается количество сбитых самолетов противника, захваченных городов и т. п.).

Закон двойного отрицания. Данный закон отражает стадийность процесса развития и его направленность на образование нового качества бытия объекта или явления. Всякий объект проходит в своем развитии три стадии: тезис, антитезис, синтез. Военный объект, обогатившись всем ценным, что имелось на предыдущих этапах его развития, как бы возвращается к исходному положению. Но это не простое возвращение, не замкнутый круг, а скорее спираль: синтез включает в себя лучшие аспекты первой и второй стадий. Синтез всегда связан с появлением нового качества, свидетельствующего о более высоком этапе военного прогресса.

Служение, что крайне важно для понимания сущности военного прогресса, является мерой совершенств, одной из характеристик соборной личности. Это не только служение обществу, но и служение отдельной личности. Множество соборных личностей в своем содержательном богатстве, вкладывая свое совершенство в совершенствование общественных отношений, оказывают существенное влияние на формирование государственного и общественного устройства.

В данном случае прослеживается взаимодействие, взаимопроникновение и завершение одного в другом социальных институтов, имеющих общенародный характер. Данное единство выступает как деятельное совершенство, направленное на совершенствование социальных отношений. «Государственно все постольку, поскольку оно относится к единству и органически входит в целое. Государство

же есть внешняя форма этого единства и преимущественная сфера его выражения, как сфера деятельности частного соборного субъекта, преимущественно осуществляющего соборную волю»¹. Стоит продолжить эту важную мысль: армия как принципиальная составляющая государства соединяет в себе определенное количество личностей, максимально заинтересованных в социальной гармонии и созидании, в том время как наемных космополитов эта сторона их деятельности, как правило, не очень интересует.

Как видим, здесь главенствующее положение занимает не военное насилие, а политическая добродетель. Следовательно, главной задачей государства может быть определена задача поддержания народа, его авангарда в деле совершенствования общественных отношений, т. е. в делах достижения социального прогресса. Государство как соборная личность предполагает не только политическое устройство, но имеет отношение ко всему общественному строю. Западная же философия и политология характеризуются членением общества на части, отделением политических функций от всех иных функций жизни общества и тем самым он и принципиально отличаются от русской философии и политологии.

Представители русской философии неоднократно указывают на то, что общество должно выбирать такой состав своих соборных представителей, «который с возможно большей полнотой и объективностью отображал бы общественное мнение по наиболее актуальным вопросам жизни не какой-то отдельной социальной группы или групп, а всего обществ в целом»². Что касается военного руководства, то оно в состоянии удерживать определенный уровень прогресса благодаря именно отсутствию демократии в ее западном понимании. Дело в том, что соборная личность в своих проявлениях выступает как путь совершенствования личностного, государственного и общественного устройства, учитывающего естественность общественного развития. На этом основании можно заключить:

- соборная личность раскрывается мерами совершенства: красотой, служением, добродетелью, гармонией и т. д., своим совершенством в содержании более или менее совершенных общественных отношений;

---

¹ Цит. по: Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история 2007. № 2. С. 34.

² См.: Карсавин Л.П. Основы политики: антология // Россия между Европой и Азией, евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 177.

- государство как соборная личность, соборный субъект является адекватным для коллективистического общества оформлением соответствующего общественного устройства и представляет собой альтернативу западному, либерально-демократическому государственному устройству.

Исходя из специфики типов общества, особенностей их становления, фундаментальных принципов жизнедеятельности и объективных условий существования, различают «две основные линии социального прогресса: утилитаристский прогресс индивидуалистического типа общества и антиэнтропийный прогресс коллективистского типа общества»¹.

Таким образом:

- совершенная добродетель, а значит, добродетель совершенной личности способствует наиболее полному раскрытию совершенств личности в условиях коллективистского способа производства общественной жизни;

- совершенная добродетель способствует антиэнтропийному прогрессу коллективистского типа общества, направленному на достижение наиболее совершенных в данных условиях общественных отношений;

- совершенная добродетель раскрывает деятельное совершенство, в котором обнаруживаются добродетельные качества личности и общества;

- добродетель совершенной личности способствует приданию «векториальных свойств» общественной жизни по принципу единства совершенного и лучшего.

Возникает насущная необходимость выработки таких организационных форм диалога между представителями военной власти и общественности, которые эффективно совмещают в себе юридическую, практическую и нравственную компоненты. Основой этих новых технологий являются экспертные сообщества, рассматривающие все существующие проблемы с нравственных позиций, а примером их практической реализации могут служить государственно-общественные научно-экспертные советы. Принципиально важные особенности подобного подхода проявляются в следующем.

Во-первых, здесь конкретно и организационно может решаться вопрос об имманентном разрешении противоречия между нравами

---

¹ См.: Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 87.

и юридическими законоустановлениями. Тем самым открывается путь для преодоления формализма, безнравственности буржуазной демократии.

Во-вторых, появляется реальная возможность мобилизовать на службу народовластия очевидную подоплеку гражданского общества – социальную нравственность с ее научно-гуманитарной корректировкой. Это выразится в подготовке стратегических решений, разработке целевых программ, выявлении нравственных оценок деятельности публично значимых лиц.

В-третьих, выражая в научно-рациональной форме созидательные нравственные традиции народов России, подобные органы будут выполнять важные функции в решении узловых задач реализации народовластия. Они станут в нравственной практике не только своеобразным ориентиром, но и источником, базой человеческого ресурса в развитии справедливого общества.

Военный прогресс будет восприниматься как закономерная часть всего общественного прогресса только в космической модели мира. Космическая модель мира предполагает совершенство всеобщей связи явлений и наличие множества оформлений совершенства, заключающих в себе соответствующие единства стройности и нестроения: диалектическое противоречие, системность, организованность, сложность, упорядоченность, гармоничность и т. д. В данной связи основополагающее значение для жизни Вселенной приобретают негэнтропийные процессы – система отрицательных вкладов в энтропию. Социальная реальность предстает как важнейшая сфера мира, в рамках которой с особой значимостью стоит проблема стройности (отрицательной энтропии) и нестроения (положительной энтропии). Сущность данной системы состоит в следующем: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объект управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В этой связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом¹. Можно продолжить эту важную мысль автора: военный прогресс в диалекти-

---

¹ См.: Чуринов Н.М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. № 1. С. 21.

ческом содержании призван быть главным противодействием энтропии.

Для понимания диалектической сущности прогресса важно также обратить внимание на тот факт, что понятие коллективизма исследуется А.А. Богдановым в рамках диалектики части и целого: «Органическое единство в жизни таково, что ее целое всегда отражается в каждой части. Так и любая социальная форма – форма труда или познания – отражает в своей истории и в своем строении путь развития и принцип организации общества»¹. Дело в том, что общественный прогресс не устраняет собственных задач личности, как и, наоборот, внутренняя жизнь личности не исключает путей общественного прогресса. И личное творчество, и общественное созидание находят свой истинный смысл в стремлении к абсолютному идеалу². Естественно, что военный прогресс приобретает в этом плане определенные черты.

Концепцию Н.М. Чуринова необходимо принять, за основу, ведь вне указанных стандартов не существует методологии социального управления. Управление «вообще», пригодного для всех обществ, как полагали советские ученые, просто не существует. Существуют методологии управления обществом, строго определенные в своих теоретических границах и сформировавшиеся на основе двух моделей мира (мир как Космос, мир как Универсум). Эти методологии выражают специфику общественной жизни того общества, в условиях которого они сформировались. Всякую методологию необходимо изучать в ее теоретической определенности (или космической, или же универсалистской), иначе мы не сможем ничего понять в специфике управления обществом того или иного типа³. Для понимания военного прогресса важно подчеркнуть, что разрешительное слово – это слово свободное в пределах, установленных законом, прямо указывающим, что разрешено по нормам права, а что по этим нормам запрещено. Что касается совершенного слова, то оно должно отвечать требованиям гармонии духовной и светской властей. И существует единственное в данном отношении понятие «соборное государство», обозначающее светскую власть, гармонирующую с духовной властью, и в пределах данной гармонии раскрывается совершенное сло-

---

¹ См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 166.

² См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Парог, 1993. С. 105.

³ См.: Черноусова Л.Н. Добродетель совершенная и добродетель свободная // Теория и история. 2006. № 2.. С. 56.

во – созидаящая правда, воспроизводящая русское подвижничество, самоотверженное служение отечеству, созидание¹.

В условиях коллективистского общества единство человеческого мир представлено совокупностью взаимно предполагающих друг друга и находящих завершение друг в друге социальных норм, институтов, раскрываемых мерами совершенства. Индивидуалистическое общество предполагает единство человеческого мир в качестве реализации свободы воли, индивидуальной свободы, приоритет норм прав над всеми другими социальными нормами и социальными институтами, обеспечивающими успехи правотворчества, правопослушания, правоприменения и правоисполнения. При этом личность формируется в условиях соответствующего аспекта единства человеческого мира. И, следовательно, в одном случае личность предстает как более или менее совершенная, а в другом – как более или менее свободная. В обоих случаях личность выступает как способ существования соответствующих определенному аспекту единства человеческого мира наличных общественных отношений, поскольку человек с момента своего рождения застает определенный тип общества, формируется как личность в условиях существующих, сформировавшихся до его рождения общественных отношений. И, следовательно, человек изначально формируется по линии становления в качествах свободной личности или по линии становления в качествах совершенной личности².

Всякое государственное устройство, всякая форма правления предполагают определенное равенство: равенство подданных перед волей монарха, равенство перед законом, равенство перед понтификом, равенство для меньшинства, равенство для большинства и т. д. Равенство раскрывается и понятиями «трансцендентальный господин», «трансцендентальный субъект» и т. д. Данные понятия показывают, как сугубо статистически в демократических процессах оказываются отчасти совпадающими интересы, цели, потребности, желания и проекты индивидуалистов. Что же касается соборной личности, то ей в данном отношении оказывается адекватным диалектическое аристотелевское представление о равенства, согласно которому всякое равенство предполагает собственное неравенство. Это значит, что равенство абсолютно и относительно, объективно

---

¹ См.: Пономарев А.Е. Менталитет и социальная эволюция: национальная идеология в системе личность-общество // Теория и история. 2006. № 2. С. 50.

² См.: Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь, 2004. С. 29.

и субъективно, имеет теоретический и эмпирический уровни, полевой, континуальный, тектологически теоретический и тектологически практический характер (дело в том, что мы имеем в виду две разновидности практики: тектологически существенную и технологически существенную) и т. д. С точки зрения соборного субъекта, теория справедливости мыслится как теория такой справедливости, которая раскрывает справедливое: во-первых, как относящееся, к определенному тождеству общественных отношений; во-вторых, которое всегда выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию, повышающий стройность общественной жизни; в-третьих, как реализацию деятельного совершенства соборного субъекта; в-четвертых, как корректирующее направленность разрешения социальных противоречий, а также обеспечивающее возникновение и развертывание актуальных для жизни общества социальных противоречий¹.

Нравственность как система морально осознанных практических отношений между людьми и наследуемых ими соответствующих норм поведения является мощной социальной силой со времен вступления человечества в цивилизованное состояние. Она сопоставима с духовно-производительными силами (интеллект, наука), с «потребительными силами» (Энгельс), политическими и другими культурно-социальными силами. Все вместе они образуют систему социальной энергетики².

В своей книге «Исторический процесс и управление обществом» В.С. Диев отмечает: «Развитие общества есть естественно-исторический процесс. При этом в индивидуалистическом обществе это процесс удовлетворения потребностей индивидов, их деятельность в совокупности является определенным способом блокирования отклонений от нормы, специфической формой реализации его естественноисторического процесса. Вместе с тем коллективистское общество сущностью своей деятельности нацелено на то, чтобы превалировали жизнеутверждающие общественные отношения, позволяющие блокировать отклонения от нормы естественноисторического процесса. И таким образом выясняется, что коллективистское общество предполагает принципиально иную форму реализации

---

¹ См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 462–464.

² См.: Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. №1. С. 32.

естественноисторического процесса»¹. В данной связи В.А. Капранов подчеркивал, что России предназначено быть духовным лидером в мире, ибо кроме России некому возглавить духовное обновление человечества².

Однако исследование военного прогресса будет не полным, если не учитывать тот факт, что социальности индивидуалистического и коллективистского типов адекватны различным типам социального прогресса. Для жизни общества индивидуалистического типа характерен утилитаристский тип социального прогресса (проявление принципов отрицания всеобщей связи социальных явлений, индивидуализма и свободы). Социальный прогресс утилитаристского типа направлен на увеличение степеней свободы и преобладающее развитие сферы потребления (экономической сферы жизни общества). С этим связана практика удовлетворения, расширения, изобретения потребностей (постиндустриальная стадия развития предполагает состояние общества, когда недостаток материальных благ уже устранен и можно целиком сосредоточиться на их потреблении). К примеру, в индивидуалистических обществах армии, как правило, наемные, что предполагает не сознательный подход к защите отечества, а стремление побольше заработать на страданиях других народов. Понятно, что в этом случае теряют смысл такие характерные для коллективистского типа общества категории, как «патриотизм», «самоотдача» и т. п. Кроме того, экономическая сфера – базовая сторона жизни общества индивидуалистического типа и, соответственно, уровень военного прогресса оценивается в первую очередь в экономических категориях. В соответствии с тем, что происходит в данной сфере, распределяются богатство, власть, престиж, устанавливаются приоритеты и цели во всех других сферах или областях общественной жизни (богатство, власть, престиж принадлежат в разное время тем или иным социальным группам; все сферы жизни общества работают на экономику). Все общество предстает здесь как единая индустриально-экономическая машина. В то же время важнейшими характеристиками диалектического типа общественного сознания являются единомыслие, естественный иерархизм и духовная императивность.

---

¹ См.: Поздняков А.В. Устойчивое развитие, сингулярные тенденции и роль науки в развитии цивилизации. Томск, Институт оптического мониторинга СО РАН, 2002.

² См.: Кудашов В.И. Русский мир и национальная идея // Теория и история. 2003. №2. С. 49–50.

Несмотря на специфику воинской службы, такая важная категория, как единомыслие, раскрываются в качестве диалектики единого и многого, когда единое предполагает многое, а многое – единое. Естественно, что в данном случае не ставится под сомнение такой важный принцип армии, как соподинанность, однако единомыслие в данном случае проявляется в четком понимании единой цели по защите отечества. Единомыслие в таком значении представляет собой не единообразие, предполагающее подчинение всех людей одной воле. Диалектический смысл данных понятий заключается в приведении к единству многих волей посредством согласования их между собой, т. е. в стремлении найти в процессе всенародного обсуждения общее решение, приемлемое для всего общества. Русская политическая система исторически сложилась как система народоправства (вечевого правления, советов лучших людей), основанная на единстве многомыслия и единомыслия. Суть данной формы правления состояла не в конкуренции групповых интересов, а в стремлении к согласованию, т. е. гармонизации интересов всего общества.

Естественный иерархизм (проявление принципа совершенствования общественных отношений) – следование во всех сферах жизни естественному космическому порядку вещей. Согласно православному мировоззрению мир был создан совершенным, потом в это совершенство была привнесена стихия хаоса. Совершенство мира и общества только относительно, оно сочетается с его несовершенством, явлениями беспорядка, хаотического движения различных сил и течений. И всякая противоположность естественному совершенному порядку вещей – это проявление хаоса как антисовершенства. Естественный космический порядок вещей проявляется во всем мире: в обществе – это первенство старших и лучших, в семье – главенство мужа, в человеке – первенство духовного начала, в природе – существование естественных законов, с которыми общество должно согласовывать свою деятельность.

Наличные объективные условия становления общества (природные предпосылки) формируют коллективистские способы воспроизводства общественной жизни. Коллективистское общество как саморазвивающаяся и самовоспроизводящаяся система из поколения в поколение воспроизводит коллективистские формы общественных отношений, основанные на объективных условиях жизни (совокупности географических, геоклиматических и геополитических фак-

торов, предполагающих воспроизводство коллективистских форм общественных отношений). Эти традиции в той или иной степени проявляются, естественно, и в военном прогрессе.

В обществе коллективистского типа так же, как и в обществе индивидуалистического типа, исторически сложились специфические социальные нормы и необходимые для их реализации социальные институты. Для жизни общества коллективистского типа актуальна идея гармоничного единения в процессе управления обществом всех социальных институтов (не только института государства, но и религиозных, семейных, культурных, образовательных, экономических, политических, военных, медицинских и др.), реализующих необходимое сочетание нужных для жизни общества социальных норм. Вполне понятно, что реализация социальных норм, как и оптимальное существование конкретного социума, возможны только при условии определенного уровня военного прогресса, что может быть и не очень заметно в мирное время.

Военный прогресс в обществе коллективистского типа предполагает не только регулярное техническое совершенствование, но и постоянное воспитание боевого духа, что ставит на повестку дня вопрос о соотношении военного, светского и духовного параметров развития. В коллективистском обществе здесь существует гармония, поскольку противоречия носят не антагонистический характер и снимаются в процессе развития.

Возможность построения совершенного общественно-государственного устройства определяется во многом личной нравственностью представителей светской власти. Светская же власть в своей отделенности от власти духовной (от ее духовно-нравственного влияния) склонна к моральному вырождению. Поэтому методологической основой концепции русского социализма является принцип гармонии духовной и светской властей. Только в условиях нравственного влияния духовной власти на управленческую деятельность представителей власти светской возможна реализация оптимальных условий для совершенствования личности и общества. Светская власть становится властью лучших только в рамках ее гармонии с духовными институтами. Но и Церковь как основное оформление духовной институциональности нуждается в гармоничном взаимодействии с государством в целях наилучшей реализации своей духовной миссии. Русская история доказала, что военный прогресс этому не помеха.

Гармония светской и духовной властей в современной России не противоречит военному прогрессу: свидетельство чему – множество храмов, построенных в военных гарнизонах. Эта традиция имеет многовековые истоки, доказывая, что в коллективистском обществе ведущей идеей является не мнимая «свобода» космополита, а гармоническая взаимосвязь целей и интересов всего общества, проявляющаяся в единении светской, военной и духовной властей.

Еще одна важная функция, которая реализуется на разных этапах военного прогресса – это борьба с энтропией. Для жизни общества коллективистского типа характерен антиэнтропийный тип социального прогресса, направленный на устранение социальной энтропии в обществе (т. е. на совершенствование общественных отношений), выражающийся в негативных процессах, которые происходят во всех сферах жизни общества. Люди, занимаясь различной деятельностью, осуществляют свой посильный отрицательный вклад в социальную энтропию (т. е. положительный вклад в процесс социального совершенствования). Как свидетельствует история России, антиэнтропийный характер социального прогресса также предполагает гармоничное развитие всех сфер жизни общества, а не одной сферы, например потребления.

При исследовании диалектической сущности военного прогресса стоит обратить внимание и на тот факт, что для общества коллективистского типа характерно диалектическое соотношение культуры и цивилизации. Культура зависит от содержания цивилизации, которая определяет жизнеутверждающие установки, направляет развитие культуры по пути совершенствования (цивилизация культурна), в свою очередь, совершенствование цивилизация определяется развитостью культуры (культура цивилизована). В данной связи культура и цивилизация предстают как диалектическое единство.

Проблема военного прогресса рассматривается с двух диалектически связанных сторон. Во-первых, она обосновывается объективными законами общественного развития, строго придерживаясь которых только и можно определить направленность общественного процесса в целом, а также выяснить тенденции его отдельных течений. Во-вторых, она исследуется с субъективной стороны, т. е. с точки зрения борьбы общества и индивидов за свои интересы.

Тем не менее проблема военного прогресса периодически обостряется, когда в очередной раз актуализируется вопрос о векторе развития человечества. Часть ученых уверены: история челове-

ства слишком явно свидетельствует, что мы вовсе не движемся от хорошего к лучшему. Не менее основателен и прямо противоположный взгляд. В любом случае периоды упадка и регресса в человеческой истории ничуть не менее обширны, чем периоды взлёта и прогресса. Да и само понятие прогресса появилось по историческим меркам совсем недавно, лишь в середине XVIII века. Поэтому важно подчеркнуть, что... поскольку процесс войны – это явление, которое сопровождает всю историю каждой из цивилизаций и каждой из культур, то мы имеем возможность, редкую возможность, изучать любую культуру, любую цивилизацию, любой их опыт, только изучая их войны¹. Действительно, существует тесная связь между военным прогрессом и историей. Кто владеет прошлым, тот управляет настоящим и будущим. Каждая новая власть переписывает историю под себя. Таким образом в истории воплощаются внутренние, духовные, нравственные, интеллектуальные процессы и ценности.

Любое общество и государство не могут обеспечить свою долговременную стабильность и безопасность без перехода на путь устойчивого развития. Однако к стабильности и безопасности также необходимо стремиться и в рамках модели неустойчивого развития для того, чтобы начать переходить к обществу и государству с устойчивым развитием. Стабильность общества, государства, экономики и т. д. в полном смысле этого слова, как и их безопасность, могут быть гарантированы только реализацией модели и стратегии устойчивого развития, на что уже было обращено внимание в ряде публикаций². Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом. Однако степень и принципы ее обеспечения зависят от типа развития материальной системы.

Опасность для коллективистского типа социальности исходит, прежде всего, от постепенной утраты заботы о совершенствовании общественных отношений, поскольку провоцирует не только социально-экономический хаос, но и глубокий духовный кризис. Об этом предупреждали великие античные мыслители (Сократ, Платон, Аристотель), критикуя афинскую демократию. Также это иллюстрируется яркими признаками хаотизации «демократического» евро-

---

¹ См.: Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. №5. С. 25.

² См.: Сэндел М.Дж. Либерализм и пределы справедливости: пер. с англ. // Современный либерализм. М., 1998. С. 208–209.

пейского мира, особо проявляющимися в последние годы. Автор доказывает, что разрушение коллективистского образа жизни, который формировался веками, влечёт за собой деградацию общества, утрату созидательных качеств, дезориентацию общественной жизни и т. д.

Для адекватного понимания сущности военного прогресса важно показать разницу восприятия социального прогресса вообще и военного, в частности, в отечественной и западной философской традициях. У Гегеля в «Науке логики» мы имеем дело с самодвижением понятия, а у Флоренского – с диалогической устремленностью личностей от разных точек зрения, даже от противоположных убеждений, к объединяющей их, проясняющей и разрешающей расхождения между ними, общей истине, достичь которой они стремились с самого начала в полемике друг с другом. У Гегеля синтез происходит в понятии, в идее. По представлению же Флоренского синтезирование осуществляется носителями идей, точек зрения, подходов, принципов. Движители синтезирования – это не безликие понятийные формообразования, а субъекты, живые личности, участники диспута. И вместе с ними живо воспринимающие ее слушатели, заинтересованные больше в торжестве истины, чем в победе кого-либо из спорящих.

Одним из основных догматов европейской цивилизации является положение о том, что искусственное, сотворенное наукой, лучше естественного, данного природой. Именно на этой основе сформулировано положение о человеке как о завоевателе природного мира. Отсюда страх перед разнообразием окружающего мира и стремление к замене эволюционно возникших способов самоорганизации природного и социального миров бюрократической организацией¹. В то же время военный прогресс в коллективистском обществе является следствием гармонии природного и социального миров в своем космическом совершенстве. Таким образом, принципиальная характеристика его состоит в гармонии общественного, естественного и космического.

Понятно, что объективные условия деятельности людей постоянно расширяются, претерпевают качественные изменения, обогащаются за счет ассимиляции результатов человеческой деятельности, все вновь и вновь изменяемых, совершенствуемых и заново создаваемых предметов второй «природы», очеловечивания приро-

---

¹ См.: Зенько А.А. Цивилизация духа // Теория и история. 2007. № 2. С. 66.

ды естественной. Развивается производство, создаются новые производственные мощности, социально-бытовые и культурные объекты. Являясь результатом субъективной, деятельности человека, они становятся объектами для новых поколений людей, включаясь в систему детерминации их дел и поступков, их целей и намерений, их деятельности во всем ее многообразии. Исходя из этого, источник общественного прогресса – собственные потребности и интересы людей. Общественный прогресс – не только объективная, но и относительная форма развития. Противоположностью общественного прогресса является общественный регресс. Там, где не появляется возможности для развития новых потребностей и их удовлетворения, линия социального прогресса прекращается. В прошлом нередко наблюдались случаи социального регресса, гибели сложившихся ранее цивилизаций. Следовательно, социальный прогресс в мировой истории совершается зигзагообразно. Таким образом, реальная канва истории предстает как переплетение и взаимодействие двух факторов – субъективного и объективного. Данная характеристика полностью применима и к военному прогрессу, однако здесь она имеет особенности.

Во-первых, война является крайней формой человеческого регресса, однако когда все экономические показатели, как правило, воюющего государства стремятся к нулю, как правило, происходит резкий рывок в военном прогрессе.

Во-вторых, военный переворот и правление военной хунты может стимулировать экономику страны, т. е. уровни демократии и экономики не всегда имеют прямо пропорциональную зависимость.

В-третьих, авторитарные методы правления, характерные для любой армии, могут диалектически сочетаться с рыночными, если в основе подобной деятельности – защита Отечества. Этот парадокс отмечается многими учеными. В частности, В.А. Шупер доказывает: «Посмотрев на мир непредвзято, мы с удивлением заметим, что даже наиболее цивилизованные и демократические народы в сколько-нибудь острой политической ситуации всегда выдвигали достаточно авторитарного лидера... Взгляд на демократию как на устойчивое состояние общества, увы, находит все меньше и меньше подтверждений»¹.

---

¹ Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12.. С. 5.

Важное значение для понимания общественного прогресса имеет национальный фактор, что, естественно, отражается на военном прогрессе. Исходя из идеи национального развития, на личностном уровне можно придерживаться любой социологической шкалы ценностей, не противоречащей интересам человека и государства, их оценке. В каждой стране общественный прогресс повторял свой путь в борьбе с регрессивными явлениями. Важно не допустить их преобразования на тенденции национального развития. Общественный прогресс будет бесповоротным, когда национальная идея станет фактом бытия и сознания подавляющего большинства населения государства и когда усилия государственных учреждений будут направляться на развитие творческого потенциала и способностей каждого гражданина. Это означает, что военный прогресс предполагает понимание страны как единого «многонационального дома».

Военный прогресс в своем диалектическом содержании традиционно опирается на исторический базис. Современный человек не в состоянии помыслить себя вне истории: наша действительность является не только исторической, мы живем в истории. Сегодня в ситуации социального кризиса особый интерес представляет изучение исторических корней современности. Постигание истории есть процесс выработки знания о развитии общества, социально-исторических процессах, возникновении и смене цивилизаций и культур. Динамика человеческого общества неоднозначна. История представляется как сфера относительного, временного, конечного, возникающего и исчезающего. Однако исследование объективных закономерностей естественноисторического процесса обосновывает правомерность концептуализации исторического измерения общественной жизни.

Всякое общество имеет свои культурные и цивилизационные традиции, сформировавшиеся в условиях социальности индивидуалистического или коллективистского типов. Игнорирование данных традиций в процессе управления губительно для общества. При этом необходимо отметить, что всякая норма социальности предполагает определенные отклонения от нормы. Отклонения от нормы бывают такие, когда общество способно своими силами возвратиться к своей социальности и когда оно не способно возвратиться к ней и угасает. При этом общество одного типа не может по чьей-либо инициативе превратиться в общество другого типа.

Противопоставление типов общества контрпродуктивно, поскольку влечет за собой пренебрежение спецификой другого, идеализацию одной стороны и осуждение другой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уже к середине XVIII века сложились два подхода к пониманию сущности, целей гражданского воспитания: утилитарно-охранительный, утверждавший идею безусловного подчинения гражданина правящему режиму, и общественно-патриотический, развивавший идеи государственности, патриотизма, возводящий служение отечеству в ранг общественного и нравственного долга¹.

Военный прогресс предстаёт как детерминант, направляющий жизнь общества созидания на путь самосовершенствования, гармонизации отношений между людьми и отношений между природой и обществом. Военный прогресс выступает как детерминант, обеспечивающий жизнеспособность общества потребления. Можно констатировать, что специфика диалектики военного прогресса состоит в том, что из всего живого историей обладает только человек, потому что история не просто изменение во времени при активном и даже возрастающем участии сознания. Именно присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта общественных структур – квазиобъекта, подчиняющегося непреложным закономерностям, а в качестве субъекта, действующего под знаком негарантированного и непредопределенного выбора, делает исторический процесс сложным и нелинейным².

По нашему мнению, в соответствии с самой структурой общественной жизни следует подразделить движущие силы общества на две группы: определяющие прогрессивные изменения, материально-производственной сферы и, человеческого компонента природной подструктуры жизни общества. Исходя из этого, видимо, и следует определять движущие силы общественной жизни. Такой подход, как нам представляется, позволяет не только глубже понять комплекс изменений общественной жизни в единстве ее естественных основ и материально-производственных факторов, но и избежать целого ряда трудностей и противоречий... Он дает возможность вскрыть в движущих силах общества то, что выделяет их из остальной природы, и то, что связывает их с ней.

---

¹ См.: Казаева Е.А. Проблемы развития гражданского воспитания в истории педагогической мысли России // Ученые записки. 2005. №3.

² См.: Панарин, А. С. Введение в политологию / А.С. Панарин. М., 1994. С. 9.

Раскрыть движущие силы развития общества – это значит показать факторы, вызывающие развитие материально-производственной подструктуры общественной жизни, выявить механизм и источники развития человеческого компонента природной подструктуры общественной жизни, который в конечном счете служит исходной основой изменения самых материально-производственных факторов, и, наконец, на основе единства обоих компонентов определить движущие силы способа производства общества в целом.

При исследовании военного прогресса имеет смысл специально выделять категорию напряжения как наиболее важную для понимания внутренних изменений. В общем плане напряжение есть некоторая тенденция или прессинг, обуславливающий возникновение дисбаланса в отношениях между структурными элементами социальной системы. В случае большого напряжения контрольные механизмы социальной системы могут не справиться с задачей поддержания сложившегося баланса отношений, что приведет к разрушению структуры. Данная позиция является характерной для значительной части ученых, ставящих под сомнение незыблемость «западных либеральных ценностей», а значит, допускающих возможность серьезных, геополитического уровня, конфликтов в будущем¹.

Диалектическое содержание военного прогресса связано с еще одним важным аспектом. Политические причины чаще актуализируются в традиционных или иерархических обществах, чему свидетельствуют обширные исторические данные. Этнокультурные, конфессиональные, цивилизационные различия могут также обострять взаимоотношения народов и вести их к конфликтам. Совершенно очевидно, что не сами по себе различия, а такие проявления неприязни этих различий, как расизм и этноконфессиональная нетерпимость на микроуровне, а на макроуровне – как естественные, так и искусственные препятствия для развития культуры, образования на национальном языке.

Психологические причины возникновения конфликтов в настоящее время стали общепризнанным явлением, однако объяснение их представляет большой спектр концепций и теорий. Психологические причины не поддаются наблюдению. Вероятно, поэтому многие исследователи стоят на позициях спиритуализма, если они приписыва-

---

¹ См.: Горозия В.Е. Отчужденный мир и проблема социализации человека (философский, социоло-психологический анализ) // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. статей. Вып. I / С.-Пб.: Изд-во «Петрополис», 2001. С. 68–86.

ют народам особый психологический дух, идущий из «племенного» склада.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в диалектической традиции военный прогресс выступает как образ действительности, характеристика действия объективных законов, которая показывает, как общество должно регулировать и совершенствовать отношения между людьми. История, но только понятная диалектически, вооружает теоретика объективным ориентиром, с помощью которого можно дать верное логическое изображение предмета, добиться того, чтобы это логическое стало действительным, а не мнимым изображением объекта в его развитии, а не в статике. История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средство для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность, преследующего свои цели человека»¹.

Объективной стороной прогрессивной деятельности людей является производственная практика.

Существующие для данного поколения объективные условия – это результат практики предшествующих поколений. Изменение же этих условий – это опять-таки деятельность развивающегося человечества.

Объективный исторический процесс создает весьма широкие границы, в пределах которых сознательная деятельность людей получает относительную самостоятельность и, следовательно, влияет на этот процесс. Соответственно возникающим противоречиям между ставшим необходимым и утратившим свою необходимость создается размежевка субъективных сил.

Социальные чувства, интересы, идеология, деятельность людей разных групп ввиду различного объективного положения в обществе противоположны по своему содержанию. Благоприятные условия для развития и практического осуществления интересов получают экономически господствующие классы в ущерб классам не господствующим. Таковы объективные и субъективные предпосылки, из которых следуют типичные черты прогресса в социальных системах, где господствует частная собственность на средства производства. Развитие совершается стихийно и неравномерно.

Будучи самосознанием конкретной исторической эпохи, отражающим основные тенденции социального и культурного развития,

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

определяющим важнейшие ее ценности и императивы, философия выступает не только как теория, объясняющая мир, но и как способ ориентации и жизнедеятельности в мире, как руководство к активному его преобразованию в соответствии с прогрессивными идеалами времени. Именно поэтому исследование в социально-философском ракурсе военного прогресса дает возможность проанализировать и увидеть максимально полную картину жизни общества.

Таким образом, если диалектически подходить к военному прогрессу, то необходимо учитывать его целостность, рассматривать его системно. Тогда указанные понятия выступят категориями, которые с разных уровней опишут единый объект – социосистему. Посредством этих понятий исследователи стремятся раскрыть содержание, форму и динамику развития общественных структур на различных уровнях. При этом по большей части используется либо культурологический, либо цивилизационный подходы, а в последнее время можно говорить о глобализационном подходе. Однако эти подходы по существу оказываются самодостаточными, слабо взаимосвязанными, хотя, как правило, ни у кого не возникает сомнения в том, что глобализация осуществляется в культурном и цивилизационном контексте и оказывает на эти явления общественной жизни самое непосредственное влияние. Можно представить все мировое сообщество и составляющие его социокультурные элементы в виде одного большого фрактала. Рассмотрение глобального человечества в качестве фрактала открывает принципиально новые возможности для понимания целостности фрагментарно устроенного мира и в то же время самобытности, а в известном смысле и самодостаточности отдельных фрагментов, составных частей этой целостности, когда в многообразии легко просматривается единоборство и, наоборот, в единстве – многообразие.

1.2. Диалектика рационального и внерационального военного прогресса

Философский анализ проблем военного прогресса включает различные его аспекты: социологический, политический, исторический, военный, технический и др. Это связано с особым статусом военного прогресса, который выступает как синтез рационального и внерационального.

О понятии «рациональность» написано много, но ни в одной работе не поднимается вопрос о том, что собственно понимают под этим словом в плане военного прогресса, когда говорят, что их наука анализирует развитие как таковое. И, к сожалению, никто не предпринял попытки выявить соотношение между понятиями человечества, общества, страны, государства, народа, этноса, нации, цивилизации, культуры, расы именно в разрезе военного прогресса.

Рациональные аспекты военного прогресса, по нашему мнению, включает в себя несколько принципиальных направлений.

Во-первых, наблюдается постоянное совершенствование военной техники, благодаря чему решается несколько важных задач:

- стимулируются многие мирные отрасли экономики;
- сокращается безработица;
- появляется возможность общественности конкретной страны наглядно убедиться в своей защищенности.

Во-вторых, происходит постоянная демонстрация внешних проявлений военного прогресса в виде провоцирования региональных конфликтов, маневров, т. е. постоянное бряцание оружием является важным доказательством мощи конкретного государства.

В-третьих, влияние армии на различные социальные институты, что может проявляться во введение военного образования в разных образовательных системах, использовании военных кадров для помощи населению в экстремальных ситуациях и т. п.

Однако во все времена принципиальную роль играли также внерациональные проявления военного прогресса. В первую очередь сюда можно отнести все действия, способствующие победе, которые прямо не связаны с материальными сторонами военного прогресса, т. е. то, что можно проиллюстрировать при помощи таких категорий, как «боевой дух», «самоотверженность» и т. п. Известно, что даже великие полководцы во все времена пользовались услугами разного рода предсказателей, без совета с которыми не начинали военные действия, битвы и т. д. Не менее распространенной является практика, когда предпринимаются попытки оправдать поражения при помощи трансцендентальных факторов. В условиях господства мифологической картины мира, например в Древней Греции, это выглядело вполне гармонично, поскольку вполне рациональные факторы победы или поражения соседствовали с внерациональными. Свидетель битвы оправдывал поражение своей армии комплексом причин, которые высту-

пали как равновеликие: плохое вооружение, ранение полководца и... происки богов.

Поиски общего критерия общественного прогресса в философии привели мыслителей к выводу о том, что такой измеритель должен снимать различие между разными формами (экономическими, политическими, духовными) общественной жизнедеятельности людей. В качестве общего критерия общественного прогресса выдвигались: реализация свободы, развитие производительных сил, нравственности и др. Все это несомненно важные показатели общественного прогресса, хотя они скорее всего ориентированы только на однонаправленное развитие общества. Однако нельзя забывать, что развитие общественной истории также вариативно, а поэтому наряду с едиными и универсальными критериями развития (как, например, совершенствование человека) должны существовать и частные (специфические), раскрывающие особенности прогрессивного развития для отдельных стран и народов.

Для анализа диалектики рациональных и иррациональных проявлений военного прогресса берется система исторических представлений Гегеля, так как она является характерной, наиболее полно выражающей тип классической философии. Гегелевская систематика вбирает себя главные достижения современной ему и предшествующей философской традиции. Эта позиция свойственна многим современным исследователям, в том числе и Западу. Гегелю удалось подметить, что в развивающейся системе упорядоченное развитие обязательно сменяется нестабильной фазой, а потом из нее снова возникает порядок, что выражено в знаменитой формуле Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Эта и другие сходные идеи на природу стабильности и нестабильности привели в XX веке к созданию теории динамического хаоса и пониманию того, что он разрушителен для сложных систем, но и созидателен при переходе в новые состояния. Современная общенаучная парадигма связывает системную сложность как фактор неопределенности с динамикой, развитием, неустойчивостью, нестабильностью. В теории динамических систем различают бифуркации (качественные, обратимые изменения) и катастрофы (резкие необратимые изменения внешних условий), но различают и точки роста, аттракторы, которые не позволяют необратимости одержать окончательный верх в динамике социокультурных процессов».

Анализируя диалектику Гегеля, В. Ф. Асмус отмечает, что важнейшее положение его философии истории – это имманентность разума историческому процессу. Продолжая эту мысль, В. Ф. Асмус, в частности, отмечает, что в философии истории эта истина рассматривается в другой форме, соответствующей особенности всемирно-исторического процесса. Особенность эта в том, что объективная абсолютная цель исторического процесса в самом ходе его развития не может адекватно осознаваться самими участниками: чистая последняя цель истории еще не является содержанием потребности и интереса. По отношению к этой цели интерес отдельных участников всемирно-исторического процесса является еще бессознательным. Тем не менее всеобщее все же содержится в частных целях отдельных лиц и даже осуществляется благодаря им.

Серьезной попыткой логически определить объективные законы развития истории явилась гегелевская диалектика исторической истины как тождества субъекта и объекта. В гносеологии Гегеля посредствующим звеном между объектом и субъектом познания выступает практика, т. е. деятельность духа, проявляющаяся через своих носителей, через людей (в том числе и великих). В практике объект познания преобразовывается вовлекается в понятийную сферу. Тем не менее мы вправе констатировать, что Гегель остается идеалистом, и поэтому он отказывается видеть в философии особого рода отражение исторически определенной социальной действительности. Но как историк философии, придающий первостепенное значение фактам, он постоянно стремится вскрыть единство философских учений с историческими условиями, хотя с точки зрения абсолютного идеализма философия есть субстанциальное содержание исторической эпохи. Это противоречивое сочетание историзма и идеализма, или идеалистическая интерпретация исторического процесса, сведение его к имманентно развивающемуся логически онтологическому понятию было неизбежным в системе гегелевского панлогизма. Однако необходимо все-таки отметить, что диалектика Гегеля постоянно вынуждала его сочетаться с историческими фактами. Вместе с тем различие между Аристотелем и Гегелем в том, что для первого важнее «энергия» события, второй видит в истории проявление абсолютного духа, идеи, собирающей в тотальности действительное многообразие мира. Указывая на главенство стихии действия, захватывающего в свое стремление не властных над ним героев, Аристотель выражает характерное для греческого духа чувство отношения

ко времени как к неведомой и необоримой сути бытия всего сущего, включая богов и людей.

В свою очередь, согласно Гегелю, дух народа дает субстанциональную основу индивиду. Народный дух первичен по отношению к индивиду. Даже всемирно-исторических индивидов нельзя понять вне народного духа и времени. Он подчеркивает, что народ, активно аккумулирующий чужие идеи, получает как бы двойное воспитание. Гегель стоит на точке зрения признания тождества бытия и мышления, но поскольку и первое, и второе он принимает в их объективной форме, признает реальность и мыслящего разума, и разума (логоса) исторического процесса как объективную, а не только субъективную, как у Фихте, реальность, — то он и полагал, что его модель философии истории не является априористической, как у Фихте.

В 1978 году Джеффри Барраклу заметил, что марксизм является единственной последовательной теорией эволюции человека в обществе и в этом смысле единственной философией истории, которая в настоящее время оказывает убедительное влияние на умы историков¹.

Идея К. Маркса о примате способа производства по отношению к другим сторонам жизни общества в основном приложима к развитию европейского капитализма середины и конца XIX века. В других случаях она не носит столь императивного характера, хотя никто не отрицает значения материального фактора в жизни общества. Смена способов производства, определяющая в основном ход истории, породила многолетнюю теоретическую дискуссию сторонников формационного и цивилизационного подходов. Понятие цивилизации плодотворно для объяснения хода истории прежде всего тем, что позволяет синтезировать объективный подход (и основанное на нем формационное деление с соответствующим способом производства) и субъективный фактор, связанный с деятельностью человека. Это «человеческое измерение» истории отражается в сознании миллионов людей. В понятии «человек цивилизованный» пересекаются два типа исторического времени — линейное и циклическое. Если при формационном подходе на первый план выходят качества человека, связанные с господствующим способом производства и вытекающими из него отношениями, то во втором случае каждый

---

¹ Barraclough G. Main Trends in History. N.Y., 1979. P. 164.

человек предстает как плод одной из ветвей древа культуры своего народа и дома его цивилизации.

Одной из особенностей общественного развития является то, что в XIX–XX веках возрастает социальная активность человека в смысле идентификации его с определенной общностью. Это относится к национальному и классовому самоопределению, где наряду с объективными основами детерминации имеет немалое значение субъективный фактор. Обеспечивая человеку мощную социальную поддержку и защиту, общность может в то же время жестко регламентировать жизнедеятельность человека, подавляя его свободу и индивидуальные особенности. В XX веке на историческую арену выходят массы людей, десятки и сотни миллионов, вдохновляемые теми или иными идеями преобразования мира. Возникает феномен массового сознания и восстания масс¹.

В марксистской концепции общества возрастание роли субъективного фактора в истории, под которым понималась деятельность прежде всего пролетариата, вдохновляемого коммунистическими партиями, считалось основным фактором общественного прогресса. Прогресс реализовывался в ходе революционных преобразований общества и своеобразного «подталкивания» объективного хода истории. При гипертрофии этих факторов возникла опасность субъективизма и волюнтаризма.

Этапы военного прогресса довольно логично связаны с формациями. Формационно-стадиальный (униформистский) подход к объяснению исторического развития основательно был разработан К. Марксом в его теории общественно-экономических формаций. Как уже отмечалось, общественно-экономическая формация, по К. Марксу, – это целостный социальный организм, общество в единстве всех его сторон и отношений на конкретно-исторической ступени своего развития. В этом смысле общественно-экономическая формация К. Марксом всегда рассматривалась как определенный тип общества во всемирной истории человечества. К. Маркс вычленяет несколько таких типов обществ. Иногда он использует для характеристики различных типов обществ понятия азиатской (первобытнообщинной), античной (рабовладельческой), феодальной, буржуазной, или капиталистической, и коммунистической формации. Основным признаком, отличающим одну формацию от другой, является, по К. Марксу,

---

¹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997.

господствующая в этом обществе форма собственности на средства производства. Вместе с тем формационный поход отражает преимущественно внешнюю сторону военного прогресса.

К. Маркс представляет развитие общества как естественноисторический процесс смены общественно-экономических формаций. Согласно К. Марксу всемирная история – это объективно и неуклонно, с естественной необходимостью осуществляемое прогрессивное движение человечества от менее совершенных (низших) форм к более совершенным (высшим) формам общежития людей. Коммунизм как общественно-экономическая формация как раз и является высшим этапом развития общества, с которого начнется подлинная история человечества.

Поступательное саморазвивающееся движение общества, по Марксу, есть результат единого мирового развития (совершенствования) производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Каждое новое поколение людей, – писал К.Маркс, – находит готовыми сложившиеся производительные силы, которые оно наследует и развивает дальше. В результате такой преемственности и дальнейшего совершенствования производительных сил общественно и складывается связь различных поколений людей, имеет место смена формаций, а следовательно, осуществляется всемирная история человечества. Это ускорение эволюционных процессов, связанное с появлением общественной формы организации материи, на протяжении всей истории основывалось на новых методах использования внешней энергии и материи и включении в производственную сферу новых форм и источников энергии. Создание и использование искусственной энергии определило рост могущества цивилизации и потенциальные опасности, которые возникли в последние годы, когда человечество стало превращаться в «геологообразующую» силу и «главного загрязнителя», нарушившего характер естественно сложившихся биогеохимических циклов¹.

Концепция естественноисторического процесса смены общественно-экономических формаций фиксировала общие черты, присущие развитию человеческого общества, показывала единые и повторяющиеся изменения конкретных социальных организмов (стран, народов). Такого рода униформистская конструкция (линия)

---

¹ См.: Моисеев Н.Н. Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) // Философия и социология науки и техники: ежегодник. 1988–1989. М.: Наука, 1989. С. 105

общественного развития, согласно которой все народы «обязаны» проходить весь этот путь в своем движении к подлинной истории человечества – коммунизму вызывает критику ряда ученых. Они считают, что формационная теория построена с учетом достижения такого будущего состояния общества, которое по существу является утопией, что эта теория не учитывает многоликость и многовариантность общественного развития различных стран и народов, что она чрезмерно жестко привязывает изменения истории к смене форм собственности, якобы, игнорируя роль факторов культуры в этом изменении.

На рубеже XX–XXI века военный прогресс все более и более смещается в сторону национальных интересов, взаимодействия и соперничества религий и цивилизаций, что находит отражение в соответствующих типах идеологий, взаимодействующих и соперничающих в мире. Новым моментом в действии субъективного фактора можно считать осознание тяжести глобальных проблем человечества и необходимости их решения в планетарном масштабе.

Говоря о военном прогрессе, под которым понимается деятельность отдельных людей, их групп, классов, партий и т. п. в истории, нужно указывать на самую существенную особенность социального действия. Она состоит в адаптивно-адаптирующем характере деятельности человека, с помощью которой он активно изменяет среду в соответствии со своими целями и потребностями, образуя «вторую природу», мир культуры или «неорганическое тело человека». Эта искусственная среда обитания характеризует любую из историко-культурных форм, а ее создание является итогом творческого развития орудийного характера деятельности. В свою очередь, орудийная деятельность стимулирует становление и развитие сознания, придает ему целенаправленный характер в отличие от генетически определенной животной целесообразности. На этой основе формируется субъективность человека: она возможна только в процессе совместной, коллективной деятельности, когда появляются солидарность и альтруистическое поведение, которое у животных имеется только в виде предпосылки.

Развитие общества есть естественноисторический процесс, поэтому в индивидуалистическом обществе это процесс удовлетворения потребностей индивидов, их деятельность в совокупности является определенным способом блокирования отклонений от нормы, специфической формой его реализации. Вместе с тем коллективисти-

ческое общество сущностью своей деятельности нацелено на то, чтобы преваляли жизнеутверждающие общественные отношения, позволяющие блокировать отклонения от нормы. И таким образом, как отмечает В.Д. Калашников, коллективистское общество предполагает принципиально иную форму реализации естественноисторического процесса¹. Все это в полной мере отражается и на военном прогрессе, который может проявляться в своих рациональных и вне-рациональных формах.

Для исследования внерациональных проявлений военного прогресса важно учитывать, что в России всегда были сильны традиции гармоничного сосуществования рационального и внерационального, что в полной мере проявляется и в исследовании военного прогресса. Базисом здесь выступала диалектика, благодаря которой военный прогресс рассматривался в гармонии с другими проявлениями светской и духовной жизни общества. В частности, идеология государственного мышления как образ действительности – это характеристика целостности страны, где все понимают, что делают, где все понимают, что такое разномыслие, оторванное от необходимости быть, по Ф.И. Тютчеву, единомысленным как рать. Она влечет за собой настроение, с которым на каком-то уровне его развития совладать уже невозможно. Не случайно, что уже в Древней Руси, по крайней мере с XI века, русские идеологи писали о единоумии, единомыслии, единомушии, руководствуясь диалектикой единого и многого: единомыслие многомысленно, многомыслие – единомысленно². «Государственное мышление как образ действительности – это характеристика политического единомыслия и, соответственно, политического многомыслия. Отметим, что в русской цивилизации политическое многомыслие в принципе несовместимо со свободомыслием, традиционным западным устройением интеллекта и характером его исконной продуктивности в рамках универсалистской модели мира»³.

Идеология государственного мышления – это идеология масштабного мышления, это своего рода идеологический макроподход, когда деятельность всякого социального субъекта осмысливается с

---

¹ Калашников В.Д. Научная теория и научная история // Теория и история. № 1, 2002. С. 55.

² См.: Яхнин Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // ВФ-2006-№5. С. 173.

³ См.: Панарин А. «В каком мире нам предстоит жить?»

точек зрения определенной социальности всей страны. Правда, макроподход принимает во внимание главным образом лишь функциональность изучаемого предмета и опускает из виду то, как и что обеспечивает эту функциональность... В отличие от макроподхода идеология государственного мышления раскрывает диалектику прерывного и непрерывного в поле социальности коллективистского общества, согласно которому, так сказать, нет такой точки, где находится собственно государственное мышление – мышление и жизнь вместе со всей страной, в унисон всей стране, социальности всей страны. Государственное мышление – это, так сказать, мыслительный консонанс страны. И, следовательно, идеология государственного мышления – это идеология общественной настройки, гармонизации общества, общественных отношений, благодаря которой каждое общественное отношение совершенствуется вместе с другими общественными отношениями, и в каждом общественном отношении остальные общественные отношения находят свою законченность.

Государственное мышление нашего Отечества в системе диалектики рационального и иррационального предполагает рачительное, заботливое отношение к институционному оформлению нашего общества. Никакой социальный институт, имеющийся в указанной системе, не может быть предметом нападков или предметом отрешения от жизни общества. В то же время возникновение социальных институтов, инспирированное из-за рубежа в тех или иных целях, должно быть предметом пристального внимания. Они не должны становиться источниками роста социальной энтропии. В то же время социальный авангард страны должен быть институционально оформлен, т. е. социальный авангард должен получить институциональную законченность и его институциональная оформленность не должна заужаться по-западному до значений политической партии, среднего класса, социальной элиты и т. д.¹

В рационалистической версии социальной философии общество, государство представлены в виде образования, искусственно сконструированного людьми, их сознанием и волей. Степень оптимальности такой искусственной конструкции, по предположению, зависит от того, насколько познана человеческая природа и насколько адекватен ей принятый и реализованный общественный проект. По-

---

¹ См.: Эрн В.Ф. Время славянофильствует. М.: Правда, 1991.

знаваемые философией сущности предстают в таком случае в роли нормы, образца, идеала для эмпирической действительности. Неизбежным оказывается элемент утопизма, по сути неисторического, поскольку соответствующий сущности правильный общественный порядок не предполагает истории своего становления, а может быть создан где угодно и когда угодно. «Преодоление указанного противоречия, – пишет Т.Е. Верховцева, – возможно на пути различения типов общества (индивидуалистического и коллективистского) и соответствующих им идеалов устройства общественной жизни»¹.

Рациональная сторона военного прогресса детерминирована тем фактом, что способом бытия людей в обществе, формой их самоутверждения и развития в мире является общественно-историческая практика. Основу общественно-исторической практики людей составляет их деятельность, в ходе которой осуществляется не только активное преобразование, изменение природных и социальных условий их жизни, но и их самих. Общественно-историческая практика людей развивается на основе опыта всего человечества. Именно поэтому современная практика – это результат всемирной истории, выражающей бесконечно разнообразные взаимоотношения людей с природой и друг с другом в процессе различных видов деятельности.

Важной составляющей военного прогресса в интересующем нас комплексе приоритетов техногенной цивилизации является особая ценность научной рациональности, научно-технического взгляда на мир, ибо научно-техническое отношение к миру является базисным для его преобразования. Оно создает уверенность в том, что человек способен, контролируя внешние обстоятельства, рационально и научно строить свою жизнь, подчинять себе природу, а затем и саму социальную жизнь. Именно это ложное представление о своем всемогуществе, характерное для субъектов глобализационного давления, формирует иллюзию безнаказанности за военные преступления, что корректирует формы военного прогресса в XXI веке. В частности, предпочтение отдается тем видам вооружения, которые приносят максимальный эффект, не взирая на потери среди мирного населения. Однако устойчивость подобных отношений гарантировалась, скорее, не рационально, а иррационально – русским этническим

---

¹ Верховцева Т.Е. Соборность: русская традиция и русский идеал // Теория и история. 2004. № 3. С. 86.

архетипом, неосознаваемой и генетически наследуемой ментальной структурой. Ведь в исторической ретроспективе слишком хорошо заметно, что эксплуатация русских этнических ресурсов превосходила все мыслимые и немыслимые размеры.

Принципиальным фактором рационализации военного прогресса является наука. Интенсификация процесса превращения науки в непосредственную производительную силу увеличивают ее значение как решающего фактора и стимулятора технического прогресса. Преобразующая роль науки не ограничивается рамками техники и технологии производственной деятельности. На научной основе решаются проблемы развития общественных отношений, движения общества к социальной однородности, формирования нового человека, подъема образования и культуры, совершенствования планирования и управления экономическими и социальными вопросами и т. д.¹

Однако четкого разделения рационального и иррационального начал в военном прогрессе не существует, поскольку он в отечественной традиции имеет диалектический базис. Постепенно в общественном продукте наряду с военной техникой стала увеличиваться доля продукции тяжелой промышленности, возобновился и начал расширяться нормальный кругооборот общественного воспроизводства, а национальный доход во все больших размерах стал направляться не только на обеспечение военных расходов, но и увеличение накоплений в народном хозяйстве. Перераспределение ресурсов в пользу военного производства перестало играть роль главного источника военных затрат, которые теперь обеспечивались за счет созданного сбереженного и быстро растущего военного хозяйства, что явилось предпосылкой для подъема экономических сил страны в заключительный период войны².

Согласно марксистской точке зрения, способ производства не является единственным фактором, обуславливающим прогресс. Развитие, изменение способа производства есть база, определяющая прогресс общества. Но неверно сводить все только к технике – главной движущей силе исторического развития в марксистской теории. Выделим шесть ее основных постулатов: 1) единство исторического процесса и неизбежность прогресса; 2) объективность процесса,

---

¹ Марксистско-ленинская теория исторического процесса / отв. ред. Ю.К. Плетников. М.: Наука, 1987. С. 141.

² См.: Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1985. С. 441.

его независимость от воли и сознания людей; 3) стадийность этого процесса, прохождение человечеством в целом ряда «научно» установленных стадий (формаций); 4) экономоцентризм, представление о производительных силах и производственных отношениях как о движущих силах прогресса и факторах, определяющих все остальные проявления нашей жизни; 5) классовый подход к анализу всех послепервобытных обществ, преимущественное внимание к проблемам эксплуатации и любым формам протеста; 6) насилие как основной метод решения социальных проблем и основной механизм прогрессивного развития. Все эти элементы влияют и на протекание военного прогресса.

Важным проявлением соединения рациональных и иррациональных сторон военного прогресса являются различные союзы. Основной структурной чертой международных отношений является модель альянсов. Иногда альянсы препятствуют войнам, поскольку потенциальному агрессору противостоит достаточно мощная коалиция. Но, когда в ситуации мощь агрессора возрастает, война разряжается с большей вероятностью. Иногда само по себе образование альянса рассматривается страной или странами, против которых он направлен, как серьезная провокация, что подталкивает их к угрозам по отношению к тому или иному участнику альянса, направленным на «проверку прочности» и разрушение альянса, которые могут быть вызваны тем фактом, что приверженность альянсу некоторых членов не является достаточно твердой и заслуживающей доверия. Наиболее опасными типами международных систем, скорее всего, являются те, которые характеризуются либо мягкой биполярностью, либо мягкой многополюсностью. Они опасны в двух отношениях: вероятность войны и вероятность того, что война в любой части системы втянет главные державы. Война более вероятна, поскольку расплывчатость взаимных союзнических обязательств в мягких коалициях ведет к возможности неверных расчетов и блефа¹.

Онтология войны предполагает понимание военного прогресса в следующем ракурсе. Есть ли универсальная сущность, или бытийная основа, войны, и если есть, то в чем она состоит? Если таковой нет, то как объясняется практически повсеместный и перманентный характер возникновения и возобновления войн?

---

¹ См.: Озов Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Война и геополитика. Альманах «Время мира» Вып. 3 / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ. 2013. С. 81.

Порядок последующей работы по осмыслению онтологии и глубинных источников войны таков:

- 1) зафиксировать внешнее определение войны;
- 2) выделить характеристику войн во всемирной истории, что требует теоретического объяснения и философского осмысления;
- 3) представить исходный полиаспектный онтологический каркас и конкретизировать понятийные конструкции по каждому аспекту с ориентацией на потенциальную универсальность в описании явлений и периодов мира и войны в масштабе всемирной истории;
- 4) провести концептуальный анализ выделенных характеристик войн (2) средствами заданного полиаспектного понятийного аппарата (3), по возможности используя накопленные в науке эмпирические и теоретические знания, и представить эскизное объяснение (широкую предгипотезу) относительно происхождения (генезиса) войны, динамики и тенденций изменения войн в мировой истории;
- 5) путем обобщения и философского осмысления полученных понятийных конструкций и эскизных объяснений сделать выводы об онтологической природе и глубинных источниках войн.

Особенности общей исторической динамики войн:

- 1) явная корреляция милитаризации обществ с социальным и технологическим развитием;
- 2) военные революции, приводящие к скачкообразному росту масштабов и интенсивности войн;
- 3) разного рода циклы мира и войны;
- 4) легитимизация и делегитимизация войн в истории человечества¹.

В качестве исходной основы будем использовать конструкцию из следующих фундаментальных аспектов онтологии:

- 1) сферный аспект, т. е. представление о четырех сферах бытия человека и человеческой действительности (биотехносфера, психосфера, социосфера и культуросфера);
- 2) системный аспект как представление о задействованных универсальных конструкциях тех или иных типов явления, вещи, свойства, отношения, переменных, системы, структуры, режимов, функций, процессов, механизмов, события, состоянии, переходов и т. д.) и устойчивых связей между ними;

---

¹ См.: Озов Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Война и геополитика. Альманах «Время мира» Вып. 3 / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ. 2013. С. 89-90.

3) масштабный аспект, иными словами, совокупность континуумов макро/микро, главными из которых являются пространственный масштаб (от «здесь» индивида до всей поверхности Земли и доступного для людей космического пространства), временной масштаб (от «сейчас» до протяженности человеческой истории) и социальный масштаб (от индивида до человечества);

4) причинный, или динамический, аспект, т. е. разнообразные схемы соотнесения причин и следствий, движущих сил и изменений; наряду с логическими схемами (например, касающимися необходимости и достаточности причин) здесь используются те или иные понятия и конструкции системного аспекта (явления, события, процессы, механизмы, переменные и проч.), а также графовые средства для представления сложных причинных взаимодействий между переменными.

Регулярность войн указывает на включение их в некоторые режимы, т. е. войны в таких случаях становятся частью социальных режимов и режимов жизнеобеспечения. Для объяснения таких войн не требуется выяснить причины решений о начале каждой войны. Появляется тенденция рутинизации войн (включения их в режимы обществ) при сочетании таких условий:

1. Имеется постоянный ресурсный голод, причем не настолько сильный, чтобы препятствовать военной мобилизации, но и настолько слабый, чтобы выгоды мирного потребления перевесили жажду наживы; вполне вероятно, что постоянство этого ресурсного голода вызывается чисто мальтузианской причиной роста населения при ограниченности основных ресурсов (пашен и/или пастбищ) и слишком медленном технологическом прогрессе, не позволяющем расширять ресурсную базу без экспансии.

2. Имеющиеся средства насилия настолько эффективны, что позволяют легко вести завоевания, но еще не настолько мощны, чтобы надежно подчинить всех противников, не настолько сложны и дороги, чтобы такие средства нельзя было перенять; попеременное овладение новейшим оружием и военной организацией лишает победителей надежного преимущества и ведет к постоянному возобновлению войн реванша.

3. Имеющиеся международные коммуникации настолько развиты, что завоеватели осведомлены о богатых городах и землях, путях к ним, но еще не настолько интенсивны, чтобы систематические торговля, дипломатия, системы безопасности препятствовали попыткам завоеваний.

Ресурсы, захваченные при завоеваниях, становятся необходимым элементом регулярных процессов жизнеобеспечения. Соответственно, тот, кто не ведет регулярных войн, лишается внутренней легитимности и рискует стать жертвой тех обществ, которые такие войны ведут. Как справедливо в этой связи отмечает А.С. Панарин, технический прогресс – это осуществление социального заказа потребительско-гедонистического общества. В качестве потерпевшего, на которого возлагается расплата за эту стратегию быстрого успеха, выступает природа: техника угождает прихотям человека, уничтожая природу. Экологические преступления – не случайная девиация, они заложены в самой мотивационной структуре потребительской личности¹.

Экстраполяция достижений научно-технического прогресса все чаще рождает тезис о так называемом постчеловеческом будущем. Здесь имеют место две линии футурологических построений: одна связана с индивидуальным развитием человека, другая с его общественной организацией. В рамках первой линии предполагается, что биологическая эволюция может смениться биологической революцией. Совершенствование человека (усиление его физических и интеллектуальных возможностей, увеличение продолжительности жизни) результативно, но очень дорого стоит. Следовательно, совершенствоваться будет богатое меньшинство, разрыв с большинством по всем показателям будет увеличиваться. Различия будут биологически закрепляться (новые виды людей, наподобие новых рас). Это различие будет как межиндивидуальное, так и межобщностное (лидеры и аутсайдеры)².

Внерациональные проявления военного прогресса предполагают интегративный подход из-за многозначности самого понятия, где в отличие от рационального не существует четкого критерия.

Проблема соотношения рационального и внерационального остро стоит не только при исследовании военного прогресса. В частности, В. Межуев отмечает: «Для Запада общим для всех людей является разум. Русские философы искали общее в сфере духа – религиозного, морального, этического. На мой взгляд, оба ответа содержат долю истины. Но как их соединить в одно целое? Вопрос, проще говоря, в том, как одновременно жить по конституции и по Библии, по

---

¹ Панарин А.С. Философия истории. М.: Гардарики, 1999. С. 79.

² См.: Горюнов В.П. Объективные основания синдрома конца истории // Научное мнение. 2012. №10. С. 19.

праву и морали»¹. Действительно, всякая философия истории, вводящая в осмысление исторического процесса представления об общественном идеале, в направлении осуществления которого будто бы развивается история, несла в себе неустранимый элемент трансцендентности, хотя бы и совершенно иного типа, нежели религиозно-трансцендентное. Идеал предстает как нормативно-должное, с которым соотносится ход истории².

Военный прогресс был тесно связан с тем фактом, что политическая история XX века отмечена вспышками тоталитаризма, воплотившегося в фашистских режимах. Тоталитарные режимы заставили человечество вспомнить о самых мрачных страницах своей политической истории и, кроме того, с новой силой поставили проблему военного прогресса. Дело в том, что военная авантюра фашистской Германии тем не менее значительно подстегнула военный прогресс в его двояком смысле: как результат силы духа и как стимул к техническому рывку.

Ярким проявлением внерациональности военного прогресса является пресловутый «план Алена Даллеса». Как известно он изначально позиционировался как проект по уничтожению «мешающей прогрессу» России изнутри (за невозможностью уничтожить ее снаружи). Предполагалась длительная, ювелирная, нудная работа по разложению нашего менталитета, опрокидыванию нашей системы ценностей, ниспровержению вековых идеалов, – детская игрушка по сравнению с нашей «реформой образования», которая все то же самое сделает одним махом – притом что время «уже пошло». Такая «реформа», способствующая быстрому превращению хомо сапиенс в хомо экономикус, человека мыслящего в человека рыночного, для России страшнее любого нашествия, экономического кризиса или политического катаклизма; нейтронная бомба, которая, не вредя телу, уничтожает душу³.

Директор ЦРУ А. Даллес сегодня видится великим провидцем, ведь он еще в 1945 году писал: «Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, напри-

---

¹ Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. 440 с.

² См.: Гегель Г. Лекции по философии истории. С-Пб: Наука, 2005 С. 30

³ См.: Непомнящий В. Речь не о Пушкине // Литературная газета. 2009. 3–9 июня.

мер, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них желание заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие, будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать их духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем...»¹

Одно из самых ярких проявлений иррациональности – это фальсификация отечественной истории, в результате чего постепенно приножались заслуги России, в частности во Второй мировой войне.

Наша страна предпринимала определенные шаги по противодействию такой политике. Идея создания комиссии была направлена на исследование различного рода фальсификаций, направленных

---

¹ Цит по Кудашов В.И. Великая победа и поражение России // Теория и история. 2005. № 1. С. 70.

на принижение достоинства нашего народа и его вклада в Великую Победу над фашизмом, а также устанавливала бы и защищала историческую правду. Такого рода комиссии существуют в большинстве стран Европы. Например, есть Государственная комиссия по изучению национальной истории в Англии. Имена ее членов мало кто знает, но хорошо известно, что она призвана обосновывать и защищать легитимность политических институтов и политической власти страны. Так что в самом факте обращения на государственном уровне к истории нет ничего опасного для науки, свободных дискуссий и исторических исследований.

Принципиальной характеристикой внерациональных проявлений военного прогресса является воля, которая, как правило, неотделима от пассионарности. Можно с полным основанием утверждать: пассионарная вспышка невозможна без целенаправленной воли, которая, как огонь в степи, постепенно охватывает весь этнос, превращая его в неодолимую силу и стихию, с которой невозможно бороться. Наиболее трагическая ситуация возникает, когда воля сталкивается с безволием и отсутствием способности к сопротивлению. Такие коллизии неоднократно возникали в ходе мировой истории, включая и недалекую историю России. Народ в таких случаях превращается в неуправляемую массу, вождем которой может объявить себя любой проходимец и авантюрист. Вот почему сплоченность на основе единой и всеобщей воли превышает всего!

Внерациональность военного прогресса наиболее полно проявляется в восточных обществах. К примеру, татарское владычество не проникало в быт покоренной страны. Само татарское царство, как и все азиатские кочевые царства, было мозаичным. Оно втягивало а себя многие народы, подчиняло единой власти, облагало данью, карало неповиновение. Но оно в конечном счете не утверждало насильственно своего быта. Несмотря на грандиозный размах завоеваний, на сосредоточенность воли на внешних деяниях, в татарском царстве отсутствовала внутренняя сила. И поэтому, быстро возникнув, оно сравнительно быстро и распалось. Татарские завоевания были лишены религиозных побуждений. Отсюда их широкая веротерпимость. Татарское иго можно было переждать и пережить. Татары не покушались на внутреннюю силу покоренного народа. Помимо всего прочего, монгольский этнос, находившийся на стадии (в фазе) подъема, столкнулся со славянской обскурацией.

Главная книга позднего К. Шмита «Новая Земля» (1950), продолжающая развивать теорию «большого пространства», пронизана размышлениями о конце Вестфальской системы международных отношений и содержит предостережения об опасности глобальной унификации. Шмит выступает как «последний сознательный представитель» права континентальных европейских народов, которое предполагало войны ограниченного масштаба между суверенными государствами и сражения регулярных армий по типу дуэли. Англо-американский империализм, прикрываясь новой универсалистской фразеологией, разрушил классическое международное право, которое исходило из четкого разделения «земли» и «моря», стер линии демаркации и ввел дискриминирующее понятие врага, основанное на понятии справедливой войны. Европоцентричный номос (связь места, закона и порядка) позволял сохранять мир между сильными государствами и минимизировать жестокость в межгосударственных отношениях.

К. Шмит считал, что утрата порядка, основанного на национальном государстве, без четкой организации больших пространств может привести только к размытым пространствам и псевдофронтам, когда Америка будет стремиться играть роль настоящей Европы и хранительницы закона и свободы. В новом мировом порядке чрезвычайное положение становится перманентным и приобретает международный масштаб. Нарушается связь между порядком и местом, единственный гарант смысла в мировой политике – номос замещается нигилизмом. Шмит полагал, что даже если США когда-нибудь удастся учредить мировой порядок, порядок без плюрализма будет означать конец политического¹.

К. Поппер также признает значимость иррациональных форм военного прогресса: «Я знаю многих людей, которые рассматривают в качестве слабости Запада то, что мы на Западе не имеем несущей, единой идеи, не имеем единой веры, которую мы могли бы с гордостью противопоставить коммунистической религии Востока... Но я считаю это фундаментальным заблуждением. Нашей гордостью является то, что у нас нет одной идеи, а существует множество идей, хороших и плохих; что у нас нет одной веры, одной религии, а много разных хороших и плохих. Это знак выдающейся силы Запада, что мы можем себе позволить. Объединение Запада одной идеей, одной

---

¹ См.: Михайловский А.В. Борьба за Карла Шмита. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 163.

верой, одной религией было бы концом Запада, нашей капитуляцией, нашим безусловным подчинением тоталитарной идее»¹.

Люди все еще не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутреннего мира и осуществляются именно через правосознание. И в науке, и в жизни господствует формальное понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала гражданственности. Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым, внешним поступкам, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека, наличие или отсутствие этих внешних поступков должны быть, по их мнению, обеспечены какими угодно средствами и какую угодно ценой – насилием или страхом, корыстью или наказанием; и к этому, будто бы, сводится все: только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только не совершали бы преступлений и не творили беспорядков, – а остальное неважно².

Генетический детерминизм и межвидовые обобщения, сделанные этими пессимистически настроенными этологами, делают слишком легким обнаружение некоторых из их важных озарений – прежде всего осмысления того, что ход человеческой эволюции вплоть до наших дней, по-видимому, наделил привилегиями и мощью тех, у кого не было чересчур жестких запретов убивать своих соплеменников, а также понимания того, что в эпоху технологий массового поражения продолжающаяся поддержка подобного свойства работает против выживания, а не в пользу него, и наконец, того, что в ходе продуманного социального конструирования с использованием уникальных способностей человека обучаться на опыте и вырабатывать предсказания требуются новые выдающиеся личности ради предотвращения вымирания данного вида в будущем³.

В современных условиях мы становимся свидетелями того, как из холодной войны «... родилась не только Российская Федерация,

---

¹ Popper K. R. *Woran glaubt der Westen? // Auf der Suche nach einer besseren Welt, Vorträge und Aufsätze aus dreißig Jahren*, München, Zürich: Piper, 1984. S. 238.

² См.: Ильин И.А. *О сущности правосознания*. М.: Папюг, 1993. С. 105.

³ См.: Коллинз Р. *Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны // Война и геополитика*. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / Под ред Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. 571 с С. 52.

но и многое другое, включая глобализацию... Однако формирование постхолодного мира не завершилось – оно идет полным ходом, и РФ все больше и больше становится объектом этого процесса: генезис системы определяет ее функционирование¹. Именно «патриотизм спас Россию; к сожалению, американский патриотизм подорван саперами культурной революции. Когда Мадлейн Олбрайт, Уильям Коэн и Сэнди Бергер отправились в Огайо, рассчитывая добиться поддержки в вопросе возобновления бомбовых ударов по Ираку, они с изумлением обнаружили, что поколение Икс жаждет участвовать в клинтоновских войнах не больше, чем Билл Клинтон и его поколение Вудстока жаждали воевать за Никсона»².

Во второй половине XX века возникла проблема выживания человечества в условиях, когда научно-технический прогресс создает все более широкое поле возможностей для принципиально нового развития военной техники и оружия массового уничтожения. Дело в том, что до XX столетия человечество жило и развивалось, осознавая себя бессмертным. В столкновениях, конфликтах и войнах могли исчезнуть государства, погибнуть отдельные народы и культуры, но все же человечество оставалось и продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивание силы, технологической мощи человечества привело его к такому состоянию, когда оно не только не может реализовать изначальные претензии всестороннего господства над обстоятельствами, а, напротив, окончательно попадает во власть обстоятельств, становится заложником орудий массового уничтожения, которые оно само же изобретает.

Философско-политические и нравственные принципы Канта о вечном мире оказались для человечества в XXI веке вновь недостижимой мечтой. Более того, после агрессивного, варварского вторжения субъектов глобализации (международной мировой олигархии) силами США и НАТО в Югославию и Ирак произошел своеобразный онтологический переворот – война де-факто стала легитимным состоянием мира, а законы международного права, ООН уже ничего не решают. Отныне агрессия и захват чужих территорий и легитимно избранных президентов именуется «миротворческой акцией», «ати-

---

¹ См.: Фурсов А. Виновы в непонимании. Размышления о холодной войне // Литературная газета. №10. 15–21 марта. 2006 г. С. 4.

² См.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 338.

террористической кампанией» или за неимением аргументов «гуманитарной помощью» ради свобод и прав личности.

Победа в информационной войне достигается, когда деструктивная система ценностей воспринимается целевой аудиторией как путь к свободе, а носители этих ценностей – как освободители. В этом отношении информационная война является главным элементом в современном геополитическом разделе мира, когда военно-политическая и экономическая экспансии с целью захвата важнейших сырьевых ресурсов воспринимаются массовым сознанием как освобождение от тоталитарных режимов (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливан, Украина и т. д.). В целом же мы получили свидетельство того, что основанный на морали и порождающий солидарность социальный порядок действительно существует, но он расположен на микроуровне. Таким образом, в определенном смысле социальный порядок первичен, а насилие – вторично. Гоббсовская война всех против всех на самом деле невозможна. Однако на более высоком, макроструктурном уровне, конечно же, возможно принуждение, если не захватывающий всех конфликт¹.

Режимные (регулярные, рутинные) войны – войны, включенные в режимы жизнеобеспечения и самоорганизации хотя бы одного из воюющих сообществ. Они ведутся либо постоянно, либо возобновляются с постоянными промежутками (обычно как ежегодные летние кампании). Причины таких войн следует искать в структуре режимов сообщества-инициатора, где война является социальным методом, выполняющим значимые для этого сообщества функции (например, добыча рабов, недостающих материальных ресурсов, предоставление земли своим гражданам, подавление политических соперников, повышение легитимности, предоставление возможностей для социального роста, занятие для молодых людей, не имеющих хозяйства, и т. д.). Главными подтипами режимных войн являются регулярные войны-набеги (без захвата территории побежденного) и регулярные войны-завоевания (с захватом территории).

Все остальные войны являются нережимными (разовыми). Среди них выделяются преднамеренные (включающие сознательные невынужденные решения лидеров сообщества-инициатора и специальное заблаговременное планирование) и непреднамеренные (войны, являющиеся результатом не сознательного решения,

---

¹ См.: Коллинз Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны // Война и геополитика: Альманах «Время мира» Вып. 3 / под ред Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013.

но складывающихся обстоятельств, иными словами, это войны, «которых никто не хотел».¹ Уметь противостоять агрессивным, экстремистским и другим разрушительным воздействиям как изнутри, так и извне. Быть открытым мировому сообществу, соучаствовать в создании и реализации мировых социокультурных проектов облагораживания жизни людей и планеты в целом².

Гармоничное сочетание рационального и иррационального можно проследить в концепции Н.Я. Данилевского, который показывает, что понятию «созидание» может придаваться только антиэнтропийное значение. Он пишет, что если «устранены элементы смут, могшие в прежние времена волновать русский народ, то, с другой стороны, прошли и те обстоятельства, которые требовали постоянного напряжения всех сил народных в государственное ярмо в трудные времена государственного устройства, борьбы с внешними врагами, при редком еще населении и слабом развитии его сил. Таким образом, и внутренние, и внешние препятствия к усвоению русским народом всех даров свободы потеряли свой смысл, значение и причину существования. «Смуты, против которых направлено созидание, – это единственное направление созидания, которое может оказаться плодотворным, результативным, когда результаты приобретают качества оформлений совершенства, обладающих необходимыми определениями, т. е. функциями, свойствами, качествами, характерными чертами. Созидание облагораживает человека, очеловечивает и возвышает его вместе со всем русским миром, а «государственное устройство» оказывается наиболее плодотворным и победительным, делает осмысленным «заряжение» всех сил народных в «государственное ярмо», и народное подвижничество становится естественной и необходимой частью русской жизни. Тогда становятся очевидными «мнимые опасности», и никому не придет в голову ни создавать эти «опасности», ни преодолевать их, ни выходить из русской модели мира, адекватно которой только созидание»³.

---

¹ См.: Розов Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Война и геополитика. Война и геополитика: Альманах «Время мира» Вып. 3 / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2003. С. 93–94.

² См.: Наливайко Н.В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров в российском образовании // Философия образования. 2012. №6(45). С. 31–32.

³ См.: Антипенко Л.Г. Метаправо и социалистическое правосознание (антиэнтропийный спектр) // Теория и история. 2006. № 2. С. 19.

Высшая историческая миссия традиционного менталитета заключена в жизненной необходимости замкнуть эволюционный круг социального развития, возвратив содержание социального миропорядка в родовое лоно тысячелетних устоев. Данный процесс призван практически подтвердить реальность этнонациональной ментальности, ведь ее геополитическая будущность может окончательно утвердить истинность идеально-этнической объективности или, напротив, установить субъективную надуманность ее утопичности¹. «Социальная энергетика, носителем которой является труд-творчество, осмысливаемая с позиции «реального гуманизма» Маркса, подкрепленного концепцией ноосферы Вернадского, качественно меняет представления о мотивации человеческой деятельности и об энергетике общества в целом. На этом направлении нас ждут новые обретения, которые существенно определяют и облик нас самих, и облик нашего будущего»².

Высшим духовно-практическим достижением цивилизации во всех ее локальных формах является выработанный и развиваемый человечеством со всех сторон кодекс нравственных норм поведения людей в разные эпохи, ведь не может быть справедливым общество, где люди взаимодействуют на основе безнравственной, несправедливой, убийственной жизни. Теоретическая проработка термина «хорошее общество», появившегося в западной литературе в конце 30-х годов XX века, достойно освещается в книге В.Г. Федотовой с позиций научной философии. То, что считается в разрозненном эмпирическом опыте условно ценным в разных аспектах, после теоретического обоснования может быть признано действительно ценным. «Требование справедливости как честности практически ведет всего лишь к максимизации минимума. Только полагающийся на свое самосовершенствование человек может обеспечить себе большие возможности. Только общество, позволяющее людям достойно жить в зависимости от труда и усилий, но защищающее их от падения на социальное дно, можно предъявить такие требования»³.

---

¹ См.: Юнацкевич П.И., В.А.Чигрев, Е.Ф.Матвейчук и др. Декларация нравственного социализма / под ред. В.А.Чигрева. СПб.: Институт нравственности, 2006. С. 12.

² Интервью с Сергеем Борисовичем Переслегиным // Credo new. 2006. №3 (47). С. 9–11.

³ Семенов В.Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания // Credo new. 2006. №3(47). С. 56

Проведя анализ особенностей развития российской духовности и исторического опыта социально-политического развития России, ученые-новаторы выдвинули научную гипотезу о пути социального творчества на основе осмысления конкретного исторического опыта. «А этот опыт свидетельствует, что никуда нам не деться от признания идеи совмещения личных интересов с общественными как основы основ всей нравственной проблематики. Никуда нам не деться от признания этой же идеи как основы основ проблемы социального строительства. И никуда нам не деться от необходимости и неизбежности синтеза нравственной проблематики с социальной»¹. Таким образом, смысл массовых протестов трудящихся против безнравственных явлений современной жизни в России в том, чтобы эмпирическим путем утвердить новые нравственные устои бытия русского и других народов.

Диалектика рационального и внерационального военного прогресса разрабатывалась отечественными философами, которые доказывали, что совершенная общественная форма – это жизнь не по лжи, распределение всех благ по доле трудового участия и по нравственным заслугам в сочетании личных интересов с общественными. В понятие «социальное творчество» мы включаем и интеллектуальное творчество². Социальный интеллект есть управленческая интенция общественного разума. И если мы примем, что мораль есть главная гуманистическая ценность, а универсальное научное знание – главный рычаг реализации такой ценности, то естественным будет вывод: единство эпистемологического и нравственного движений есть путь к нравственному обществу. Все эти факторы принципиально влияют на особенности как рациональных, так и внерациональных проявлений военного прогресса. Все это означает необходимость смены мировоззренческой парадигмы на таком пути. Перспективным является цельное научное миросозерцание, в котором достижения естественных, технических и социально-гуманитарных наук будут синтезированы с новыми принципами нравственного развития человеческого поведения.

Возникает насущная необходимость выработки таких организационных форм диалога между представителями власти и ответственности, которые эффективно совмещают в себе юридическую,

---

¹ Семенков В.Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания // *Credo new*. 2006. №3(47). С. 56–57.

² Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: ЭКСМО, 20007. С. 384.

практическую и нравственную компоненты. Основой этих новых технологий являются экспертные сообщества, рассматривающие все существующие проблемы с нравственных позиций, а примером их практической реализации могут служить государственно-общественные научно-экспертные советы. Принципиально важные особенности подобного подхода проявляются в следующем.

Содержание книги «Россия и мир»¹ – сценарии будущего всего мира, но с российским уклоном. В своих наблюдениях авторы стараются исходить прежде всего из представлений о России как о государстве, активно влияющем на ход мирового развития, а не уповающим на сверхъестественные силы и чудесные превращения. В деяниях великих личностей русской истории, их народном осмыслении переплетались религиозные, национальные, патриотические и социальные чувства и настроения. Выдающиеся полководцы – Суворов, Кутузов, Скобелев – в глазах народа были избранниками Божьими, которым известна Планида небесная.

Внерациональность связана с универсальностью русскости, которая мировоззренчески рассматривалась как «вселенскость», ее гражданский, а не этнический статус. Это та особенность русского национального самосознания, которая сказывалась в течение всей российской истории: наличие в государстве жесткого политического режима, ставящего в зависимость от официальной идеологической доктрины настроения подавляющей части общества². Современная генерация россиян – это альтернатива не только либеральным, но и консервативным ценностям. Идет процесс формирования устойчивого порядка в обществе, где традиционные ценности и институты уже не могут быть жизнеспособными. Например, серия высказываний В.В.Путина о национальной проблеме представляет важность и с точки зрения методики исследования военного прогресса, ведь в них отмечаются как неприемлемые либеральные подходы гражданского общества (космополитизм и отказ от всякой коллективной идентичности). Неприемлемы, по мысли Путина, и все формы этнического национализма (и со стороны русского, и со стороны других этносов страны).

---

¹ См.: Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Тория и история. 2007. № 2. С. 14.

² См.: Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла // Тория и история. 2007. № 2. С. 21

Действительно, в системе диалектики рационального и иррационального находит взаимопонимание все жизнеутверждающее в России, в том или ином плане следующее этой диалектике, и потому основанное на ней институциональное единство страны – это предмет особого идеологического самоутверждения по концепции государственного мышления. От этой идеологии и происходит слово «государственник». Оно не означает, что тот, кто определяется как государственник, следует либеральной или консервативной точке зрения. Это означает, что государственник следует требованиям институционального оформления, идеологии государственного мышления, согласно которой жизнеутверждающие социальные институты не призваны враждовать друг с другом, отнимать друг у друга первенство или, как говорится, продавать друг другу свое первородство, поскольку такое соотношение социальных институтов, борьба за место под солнцем – это удел жизни западных обществ. И идеология государственного мышления запрещает брать дурные примеры, когда институт науки самонадеянно конфликтует с церковью, законодательная власть воюет с исполнительной властью, суд – с прокуратурой, город – с деревней, конкуренция знаменует войну одних экономических структур с другими и т. д. Идеология государственного мышления доказывает необходимость гармоничного единства жизнеутверждающих социальных институтов общества¹.

Многовековая традиция симфонии духовной и светской властей востребовала военный прогресс как институт собирания русских земель, как институт формирования национальной духовности, возмещения, восстановления и закрепления положений светской власти в тех случаях, когда она подвергается дискредитации, разрушению и разложению. И именно в симфонии духовной и светской властей православная духовность задает стандарты естественности российского общества, фундаментально отличающиеся от западных стандартов естественности.

Иррациональные формы военного прогресса используют те, кто доблестным служением обществу, мудростью и добродетелью доказывают правомерность своего общественного статуса. Данные качества характеризуют лучших людей как совершенные личности,

---

¹ См.: Колмаков В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры // Теория и история. 2004. № 3. С. 135.

вносящие стройность своего личностного облика, опыта и мудрости в процессы нестроения общественной жизни, т. е. производящие отрицательные вклады в социальную энтропию. Лучшие люди способны активизировать в обществе коллективистские качества, позволяющие творчески решать актуальные задачи общественной жизни. Данный тезис многократно доказан самой российской историей, когда представители социального авангарда поднимали народ на борьбу с захватчиками.

Внерациональный подход обусловлен также цивилизационными концепциями. С позиции сторонников данного подхода Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др. общечеловеческой культуры и цивилизации никогда не было. Вся история человечества – это история отдельных народов, а следовательно, история сменяемых друг друга локальных культурно-исторических типов общественной жизнедеятельности людей. Так, известный английский философ и историк А. Тойнби обосновывает теорию круговорота локальных цивилизаций в истории человечества. Согласно А. Тойнби, каждая локальная цивилизация проходит стадии возникновения, роста, надлома и разложения, после чего гибнет, уступая место другой. По Тойнби, цивилизация – это умопостигаемая единица истории, целостность, которая может включать в себя несколько соответствующих друг другу и влияющих друг на друга стран. При этом отдельные части этой целостности (блока) могут исчезнуть, но цивилизация тем не менее сохранится. Скажем, западная цивилизация как некая единица истории сохранила свое существование несмотря на ряд изменений, которые в ней происходили (исчезали одни государственные образования и появлялись другие).

Внерациональность проявляется в том, что приверженцы цивилизационного подхода обычно никак не определяют ключевое для них понятие цивилизации. Но, если присмотреться к тому, в каком контексте оно ими употребляется, нетрудно заметить, что под цивилизацией понимается либо – что реже – тот или иной социально-исторический организм со всей присущей ему культурой (египетская, китайская цивилизации), либо – что гораздо чаще – та или иная региональная система социоисторических организмов, обладающая, по мнению людей, ее выделивших, общей культурой (шумерская, эллинская, античная, западная цивилизации и т. п.). Один из классиков цивилизационного подхода – А. Дж. Тойнби в своем основном труде «Постижение истории» прямо ставил знак равен-

ства между понятиями цивилизации и общества. В составленном им перечне цивилизаций значатся шумерское, древнекитайское, хеттское, западное и еще семнадцать обществ. А. Тойнби вычленяет несколько десятков таких цивилизаций. Среди них расцветшие (Египет), застывшие (Спарта), неразвившиеся (город-государство в средневековой Западной Европе) цивилизации и др.¹ Движущей силой развития цивилизации выступает творческая элита. Именно элита (творческое меньшинство) удачно отвечая на вызовы истории увлекает за собой инертное большинство населения. Оригинальность вызовов и ответов составляет своеобразие данной цивилизации. При этом он считал, что развитие истории человечества состоит в его духовном совершенствовании, в переходе к единой синкретической религии будущего.

Цивилизационный подход, будучи обращенным к диалектике цивилизации и культуры, объекта и субъекта, чувственного и рационального, к законам развития, обнаруживает одну из важнейших сторон своей продуктивности, позволяет рассматривать единство цивилизации и культуры двояко: с позиций метафизической и диалектической концепций раскрывать единство цивилизации и культуры на основе полученных результатов и предсказывать возможные пути дальнейшего развития общества. Характерно, что определенное завершение развертывания цивилизационного исследовательского подхода происходило совместно с формированием представления о двух типах общества. Намечалось различие основных версий цивилизационного исследовательского подхода и соответствующих им методов.

В коллективистской версии цивилизационный исследовательский подход базируется на действии законов общественного развития, так что сама диалектика цивилизации и культуры предстает как закон развития общества. В плане методологии коллективистская версия цивилизационного исследовательского подхода выступает как определенная конкретизация диалектического метода (объективная диалектика цивилизации и культуры).

Как считает Ходжсон, институциональное исследование и сравнение цивилизационных традиций является вполне релевантным только в рамках некоторого периода (между появлением цивилизации и современными трансформациями), когда представляе-

---

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. 1991.

мый ими тип института был в своей основе непрерывным; значит, если такое и возможно в современной обстановке, то лишь в ограниченной степени. Что касается цивилизаций, то для большинства такого рода задач необходимо будет рассматривать несколько исторических цивилизаций (включая Запад) как прекративших свое существование с приходом великой западной, или современной, трансформации. Они были вытеснены новым типом исторического комплекса, имеющим мировой масштаб и необязательно сравнимым с какой-либо из старых цивилизаций. Его нужно сравнивать как исторический комплекс с любыми другими комплексами, которые могут оказаться полезными в соответствии с конкретными вопросами. Как отмечает М. Ходжсон, одержимость ораторов темой западного человека и т. п. по большей части является опасным следствием неверной формулировки!¹

Внерациональность военного прогресса во многом связана с менталитетом. России свойственны следующие параметры: ориентация на свободу, но не личность и массу, а на малую группу, то, что называют доменом, ориентация на материальное, но, похоже, на иррациональное. Цивилизация такого типа уже была в природе, она встречалась дважды... Правда, оба раза довольно неудачно. Это Ахейская Греция перед дарийским завоеванием и кельтская культура Ирландии и Уэльса в начале Средних веков. Мы, похоже, третья попытка создать этот тип отношений с миром, этот тип познания. Государство как соборная личность предполагает не только политическое устройство, но имеет отношение ко всему общественному строю. Западная же философия и политология характеризуются членением общества на части, отделением политических функций от всех иных функций жизни общества и тем самым они принципиально отличаются от русской философии и политологии. Понятно, что и методология исследования военного прогресса в этом случае приобретает особые черты. Нынешнее состояние ментальности является последствием нескольких цивилизационных катастроф, наложившихся одна на другую. Дело в том, что в России череда революций и катастроф срыла старые культурные нормы, но институты не породила. Общество, чтобы как-то функционировать, начинает самоорганизовываться на примитивном уровне. Культурный слой,

---

¹ Ходжсон М. Условия исторического сравнения эпох и регионов: пределы обоснованности условий // Время мира: альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 99.

как грибница, прораставший веками, оказывается срыт. Для такого примитивизированного социума законы являются слишком сложным институтом, чтобы работать.

Субъектом, способным объединить частные интересы вокруг общих, может быть в современных условиях только нация, однако она остается расколотой на две нервные группы. Большая, но относительно возрастная и пассивная, остается носителем частично советской, частично традиционалистской ментальности. Численно меньшая, но более молодая, витальная, оказалась носителем новой, уже посттрадиционной и постсоветской ментальности.

Наиболее удачной попыткой гармоничного синтеза рационального и внерационального в социальном прогрессе, по нашему мнению, является евразийская идея. В разрезе военного прогресса наиболее четкую позицию занял Н.А.Савицкий, который заложил основы геополитической школы евразийства в своих концептуальных работах «Европа и Евразия» (1921), «Географический обзор России-Евразии» (1926), «Континент-океан (Россия и мировой рынок)» (1921), «Евразийство как научный замысел» (1933), «Географические и геополитические основы евразийства» (1933), «Евразийская концепция русской истории» (1933) и др. Его обращение к геополитике не случайно. Причина заключалась в самой политической сущности евразийского движения, «наиболее стойким идеологом» которого, по выражению Н.А. Сетницкого, являлся Н.А. Савицкий¹. Построение евразийцами «синтезом науки, дающей цельное понимание мира», т. е. геополитики или геософии (сам Савицкий употреблял оба термина), происходило в русле выработанной ими идеологической программы.

Рассмотрим соотношение рационального и внерационального на конкретных исторических примерах. Например, неоднократно Советский Союз заявлял о готовности участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранить усиливающуюся опасность новой мировой бойни. Не ограничиваясь разоблачением агрессоров и их пособников, Советское правительство выдвигало конкретные предложения, осуществление которых являлось бы важным шагом, способствующим обузданию агрессоров и мобилизации широких общественных сил всего мира

---

¹ Савицкий Н.А. Евразийцы и пореволюционники // Из истории философско-этической мысли 1920–1930-х годов. Вып. I. Н.А. Сетницкий. М., 2003. С. 271.

на борьбу против угрозы новой мировой войны. Советское правительство выразило согласие немедленно приступить к обсуждению с другими державами в Лиге наций или на специальной конференции практических мер, диктуемых создавшимися обстоятельствами. Заявление заканчивалось предупреждением, значение которого было в полной мере подтверждено последующими трагическими для народов событиями Второй мировой войны. «Завтра может быть уже поздно, – говорилось в документе, – но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»¹.

«Директива (декабрь 1940 г. – С. М.) дышит оптимизмом, который следует объяснять впечатлением от побед над Польшей и Францией. Поэтому она приписывает противнику такую же пассивную роль, к которой Германия уже привыкла в двух прошедших войнах. Опять надеялись навязанной противнику молниеносной войной обойти положение. Молотку о том, что ни один оперативный план не может оставаться неизменным после первой встречи с главными силами противника. Если оценка противника и на этот раз была правильной, командование могло с полным основанием вновь применять эту уже дважды оправдавшую себя тактику, в противном случае тяжелые разочарования и осложнения были неизбежны»².

«Первоначальным замыслом Гитлера было создать с помощью Англии так называемое евро-африканское пространство, которое должно было превратиться в центр сопротивления Востоку. Наконец в 1940 году, убедившись в отказе Англии достигнуть компромисса, он переименовал это понятие в так называемое евразийское пространство. Полагаясь только на свою собственную силу, он хотел подчинить себе Европу и сплотить все побежденные им народы в этом великом начинании. Он хотел завоевать Восток как новое колониальное пространство для этой объединенной Европы, из которой Англия была бы исключена»³.

---

¹ См.: Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М.: Изд-во полит. лит-ры., 1986. С. 197.

² См.: Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Том I. 1939–1943. С.-Пб.: Полигон, 1994. С. 168..

³ См.: Шеленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: СП «Дом Бируни», 1991. С. 105.

Для оптимального соединения рациональных и иррациональных форм военного прогресса важен геополитический подход. Принцип связи географии и истории, характерный для евразийской геософии, был присущ геополитике, которая для обоснования своих целей апеллировала к историческому прошлому. Так, например, немецкие геополитики утверждали, что в силу своего положения в центре Европы Германия должна объединить под своим началом другие «периферийные» государства в *Orbis Romanus*¹. Как верно отметил Т.А. Михайлов: «В парадигме геополитического мышления геополитический статус нации превращается в ее миссию. Статус нации отделяется от институтов, а институты рассматриваются в аспекте того, насколько они способны обслужить этот статус»². Поэтому геополитика была взята на вооружение идеологами практически всех западных стран в качестве научной апологетики и идеологического обоснования экспансионистских целей обслуживаемого ими класса. В соответствии со своей концепцией Савицкий выделил два вида цивилизаций: 1) воинствующего экономизма, утверждающие круг экономических явлений как нечто самодовлеющее; они бездуховные, скрывающие свою атеистическую сущность в историческом материализме; 2) придерживающиеся философии подчиненной экономики, согласно которой удовлетворение экономических потребностей общества связано с общими началами религии. По мнению Савицкого, идеи воинствующего экономизма и философия подчиненной экономики находятся в состоянии постоянной борьбы за право преобладания в цивилизациях.

Исследуя военный прогресс, надо подчеркнуть, что у евразийцев не было недостатка в оппонентах как в прошлом, так и в настоящем. Анализируя в целом их взгляды, немецкий историк Л. Люк подчеркивал, пожалуй, одну из самых сильных сторон их доктрины: «В разработке концепции евразийства приняли участие этнологи, географы, языковеды, историки, правоведы и пр. Это разительно отличает евразийство от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя войнами. Тут за дело взялись не дилетанты и политические доктринеры, а люди, прошедшие научную школу, владевшие искусством изощренного анализа. Вот почему воздвигнутое евразийцами построение не так просто повалить, хотя большинство рус-

---

¹ См.: Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 324–327.

² Михайлов Т.А. Эволюция геополитической идеи. Рига, 1998. С. 9.

ских эмигрантов было изрядно шокировано их откровениями¹. Это отличие евразийского движения, отмеченное Люксом, во многом отвечает на вопрос о том, почему евразийские идеи в начале ХХI столетия не потеряли своей актуальности не только с исторической, но и с политической точки зрения. О своей готовности осуществить новый поворот к Востоку не раз заявляли современные российские политические деятели. Свидетельством этому являются создание и деятельность Шанхайской организации сотрудничества, участие России в работе Организации исламских государств, проведение совместных военных маневров с крупнейшими странами Азиатско-Тихоокеанского региона и т. п. Сформулированный Савицким принцип обращенности к Востоку и Западу также находит своеобразное отражение в современной политике России. В частности, это хорошо видно на примере поставок российских энергоресурсов. Как только на Западе заговорили о том, что Россия ставит Европу под контроль российским газом, из Москвы прозвучала альтернатива о готовности ориентировать свои поставки голубого топлива динамично развивающемуся Китаю. В этом случае на Западе взяла верх разумная целесообразность.

Евразийцам принадлежит одно из ярких противопоставлений концепции соборной личности и концепции личности свободной. Основному понятию старого мирозерцания, понятию отъединенного и замкнутого в себе социального атома, мы противопоставляем понятие личности как живого и органического единства многообразия, мы признаем реальностью не только индивидуальную личность (которая по существу-то своему вовсе не только индивидуальная), но и социальную группу и народ, и субъект культуры, и человечество. Заменяя понятие внешней связи понятием связи органической или личной, мы считаем и называем их личностями, но и в отличие от индивидуумов – личностями соборными. Соборность не просто принадлежит личности коллективистского общества, определяющей ее проявления – разворачивание и раскрытие органической целостности. При этом целостность – это такая полнота, которая не нуждается уже ни в каких дополнениях, т. е. целостность соборной личности является мерой ее совершенств².

---

¹ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 59.

² См.: Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история, 2007. № 2. С. 32.

Проведя анализ особенностей развития российской духовности и исторического опыта социально-политического развития России, ученые-новаторы выдвинули научную гипотезу о пути социального творчества на основе осмысления конкретного исторического опыта. «А этот опыт свидетельствует, что никуда нам не деться от признания идеи совмещения личных интересов с общественными как основы основ всей нравственной проблематики. Никуда нам не деться от признания этой же идеи как основы основ проблемы социального строительства. И никуда нам не деться от необходимости и неизбежности синтеза нравственной проблематики с социальной»¹.

Есть много желающих эксплуатировать склонность российского общества к самобичеванию, превращая трагедию в повод поиздеваться над его проблемами. Из трагедии сталинских репрессий хотят вывести эсхатологический порок российской ментальности, сформировать универсальный комплекс вины для всех последующих поколений российского общества. К примеру, «срединность» России, для Савицкого, является основой ее исторической идентичности – она не часть Европы и не продолжение Азии. Она самостоятельный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которую Савицкий называет Евразией.

Опасность для коллективистского типа социальности исходит, прежде всего, от постепенной утраты заботы о совершенствовании общественных отношений, поскольку провоцирует не только социально-экономический хаос, но и глубокий духовный кризис. Об этом предупреждали великие античные мыслители (Сократ, Платон, Аристотель), критикуя афинскую демократию. Также это иллюстрируется яркими признаками хаотизации демократического европейского мира, особо проявляющиеся в последние годы. Автор доказывает, что разрушение коллективистского образа жизни, который формировался веками, влечёт за собой деградацию общества, утрату созидательных качеств, дезориентацию общественной жизни и т. д.

Для военного прогресса важны не только конкретные рациональные шаги по укреплению боеспособности страны. Необходимо снять с русской традиции соборности (коллективизма) возводимые на нее западными философами и политиками обвинения в тоталитаризме. Д. Григоренко доказывает, что определение тоталитаризма в качестве вырожденного состояния является характеристикой

---

¹ См.: Вершков А.В. Социальная энтропия // Теория и история. 2007. № 2. С. 193.

именно индивидуалистического общества. Тоталитаризм означает подавление индивидуализма и свободы и характерен для кризисного этапа развития обществ западного типа, который не раз наступал в истории Европы. Жизнь российского общества в ее историческом контексте свидетельствует о том, что стратегия внесения стройности в рамках управления «по правде» имела воплощение в актуальной практике России. Поэтому данные стратегии и практики выступают в качестве неотъемлемой части объективной диалектики жизни российского общества. Теория и концепция управления обществом в данном случае могут быть существенным для жизни России только в их субъективном диалектическом применении, т. е. в качестве образов действительности жизни российского общества, отражающих традиции управления обществом «по правде» (т. е. традиции, основанные на отрицательных вкладах в социальную энтропию).

С древних времен военный прогресс в России предполагает особое управление обществом в соответствии с отечественными принципами. Многозначность категории «правда» очевидна, и ее значение в истории отечественного теоретизирования велико. Правда выступает как характеристика всего того, что вносит, сообщаясь с понятиями XXI века, отрицательный вклад в социальную энтропию, т. е. в социальное нестроение. Управление обществом «по правде»... рассчитано на формирование... адекватных социальных институтов, самореализация которых приводит к успеху, к достижению цели управления..., когда ...принятие решения выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию¹. Правда является характеристикой стройности духовной сферы общества, противостоящей силам нестроения (т. е. «неправде» как социальной несправедливости и нравственному упадку). Поскольку духовная сфера общества встраивается в другие сферы общества согласно принципу всеобщей связи, постольку жить «по правде» выступает как принцип, характеризующий антиэнтропийный вектор развития общества в целом (вектор развития всех его сфер), а «правда» – как понятие, обобщающее различные оформления совершенства общественной жизни – упорядоченности, красоты, организации и т. д. в данной связи предстает как фундаментальная категория, отражающая антиэнтропийные процессы, имеющие место во всех сферах общества. И управление обществом «по правде» есть не что иное, как внесение

---

¹ См.: Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова // Теория истории. 2007. № 1. С. 170.

субъектом управления своей стройности в процессы роста социальной энтропии, происходящие в жизни общества. Человек обогащает (восполняет, совершенствует) своей стройностью совершенство социального мира, имеющего в своей сути диалектическое противоречие социальной стройности и нестроения.

Обычно от сюжетов, связанных с совершенствованием человека, осуществляется выход в социальную проблематику (вторая линия футурологических построений) – возникает модель новой расы, новой цивилизации и пр. Конечный интерес появляется не к тому, как будет изменяться человек, а как будет изменяться общество, поскольку вариации с обществом более принципиальны по сравнению с вариациями с телом и интеллектом человека.

С усилением материально-технической оснащенности человеческой деятельности связывается уверенность в росте общественного богатства и возможности массового потребления, т. е. всеобщего благополучия. Однако сущностное понимание общественной жизни заключается в понимании техносциальной формулы общества, с учетом действия которой прогнозы материально-технического развития будут хоть как-то обоснованы.

Раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни выступают в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией совершенства (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т. д.). В данной связи естественное состояние коллективистского общества России раскрывается в таких космических оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и многого – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т. д.). Система управленческих решений, направленных на совершенствование форм коллективистской организованности общества России, предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения.

Для понимания сущности военного прогресса важно учитывать, что существует несколько направлений данных вкладов, основанных на антиэнтропийном принципе организации жизни общества России и управлении им «по правде». Данные направления имели место в исторической действительности российского общества и получили

фактическое обоснование своей актуальности и эффективности для него. Первое из них связано с повсеместной организации в России власти советов лучших людей – аристократии духа и света (духовного и светского авангарда общества). Второе заключается в раскрытии, развитии и всемерной организации коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Третье направление связано с развитием института духовной власти, т. е. власти духовной ветви социального авангарда общества, выступающей в качестве нравственного ориентира власти светской. Четвертое направление раскрывается в практике гармонизации деятельности духовной и светской властей. Наконец, пятое направление основано на практике гармонизации деятельности всех актуальных жизнеутверждающих социальных институтов российского общества (институтов государства, церкви, различных творческих и других союзов, организаций и т. д.) в процессе организации общественного прогресса и соборного управления по принципу «всем миром». Все данные направления управленческой практики, будучи причастными к объективной диалектике жизни общества России, отражены в концепции русского социализма, выступающей в качестве субъективной диалектики управления российским обществом и организации его жизни. Вот почему развитию подлежат все сферы жизни общества, находящиеся в гармоничной взаимосвязи, а не преувеличивается значение отдельно взятой сферы потребления.

Понятия единоумия, единомушия и единомыслия выступали характеристиками общественного единства и социальной устойчивости, раскрывающих русское общество как соборную личность. По словам Н.М.Чуринова, одним из принципиально важных концептов со времен Древней Руси стал русский концепт о единомыслии, единомуии и единомушии. В этом концепте нашла свое освещение проблема устойчивости русской общественной жизни, общественной стабильности социального прогресса и т. д., что запечатлено, в частности, в трудах таких русских ученых, философов и богословов XI века, как Илларион Киевский, Феодосий Печерский и Иоанн Грешный... Этот концепт был воспринят из трудов досократиков, Платона, Аристотеля, а также первоисточников греческой философии I тысячелетия новой эры...¹. Теорети-

---

¹ Чуринов, Н.М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентный и соборный субъекты // Теория и история. 2004. № 2. С. 188–189.

зация понятий единоумия, единодушия и единомыслия в исследованиях древнерусских мыслителей предстает в качестве продолжения аристотелевской традиции исследования основ жизни коллективистского общества.

Мы можем наблюдать диалектический подход к рациональным и иррациональным проявлениям военного прогресса в процессе противодействия энтропии. Процессы роста социальной энтропии могут «вклиниваться» в жизнь общества, нейтрализуя ее антиэнтропийное содержание. Это происходит, например, в процессе насаждения в российском обществе чуждых ему норм социальности, западных норм личностного бытия, основанных на, как правило, принявшей только нормы права свободной личности. Происходит деструктивное для жизни коллективистского общества завышение норм права по сравнению с другими социальными нормами, навязывается неадекватная данному обществу универсалистская модель мира. Тем самым, по словам Н.А. Умова, человек «спутывает сеть» всеобщей связи, причиняя страдания себе, другим людям, обществу и природной среде. Данный процесс может приобрести массовое значение, и в этом случае он неизбежно влечет за собой тяжелейшие последствия для жизни коллективистского общества.

Управление обществом должно происходить на концептуальной основе диалектики личности и общества, предполагающей необходимость осуществления отрицательных вкладов в социальную энтропию. Установление в рамках управления обществом России правильного вектора данных вкладов возможно только с учетом диалектики единомыслия как одного из оформлений социального совершенства (совершенство общественных отношений). Субъект управления должен осознавать, что для жизни коллективистского общества существенна гармония между личностью и обществом, обусловленная их обоюдным усовершенствованием, и создавать условия для данного усовершенствования. «В индивидуальной конкретно развивающейся душе полнее и яснее вскрывается строение всеединства... удастся установить понятие всеединства, стяженности, завершенности и совершенства.. И только на основе этого анализа можно до конца понять и объяснить, что такое историческая коллективная индивидуальность, субъект исторического развития»¹.

---

¹ См.: Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 87.

Сегодня становится очевидным, что теории модернизации и догоняющего развития не только игнорируют культурологические предупреждения по поводу невозможности механического переноса западных эталонов на почву других культур или экологические предупреждения по поводу бесперспективности сложившейся техноквилизационной модели, но и оскорбляют достоинство незападных народов. Сегодня человечество столкнулось с более разительной и шокирующей формой социального неравенства, чем все до сих пор известные: неравенство перед лицом Истории. Получается так, что западные народы живут в истории собственной жизнью, кроют ее по себе, тогда как незападные вынуждены жить чужой историей, лишая их права быть самими собой, права на собственную культуру, собственное будущее. Чужая история, в отличие от прежних форм отчуждения, отчуждает не только нашу способность к труду, нашу социальную и экономическую перспективу, но самое нашу жизнь, наш способ бытия в мире, даже наших детей, обреченных либо на статус маргиналов и париев прогресса, либо на статус западников, с расистским презрением не принимающих во внимание «туземную» мораль, историю и культуру.

В условиях же коллективистского общества господствует диалектическое единство рационального и внерационального. Логика адаптации и выживания в различных социоприродных средах также различна: в индивидуалистическом обществе – это логика выживания и адаптации в условиях свободы выбора морали, религии, идеологии, модели поведения, т. е. в неблагоприятной социальной среде, требующей гарантированной защищенности человека со стороны государства; в коллективистском же обществе – это логика выживания и адаптации в тяжелой природной, геополитической среде, где нормами и стандартами, гарантирующими жизнеспособность общества, являются гармоничное единство социальных норм. Устойчивость и социальный иммунитет по отношению к другим рациональностям в индивидуалистическом обществе – это прежде всего устойчивость и социальный иммунитет, обеспечивающий «неприкосновенность» свободы личности, свободы его воли (рациональность раскрывает действительность прав и свобод человека, свободы выбора, экономической свободы и т. д.); в коллективистском же обществе функции устойчивости и социального иммунитета определяют и защищают совершенство общественных отношений с точки зрения взаимной добро-

детели людей. Трансляция и преемственность рациональности от поколения к поколению в индивидуалистическом обществе осуществляется в основном посредством институтов общественной элиты, а в коллективистском обществе – посредством институтов социального авангарда и т. д.

Рациональная критика ведется и в отношении униформистской концепции исторического развития, выдвинутой в 60–70-х годах нашего века видными западными социологами У. Ростоу, Р. Ароном, Д. Беллом, А. Тоффлером, З. Бжезинским и др. С позиции этих ученых, исторический процесс всецело детерминирован развитием техники. Уровень развития техники на производстве, в быту обуславливает соответственно тот или иной тип, стадию общественного прогресса. В этой связи считается, что вся история человечества – это переход от изначально существующего традиционного, или аграрного общества с его натуральным хозяйством и сословной иерархией, к индустриальному типу, в котором господствует рыночное хозяйство и сложился демократический строй общежития людей. Согласно мнению сторонников этой концепции, уже кое-где (в США, Канаде, некоторых странах Западной Европы, Японии) произошел переход (в других странах этот период еще грядет) к постиндустриальной (технотронной) стадии развития общества, которую отличает наивысший уровень информатизированности общества, развитие науки, образования, преобладание сферы услуг и досуга над собственно производством материальных благ. Нельзя не видеть, что данная концепция представляет в основном лишь западную модель общественного развития и соответственно она также подчеркивает лишь однолинейность исторического развития, не учитывая уникальности развития различных стран и народов.

Рациональные и иррациональные формы военного прогресса взаимодействуют. Исторические формы всего этого меняются, действует тенденция перехода от непосредственного насилия к опосредованному, когда оно обеспечивается самой организацией общественной жизни и принимается всеми. Это означает, что естественный процесс общественного существования человечества, использующий в качестве главного параметра искусственной системы управления биологический параметр – нравственность, должен быть запущен искусственно. Кажущаяся парадоксальность этого вывода – свидетельство сложности практического разрушения этой «вековой» проблемы обеспечения достойного существования чело-

века в составе общества. В этом и будет заключаться процесс самоорганизации¹.

Научное исследование различных сторон сложных и комплексных проблем военного прогресса позволяет выработать необходимые и обоснованные рекомендации для решения их важных конкретных аспектов. Что же касается философского рассмотрения проблем, то оно в соответствии с назначением философской науки обращается прежде всего к их общему, глобальному аспекту, к проблеме дальнейшего социального прогресса человечества. В этом отношении военный прогресс проявляет себя двояко.

Таким образом, рациональная версия военного прогресса в значительной степени обусловлена биполярной моделью будущего мира, которая представляется оптимальной с точки зрения поддержания стабильности. Внерациональная сторона военного прогресса частично связана с тем фактом, что многополярная модель в наибольшей степени отвечает интересам нашего государства, но усложняет задачу поддержания стабильности на планете. Военный прогресс зависит от национальных, религиозных, ментальных особенностей.

1.3. Военный прогресс как стратегия

Военный прогресс как стратегия детерминирован обострением современных глобальных кризисов, которые все больше свидетельствуют о том, что техногенная цивилизация исчерпала резервы своего роста. Выход из этих кризисов, скорее всего, потребует радикального пересмотра базовых ценностей техногенной цивилизации, а это, в свою очередь, будет означать переход к новому, третьему (по отношению к традиционалистскому и техногенному) типу цивилизационного развития. С учетом возможных сценариев будущего сегодня начинают конкурировать и два понимания постиндустриального общества, которые рассматриваются в качестве наиболее вероятного пути развития современной цивилизации. В первом варианте оно понимается прежде всего как новый этап технологического развития и как своеобразная пролонгация ценностей техногенной культуры. Во

---

¹ См.: Андреев А.Л. Историческое время как категория исторического самосознания // Теория и история. 2003. № 2. С. 25.

втором – как радикальный переворот в системе ценностей, соотношенный с изменением стратегий технологического развития¹.

Необходимость разработки военного прогресса как стратегии обусловлена тем фактом, что люди все еще не усвоили основную аксиому всякой политики, согласно которой право и государство создаются для внутреннего мира и осуществляются именно через правосознание. И в науке, и в жизни господствует формальное понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала гражданственности. Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым, внешним поступкам, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека, наличие или отсутствие этих внешних поступков должны быть, по их мнению, обеспечены какими угодно средствами и какою угодно ценой – насилием или страхом, корыстью или наказанием; и к этому, будто бы, сводится все: только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только не совершали бы преступлений и не творили беспорядков, – а остальное неважно².

В чем состоит стратегия Запада по отношению к России, хорошо показано в статье «Тень Бжезинского над Минрегионом», где отмечается, что Дмитрий Козак – министр регионального развития – предложил создать в стране 7–10 макроэкономических зон. «Но вот что настораживает. В 2004 году ЦРУ США опубликовало очередной доклад своих аналитиков... Там анализируются возможные варианты развития событий в мире на 15 лет вперед. Так вот, в докладе американские эксперты не исключают, что к 2015 году Россия распадется на 6–8 государств. Причинами распада назывались падение мировых цен на нефть, а также закрытость России по отношению к остальному миру.

Доклад ЦРУ во многом основывался на выводах известного американского политолога Збигнева Бжезинского, которые он сделал на страницах своей книги «Великая шахматная доска». Отдельная глава книги посвящена России и называется «Черная дыра»³.

¹ См.: Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 94.

² См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 470.

³ См.: Хаузер М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. С. 4.

Политическая стратегия США формирует соответствующее военное поведение, что предполагает ответы со стороны России. Дело в том, что попытки сотрудничества нашей страны с западными странами привели к плачевным результатам. Несмотря на все уступки, Россия в 1990-е годы получила следующее.

1. Вопреки косвенным обещаниям США не оказали целенаправленной массивированной помощи демократизирующемуся региону. За крахом тоталитарных структур в России отнюдь не последовало некоего нового варианта плана Маршалла – помощи Запада «самой молодой демократии», такой помощи, которую Америка оказала Западной Европе в 1948-1952 годах. Запад не захотел осуществить по-западному эффективную реструктуризацию национальной российской экономики. Все дело свелось к уменьшению российского стратегического потенциала.

2. Столь привлекательно выглядевшая схема недавнего прошлого – соединение американской технологии и капиталов с российскими природными ресурсами и дешевой рабочей силой – оказалась мертворожденной. Хуже того, ежегодный отток десятков миллиардов долларов из России на Запад питает западную экономику за счет обескровливания российской. Новая ментально-социальная особь – новые русские – не стали связующим звеном между Россией и Западом. Их грубый практицизм стал разъединяющим началом в отношениях России и Запада. Их сомнительного происхождения накопления обильно направляются за отечественные пределы, в то время как инвестиции так нужны именно отечественной промышленности.

3. Несмотря на окончание военного противостояния, Америка, к удивлению московских идеалистов, расширяет зону действия НАТО в восточном направлении, выходя на российские границы. Строго говоря, речь идет о неудаче курса, начатого Петром Великим и патетически продолженного нашими демократами-западниками. Но хотя имперские переростки глобализационного периода, как правило, разваливаются, их достижения не пропадают. После потрясений и хаоса начала новой эпохи, который расчищает дорогу новому технокладу и оплачивает его становление, возникают новые государственные образования, как правило, намного больше по размеру. Это новая норма, но достигнутая не ценой напряжения, а за счет значительно более мощных коммуникационных технологий новой эпохи, в том числе и определенного уровня военного прогресса.

Для понимания сущности военного прогресса как стратегии важно учитывать, что в основе всякой войны лежит претензия на субъектность. Дело не только в том, что кому-то нужны твоя земля, природные ресурсы, твое население, твой труд или ты сам. Война начинается в тот момент, когда кто-то почему-то решает защищать себя и свое имущество. Причина войны всегда кроется в том окаянстве, с которым потенциальный субъект решает сам строить свою жизнь, перестает «делиться», не слушает «советов» других субъектов – в общем, ведет себя вызывающе. Право жить своим умом и наживать свое добро может только завоевано. Право на самодеятельность – самая большая (эксклюзивная) европейская ценность. В этой конструкции есть всего два способа избежать войны. Первый – не быть субъектом, не иметь суверенных претензий, согласиться с той ролью, которую тебе отведут другие субъекты. Второй – обрести сверхмощь, создать угрозу ответного удара такой силы, которая будет несовместима с жизнью нападающего. Существенно, что, раз выяснив отношения, нельзя расслабиться и думать, что завоеванный тобой суверенитет теперь раз и навсегда. «Тестировать» будут регулярно и при первой возможности уничтожат. Европейский мир всегда был так устроен, ничего не изменилось и сегодня. Думать иначе означает стать слабым со всеми вытекающими последствиями.

На примере Косово очень хорошо виден новый момент в международных отношениях, когда принцип суверенитета национального государства на своей территории уступает место другим более абстрактным принципам. Для мирового сообщества, интересы которого представляют сегодня прежде всего США, принцип территориального суверенитета национального государства уступает место принципу прав человека.

В современных условиях колоссальное воздействие на индивидуальное и групповое поведение оказывают социокультурные факторы, СМИ, расширение информационных структур, что снижает возможности или даже делает не работающими многие прежние модели социальной реальности. В глобалистике проблема направленности индивидуальной и групповой ориентации приобретает исключительное значение, поскольку ставится задача путем ее изменения обеспечить перевод современной модели развития в более безопасное русло. Фактически ставится задача усвоения колоссальными массами людей (прежде всего структурами, принимающими решения) системы ориентаций и ценностей, обеспечивающих про-

ведение политики глобальной безопасности на различных уровнях социума.

Исследовать военный прогресс как стратегию невозможно, если не учитывать, что важной проблемой сегодняшней России, определяющей как логику политического развития, так и характер массовых общественных умонастроений, является дилемма: что же все-таки с нами происходит, какова основная «результатирующая» идущих процессов – модернизация это или деградация. Действительно, именно ответ на этот вопрос обусловил поляризацию политических предпочтений по линии «партия власти против коммуно-патриотического блока». Те, кто полагает, что Россия с трудом и болью, но все-таки выбирается из исторического тупика, – те прямо или косвенно поддерживали нынешний режим как гаранта от «контрреформаторского отката». Те же, кто склоняются к противоположному диагнозу – нет никакой продуктивной реформы, а имеет место откровенная деградация, отдали предпочтение коммуно-патриотической оппозиции как наиболее радикальному критику «деградационной модели».

Уже в 1960–70-х годах стало очевидно, что человечество вступает в новый исторический период, дорогу к которому проложило бурное развитие техники, в первую очередь информационных технологий. Происходящие и предстоящие существенные изменения жизни человека в этом полностью технизированном и информатизированном мире попали в поле исследований социальных мыслителей, что привело к формированию идей информационного общества. Важными условиями его становления считаются появление информационной техники и нарастание ее доминирования в жизнедеятельности общества. Пафос преобразования мира порождал особое отношение к идеям господства, силы и власти. В традиционных культурах они понимались прежде всего как непосредственная власть одного человека над другим. В патриархальных обществах и азиатских деспотиях власть и господство распространялись не только на подданных государя, но и осуществлялись мужчиной, главой семьи, над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император – телами и думами своих подданных. Традиционные культуры не знали автономии личности и идеи прав человека.

Идеи, в значительной степени сформировавшие современные представления о военном прогрессе, базируются на господстве европоцентристского миропорядка, который имел под собой изначальную основу. Главные векторы развития человечества определялись

условиями, принципами и установками международных отношений, принятыми великими державами Запада, когда сама история человечества писалась западными авторами, с точки зрения Запада и в интересах Запада. Но в наши дни, когда пришел конец западнотрилистскому миропорядку, когда рассуждения о некоем однополярном миропорядке, на вершине которого в гордом одиночестве восседает Дядя Сэм, потеряли всякий смысл и мир стал полицентрическим, подобные идеи, казалось бы, должны были быть сданы в архив истории. Однако определенным силам на Западе, одержимым убеждением в превосходстве своих ценностей, оказалось весьма трудным делом должным образом осознать и принять эти новые реальности.

XX век начался с мировой войны, которая потрясла всех гуманистов и одним махом перечеркнула гуманистические идеалы. Но все дикости этой войны превратились в «детские игрушки» по сравнению с ужасами следующей – Второй мировой войны, которая началась всего через 20 лет после окончания первой и заставила думать о зловещей, апокалиптической закономерности исторического развития. Конец Второй мировой войны – применение атомного оружия – стал началом новой конфронтации различных систем, гонки вооружений и выходом на такой ее виток, когда человечество зримо обнаружило возможности самоуничтожения.

Современный военный прогресс стран Запада связан с тем, что там еще не мало сил, стоящих на позициях подавления России, уничтожения её как государственного образования, если не материальными, то духовными способами. В этой связи насильственное внедрение чуждых русской культуре западных стандартов приводит не к созиданию, а к разрушению во всех областях культуры: в промышленности, здравоохранении, сельском хозяйстве, науке, образовании, художественной культуре, языкознании, языковедении. Известно, что «технологии являются более уникальным ресурсом, чем деньги, и передаются значительно хуже, чем деньги; соответственно, и господство, основанное на них, прочнее господства, основанного на деньгах»¹.

Уровень и формы военного прогресса связаны с тем, что в соответствии с принципом антропоцентризма предполагается, что мысленная «вселенная деонтологической этики» должна послужить

¹ См.: Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 252.

орудием произвола, теоретическим средством достижения определенных материальных ценностей, в соответствии с чем необходимо сочинить законы мысленного Универсума и затем отождествить с ним реальный мир. В результате управление обществом реализуется на основе сконструированных принципов, которые отражают аксиологическую шкалу вестернизированной части мира.

В данной связи важно учитывать особенности проявления военного прогресса в мировой истории, в частности в течение пяти тысяч лет оседлой истории человечества ключевыми ресурсами, за которые шла ожесточенная борьба, были земля и вода. Тысячу лет назад к стратегическим ресурсам добавились металлы, включая золото и серебро, специи, шелк. Крестовые походы не что иное, как двухвековая идеологически легендированная баталия за контроль над ключевым торговым путем того времени и стратегическими ресурсами начала второго тысячелетия нашей эры. Так, 150 лет назад к стратегическим ресурсам добавились нефть и газ. Соответственно, за контроль над энергетическими ресурсами в XX веке были проведены три мировые войны, что в значительной степени определяло формы и алгоритм проявления военного прогресса.

Не менее важный фактор, влияющий на особенности военного прогресса, связан с принципами существования западного потребительского общества. В начале XX века стала выстраиваться новая модель капитализма в идеологически привлекательном оформлении общества всеобщего потребления и равных возможностей. По сути, это хорошо знакомая историкам модель Римской империи, когда гражданам Рима обеспечивается высокий уровень потребления хлеба и зрелищ за счет неравноправного обмена с периферией и захвата новых земель. Эта модель отлично работает ровно до тех пор, пока военная сила позволяет захватывать новые ресурсы и поддерживать неравномерные обмены. Однако если в Древнем Риме все держалось на военной силе и римском праве, которое для целей хозяйствования оказалось куда более эффективной системой, чем право «обычное», то современная Атлантическая империя держалась на военной силе и изошренной финансовой модели развития, которую можно назвать моделью «казино с бесконечно удваивающимися ставками». А также на социальном контексте, смысл которого сводится к следующему: элита обеспечивает плебсу хлеб и зрелища, а плебс наслаждается жизнью/потреблением и не занимается политикой.

Важной составляющей военного прогресса как стратегии является информационная война. Мы проиграли информационную войну с Западом в 1994–96-х годах, когда наше собственное телевидение пинало в спину нашу армию, когда люди с деструктивной философией жизни имели доступ к формированию общественного сознания. Дело в том, что США воюют с миром, с человечеством, уверяя, что их власть благо, а их гегемония комфортна. Если это так, то это рабство, а рабов, в конце концов, все устроит, даже если власть будет не такой уж комфортной (их вообще никто никогда не спрашивает). А.И. Костин справедливо подчеркивает: «Информационные технологии, призванные объединять человечество и осуществляющие это, на нынешнем этапе глобализации и в современной ее форме во многом способствуют и его расслоению. Богатые и бедные страны обладают различными финансовыми возможностями, и кроме обычного деления на развитые и развивающиеся (менее развитые) страны возник еще более глубокий раскол – на страны, во многом уже базирующиеся на информационно-инновационной экономике, и страны, даже не помышляющие об этом. В самом деле, для того чтобы приобрести компьютер, житель Бангладеш должен потратить сумму, эквивалентную его восьмилетнему доходу, в то время как средний американец должен для этого трудиться всего один месяц»¹. В данной связи важно подчеркнуть, что понятие «информационная война» становится все более актуальным в наше время. Эволюция информационных технологий способствует тому, что методы информационного воздействия становятся все более точечными, ориентированными на ключевых информаторов и лиц, принимающих решения. Если раньше пропаганда была ориентирована на захват и манипулирование всем сознанием человека, вовлеченным в драматургию массового психоза, то в настоящее время происходит захват и манипуляция одной из сторон личности, когда в целом человек остается абсолютно нормальным, трезво оценивающим окружающую действительность. Параметры информационного пространства задаются всем многообразием геополитических, природных, исторических и социальных условий существования общества. Доминирующая модель мира должна быть адекватной этим условиям. В противном случае, несмотря на поддержку СМИ, происходит про-

¹ Костин А.И. Экополитология и глобалистика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 378.

цесс отторжения и разрушения модели мира, претендующей на доминирующую роль и формирование более адекватной историческим и социальным условиям модели.

Целью информационной войны является прорыв психологической защиты общества и продвижение диссонирующих фактов и интерпретаций с периферии общественной саморефлексии в центральное ядро модели мира с целью разрушения системы ценностей общества, его дестабилизации на духовном, политическом и экономическом уровнях¹. Опасность информационной атаки ставит защиту информационного пространства в числе стратегических приоритетов современного общества. Не случайно все крупные державы мира придают исключительное значение развитию технологий информационной войны: «Информационная война является центральной проблемой национальной безопасности XXI столетия, и США должны создать согласованную политику национального уровня по военному и стратегическому использованию этих новых технологий и возможностей в дни мира и войны»².

К сожалению, в российской научной литературе недостаточно серьезно анализируются практические подходы и модели информационной войны с точки зрения ее способности изменить структуру массового сознания и вместе с ней всю структуру общества. Именно в быстро развивающейся области исследований форм и методов информационной войны наблюдается отставание российской науки от западных передовых разработок. Информационная атака, направленная на мифологизацию и фальсификацию российской истории, ведется также против А. Невского, К. Жукова, других видных российских исторических деятелей, прославивших Россию. Историческая память служит основой культуры и общественной ментальности, и разрушение исторической памяти превращает общество в Иванов, не помнящих родства, в толпу, которая с легкостью идет за своим новым кумиром. Молодое поколение причают к мысли, что в многовековой истории России нет внутреннего сущностного развития, т. е. прогресса. Ее прогресс заключается лишь в технологической эволюции двух извечных, неотъемлемых друг от друга начал – диктатуры и рабства.

---

¹ См.: Капа-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.

² См.: Stein G. Information War – Cyber war Netware // http://www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi.

Исследование сущности военного прогресса как стратегии затрудняет тот факт, что в исторических подходах, различных видах прогресса часто отсутствует внимание к реальному самосознанию, нравственному характеру, духовным ценностям конкретного человека. Отсутствие или присутствие этого определяет действительные побуждения и мотивы деятельности политиков, идеологов, чиновников и формирует качество получаемых результатов. Исторический опыт цивилизованных стран свидетельствует, что все попытки построения национальной идеологии вне национальной модели мира и укорененной в нем системы ценностей обречены на неудачу, несмотря на любые информационные кампании. Историко-социальные условия существования общества активизируют в массовом сознании процесс регенерации национального образа мира, национальной культуры и воплощенного в ней общественного интеллекта, что способствует отторжению любых чуждых обществу ценностей, норм, установок и моделей поведения.

Военный прогресс как стратегия предполагает наличие национальной идеи. При поиске и формулировании общенациональной идеи следует учитывать некоторые моменты. «Во-первых, идея должна содержать призыв к действиям, направленным на достижение желанной для всех цели. Целью может являться: новое или большее благо, избавление от опасности, непереносимых тягот жизни, несправедливости. Во-вторых, должна сложиться историческая обстановка, при которой эта цель окажется востребованной временем и будет восприниматься людьми как необходимая для их нормального существования. В этом случае большинство будет готово терпеть лишения и невзгоды ради ее достижения. В третьих, общенациональная идея не должна вступать в противоречие с историческим опытом народа, более того, желательно, чтобы она базировалась на этом опыте, а ее суть позволяла укреплять и развивать культуру народа, сохранять общие вечные ценности бытия человечества. В-четвертых, на современном этапе жизни человечества масштаб идеи должен быть планетарным, так как ни один народ, ни одно государство не может развиваться дальше изолированно от остального мира. Это особенно важно при поиске общенациональной идеи России. Наконец, в пятых, идея и путь ее достижения должны быть понятными всем»¹.

¹ Квинтэссенция. Философский альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 269–272.

Образ военной угрозы со стороны России, который так старательно поддерживается, в том числе с помощью НАТО, нужен, ведь в противном случае, если не будет «российской угрозы», инвестиционный поток из Западной Европы с неизбежностью должен реально хлынуть в Россию. Ему просто больше некуда деться. Без всякой инновационной экономики. Точнее, это и будет системной мегаинновацией, которая вполне бы устроила автора этого понятия профессора Йозефа Шумптера. Одно только освоение и обживание российских территорий является резервуаром на весь XXI век для поглощения избыточного капитала. Для Европы – это реальный выход из мирового кризиса. «Прежде всего нужны объединяющие идеи. Они имеют социализирующее значение, вовлекая в группу индивидов, доселе не связанных. Таковую роль в истории неоднократно играла идея свободы. При этом такие идеи способны не только объединять, но и разъединять сообщества. То же самое понятие свободы имеет совершенно разный смысл для различных политических и социальных сил, каждый из которых спланирует одних и противопоставляет их другим. Идеи получают различную форму выражения – лозунга, символа или жеста, произведения искусства, они могут быть навеяны традицией и лежать в основе сложившихся установок (гештальтов)»¹.

Стратегия военного прогресса может по-разному трактоваться учеными. В частности, А. Дугин уверен, что если мощь государства определяется его потенциями становления Морской Силой, то в случае противостояния стратегической задачей номер один является недопущение этого становления в лагере противника. Следовательно, задачей исторического противостояния Америки является усиление своих позиций и ослабление противника по тем же пунктам. Свои береговые просторы должны быть под контролем, а соответствующие зоны противника нужно стараться любыми способами оторвать от континентальной массы. И далее: так как доктрина Монро (в ее части территориальной интеграции) усиливает мощь государства, то не следует допускать создания аналогичных интеграционных образований у противника. Напротив, противника или соперника – евразийские державы (Россия, Китай, Германия) – следует удушить в кольцах анаконды, сдавливая их за счет

---

¹ См.: Лезгина Д.В. Интерактивная классическая теория поколений // *Credo new*. 2006. № 2 (46). С. 148.

выведенных из под контроля береговых зон и перекрывая по возможности выходы к морским пространствам. Вместе с тем не так однозначны роль и преимущества США в мировом процессе. Эту опасную тенденцию, порожденную глобализацией, предвидели наши политики, которые закладывали основы послевоенного мирового порядка в XX веке.

Замена биполярной системы однополярной в этом свете выступает как замена протекционистской мировой системы, страхующей слабых, системой безраздельного господства сильных. Те, кому хотелось бы еще сохранять свои иллюзии, касающиеся американской миссии в мире, могут утверждать, что устранение протекционистских барьеров предназначено для ускоренного взросления слабых, которым вредит авторитарная сентиментальность протекционизма. Но факты говорят о прямо противоположном. Слабых для того и лишают всех средств самозащиты, чтобы они и не смели мечтать стать вровень с сильными. Исторический опыт показывает, что протекционизм и фритредерство являются закономерными фазами циклической экономической динамики. Пока национальная экономика не готова выдерживать конкуренцию с более сильными иностранными экономиками, открыть ее — значит убить на корню. И напротив, никому и в голову не придет искусственно закрывать ее на той стадии, когда она готова к эффективной конкуренции.

Для понимания сущности военной стратегии можно выделить по крайней мере два типа общества, различая традиционный и техногенный типы. Такое понимание оснований типов общества предполагает целый ряд следствий:

1) в той мере, в какой биологические программы неотделимы от надбиологических, тип общества невозможно произвольно изменить;

2) чем более существенную роль в жизнедеятельности общества играют биологические программы, тем более консервативным оказывается общество и тип этого общества нельзя изменить, не спровоцировав переход его от состояния нормы в вырожденное состояние;

3) чем более существенную роль в жизнедеятельности общества играют надбиологические программы, тем более чуждо оно консервативности. И попытки реализовать в нем программы консерватизма в политической и других сферах жизнедеятельности не могут спро-

воцировать в нем переход от состояния нормы к вырожденному состоянию общества;

4) единство биологических и надбиологических программ не может не повлечь за собой социализации биологических программ, в свою очередь, надбиологические программы не могут избежать влияния со стороны реализации биологических программ;

5) в случае, когда в совокупности программ жизнедеятельности общества доминируют надбиологические программы, влияние биологических программ на надбиологические минимизируется. В жизнедеятельности общества становится все более заметной тенденция обособления двух типов программ друг от друга;

6) когда в совокупности программ жизнедеятельности общества доминируют биологические, социализированные программы, становится заметной тенденция укрепления связи и биологических, и надбиологических программ;

7) две противоположные друг другу тенденции предполагают свои стандарты естественности: соответственно в плане первой тенденции – естественное право и естественное состояние в гоббсовском смысле – состояние вражды, война всех против всех, а в плане второй тенденции – любовь к ближнему своему, добродетельное состояние общества.

Особое значение в определении сущности общественного развития при анализе деструктивной деятельности занимают ее социокультурные основания. В отличие от животных человечество сформировалось в процессе не только биологической, но и социокультурной эволюции. Не различаясь биологически, представители разных социальных групп отличаются друг от друга в культурном отношении. Именно это и обусловило значительную распространенность среди людей деятельности, направленной прежде всего против тех, кто обладает иной культурной информацией. Так, финский ученый П. Кууси считает, что война – характерное свойство культурной эволюции, форма поведения, основанная на информационной схеме...

О значительной роли социокультурных факторов пишет Ю. М. Антонян. В частности, он указывает, что именно культура постоянно поддерживает высокий уровень губительной разрушительности. Поэтому есть все основания думать, что существованием деструктивных порывов мы не в меньшей степени, а, возможно, в большей обязаны цивилизации». Итак, именно различия

в накопленной разными группами культурной информации часто становятся причиной деструктивной деятельности человека. Дело в том, что и Западу, и Востоку свойственно «экспортировать» лишь фрагменты того, что могло бы составить справедливое общество в случае, если обе части удалось бы соединить и адаптировать друг к другу. При этом и Запад, и Восток плохо справляются с собственными проблемами.

Проблема стратегии военного прогресса является следствием кризисности современного мира. Человек, в полной мере прочувствовав свою беспомощность в целом ряде кризисов и катаклизмов, часть которых была воспринята современным обществом исключительно и избыточно оптимистически (как, например, завершение «холодной войны» уничтожением «социалистического лагеря» привело к попытке построения не рыночного, но технологического общества, по-видимому, представляющей собой ничуть не менее опасное и деструктивное «забегание вперед», чем сам социализм), в растерянности фактически перестал пытаться сознать и предсказывать, сдавшись на милость слепого общественного прогресса, так же, как в конце XIX века он сдался на милость не менее слепого прогресса технологического.

В совокупности наличных способов самоутверждения социумов отдельные способы могут принадлежать большому или малому социуму, и когда историческое сознание одних социумов оказывается под ударом исторической идеологии, в результате деградирует как соответствующий народ, так и способ его самоутверждения, иногда единственно возможный для данного ландшафта, деградирует также и историческое сознание народа, утрачиваются его (народа) жизнеспособность, национальная идентичность, культура, язык, тем самым провоцируются экстремизм, социальная зависть, космополитизм и т. д. П.И. Новгородцев пишет: «Когда абсолютное не уничтожает относительного, когда это последнее рассматривается как необходимая ступень к абсолютному, имеющая самостоятельное значение, лишь тогда «темные своды настоящего» не тяготят душу, стремящуюся к идеалу, а вызывают в ней потребность творчества и борьбы. Но если общественная философия не может порвать связи с миром относительных явлений и не может признать осуществимым для этого мира обладание абсолютным совершенством, то еще менее для нее возможно утратить связь относительного с абсолютным и

отвергнуть ту идею вечного стремления к безусловному, которая составляет самую сущность нравственного прогресса»¹.

Весьма характерной является работа К.Н. Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». В одной из глав он пишет: ««Россия – глава мира возникающего, Франция – представительница мира отходящего», – сказал Н.Я. Данилевский, сказал верно, просто и прекрасно».² И далее продолжает: «Но весь вопрос в том, что несет в тайных недрах своих для вселенной этот, правда еще загадочный для нас самих и для иноземцев, колосс, которого ноги перестали на Западе считать глиняными именно с тех пор, как они, вследствие загадочных реформ по западным образцам, немного ослабели и размякли? Что он несет в своих недрах – этот доселе только эклектический колосс, почти лишенный собственного стиля? Готовит ли он миру действительно своеобразную культуру? Культуру положительную, созидательную, в высшей степени новоединую и новосложную, простирающуюся от Великого Океана до Средиземного моря и до западных окраин Азии... Куда мы идем – к начатую новой эры созидания на несколько веков или к либеральному всеразрушению?»³.

И.А. Ильин в этой связи отмечал: «Истинная политика ведется там, где царит солидарность между гражданами и между отдельными классами. Она возникает из солидарности и взаимности; она исходит от идеи целого, народного единства, родины; она считается с духом, справедливостью, с естественным правом, с общими задачами и целями; она требует, чтобы гражданин отождествлял себя со своей родиной, чтобы он принял интерес своего государства и все справедливые интересы своих сограждан»⁴.

Стратегия военного прогресса должна быть подчинена тому факту, что одним из источников войны является объективный или субъективный дисбаланс могущества: одно политическое сообщество или коалиция настолько сильнее противника и его предполагаемых союзников, что издержки предполагаемой войны кажутся минимальными; такой дисбаланс порождает нежелание

---

¹ См.: Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. №5. С. 26.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Тория и история. 2007. № 2. С. 14–15.

и отказ разрешить противоречие мирным путем; без этого (иными словами, в ситуации баланса могущества и ожидания сильного отпора) стороны воздерживаются от инициирования войны. В жизнедеятельности людей действуют программы двух типов: биологические (инстинкты самосохранения, питания, половой инстинкт, инстинктивная предрасположенность к общению, выработанная как результат приспособления человеческих предков к стадному образу жизни и т. д.) и социальные, которые как бы надстраивались над биологическими в процессе становления и развития человечества (поэтому их можно назвать надбиологическими программами). Если первые передаются через наследственный генетический код, то вторые хранятся и передаются в обществе в качестве культурной традиции.

Уильям Х. Макнил предлагает во избежание войн как порождения глобализационного давления ряд мер. Во-первых, необходимо четко разграничить сферы влияния различных цивилизаций и тщательно их придерживаться. Во-вторых, в сложных регионах, где различные цивилизации накладываются друг на друга, ведущие государства должны брать на себя роль коллективного посредника или гаранта, чтобы сдерживать или останавливать цивилизационные войны между государствами или группами государств. Исторические факты свидетельствуют, что если говорить об истории гонки вооружений, то ее всегда инициировали американцы, а затем Советский Союз догонял США или использовал те же самые достижения и даже перегонял их. После чего американцы первыми предлагали ограничивать то, что они создавали всего несколько лет назад.

В настоящее время человечество стоит на пороге качественно нового и потому неведомого периода своего развития. Во-первых, это связано с попыткой устранения аффицирующего другого, который, подобно кантовской вещи-в-себе, неподвластен нам в своей сущности, но в то же время является первоисточником нового, того, что выходит за наши собственные пределы. Во-вторых, навязывая индивидуалистическо-гедонистическую мотивацию, Запад уменьшает пассионарность культурного творчества, ибо указанная мотивация целиком находится за пределами того, чем вдохновляется высокая культура. «Все ли понимают, что мы строим нечто, открывающее дорогу к мировому господству, не просто торговый союз, но политическое образование? – спросил Романо

Проди, президент Европейского союза, на заседании Европейского парламента в февраля 2001 года. – Все ли сознают, что национальным государствам, каждому по отдельности, придется доказывать свое право на существование в новом мире?» Как справедливо отмечает А. Панарин, Запад может окончательно победить Восток как альтернативный ему «стабильный» способ бытия только в том случае, если будет доказана способность человечества жить в целом искусственном, технологически воспроизведенном Космосе. В онтологическом плане философия Запада – это философия техники, и она окажется фундированной лишь в том случае, если сконструированный им искусственный космос будет лучше и совершеннее природного.

«Пробуждение национального самосознания, – пишет в «Философии истории» Л.П. Карсавин, – связано с начальным этапом сверхвременного идеала и сверхвременного существа народа. Не случайно, в «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается как противостояние добрых и злых людей. Последние опаснее бесов, ибо бесы Бога боятся, а зол человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло. Борьба за добро, любовь к добру, добролюбие – важнейшие ценности исторического понимания Древней Руси». И не случайно, Д.С. Лихачев отмечал: «По учению монаха Нестора, историческое самосознание – это выражение борьбы добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. Нестор проводит мысль об историческом единстве народа, единении самосознания Руси. Однако различные научные и политические направления по-разному трактовали исторические особенности русского народа.»

Исследование стратегии военного прогресса предполагает понимание важной формулы: «Дело – это тот организм, который питает совершенство слова. В свою очередь, совершенство слова – это питательная среда дела как деятельного совершенства»¹. Тем более это представляется важным, так как в условиях распада государства, безвластия и произвола иностранных интервентов русский народ находил опору в системе традиционного русского народоправия. «Она сыграла первостепенную роль в сложных, трагических и неопреде-

---

¹ См.: Фомина Н.В. Аристократическое оформление государства и личности // Теория и история. 2004. № 2. С. 27–28.

ленных перипетиях... Его заслугой стало восстановление российской национальной государственности... »¹

Военная стратегия тесно связана с формированием образа врага. В частности, в статье К.А. Мильгина «Образ России на страницах газеты *Moniteur universel* в 1799 году» показано, как создавался образ врага во время войны между Францией, Австрией и Россией. Итальянский поход А.А. Суворова французские газеты приравнивали к вторжению в Европу новых варваров; сообщая о реальных фактах, постоянно подменяли их вымыслом – слухами, легендами и мифами.

В этом же ряду являются некоторые политические реформы, которые по сути подрывает сущность военной стратегии. В Россию продвинута мистификационного свойства идея многопартийности, т. е. лишенности диалектики единомыслия и многомыслия, отсутствия государственного мышления. В чем смысл многопартийности? Во-первых, партии западного типа, конечно, – это идея эпигонствующих в России, доказывающих, что русская цивилизация – это цивилизация догоняющего типа, и, следовательно, надо перенимать у Запада все, не раздумывая. Во-вторых, эти партии политических посредственностей, партии плебса, партии атомизированного общества, так сказать, ключющего на те или иные приманки². Естественно, что подобные концепции ставят под сомнение те или иные правила...

Военная стратегия тесно связана с историческим развитием России, которое доказывает, что духовная антропология не может быть исключительно персоналистической, ибо духовное здоровье нации, семьи в равной степени входит в круг проблем духовной антропологии, более того – единичное и всеобщее здесь взаимозависимы. Пока духовное здоровье русского человека будет определяться его произвольным выбором, при том что информационная машина государства, вся система воспитания будут насаждать бездуховные или исторически чуждые русскому человеку ценности, ни о каком здоровье отдельных людей и нации в целом говорить не приходится. Чужебесие в духовной сфере более губительно, чем в телесной. Исходя из этого, историческое самосознание прежде всего является устойчивой формой исторического сознания, ориен-

¹ Калашников В.Д. Советы всея Руси // Теория и история. 2004. №2. С. 13.

² Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 9.

тированной на смысло-жизненные мировоззренческие принципы, фиксирующие рефлексивные отношения человека и человеческого общества к прошлому, нынешнему и будущему через призму оценки самого себя как субъекта практической и позитивной деятельности в истории. Объективная диалектика коллективистского общества предполагает всеобщую связь явлений. Собственно, объективная диалектика, в том числе и объективная диалектика коллективистского общества, выступает как временной ряд, индуцированный всеобщей связью. Известная спиралевидность объективной диалектики тождественна временному ряду развития общества коллективистического типа. Понимание механизма действия информационно-технологической духовности является важным и необходимым условием понимания социальной структуры, определяющей специфику практического изменения и оптимизации социальных отношений. Это особенно актуально и необходимо для становления не только так называемого устойчивого развития общества либо глобального или антиглобального развития общества, но также для становления естественного, космоответствующего совершенства социума как гармонизированного пространства существования человека.

Русский философ Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе, показал сущность отношений европейцев к России. Он отмечает, что западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас и для самоуспокоения внушают себе..., что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости, что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов.

Бахтин воспринимает социальный мир как полифоническое единство, как явление большого диалога. Категорию полифонии Бахтин ввел в книге «Проблемы творчества Достоевского». Полифония в философском аспекте – это неотъемлемое свойство реальности с точки зрения высшего сознания. Достоевский, согласно Бахтину, раскрыл божественную природу жизни, увидев картину фактической дробности и дисгармонии бытия как полифонию, как единство антиномичных существований, идей, «как вечную гармонию неснятых голосов или как их неумолчный и безысходный

спор»¹. Первообразом полифонического состояния мира у Достоевского Бахтин называет церковь «как общение неслиянных душ... Он постоянно подчеркивает, что полифоническую «многоплановость и противоречивость Достоевский находил и умел воспринять не в духе, а в объективном социальном мире»².

Проанализируем, каким образом военная стратегия проявляется в современных условиях. До момента окончательной победы США в холодной войне геополитический дуализм развивался в изначально заданных рамках – речь шла об обретении талассократией и теллурукратией максимального пространственного, стратегического и силового объема. В этом отношении никакого детерминизма нет. Следовательно, геополитическая телеология, т. е. осмысление цели истории в геополитических терминах, доходит лишь до момента глобализации дуализма и здесь останавливается.

США способствуют вызреванию недовольства американским диктатом, порождаемого самой логикой однополярной системы. Многие современные американцы не знают о союзничестве США и СССР во Второй мировой войне. Опубликованные опросы американских студентов свидетельствуют, как трудно признают в США роль Советской Армии в крушении фашизма. Американцы не хотят знать, что Советская Армия понесла огромные потери, когда воевала уже за пределами своей страны, что ею были спасены миллионы европейцев.

Многополярное мироустройство является объективным требованием эпохи глобализации, которое не стоит отождествлять с примитивным антиамериканизмом и тем более с возвратом к конфронтации противостоящих коалиций. Суть концепции многополярности состоит именно в необходимости отвечать на глобальные вызовы объединенными усилиями различных центров (полюсов) мирового сообщества. Это призыв не к соперничеству, а к солидарности. При этом концепция многополярного мира, которая ранее воспринималась довольно безразлично, теперь стала объектом ожесточенных нападок. Споры о многополярности вышли за рамки академических дискуссий, в них активно включились официальные лица.

На каждом уровне материально-технического развития общества есть предел абсолютного роста, при достижении которого

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 36.

² Там же. С. 31-32.

общество либо переходит на новый уровень, либо разрушается. Нынешний предел отличается от предшествующих тем, что человеческий мир превратился в единую систему социального взаимодействия, ему больше некуда расширяться. Соответственно, истории в ее нынешнем виде приходит конец. Действительный конец истории состоит не в угасании борьбы за существование коммунистической или либеральной модели, а, наоборот, в доведении ее до логического конца, т. е. до возможности самоуничтожения людей в их борьбе с природой и друг с другом.

В поступательном движении сложилась новая, неклассическая парадигма научного мышления, основанная на идее субъектности, т. е. на стирании граней между объектом и субъектом, признании зависимости знания от познающего субъекта и применяемых им познавательных операций, а также на включении познающего субъекта (который в классической науке не принимался в расчет) в систему мировых связей и взаимодействий. В современной, постнеклассической парадигме идея субъектности охватила не только гносеологию, но и онтологию естествознания, обусловив тем самым одну из основных особенностей постнеклассической методологии – переход субъекта к миру и включение разума в мировую систему взаимодействий. Таким образом, роль универсальной научной парадигмы стала играть современная научная картина мира¹.

Необходимо уточнить проблему нахождения признаков (первое условие), позволяющих отделить один этап эволюции от другого, т. е. периодизацию общественного развития. Проблема выявления в обществе признаков, отделяющих один этап общественной эволюции от другого, не слишком отчетливо понимается обществоведами. Создается впечатление, что большинство исследователей пользовались интуитивно созданными или предполагаемыми критериями. Иначе говоря, признаки, свойственные этапам общественного развития, чаще всего методологически обоснованы недостаточно, а поэтому теоретические конструкции грешат чрезмерным субъективизмом².

Одной из особенностей общественного развития является то, что в XIX–XX веках возрастает социальная активность человека в

---

¹ См.: Аршинов В.И., Буданов В.Г. Роль синергетик в формировании новой к českая история. М.: «Олита», 2004. С. 248.

² См.: Тоффлер О. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

смысле идентификации его с определенной общностью. Это относится к национальному и классовому самоопределению, где наряду с объективными основами детерминации имеет немалое значение субъективный фактор. Обеспечивая человеку мощную социальную поддержку и защиту, общность может в то же время жестко регламентировать жизнедеятельность человека, подавляя его свободу и индивидуальные особенности. В XX веке на историческую арену выходят массы людей, десятки и сотни миллионов, вдохновляемые теми или иными идеями преобразования мира. Возникает феномен массового сознания и восстания масс.

Стратегия в военной области часто определяется конкретными тактическими действиями. Рассмотрим в этой связи пример Второй мировой войны. 6 января 1945 г. Черчилль писал Сталину: «...я буду благодарен, если вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелание упомянуть...». Сталин оперативно дал согласие, и Черчилль отмечает: «Весть, сообщенная Вами мне, сильно ободрит генерала Эйзенхауэра, так как она дает ему уверенность в том, что немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами»¹.

Сторонники размещения американских ракет в Европе «...противопоставили воле большинства населения Западной Европы, выступающего против размещения новых американских ракет, результаты голосования по этому вопросу в парламентах ФРГ, Великобритании и Италии в конце 1983 года. Действительно, правительства этих стран имели на своей стороне большинство парламентских мандатов. При этом делались попытки выдать результаты состоявшихся незадолго до этого выборов в парламенты Великобритании и ФРГ как голосование в пользу «довооружения» НАТО. Однако известно, что избиратель в капиталистических странах голосует, как правило, руководствуясь прежде всего своими представлениями о том, чья партийная платформа сулит ему в обстановке нынешнего кризиса если не улучшение, то по крайней мере сохранении его жизненного статуса и благосостояния. Он принимает «в пакете» всю партийную

¹ См.: Исраэлян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. С. 326–327.

платформу, где вопросы внешней политики фигурируют далеко не на самом видном месте»¹.

Английский журналист и историк Дэвид Мэйсон: «Американский сенатор Бора придумал выражение «призрачная» или «мнимая война». Черчилль, говоря об этом периоде, употребил определение Чемберлена «сумерки войны», а немцы называли ее «сидячей войной». Это было время, когда противники в Европе бросали друг на друга свирепые взгляды, стараясь угадать, что намеревается предпринять другая сторона, период воинственных поз, усталости и вялости, когда настоящих военных действий почти не велось»². Журналист лукавит, поскольку на самом деле «странная война» объяснялась целым комплексом очень сложных факторов, в основе которых – попытка направить гитлеровцев на восток, на СССР.

В середине 1990-х годов биполярная система была восстановлена. На первый взгляд это кажется нелепым парадоксом, ведь между США и ЕС нет ни идеологических, ни военных противоречий.

Роль и значение «мягкой силы», которая использовалась еще в подготовке крушения советской системы и вплоть до реализации проекта, постоянно возрастают. Сегодня практически ни одно даже малозначимое событие в мировой политике не происходит без использования МС, многократно усиленной новейшими информационными и когнитивными технологиями. Более того, в современных условиях именно «мягкая сила» часто обеспечивает информационную артподготовку, готовит плацдарм для прямого военного вмешательства.

Различные способы воздействия на сознание, методы ненасильственной обработки властных и иных групп известны давно. Об этом писали Н. Макиавелли и французские энциклопедисты, Г. Торо и М. Ганди, Т. Лири и Р. Уилсон.

Сам термин «мягкая сила» был предложен Наем в 1990 году и лишь спустя 14 лет в 2004 году вышла его самая известная книга «Мягкая сила: Средства достижения успеха в мировой политике». В настоящее время Най активно продолжает свои исследования и

---

¹ См.: Европа XX века: проблемы мира и безопасности / отв. ред. А.Ф.Чубарьян. М.:Международные отношения, 1985. С. 237–238.

² Мэйсон Д. Странная война // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М.: Политиздат, 1992. С. 80.

формирует повестку «умной власти» для нынешней администрации Белого дома, понимая ее как «способность объединять в различных контекстах жесткие и мягкие ресурсы власти в успешные стратегии».

Без преувеличения в XXI веке важнейшим инструментом «мягкой силы», придавшим ей динамизм и мобильность, стали современные средства массовых коммуникаций, сокращающие некогда непреодолимые расстояния между материками. Теперь не только возможно формировать мировоззрение социума конкретной страны, организации и проведение государственного переворота не требует непосредственного присутствия интересантов: свергать режимы можно дистанционно, посредством передачи информации через различные сети¹.

Причем глобальная стандартизация и информатизация активно ведут и к размыванию этнополитической идентичности... Нивелирование суверенного качества институтов государственной власти, развитие международно-правовых, гуманитарных и военных интервенций значительно сужают возможности государств, делают сопротивление глобальной модернизации практически невозможным. Воздействие вышеприведенных факторов раз и навсегда «взламывает» казавшиеся ранее достаточно устойчивыми барьеры между различными правокультурными и этнополитическими пространствами. Массовая культура глобализации в этих обстоятельствах оказывается сильнее культурного ядра национальной идентичности, которое под ее воздействием включается в качестве составляющей общегражданской идеологии, сохраняясь на уровне фольклорных особенностей...»²

Не только философы, но и вменяемые политические деятели Запада испытывают ошутимую тревогу по поводу хода и судьбы их цивилизации, столь для нас ныне прельстительной. Например, широко известный З. Бжезинский считает православие (основу иной, духовно и нравственно ориентированной модели общественного развития!) последним и подлежащим разрушению препятствием для приобщения России к этой цивилизации (и тем самым

¹ См.: Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. 2013. № 6. С. 22.

² См.: Волков В.Н. Либерально-демократический проект десовернизации отечественного политико-правового порядка // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2011. № 5(19). С. 18.

обретения ее болезней!). В книге с характерным названием «Вне контроля. Глобальная смута на пороге XXI века» он с апокалиптическими интонациями пишет о том, что идеалы личности как тотального потребителя составляют суть морального и жизненного кризиса на Западе, провоцируют процессы разрушения культуры и разложения общества, западный человек сверхзабочен собственным материальным и чувственным удовлетворением и становится все более неспособным к моральному самоограничению. Но если мы на деле окажемся неспособными к самоограничению на основе четких нравственных критериев, под вопрос будет поставлено само наше выживание.

После развала Союза стародавний вопрос Россия – Европа не столько разрешается, сколько рассасывается в более масштабном вопросе о взаимоотношении России и Мира. В. Страда считает, что «перед сегодняшней Россией стоит нелегкая задача обретения собственной национальной постимперской и постсоветской идентичности в новой мировой реальности»¹, поскольку «сейчас на карте само ее существование, и не столько физическое, сколько духовное»². Эта задача может быть решена лишь при условии отказа от крайностей: позиции, согласно которой Россия является частью европейской цивилизации, и позиции, рассматривающей Россию как особую самодовлеющую цивилизацию. «На самом деле Россия – особая часть Европы, отличающаяся от остальной Европы большим своеобразием, чем ее каждая отдельная национальная цивилизация. России – это не антиевропейская Евразия, а азиатская часть Европы, граничащая с Западом и вливающаяся в него», – констатирует Страда³.

«Встреча Запада с Востоком... действительно, оказывала революционное воздействие на европейское сознание. Европейскому человеку, практически забывшему свою духовную традицию, внезапно открылся совершенно новый для него опыт – путь к постижению сути вещей через специфическое переживание времени. Но европеец остался бесконечно далек от восприятия всей полноты нового опыта: его ум и подсознание, вся его душа все же были устроены в соответствии с платонической в ее основе хри-

---

¹ См.: Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 93.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 90.

стианской мистикой, так что восточный импульс мог быть пережит им лишь как слабое дуновение. А говорить о мистике дзэн на языке западных категорий можно было, лишь привлекая для этого достаточно искусственную диалектику, – почти что сплошь парадоксами¹.

Разнузданная коррупция, массовые переводы капитала за рубеж, преимущественная активизация фиктивного капитала в ущерб продуктивному хозяйственному началу, продажность чиновничества, явочным порядком объявившего свои профессиональные услуги «предпринимательством» (в форме получения взяток), – во всем этом видится не одна только анархия переходного периода. Многое свидетельствует в пользу того, что новые власти усматривают в этом вызове морали и здравому смыслу показатель модернизации «совкового сознания», духовного разоружения, необходимого для вступления в новую жизнь².

Переход целостности к монолиту и последующий этап создания новой целостности должны осознаваться обществом как конкретный исторический отрезок. В эти моменты естественные циклы синхронизируются и все общество начинает работать как один организм, но лишь до определенного предела. По существу, перед нами момент революции: социальной, технологической или культурной. У каждой революции имеются конкретные задачи, для решения которых и происходит синхронизация естественных циклов. Следовательно, мы видим, что решающей онтологической проблемой является выделение категорий, с помощью которых можно описать естественную границу длительности неизменного функционирования исторического объекта. Это длительность особого рода. Она не может начаться с определения границ отрезка. Начало и конец исторической длительности являются условными единицами. Изменения истории чаще всего происходят в результате длительных процессов, в которых проблематично выделить начало и практически невозможно – конец. Начало и конец – не более чем абстракции, к которым мы апеллируем с целью сделать историю понятной и человекообразной. За пределами этих абстракций при анализе длительности являются исторически сменяющие друг друга циклы повседневности, на фоне которых про-

¹ См.: Бонеецкая Н.К. Эстетика М.А.Волошина // ВФ. 2007. № 1. С. 127.

² См.: Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. Между атлантизмом и евразийством.

исходят процессы становления новой целостности или системы отношений человека к человеку, человека и общества, общества и природы. Каждой из этих систем соответствуют свои параметры длительности. Все вместе они описывают процесс становления человеческой истории.

В свою очередь, неореалистский вариант исторического познания предусматривает сначала некоторый идеальный проект истории, предполагающий всеобщие для всех времен и народов закономерные исторические фазы, общественно-экономические формации и, соответственно, исторические события раскладываются по «ячейкам» этих формаций и фаз. И оказавшись в этих идеальных ячейках, события обретают те или иные смыслы, тональности, определенные изначальной идеальной схемой, например формацией.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что вступление России во второй половине XIX века на путь активного модернизационного перехода не могло не привести в начале XX века к крупной социальной метаморфозе, но при этом ни у официальной власти, ни у разношерстной оппозиции того времени при всей ее радикальности не было адекватного представления о сущности и реальности этого периода, следствием чего стала грандиозная национальная катастрофа. Правы они и в том, что, «отвергнув путь реформ, Россия избрала путь насильственного революционного разрешения накопившихся противоречий, выбрав в соответствии с [худшими] национальными традициями авторитарный политический режим правления и очередной вариант модернизации «сверху»¹.

Европейская цивилизованность и азиатская самобытность – вот наше предназначение. Русским присущи открытость другим культурам, терпимость, стремление понять и принять инакодумящего и инаковерующего, ужиться с ним. Симбиоз двух культурных регионов, постоянный диалог между ними в пределах одной страны определил лицо нашей культуры. Отсюда характерная черта, подмеченная Достоевским, – «всемирная отзывчивость», то есть способность откликнуться на чужую беду, пережить ее как свою...»².

Более того, есть основания утверждать, что мир фактически движется к синтезу пietetа Запада к индивидуальным правам с почте-

---

¹ См.: История человечества. В 8 т. Т. VIII. Россия / Под общ. ред. А.Н. Сахаров. М.: Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. С. 494.

² Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. С. 21-22

нием Востока к социальным обязательствам (конечно, в различных вариациях); западного внимания к автономии личности и восточной заботы об общественном порядке; правового и политического эгалитаризма Запада с авторитаризмом Востока; западного отрицания великих идеологий, то есть утопизма, и пространных восточных указаний на то, что можно и чего нельзя делать людям; секуляризма и морального релятивизма Запада с представлениями о потустороннем существовании и трансцендентальных смыслах, присущими мировоззренческим системам Востока, включая индуизм, конфуцианство и некоторые африканские традиции. В процессе синтеза происходит взаимная адаптация восточных и западных компонент¹.

Евразийство принадлежит к числу концепций философии истории, которые принято обозначать общим названием «цивилизационный подход». Представители этого подхода отрицают существование общечеловеческой культуры, общечеловеческих ценностей, то есть ценностей, которые были бы органичны для всех народов и цивилизаций земного шара. Они резко возражают против попыток одной из современных цивилизаций (а именно – западной) выдавать свою культуру и ценности за универсальные общечеловеческие, наиболее развитые. В человечестве они видят лишь совокупность равноценных локальных культур и цивилизаций. В этом плане точка зрения евразийства не отличается от точки зрения теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, в связи с чем в евразийцах видят непосредственных наследников русских неославянофилов². Тем не менее, по мнению Р.Р. Вахитова, обоснования отсутствия общечеловеческой культуры у русских евразийцев и Н.Я. Данилевского заметно различаются и потому заметно отличаются методологические и философские базы этих концепций³.

Н.Я. Данилевский, который сам был ботаником и экологом по специальности, не скрывал того, что, по его мнению, необходимо экстраполировать методы биологии на науки об обществе и культуре. Систематизацию Данилевский считал главной задачей науки. Причем

¹ См.: Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. С. 21-22.

² См., напр. С.М.Половинкин. Евразийство и русская эмиграция // Н.С.Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1983. С. 738.

³ Вахитов Р.Р. Нерелятивистская версия цивилизационного подхода у евразийцев (структуралистская культурология Н.С.Трубецкого) / Р.Р.Вахитов // Credo. 2010. №4. С. 29.

он имел в виду не искусственную систематизацию, созданную ради лучшего усвоения материала в процессе преподавания, а естественную систематизацию, т. е. группировку «предметов и явлений, принадлежащих к кругу известной науки, согласно их взаимному сродству и действительным отношениям друг к другу»¹. Данилевский был убежден, что наибольшего совершенства методы систематизации достигли именно в биологии, при этом данные методы систематизации имеют не только узкоспециальное значение, они универсальны: «... ежели понятие о естественной системе и было выработано ботаникой и зоологией, оно, без сомнения, не составляет какой-либо особенной их принадлежности, а есть общее достояние всех наук...»². То есть Данилевский считал, что подобно тому как биологи распределяют животных и растения по отрядам, классам и видам, исходя из сходства существенных признаков, точно так же историки должны распределять события и факты по группам с наибольшей степенью сходства или родства. Если это сделать, то выяснится, что нет исторических событий одинаковых для всех народов и таким образом невозможно говорить о единой всемирной истории, можно констатировать лишь истории отдельных народов и их органических естественных объединений (культурно-исторических типов).

Легко заметить, что хотя Данилевский и пытался опираться на сугубо рациональные доводы, в его рассуждениях была априорная предпосылка. Состояла она в том, что подобно тому, как фундаментальным элементом биологической естественной системы является отдельная особь, фундаментальным элементом историко-культурной системы является народ, то есть совокупность людей, объединенных определенной степенью родства и общим языком (Данилевский часто использует как синоним слово «племя»). В существовании народов сомневаться невозможно, это та эмпирическая реальность, на которую мы опираемся в своих умозрительных заключениях. Исторические события есть предикат, а народ – субъект, ведь именно с народом эти события происходят. Культуры отдельных народов и их союзов (культурно-исторические типы) Данилевский воспринимал как живые организмы, которые рождаются, проходят все стадии развития – детство, юность, зрелость, старость и, наконец, умирание, освобождая место для других организмов-культур.

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа.. Составление, послесловие, комментарии С.А.Вайгачева. М.: Книга, 1991. С. 76.

² Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 77.

По мнению Р.Р. Вахитова, для Данилевского был характерен своеобразный натуралистический культурологический номинализм, который базировался на экстраполяции методов биологии на историю и культурологию и именно он и являлся основанием отрицания общечеловеческой культуры в рамках концепции Н.Я. Данилевского¹.

Однако существует принципиальная разница между аргументацией отсутствия общечеловеческой культуры и единого эмпирического человечества у евразийцев в лице Н.С. Трубецкого и у сторонников натуралистической трактовки культур в лице Н.Я. Данилевского. Если Данилевский исходил из культурологического номинализма, то Трубецкой – убежденный платоник, признающий существование человечества как целостности. Отрицание общечеловеческой культуры у него не влечет за собой отрицания существования человечества как идеальной симфонической личности².

«Кажется, сегодня особую актуальность приобрели известные слова Гегеля о том, что во всемирной истории благодаря действию людей получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто, содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения»³.

Перу Н.А. Бердяева также принадлежит книга под названием «Русская идея», смысл которой – братство народов, искание всеобщего спасения. Имеется у Бердяева еще более лаконичная формула русской идеи: все ответственны за все.

Таким образом, военный прогресс как определенная стратегия включает в себя комплекс не только военных мероприятий, но и долгосрочные программы в политической, дипломатической и других сферах государства. Именно поэтому выработка военной стратегии является важнейшей частью развития общества и государства, ведь разработка определенной военной стратегии свидетельствует о диалектическом единстве внутренней и внешней политики государства.

¹ Вахитов Р.Р. Нерелятивистская версия цивилизационного подхода у евразийцев (структуралистская культурология Н.С.Трубецкого) // Credo. 2010. № 4. С. С. 30.

² Вахитов Р.Р. Нерелятивистская версия цивилизационного подхода у евразийцев (структуралистская культурология Н.С.Трубецкого) // Credo. 2010. № 4. С. 46.

³ Гегель. Соч. Т.8. М., 1935. С.27

1.4. Военный прогресс как тактика

Совокупность наиболее важных действий, тактик и стратегий в современном геополитическом пространстве есть метагеополитика. Ее базовой составляющей являются хорошо продуманные геополитические PR-кампании по созданию, расширению и культивированию тех или иных геополитических образов. Суть метагеополитики – разработка взвешенных действий в пространстве существующих геополитических образов, а также конструирование новых, достаточно мощных и эффективных. В итоге возникает метагеополитическое пространство, конфигурации и рельеф которого зависят от глобальных целей в области внешней политики и безопасности.

Можно согласиться с Д. Замятиным, который подчеркивает, что при оценке современных проблем в понимании военной тактики следует отдавать себе отчет, что речь идет о трансформации старых проблем в новые. Требуется найти законы функционирования и развития метагеополитических пространств, их конфигураций и образных метагеополитических ансамблей. Обнаружение таких законов – главное условие развития современной геополитики как теоретической науки, прикладной дисциплины и области проектной деятельности¹.

Тактические шаги в военном прогрессе детерминированы тем фактом, что для США и Западной Европы снижение потребления и даже только темпа роста потребления – это крах текущей модели капитализма «общества всеобщего быстрого потребления и финансовых пузырей», которая 65 лет назад сменила модель капитализма монополистической конкуренции.

Современную мировую обстановку формируют несколько тенденций. Первая: на планете все больше набирают силу цивилизационные процессы. Цивилизации, в особенности западная, исламская, китайская и российская (православная), претендуют на вечное существование. Но одного желания мало, нужно иметь долгосрочные цели, уметь прописывать свою национальную и даже цивилизационную стратегию и тактику и умело управлять национальным бытием. Вторая: глобализация, уже разделившая мир на «успешных» (или успевающих) и «неуспешных», которым суждено быть вечно ресурс-

---

¹ Замятин, Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. // Полис. 2001. № 6. С. 112–113.

ными или трудовыми придатками первых. Третья тенденция связана с тем, что «диффузия этносов и рас» – это неуправляемая миграция, сметающая на своем пути любую демократию и национальную государственность. Сегодня мы наблюдаем очевидный закат Западной Европы, бывшей когда-то колыбелью белого христианского этноса.

Тактика и процесс военных действий могут быть представлены как битва организаций. Каждая организация пытается привести другую к распаду но в то же самое время сама она должна избежать распада, поскольку на обеих сторонах идут одинаковые процессы. Действительно, можно предположить, что в битвах и войнах в целом обе армии терпят организационный распад. Та армия, которая распадается медленнее, и становится победителем. Явление, нарастающее весьма постепенно и имеющее качественный характер при небольших отличиях между сторонами, тем не менее может приводить к крайне противоположным результатам. Дело в том, что при достижении точки распада дезинтеграция резко ускоряется. Армия, организация которой выстояла хоть немного лучше, чем организация армии противника, уже прошедшая через критическую точку, будет в состоянии пожать плоды победы при больших диспропорциях в уровне жертв из-за паники бегства среди проигравших. Разумеется, не во всех битвах (и не во всех войнах) достигается эта критическая точка; многие конфликты заканчиваются ничьей, когда организационная дезинтеграция примерно одинакова на обеих сторонах. При этом все маневрирование, составляющее долговременную стратегию и кратковременную тактику, направлено на получение таких условий, при которых и может произойти такой решительный организационный прорыв.

Существует три уровня распада армии, возрастающие в масштабе и временной продолжительности.

1. Тактико-ритуальный распад в боевой структуре. Сюда относится паническое отступление, которое может происходить в сочетании с паникой. Это случается в кульминации «естественного ритуала», драматизирующего угрозу одной стороны в адрес другой до тех пор, пока одна из сторон эмоционально не воспримет угрозу массового убийства и не превратит ее тем самым в самоисполняющееся пророчество. Однако масштаб таких распадов/прорывов может существенно варьировать. Высшие офицеры пытаются поддерживать целостность организации посредством изолирования, отъезда, восполнения или даже жертвования теми боевыми единицами, которые

претерпели подобный распад. Таким образом, тактика битвы состоит в попытке одной стороны создать организационно-разрушительную панику в рядах противника, а затем расширить ее, тогда как тактика другой стороны – в минимизации такоо распада.

2. Логистико-макроструктурный распад. Приведем следующий пример. Целая армия терпит поражение тогда, когда вся ее структура приходит в состояние хаоса, при котором уже невозможны даже минимальная координация и снабжение. Дело в том, что современная армия все больше принимает форму бюрократии. Традиционные армии меньшего размера, меньшей технологической сложности и с более простой логистикой (системой материально-технического снабжения) могли иметь и более простую макроструктуру координации, но даже в этом случае крупные силы сталкивались с необходимостью учета базовых логистических условий. Другими словами, чем более бюрократична такая макроструктура, тем более она уязвима по отношению ко всеобщему макроорганизационному распаду в дополнение к следствиям тактико-ритуальной паники. Получилось так, что среди разных типов организаций военная бюрократия попадает в категорию, для которой внутренне присущи наибольшие трудности в координации¹.

Военная бюрократия сталкивается с теми же проблемами, но в более острой форме. Упор на дисциплину и принудительный контроль необходимым образом обостряют ранговые отношения и усиливают особое значение бюрократических формальностей. В то же время реальный процесс войны ведет к организационным напряжениям.

Управление армией в бою в значительной степени является попыткой организационной импровизации, направленной на минимизацию последствий перебоев в снабжении и на сборку боевых компонентов в том месте, где они более всего необходимы для противодействия передвижениям противника.

3. Долговременное психологическое давление. Войска распадаются из-за стресса в ситуации боя. Именно по этой причине во всех армиях, участвовавших в Первой мировой войне, поднимались войсковые бунты. При победах точка распада отдалается, однако распад

---

¹ См.: Коллинз Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны // Война и геополитика. Альманаха «Время мира» Вып. 3 / под ред Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. С. 52.

грозит всем армиям. Динамика распада определяется соотношением общего уровня потерь к величине задействованных войск. Появляется настроение фатальности, неизбежности гибели (причем не только в ситуации панического бегства), при котором продолжать сражаться становится самой бессмысленной из всех альтернатив.

Существующий в современной международной практике принцип суверенного государства сложился не случайно, а на протяжении столетий войн и конфликтов. Но принцип прав человека по сравнению с принципом территориального суверенитета очень абстрактен, то есть различные группы, отдельные лица, организации трактуют его по-разному, но прежде всего в своих интересах. Именно поэтому сделать этот принцип реальным инструментом международной политики очень сложно, если вообще возможно.

В частности, Евразийский союз – это политический проект; геополитический, построенный на естественной, абсолютно органичной экономической основе в отличие от Евросоюза, за которым стояла изначально американская воля к консолидации Европы против советского блока и американская военно-политическая крыша. Единственным исключением в этом европейском доме были Российская империя, потом СССР. При этом нас много раз проверяли на прочность. Во всех войнах мы защищали территорию и отстаивали свое право не платить дань, хранить свою версию христианства.

Возникает вопрос, бывает ли военный союз без военной цели. В истории было много удивительных вещей, кроме одной – наличия подобных союзов. Сегодня никто не вспоминает, что в ноябре была подписана в Париже Хартия о безблоковой Европе (ноябрь 1990 г.). Горбачев выполнил все свои обязательства, но не Запад.

Важно подчеркнуть, что война, будучи предельной формой давления на социальную организацию, обнаруживает некоторые базовые компоненты социального порядка. Конфликты интересов, из-за которых страны склонны воевать, обычно являются проявлениями глубинных политических и социальноэкономических отношений. Кто идет на войну и против кого, не может быть понято, если не принимать во внимание близкие и антагонистические связи среди национальных, этнических, религиозных и идеологических групп. Часто антагонизмы, ведущие к войне, коренятся в экономическом соперничестве или отношениях гегемонии/зависимости, которые для некоторых стран оказываются неприемлемыми, либо же конфликты усиливаются такого рода отношениями. В плане международных

отношений эти разнообразные конфликты протекают в фактически анархической межгосударственной системе, которая сама часто является одним из детерминантов войн. Это фундаментальные, или структурные, стратегии уменьшения роли войны в мировом сообществе, они должны быть существенно трансформированы.

Вопросы относительно структурных причин войн могут быть поставлены на трех уровнях:

- верна ли распространенная концепция о том, что определенные системы внутреннего политического и экономического устройства более предрасположены к инициированию войны, чем другие;
- являются ли некоторые базовые конфигурации в международной системе более способствующими войне, чем иные конфигурации;
- является ли межгосударственная система как целое настолько предрасположенной к войне, что ничего, кроме ее замены мировой политической системой совершенно иного типа, не может существенно повлиять на склонность наций решать свои споры с помощью силы?¹

Порядок последующей работы по осмыслению онтологии и глубинных источников войны таков:

- зафиксировать внешнее определение войны;
- выделить характеристику войн во всемирной истории, требующих теоретического объяснения и философского осмысления;
- представить исходный полиаспектный онтологический каркас и конкретизировать понятийные конструкции по каждому аспекту с ориентацией на потенциальную универсальность в описании явлений и периодов мира и войны в масштабе всемирной истории;
- повести концептуальный анализ выделенных характеристик войн (2) средствами заданного полиаспектного понятийного аппарата (3), по возможности используя накопленные в науке эмпирические и теоретические знания, и представить эскизное объяснение (широкую предгипотезу) относительно происхождения (генезиса) войны, динамики и тенденций изменения войн в мировой истории;
- путем обобщения и философского осмысления полученных понятийных конструкций и эскизных объяснений сделать выводы об онтологической природе и глубинных источниках войн.

---

¹ См.: Браун С. Причины войны: структурные факторы // Война и геополитика. Альманах «Время мира» Вып. 3 / под ред Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. С. 60.

Имеется постоянный ресурсный голод, причем не настолько сильный, чтобы препятствовать военной мобилизации, но и настолько слабый, чтобы выгоды мирного потребления перевесили жажду наживы. Вполне вероятно, что постоянство этого ресурсного голода вызывается чисто мальтузианской причиной роста населения при ограниченности основных ресурсов (пашен и/или пастбищ) и слишком медленном технологическом прогрессе, не позволяющем расширять ресурсную базу без экспансии.

Имеющиеся средства насилия настолько эффективны, что позволяют легко вести завоевания, но еще не настолько мощны, чтобы надежно подчинить всех противников, не настолько сложны и дороги, чтобы такие средства нельзя было перенять; попеременное овладение новейшим оружием и военной организацией лишает победителей надежного имущества и ведет к постоянному возобновлению войн реванша.

Имеющиеся международные коммуникации настолько развиты, что завоеватели осведомлены о богатых городах и землях, путях к ним, но еще не настолько интенсивны, чтобы систематические торговля, дипломатия, системы безопасности препятствовали попыткам завоеваний.

Ресурсы, захваченные при завоеваниях, становятся необходимым элементом регулярных процессов жизнеобеспечения; соответственно, тот, кто не ведет регулярных войн, лишается внутренней легитимности и рискует стать жертвой тех обществ, которые такие войны ведут.

Как видим, в первых трех условиях имеется некий средний уровень развития, своего рода «провал» в значениях переменных, ведущий к рутинизации войн. В некотором смысле войны являются «нормой» международной политики со времен неолитической революции вплоть до формирования системы национальных государств XVII–XVIII веков.

Нормальность войны (общее признание ее приемлемости как способа решать политические проблемы) следует отличать от ее регулярности (повторяющегося рутинного характера)¹.

Есть смысл говорить о войнах как о нарушениях режимов.

---

¹ См.: Озов Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Война и геополитика. Альманаха «Время мира» Вып. 3 / под ред Н.С. Розова. Новосибирск, НГУ, 2013. С. 81–90.

О глобальном мире в мировой истории можно говорить только для внутреннего устройства больших империй или «миров» (Рим, Китай, исламский и китайский миры).

Типология войн должна быть результатом исследования их причин, но для такого исследования требуется начальная, эскизная типология, которую сейчас и представим.

Доктор исторических наук А.В. Кива в своей книге в острой полемической форме затрагивает острые жизненно важные проблемы. Автор изучает такие вопросы, был ли неизбежен распад СССР; общее и особенное в китайских и российских (советских) реформах; почему был проигнорирован опыт Рузвельта; корни негативного отношения российских реформаторов к опыту стран Востока; для России как евразийской страны полезен опыт и Запада, и Востока.

«Первая чеченская война была крайне непопулярна внутри страны, как и подобает колониальной войне, но Запад этого не видел в упор, поскольку опасался ослабления позиций Ельцина и коммунистического реванша. Западные СМИ все спускали на тормозах. Бомбардировки Сербии опять же были непопулярны именно у нас – при всей мерзости режима Милошевича угрозы безопасности для стран Запада он все же не представлял, а идеализировать какую-то одну из сторон косовского конфликта явно не было оснований. Однако глупости цивилизованных людей ничем не лучше, чем глупость варваров, поскольку глупость – она и есть глупость. Хватило же ума у наших старших братьев по разуму, благополучно переживших первую чеченскую войну, типично колониальную, отбомбившись по Сербии, поднять в СМИ невиданную по масштабам антироссийскую кампанию в ходе второй чеченской войны, часто оборонительной по своему характеру и имевшей целью воспрепятствовать созданию «халифата от Черного моря до Каспийского»!»¹.

Кант сформулировал свой знаменитый категорический императив, в частности, призывая не превращать другое разумное существо только в средство для реализации своих целей. Мы живем в мире антиимператива: используем других как средство для достижения своих целей всегда, когда только можешь.

С точки зрения военного прогресса важно подчеркнуть, что идея покорения российских пространств жива – просто переехала

---

¹ См.: Коровин В. Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны. М.: Изд-во «Евразийское движение», 2008.

за океан. Американские ПРО создаются для того, чтобы Европа продолжала бояться вооруженного нападения России. Так что упрекать необходимо за то, что нас ссорят с нашими континентальными соседями, не дают создать политические гарантии мира, действительно являющегося для Европы общей ценностью. Для Европы, но не для США, которые не знают, что такое массовая война на собственной территории.

Таким образом, XX век обогатил человечество своего рода сбалансированным социальным опытом. Этот век вобрал в себя реальное господство в обществе совершенно различных форм собственности, управление обществом со стороны разных, часто противоположных социальных сил, показал на практике функционирование разных политических систем, идеологических концепций. При этом прошли своеобразную практическую апробацию совершенно полярные социальные, культурологические концепции. В этом смысле мы считаем опыт XX века своего рода завершенным.

Важной отличительной особенностью социальной жизни XX века является ее возросший динамизм. Уже само по себе омассовление общества, сосредоточение людей в огромных производствах, ускоренная урбанизация, освоение новых регионов стимулировали процессы социального перемещения. С развертыванием научно-технической революции общественное производство набрало еще больший динамизм, стали возникать новые области производства, услуг, быстрее осуществляется переориентация различных видов деятельности, что также стимулировало миграционные процессы в обществе. Все это происходит в условиях своеобразного преодоления социологической замкнутости общностей, размывания социологических границ, их большей открытости. Добавим к сказанному, что социальная мобильность в обществе усилилась по горизонтали (из одной профессиональной группы в другую, из одного региона в другой) и по вертикали (область изменения социального статуса, перемещение либо в люмпенско-маргинальные слои, либо в обеспеченные элитарные). Возросла и международная социальная миграция, особенно во второй половине века. Думается, что последнее десятилетие характерно всплесками международных миграционных потоков, связанных с процессами в бывших социалистических странах. Развитие социальной мобильности создавало новые проблемы и в то же время снимало социальные напряжения, не позволяло законсервироваться и излишне обостриться социальным конфликтам.

В целом же можно сказать, что в XX веке сдает свои позиции социологический редукционизм. Это означает, что те общности, которые характеризуются жестким давлением на человека, тенденцией подминать человека, недооценивать, а то и вовсе отбрасывать его индивидуально-личностные вопросы, теряют свой вес и значение. Как бы ни были для человека привлекательны выгоды от различных форм объединения, но если эти выгоды побуждают его пренебречь своими индивидуально-личными интересами, в чем-то отступить от личной независимости, человек предпочитает от этой общности и от этих выгод отказаться.

Лидерство – это не только возможность, но реализация действий по преобразованию макромасштаба страны, хозяйства, экономики, уклада и образа жизни в целом. Кроме того, эта практика должна быть успешной, для чего надо понимать свое место и роль не в мировом хозяйстве, не в мировом разделении труда и даже не в геополитике, а в мировой истории.

Миф о самодостаточности естественной экономики использовал в качестве символа веры известные слова Адама Смита из его «Богатства народов» о невидимой руке рынка, превознося упомянутую «руку» как некий собственный внутренний механизм коллектива естественно сосуществующих экономических организмов, который якобы – дай ему волю – и создает сам все потребные народу (стране) богатства. Главное этой «руке» не мешать. «А ведь Адам имел в виду, что «невидимая рука» потому и рука только, что принадлежит государству, является средством управления со стороны последнего. В качестве не менее важного обязательного условия процветания Смит также назвал нравственный строй общества, описанный им в другом произведении и представляющий собой, по сути, то же государство – каркас общества¹.

Вместе с тем исчез и тот наивно-идеалистический взгляд на историю, которого также одинаково держались и просветители, и утописты и который выражается в словах *«разум, мнения правят миром»*. «Конечно, разум, – говорил Гегель, – правит историей, но в том же смысле, в каком он правит движением небесных светил, т. е. в смысле *законосообразности*.» Движение светил законосообразно, но они не имеют, разумеется, никакого представления об этой за-

---

¹ См.: Сергейцев Т. Суверенин и лидерство как проект // Однако. 2012. 17 декабря. № 38 (147). С. 18.

коносообразности. То же и с историческим движением человечества. В нем, без всякого сомнения, есть свои законы, но это не значит, что люди сознают их и что, таким образом человеческий разум, наши знания, наша философия являются главными факторами исторического движения.

Пользуясь идеями В.И. Мартынова¹ относительно культурно-исторических периодов, можно говорить, что культура любого народа прошла определенные стадии развития – магическую, мистическую, этическую и эстетическую. При господстве эстетического начала главные сферы человеческой деятельности секуляризируются, освобождаясь от сакральных или этических функций, и приобретают самостоятельное, эстетическое значение. К моменту принятия Русью христианства народы Запада находились на этапе этического развития, когда главным направлением становилось теоретическое, философское творчество, имеющее тенденцию перерасти в гуманистическое, научное и техническое мировоззрение. Русь в это время находилась на магики-мистическом этапе, при котором главным лицом культурного творчества являлся не философ, но жрец, а общество стремилось к онтологическому согласованию и даже единству с космическими ритмами и естественными законами природы.

Хотя с конца 30-х годов XIX века в России решающая роль среди философских направлений принадлежала философии Гегеля, сохранялось, однако, и своеобразие русской философии, основанной на собственных диалектических традициях. В частности, отличительная черта русской философии проявляется в неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале целостности заключается действительно одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Именно в историческом бытии – более, чем при изучении природы или в чистых понятиях отвлеченной мысли, – лозунг целостности неустраним и нужен.

Можно полагать, что нравственный образ истории России послепетровского периода, вплоть до революционного XX века, был крайне противоречив: одна, вековая тенденция народа как творца истории – на основе религиозной духовности искать путь к установ-

¹ См.: Мартынов В.И. Зона opus post или возрождение новой реальности. М., 2005.

лению Царства Божия на русской земле и другая – на основе светской духовности во главе с наукой формировать народный, социальный интеллект для построения на той же земле справедливого социально-политического строя, чтобы всем трудящимся было «жить хорошо на Руси». В борьбе и переплетениях этих двух тенденций в XIX–XX веках одни забывали о том, что православная нравственность может укорениться только в обществе свободного, коллективного и научно организованного труда, а другие – о том, что жизненная концепция единства освобожденного труда, справедливого устройства жизни всех народов и приоритета духовности в человеческих отношениях содержится в православной «русской идее» и коренится в стихийном «русском коммунизме» (Н.А. Бердяев)¹.

Русские философы с древних времен, реализуя диалектическую направленность отечественной философии, разрабатывали антиэнтропийную систему управления обществом, в XIX веке получившую наименование концепции русского социализма. Сущность данной системы в целом проста: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объекта управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В данной связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом².

Первой работой, послужившей базой для формулирования евразийской доктрины и с которой началась широкая известность Трубецкого, стала «Европа и человечество». Здесь была обоснована идея равноценности всех культур мира и аргументированно заявлено о насильственном европейском влиянии на другие страны. В брошюре рассматриваются две крайние в представлении обществознания начала XX века позиции: шовинизм и космополитизм. Трубецкий доказывает, что эти позиции не столь и различны, как это видится европейцам и просвещенным кругам других стран. Если оценивать космополитизм непредвзято, то он предстанет в облики все того

---

¹ См.: Комаров, В.Д. Актуализация нравственного смысла // Теория и история. 2007. № 2. С. 21

² См.: Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 31

же шовинизма, но не узконационального, а относящегося к более обширному культурному ареалу – романо-германскому. И данный специфический шовинизм выражается по отношению к неромано-германским народам.

Европейские космополиты, по словам Трубецкого, под «цивилизацией» разумеют ту культуру, которую в совместной деятельности выработали романские и германские народы Европы, а под цивилизованными народами – прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев и лишь затем – другие народы, которые приняли европейскую культуру. Таким образом, мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист¹. Естественно, что система управления находится в связи с этими процессами.

Приравнивая космополитизм к шовинизму, Трубецкой тем самым обвиняет европейцев в целенаправленном насилии – одном из важнейших следствий их эгоцентризма – над неромано-германскими народами, прежде всего в культурном отношении. Причем активное участие в такой европеизации принимает неромано-германская интеллигенция, которая в массе своей не задумывается о сути происходящих на их родной культурной почве процессов, вследствие чего не желает и не умеет им противостоять. Для всякого же народа исключительно важно следовать своим историческим путем, не навязывая собственные «цивилизационные» стереотипы другим народам. Это возможно лишь с помощью углубленного самопознания, которое имеет важное значение для самостоятельного исторического развития всякого народа.

Соборность – слияние индивидуального и социального, Это общее, которое включает в себя богатство особенного и единичного, о чем писал Гегель. До Гегеля эта проблема занимала Шеллинга, которому принадлежит идея системы категорий: понятие становится конкретным в философской системе, где каждая категория занимает строгое место и связь с целым позволяет определить понятие. Однако русская мысль перевела разговор в область этики и религии, подала соборность как интуитивную очевидность, веками воспитанную

¹ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 441.

православием в народе. По мысли Хомякова, соборное единство есть «единство свободное и органическое».

Бердяев рассматривал соборность как православную добродетель: «Соборность противоположна и католической авторитарности и протестантскому индивидуализму, она означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости». В другом месте Бердяев противопоставляет соборность коммунистической сборности, коллективизму, где подавляется личность в ущерб навязанной извне «общей воле». «Принцип соборности означает, что ни патриарх, имеющий верховную власть, ни духовенство, ни даже Вселенский собор не являются абсолютными носителями истины. Таким новителем истины является только церковь в целом»¹.

С точки зрения А.Ф. Лосева, православие требует для себя адекватной социальной формы, каковой выступает соборность.

Многозначность категории «правда» очевидна, и ее значение в истории отечественного теоретизирования велико. Нас же интересует антиэнтропийный аспект данной категории. Управление обществом «по правде» рассчитано на формирование адекватных социальных институтов, самореализация которых приводит к успеху, к достижению цели управления, когда принятие решения выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию². И далее Д. Григоренко справедливо продолжает: «... управление обществом «по правде» есть не что иное, как внесение субъектом управления своей стройности в процессы роста социальной энтропии, происходящие в жизни общества. Человек обогащает (восполняет, совершенствует) своей стройностью совершенство социального мира, имеющего в своей сути диалектическое противоречие социальной стройности и нестроения»³.

Диалектический подход к военному прогрессу довольно прочно и убедительно становится нормой для большинства российских историков. М. Каченовский пишет: «На что ж нам прагматическая история, если не для того, чтобы показывать все необходимо нуж-

---

¹ См.: Лосский Н.О. История русской философии. М.:Советский писатель, 1991. С. 35

² См.: Чуринов, Н.М. Правда и совершенство слова // Теория и история. 2007. № 1. С. 170.

³ Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 32.

ное, все в связи, все на своем месте и в надлежащей перспективе; ибо история так же имеет свою перспективу, как имеет ее живопись. При таком расположении и мелочи не будут утомительны»¹.

Ильин аргументировал ценность национального, его необходимость. Общечеловеческое трактовалось им в двух видах: как интернациональное и как сверхнациональное. Интернациональное, как и у Н.А.Бердяева, это – неистинная общность людей, это – бездуховность, это – животное вырождение человека. Сверхнациональное – это вершинные достижения национального духовного творчества, национальных гениев, которые содержанием своего творчества интересны всем, в то время как форма их творчества интересна только определенной национальности. Ильин выделял две фазы развития национального сознания: инстинктивную, бессознательную и духовную. Лишь первой присущи национальная ограниченность и самодовольство. На второй стадии становления национального духа последний осознает свою самобытность. И.А. Ильин рассматривает национальное эстетически, как прекрасное перед лицом Бога и, соответственно, осознание специфики национального представляет собой скорее рефлексию вкуса, которая осуществляется пронизательностью гения, а не в форме философских понятий как высшей форме самосознания с гегелевской точки зрения².

«Близость их можно определить и формально, сказав, что И.А. Ильин – это русский гегельянец. Если же выделить главный, сущностный момент их сходства, то следует отметить, что в своих основах они оба концептуалисты. Это прежде всего значит, что всеобщее существует внутри особенного и единичного, точнее говоря, всеобщее определяет форму существования одного единичного для другого единичного, т. е. определяет его как особенное. Единичное может обладать специфическим существованием лишь через подлежащую рефлектированию определенность его отношения к другим единичным. Другими словами, субординационные отношения всеобщего и единичного должны включать в себя особенное, т. е. координирующие отношения единичных друг к другу. При этом эти две

¹ Каченовский, М. Т. От киевского жителя к его другу: сб. материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII первая треть XIX в.) / ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1990. С. 143.

² Тимофеев А.И. Концепции народного духа у Г. Гегеля и И. Ильина // Россия: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. С-Пб., 1996.

формы связей требуется свести к единству самосознания. Поэтому дух можно определить как рефлектированное содержание связей разумных существ. Народный дух – это рефлектирование непосредственно наличного содержания этих связей.

А согласно космической модели мира стандартами естественности, по И.А. Ильину, являются: духовная любовь – «как вкус к совершенству, или – верный духовный орган для восприятия Божественного совершенства как в небесах, так и на земле»¹; совестный акт, согласно которому совесть выступает как критерий соблюдения не только правовых норм, но и норм морали, и других внеправовых социальных норм. «Совестный акт, в отличие от всякого формального закона, имеет в виду не общее всем людям, а индивидуальное состояние одного человека; он не уравнивает людей, а зовет каждого отдельно к осуществлению всего добра, которое ему доступно, и всей справедливости, которая причитается от него другим людям. Если бы все люди стали жить по совести, то они совсем не начали бы делать одно и то же, хотя все начали бы действовать в едином направлении, ибо совесть несла бы им всем однородные содержания»².

Ещё со времён Анаксагора проблема со-вечности духа и материи составляла одну из важных задач философии. Самому Анаксагору так и не удалось выстроить концепцию в данном отношении. В его учении материя, представленная в «гомеометриях» фактически уравнивается в правах с духом (Абсолютным Умом, Нусом). Решить эту проблему на основе подлинной диалектики удалось указанным русским философам. Первичной основой, субстанцией бытия они признают Бога. Данное положение восходит к учению византийских философов, где Бог именуется природой всех вещей (не в пантеистическом понимании). Согласно византийской диалектике в Боге усматривается Его непостижимая Сущность и несотворённые явления (энергии) – логосы. Логосы – это законы и идеи устройства тварного мира. В своём единстве они составляют Софию – Премудрость Божию, в которой от века заключены замыслы о материальном мире, выступающие как его субстанциональные основы.

Итак, в рамках диалектического (византийского) сущностного исследовательского подхода София – это субстанция бытия. Согласно диалектике единого и многого, эта единая субстанция про-

---

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. С. 4.

² Там же 138.

является в своей собственной множественности, т. е. в наличии своей сотворённой противоположности – материи (акциденции-явления). София содержит в себе материю в замыслах-логосах, которые в акте сотворения становятся вещами. Материя заключена в логосе, но представляет собой не его «своё иное» (т. е., по сути, то же самое), а его сотворённую противоположность – такова основа диалектического понимания субстанции. Материя – это другое, иноприродное по отношению к логосу, что и определяет подлинную диалектику логоса и материи, как основу единства субстанции и акциденции.

Мир как явление своей сущности-субстанции в полной мере проявляет в себе это её диалектическое двуединство, раскрывающееся в единстве противоположных определений логоса и материи (бытие–небытие, абсолютное–относительное, совершённое–становящееся и др.). Как пишет Е.Н. Трубецкой, эта реальность мира несовершенного, неполного, становящегося и, стало быть, находящегося в состоянии перехода от небытия к бытию всецело отлична от абсолютной реальности Бога, которая пребывает вне времени, вне всякой возможности изменения и определяется как безусловная полнота бытия. Никакого слияния между Богом и миром в христианстве не происходит: неслиянность Творца и твари – одно из самых категорических его утверждений... Прежде всего мир в христианском его понимании не имеет своего особого, самостоятельного начала. Сам по себе и сам в себе он – Ничто: он становится чем-нибудь лишь через акт творения... Как неслиянность Бога и твари составляет черту отличия христианства от чистого монизма, так и их нераздельность составляет грань между христианством и чистым дуализмом¹. В данных тезисах Е. Н. Трубецкого подчёркивается идея о том, что материя не может быть уравнена в правах с духом, она имеет принципиально подчинённое значение, она не со-вечна духу. Но идея-логос осуществляется именно в своём материальном воплощении. Следовательно, здесь вступает в силу диалектика духа и материи, логоса и вещи. Эта диалектика раскрывается во взаимном переходе различных оформлений-полюсов вещи и логоса, которые (оформления) отражены в соответствующих парах диалектических противоречий: бытие – небытие, своё – другое, отрицание – утверждение, возможность – действительность и т. д.

¹ Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / избр. произведения. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 114.

Влияния извне уже не могут существенно повлиять на личностный выбор человека, находящегося на пути положительно-свободного следования своей идее. В то же время этот путь характеризуется постоянной духовной борьбой за эту идею со всевозможными противоречащими ей обстоятельствами – внутренними и внешними. И.А. Ильин раскрыл сущность этой положительно-свободной деятельности: «Освободить себя – значит прежде всего обратиться свою силу, чтобы быть сильнее любого влечения своего, любой прихоти, любого желания, любого соблазна, любого греха. Это есть извлечение себя из потока обыденной пошлости – противопоставление ее себе и себя ей, усиление себя до победы над ней. Таков отрицательный этап самоосвобождения. За ним следует положительный этап: он состоит в добровольном и любовном заполнении себя лучшими, избранными и любимыми жизненными содержаниями...»¹.

Аскетическая практика православного христианства за века своего развития накопила богатейший опыт борьбы с этими влияниями, именуемыми «страстями». В этой борьбе проявляется именно личностный аспект человека, поскольку в ней определяется сущность личности по вектору ее воли. По словам И.А. Ильина, жить на свете – значит выбирать и стремиться; кто выбирает и стремится, тот служит некоторой ценности, в которую он верит².

Важный уровень духовной свободы характеризует собой состояние достижения и воплощения в жизни своей личностной идеи. Это состояние можно именовать как совершенство. Его достигают очень немногие главным образом из-за того, что большинство людей не может целенаправленно и долговременно нести бремя своей положительной свободы. Н.А. Бердяев, излагая позицию Ф.М. Достоевского по проблеме свободы, писал: «...огромная масса людей не в силах вынести бремени свободы, раскрытой Христом. Путь свободы трудный, страдальческий, трагический путь»³.

Между тем состояние совершенства реально достижимо – об этом свидетельствуют многочисленные повествования о жизни святых, – людей, достигших совершенного состояния в личностном исповедании своего духовного идеала. И.А. Ильин так определяет его: «И так как он (человек, достигший совершенства – С.М.), как всегда

---

¹ Ильин, И.А. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 95–96.

² Там же, С. 44.

³ Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 125.

все люди, движимые любовью, искренне и сосредоточенно живет любимым предметом, вживаясь в него... то его внутреннее существо начинает приобретать живой оттенок совершенства...»¹. На третьем уровне свобода достигает своего максимального развития. По словам Н.А. Бердяева, свобода человеческая достигает своего окончательно выражения в свободе высшей, свободе в Истине². Идея личности полностью реализована на пути борьбы и страданий. Теперь человек уже достиг реализации своей идеи и поэтому он уже ни с кем и ни с чем не ведет борьбу, он прошел ее и поднялся над ней.

Триединство свободы – это необходимая ее черта. Отрицательная свобода есть необходимое условие, свободы положительной, которая предстает, как главное условие достижения совершенства (третьего уровня свободы). Как содержание нуждается в форме, (например, жидкость не может содержаться вне той или иной емкости) так и существование отрицательной свободы есть абсолютно необходимый фактор для оформления положительной свободы и достижения состояния совершенства.

Духовная императивность (проявление принципа совершенствования общественных отношений) выражается в понятиях «жить по-людски», «жить по правде», «жить не по лжи». Суть данных императивов – в отрицании эгоизма во имя другого человека или общества, а также в приоритете духовной жизни над материальной (в условиях их гармоничного соразвития). В России до революции было огромное число храмов, их внешний вид свидетельствовал об актуальности для русских духовного начала, при этом развивалась и материальная цивилизация, активно строились заводы, фабрики. Россия готовила одних из лучших специалистов в мире – инженеров, медиков, строителей. В СССР был самый высокий уровень культуры в мире, это была самая читающая и посещающая театры страна, но и материальная цивилизация активно развивалась (строительство агрокомплексов, мощная промышленность, ВПК).

Нравственность в первую очередь проявляется в любви к ближнему, в соборном единении людей, которое является оформлением совершенства социальной жизни. Поэтому концепция русского социализма предполагает такое социальное управление, в процессе которого реализуются оптимальные условия для совершенствования

¹ Ильин, И.А. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 78-79.

² Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 50.

личности и общества. Осуществление цели преобразования личной и исторической жизни (т. е. ее совершенствования) происходит в процессе решения следующих задач: создание мощной государственности и национальной независимости, реализация коллективистской сплоченности и социальной справедливости внутри общества, гармоничное развитие всех сфер его жизни, охранение и развитие национальных традиций и культуры в целом. Данные задачи материальны по своей сути; принципы, на которых они основаны, имеют принципиально подчиненное значение по отношению к указанной цели. Но, согласно диалектике духовного и материального, нравственное совершенствование человека и общества неотделимо от материальных условий данного процесса.

В течение XIX века выдающиеся русские философы А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.П. Огарев, Ф.М. Достоевский и другие разрабатывали теоретические основы концепции русского социализма. В разработке данной концепции они основывались на принципах теорий общинности и соборности, которые раскрывают объективное содержание коллективистских форм жизни российского общества. Будучи концепцией-образом действительности, русский социализм основывается на идее гибкого встраивания управленческой стратегии и тактики в коллективистские традиции жизни российского общества. В процессе разработки теоретического содержания концепции русского социализма наибольшее развитие получило осмысление четырех принципов, в рамках которых концептуализируются наиболее актуальные аспекты теорий общинности, соборности и коллективизма.

1. Принцип гармонии двух видов власти – духовной и светской. Принцип гармонии светской и духовной власти раскрыт в «Славянской Кормчей» – древнейшем памятнике русско-славянской религиозно-политической мысли. Идея гармонии властей имеет своим истоком православную догматику, согласно которой Богочеловек Иисус Христос является воплощением гармонии духовного и человеческого начал. Основой принципа гармонии духовной и светской властей является осмысление функций каждой из ветвей власти, согласно которому духовная власть является духовно-нравственным светочем для власти светской. Так, св. Кирилл Туровский, обосновывая идею гармонии властей, пишет, что монастырь является «горой», т. е. духовным институтом, откуда изливается «светлая сияющая заря», освящающая, облагораживающая

светскую власть. Мирская власть в большей мере причтена ко греху. Институты духовной власти призваны гармонировать с институтами светской власти и подвигать светскую власть к самосовершенствованию. Церковью накоплен огромный социальный опыт в сфере служения обществу, который представители светской власти должны тщательно исследовать и использовать в своей управленческой деятельности.

2. Принцип развития и раскрытия всех коллективистских (соборных) форм жизни общества России. Данный принцип раскрывается прежде всего в идее социальной справедливости. Смысл идеи социальной справедливости раскрывается в принципе гибкого встраивания управленческой стратегии и тактики в традиции жизни общества. Власть в соборном государстве в своей политике должна следовать жизни общества в его коллективистской целостности и развивать коллективистские стандарты жизни общества. По мысли выдающегося теоретика русского социализма Н. Г. Чернышевского, «для успокоения общества необходимо наискорейшее возможное улучшение материальной и нравственной жизни многочисленного и беднейшего класса»¹. Н.Г. Чернышевский указывает на фундаментальную характеристику адекватной концепции управления обществом коллективистского типа: политика власти должна быть социальной, т. е. основанной на учете объективного содержания жизни общества, его коллективистской социальности.

3. Принцип гармонии всех необходимых для управления обществом социальных институтов, актуализирующих гармоничное сочетание различных социальных норм. Данный принцип отражает процесс гармонизации (совершенствования) жизни общества в одном из его аспектов.

4. Принцип власти лучших людей – духовной и светской аристократии, выступающей в качестве социального авангарда общества. Социальный авангард осуществляет властвование согласно принципу соборности. Древнейшей формой соборного управления в России было народное самоуправление, имевшее характер Советов – собрания лучших людей света (светская ветвь социального авангарда). Необходимо отметить, что светская власть становится властью лучших только в ее гармонии с властью духовной.

¹ Цит. по: История политических учений : учеб. пособие / под общ. ред. О. В. Мартышина. М. : Норма, 2002. С. 447.

В традициях российского общества, по словам Г.Г. Солодовой, всегда было важно не столько юридическое определение понятия «гражданин», сколько его духовно-нравственный смысл¹.

В духовно-нравственном аспекте гражданин – это прежде всего патриот своей Родины. Еще М.В. Ломоносов в свое время сблизил понятия «гражданин» и «патриот», дав им одинаковые характеристики: высокие нравственные качества, любовь к наукам, знания, бескорыстное служение на благо Отечества. Людей, не имеющих родства с землей, потерявших чувство Отечества, он называл нищими. По мнению Ломоносова, потребность жить «для пользы Отечества» должна быть мерилom жизненного смысла.

«В том» и состоит печальная ирония истории, что русский коммунизм, основывающийся теоретически на экономическом материализме, т. е. на вере в полную зависимость политического развития от экономически созданных сил страны, должен укрепляться на безнадёжной позиции, при которой его политические условия прямо противоречат экономическим условиям. И все же это противоречие непреодолимо для него самого и должно рано или поздно послужить причиной его крушения»².

Отторжение советской истории от истории мировой цивилизации, ощущение потерянного прошлого, пропагандируемые публицистикой, привели к тому, что возник разрыв между разными поколениями россиян, исповедующими противоположные убеждения, вылившийся в идеологический раскол в отношении к истории России. Девальвация достоинств прошлого и настоящего и самой истории обесмыслила существование людей, в сознании которых были разрушены долгосрочные цели. В массовом историческом сознании была нарушена преемственность прошлого, настоящего и будущего; жизнь для многих людей утратила исторический смысл. Одним из закономерных итогов подобного процесса стало пренебрежение к моральным нормам жизнедеятельности общества, утрата уважительного отношения к истории, фактическое отсутствие патриотического воспитания³.

---

¹ Солодова Г.Г. Гражданское развитие личности в воспитательно-образовательном процессе школы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 9.

² См.: Франк С. Внутреннее противоречие советской системы // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 168.

³ См.: Лыскова М.И. Патриотизм и патриотический китч // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75.

Со времен Древнего Рима отношение европейцев к варварам мало изменилось. Правила политкорректности способны отформатировать политическое сознание, но с подсознанием им не совладать, и бытовая ксенофобия цветет в цивилизованной Европе так же пышно, как и у нас, диких скифов. Разумеется, она распространяется не только на русских, просто в соревновании варваров нам удалось вернуть себе почетное первое место.

Во всемирно-историческом плане не совсем корректно делить историю на хорошие и плохие, светлые и темные периоды, на низшие и высшие ступени с точки зрения морально-нравственного совершенства и несовершенства народов.

В этом отношении был прав Н.С. Трубецкой, который писал: «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо»¹.

Концептуальные направления данных вкладов отражают объективную диалектику жизни российского общества и имеют в своей сути основы социальности жизни общества коллективистского типа. Адекватное управление российским обществом, осуществляемое в рамках концепции русского социализма с учетом данных основ, предстает как придание его развитию антиэнтропийных векторных свойств – свойств совершенствования общественной жизни.

Для понимания указанной проблемы и решения ее важно обратиться к историческим корням формирования российского сознания, в которых происходила самоидентификация нашего общества. Россия занимает совершенно особенное положение в ряду важнейших мировых цивилизаций. Главная ее особенность состоит в том, что триада «традиция – культура – цивилизация» в нашей стране не составляет единой, отлаженной системы, определяющей и общий тип общества. И на Западе, и на Востоке цивилизация средствами идеологии затушевывает и скрадывает свою нетождественность традиции и тем более культуре; в обоих случаях символическая глубина

¹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1998. С. 33.

опыта не противопоставляется и не противостоит миру предметности, созидаемого цивилизацией.

Итак завышение роли по отношению к обществу и принижение роли личности по отношению к обществу – это две метафизические конструкции, комментирующие отношения личности и общества. В данном отношении А.И. Герцен писал: «Разрыв личности и общества есть проявление метафизического дуализма, это разделение того, что в действительности соединено неразрывным единством»¹.

Русские философы с древних времен, реализуя диалектическую направленность отечественной философии, разрабатывали антиэнтропийную систему управления обществом, в XIX веке получившую наименование концепции русского социализма. Сущность данной системы в целом проста: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объекта управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В данной связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом»².

Славяне, по Данилевскому, – наследники Византии. И в этом можно усмотреть подход к славянству, далекий от привычного этнографического. Можно даже сказать, что, по Данилевскому, славянский культурно-исторический тип – это цивилизация культурных наследников Византии. И потому неудивительно, что туда входят и греки, и румыны.

Для характеристики военного прогресса важно учитывать, что «...Запад как зеницу ока стережет теоретические ценности демократии и, более того, нередко силой оружия насаждает их в различных частях света, направляя туда военные, а также иные, преследующие подобные цели контингенты и формирования. Читая труды западных теоретиков, убеждаешься вовсе не в кризисе буржуазной философии, а в беззаветной преданности исконным западным теоретическим стандартам авторов трудов, а также в беспомощности

---

¹ Цит. по: Чуринов Н.М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентный и соборный субъекты // Теория и история. 2004. № 2. С. 136.

² См.: Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 31

и цинизме их велеречивых марксистских комментаторов». Подходя диалектически к вопросу о социальном прогрессе и в связи с этим к системе ценностей, Н.М. Чуринов справедливо отмечает, что продукт труда в условиях перепроизводства не может быть предметом потребления, является антиценностью, подлежащей уничтожению (это согласно Марксу же)¹.

Исследователи нравов и обычаев русского народа отмечают, что русские мобилизуются и готовы на невероятные подвиги и сопротивление любому противнику только тогда, когда они находятся в состоянии полной мобилизации, осознают, что окружены внешним противником и готовятся дать ему отпор. Именно на это настраивал страну Александр III, когда говорил, что у России есть только два союзника – армия и флот. Но вот если такой духовный мобилизации у народа нет, он внутренне разоружается и его можно застать врасплох и сильно потрепать, прежде чем он мобилизуется. Нечто подобное происходило в июне 1941 года – нация расслабилась в результате официальной пропаганды «вечной дружбы» с немецким народом. И отомобилизовались только в 30 километрах от Москвы.

Духовное разоружение в нашей империи имеет под собой глубокую основу. Русские мыслители даже столь противоположные, как Чаадаев и Толстой, считали, что войны можно остановить силой духа. И неслучайно Наполеон, проиграв войну с Россией, пришел к выводу, что можно победить любое оружие, кроме оружия духа. О. Мандельштам в своем раннем эссе «Чаадаев» (1915) писал: «Есть великая славянская мечта... Это – мечта о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое «миром». Мечта о духовном разоружении так завладела нашим домашним кругозором, что рядовой русский интеллигент иначе и не представляет себе конечной цели прогресса, как в виде этого неисторического «мира». Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать «просто» жить. В простоте – искушение идеи «мира».

В свое время Ф.М. Достоевский в письме к своему другу А. Майкову советовал тому написать цикл былин из русской исто-

¹ Чуринов Н.М. Виды социального прогресса // Культура информационного общества. Красноярск, 2003. С. 42–48.

рии: «...воспроизвести с любовью и с *нашею мыслию* (здесь и далее курсив Достоевского – С.М.), с самого начала русским взглядом, – всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом (...) Ну вот схватить эти пункты и рассказать в бытине, *всем и каждому*, но не как простую летопись, нет, а как сердечную поэму, даже без строгой передачи фактов (но только с чрезвычайною ясностию), схватить главный пункт и так передать его, чтоб видно, с какой мыслию он вылился, с какой любовью и мукою эта мысль досталась. Но без эгоизма, без слов от себя (...) только чтоб одна любовь к России была горячим ключом»¹. И далее Достоевский перечисляет некоторые из таких тем: царствование Ивана III и его женитьба на Софье Палеолог (передача преемственности от Византии к России), судьба Петра Первого, загадочный, полный тайн и великих свершений XVIII век. Сюжеты эти ничем не скучнее историй из жизни рыцарей Круглого стола, Людовиков и Генрихов, заполнивших наши экраны.

Причудливое соединение вражды и отчуждения с сотрудничеством и взаимозависимостью народа и государства составило в подлинном смысле диалектику русской истории, ее главный нерв и скрытую пружину.

В свете такого понимания логики отечественной истории русский национализм оказывается своеобразной рефлексией фундаментального противоречия между русским народом и имперским государством. Попыткой – теоретической и практической – его разрешения в интересах русского народа. Хотя бы поэтому русский национализм не мог не быть демократическим, ведь он исходил из интересов огромной этнической группы, взятой как целостность. Хотя бы поэтому он не мог не быть оппозиционен основам царской и советской политик, одинаково основывающихся на принципиально надэтнических принципах.

Весьма показательно, что первыми русскими интеллектуалами, указавшими на колонизаторство «русских европейцев» в отношении собственного народа, были славянофилы – основоположники русского националистического дискурса. Наибольшими империалистами среди русских националистов досоветской эпохи были именно либе-

---

¹ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 29(1). С. 39.

ралы. Подобно своим западным единомышленникам, они исходили из презумпции цивилизаторской роли империи, несущей прогресс и знания входившим в сферу ее влияния народам.

Победа в информационной войне достигается, когда деструктивная система ценностей воспринимается целевой аудиторией как «путь к свободе», а носители этих ценностей как «освободители». В этом отношении информационная война является главным элементом в современном геополитическом разделе мира, когда военно-политическая и экономическая экспансия с целью захвата важнейших сырьевых ресурсов воспринимается массовым сознанием как освобождение от тоталитарных режимов (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливан, Украина и т. д.).

Содержание книги «Россия и мир»¹ – сценарии будущего всего мира, но с российским уклоном. В своих наблюдениях авторы стараются исходить прежде всего из представлений о России как о государстве, активно влияющем на ход мирового развития, а не уповающим на сверхъестественные силы и чудесные превращения. Русские (да, впрочем, и любая другая нация) нуждаются в позитивном самообразе. От того, как мы сами себя воспринимаем, в немалой степени зависит качество нашей жизни.

Телевизионный проект «Имя Россия» привел к широкому общественному резонансу, примирительно были настроены разные политические силы. Мы постепенно выходим из ситуации исторического неведения и дезориентации. Через усилия отдельных людей, через возрождение наших традиционных социальных институтов. Церковь, по мнению историка А. Буганова, уже сегодня является структурой современного гражданского общества. Об этом, в частности, свидетельствует опыт преподавания основ православной культуры в школах.

«В условиях распада государства, безвластия и произвола иностранных интервентов русский народ находил опору в системе традиционного русского народоправия. Она сыграла первостепенную роль в сложных, трагических и неопределенных перипетиях... Его заслугой стало восстановление российской национальной государственности... »²

¹ Россия и мир. Нова эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. С. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. 444 с.

² См.: Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла социализма // Теория и история. 2007. № 3. С. 19.

В широком философском смысле для Хоркхаймера и Адорно нет разницы между концлагерями Гитлера и индустрией культуры, уничтожающей человека. И то и другое вытекает из логики капитализма – уничтожить все, что не поддается классификации, упрощению и маркетингованию, необходимых для эффективного функционирования рынка. И то и другое – логическое продолжение философии Просвещения, провозгласившей освобождение человечества от мифологии, богов и в конечном счете от самого человека.

Причудливое соединение вражды и отчуждения с сотрудничеством и взаимозависимостью нации и государства составило в подлинном смысле диалектику русской истории, ее главный нерв и скрытую пружину.

Во-первых, качества человеческого потенциала, которые превратились в ведущий фактор экономического развития, определяются прежде всего социальной политикой государства. Вот почему ведущие страны мира идут на шаги, угрожающие их макроэкономической и финансовой стабильности (например, превышение дефицита бюджета в 3 %), если возникает опасность для социального развития.

Во-вторых, социальная политика является основой для развития институтов гражданского общества и повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления, стимулирует создание новых, более эффективных механизмов взаимоотношений государства и общества. Известно, что чем более развито государство, тем больше социальных функций переходит от государства к обществу, местному самоуправлению.

В-третьих, главной целью развития государства, общества выступает человек, его возможности и способности. Если прежде в качестве цели действий власти называлось укрепление государства или нации (иногда религиозные или идеологические цели), то сегодня к ним прибавился человек, его личность, который является главным ресурсом развития социума»¹.

Магистральное устремление русского национализма состояло в попытке гармонизации, непротиворечивого и взаимовыгодного сочетания интересов империи и русской нации. Ведь главным противоречием и одновременно источником внутреннего развития имперской

---

¹ См.: Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. Сборник / сост.: А.И. Иванов, В.О. Казанцев, М.Б. Карпенко, М.М. Майер. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 65.

политики в ее досоветском и советском обликах был не конфликт между империей и национальными окраинами, а конфликт между имперской властью и русским народом. «По своему объективному содержанию русский национализм самодержавной и советской эпох был антиимперским и – в большей своей части – стихийно демократическим течением. Это легко обнаруживается из его непредвзятого прочтения.

Дореволюционная империя отличалась от советской меньшей интенсивностью эксплуатации русского народа, но точно так же жила за его счет. Великорусские крестьяне были закабалены сильнее других народов и в среднем хуже обеспечены землей. Русские несли основную тяжесть налогового бремени. Даже переставая быть количественным большинством в составе населения, русские все равно поставляли больше всего рекрутов в армию. Имперская ноша русского народа не компенсировалась какими-либо политическими или культурными привилегиями и преференциями его трудящемуся большинству.

Общества, которые можно отнести к восточному типу, построенные на принципах коллективизма. Логика выживания и адаптации в коллективистском обществе – это логика выживания и адаптации в тяжелой природной, геополитической среде, где нормами и стандартами, гарантирующими жизнеспособность общества, является гармоничное единство социальных норм. Личные интересы гармонизируются с общими – общинным, государственным. Личностное начало развито слабо. Важнейшим элементом общественного устройства являлась община (родовая, клановая, кастовая, семейная, территориальная). Коллектив определял все стороны жизни: нравственные нормы, духовные приоритеты, культурные предпочтения, принципы социальной справедливости и социальной защиты, норму и характер труда.

Причины для остроты дискуссии, связанной с выбором пути Россией, Христиана Улиг видит в следующих обстоятельствах: «... шарахаясь между расходящейся по швам российской реальностью и претензией на моральную интеграцию и национальное величие, предпринимаются попытки спасения, с одной стороны, переложить ответственность за такое развитие на другие страны, конкретнее – на Запад с его рыночным хозяйством, с его марксизмом, с другой стороны, пропагандируется новое прочтение и сохранение русской оригинальности только на философском уровне, без кон-

кретной перспективы ее реализации. Это застарелое цеплянье за национальную специфику в форме постоянного возвышения русского народа и специфической русской духовной истории в сознательной оппозиции к так называемому западному мышлению означает сильную компенсаторную функцию для выросшего национального разочарования, из которого многие русские через последние события пытаются выйти»¹.

Наше сознание сузилось до уровня практического применения вещей. Все же, что касается природы и мироздания, взаимопроникновений, влияний, трансформации, ушло из нашего языка. Например, слово «мир». Мир с той буквы, с которой мы пишем, это всего лишь состояние вне войны. Но буква «и» писалась когда-то как «і» – с одной и даже с двумя точками. Если подставлять эти буквы и слова, то совершенно меняется значение.

Таким образом, военный прогресс как тактика представляет собой не простую сумму, из которой вырабатывается военная стратегия, а диалектическое единство, в котором количественные сиюминутные результаты и отдельные противоречия являют собой основу для побед и стратегического развития конкретного государства.

---

¹ Christiane Uhlig, in *Osteuropa*. Vol 45. 38/2464. 1995. S. 815.

Глава 2

ВОЕННЫЙ ПОГРЕСС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

2.1. Особенности исследования отечественного военного прогресса

Диалектическое противоречие личности и общества предстает не только как характеристика совершенства коллективистского целого России, но и показатель устойчивости общества, обусловленной единомыслием, единоумием и единодушием. Единомыслие в таком значении представляет собой не «единообразие», предполагающее подчинение всех людей одной воле. Диалектический смысл данных понятий заключается в приведении к единству многих волей посредством согласования их между собой, т. е. в стремлении найти в процессе всенародного обсуждения общее решение, приемлемое для всего общества.

Исследуя военный прогресс, отечественные ученые все чаще утверждают: «Я против любого изоляционизма, особенно в области культуры. Разговоры об особом пути России – путь в никуда. Но и цивилизация, созданная на Западе, еще не решение всей проблемы. Нам не в Европу идти надо, а с Европой в цивилизацию, которая могла бы объединить все человечество»¹.

Н.Я. Данилевский сумел описать проблемы российской и мировой политики своего времени так, что многие его мысли не теряют актуальности. К исходу перестройки Данилевский стал вновь популярен, все 1990-е годы чувствовалось, как не хватает России его понимания происходящего.

Важнейшим термином, используемым Данилевским, является «самобытность», что на другие языки адекватно не переводится. Са-

---

¹ См.: Межуев В. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. 440 с.

мобытность у него предстает как сущностная ценность, охрана которой – важнейшая миссия государства.

Самосознание всех постсредневековых эпох отличается одной общей особенностью: все они определяют себя по отношению к буржуазии и каждая из них дает свое имя и образ этому оборотистому сословию. Героический буржуа-первооткрыватель и авантюрист эпохи Возрождения, буржуа-пуританин эпохи Реформации, буржуа – естественный человек и разумный эгоист эпохи Просвещения, буржуа-филистер прошлого века, буржуа-монополист и империалист, зачинщик мировых войн XX века – вот еще не заверченный каталог великого текста, имя которому – модерн.

Наша эпоха знаменуется новым самоопределением по отношению к указанному историческому персонажу, открывает его новый облик.

Говоря о национальных отношениях в империи, стоит тщательнее посмотреть и на еврейский вопрос. Появление его часто «датируют» введение процентных норм в университеты при Александре III. Между тем справедлива более ранняя датировка. Екатерининские присоединения польских земель дали евреям больше, чем равноправие: впервые за долгие века они почувствовали себя людьми. Под страхом суровых наказаний воспрещались религиозные утеснения, оскорбительные прозвища. Царица свела к минимуму взимаемые с евреев налоги. Империя старалась компенсировать не ею причиненное вековое зло. Николаевская политика стала продолжением екатерининской. И неудивительно, что, когда национальная политика Россия действительно перестала быть имперской, идеологи русизма припомнили это царю. «Национальный интерес нам диктует ограничение евреев в русских учебных заведениях, между тем со времен императора Николая чуть не насильно загоняли евреев в русские училища, в русские гимназии и университеты. Результат был тот, что евреи, конечно, не стали русскими, но стали космополитами в русском сюргутке и на русской должности, в русских профессиях»¹. Это ценное свидетельство В. Розанова.

Коллективный труд «История методологии социального познания. Конец XIX – XX век»² – это сборник статей, связанных единой исследовательской целью выстроить логико-историческую последо-

---

¹ См.: Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. С. 499.

² История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. М., 2001

вательность парадигмальных сдвигов в области методологии социального знания, особенно в тех дисциплинах, которые либо вовсе не были проанализированы с этой точки зрения, либо рассматривались в рамках устаревших истматовских трактовок.

Формирование современной философии истории, возникающей на базе значительной совокупности макросоциологических теорий, является более сложной задачей по сравнению с гегелевским этапом понимания этой проблемы. Вместе с тем, резонно предполагать, что некоторые философские проблемы никогда не смогут быть сведены к научным. В указанной выше сфере субстанциональной философии истории такой проблемой является вопрос о смысле истории, его существовании, содержании, связи с ценностями, смыслами отдельных эпох и событий, с направленностью будущего развития и т. д. Здесь существуют противоположные взгляды на этот вопрос в недавней отечественной литературе¹.

«Великая мысль, лежащая в корне всякой истины, – пишет Вл. Соловьев в «Философских началах цельного знания» (1877), – состоит в признании, что, в сущности, все, что есть, есть единое и что это единое не есть какое-нибудь существование или бытие, но что оно глубже и выше всякого бытия, так что вообще все бытие есть только поверхность, под которой скрывается истинно сущее как абсолютное единство, и что это единство составляет и нашу собственную внутреннюю суть, так что, возвышаясь надо всяким бытием и существованием, мы чувствуем непосредственно эту абсолютную субстанцию, потому что становимся тогда ею»².

Савицкий заложил основы геополитической школы евразийства в своих концептуальных работах: «Европа и Евразия» (1921), «Географический обзор России-Евразии» (1926), «Континент-океан (Россия и мировой рынок)» (1921), «Евразийство как научный замысел» (1933), «Географические и геополитические основы евразийства» (1933), «Евразийская концепция русской истории» (1933) и др. Его обращение к геополитике не случайно. Причина заключалась в самой

---

¹ См.: Розов Н.С. Смысл истории как испытание человеческого рода в пространствах изменений // Философия и общества. 2005. №3. С. 5–25 и Хоцей А.С. Проблемы смысла истории с точки зрения логики // Философия и общество. 2005. №3. С. 26–69.

² См.: Шахматова Е.В. восток как метафизическая парадигма идеи всеединства в культуре Серебряного века // Вопросы философии. 2008. №3. С. 149.

политической сущности евразийского движения, «наиболее стойким идеологом», которого являлся Савицкий.

Между двумя концепциями (совершенство как конечный идеал и бесконечное совершенствование) обнаруживается фундаментальное различие. Если концепция совершенства как конечного идеала – это обычная западная концепция неореалистского толка, то концепция бесконечного совершенствования – это диалектическая отечественная концепция, веками отработывавшаяся в нашей стране в русском национальном сознании.

Модель мира является выражением наличных определений жизни общества того или иного типа – социальности, специфики культуры и цивилизации. Поскольку управление обществом – это функция социальных институтов, поскольку любая методология управления обществом выражает в себе специфику управленческой институциональности, характерную для данного типа социальности, культуры и цивилизации. Именно социальные институты осуществляют управление обществом и применяют адекватную своей сущности методологию управления. Сами принципы универсалистской модели мира (антропоцентризм, дуализм и репрезентация действительности) являются ничем иным, как теоретическим выражением управленческой институциональности индивидуалистического типа. Последний предполагает состояние взаимной конкуренции и преобладания социальных институтов. В данной связи методология управления индивидуалистическим обществом может быть востребована ровно в той мере, в которой она выражает принципы управленческой институциональности индивидуалистического типа и адекватной ему модели мира – принципы антропоцентризма, дуализма, репрезентации.

Принцип антропоцентризма как одна из основ методологии управления индивидуалистическим обществом в универсалистской модели мира устанавливает центральное значение человека. Человек понимается как мера всех вещей, главное звено бытия, обладающее определенными степенями свободы. Эти степени свободы подлежат реализации по направлению достижения определенных ценностей, являющихся сущностью универсалистской модели мира и составляющих ее полноту. Поэтому ценности в условиях индивидуалистической социальности являются частным делом индивидов и групп, поскольку принцип антропоцентризма выражает конкурентные основы управленческой институциональности индивидуалистиче-

ского типа. Социальный институт как управляющий субъект, руководствующийся в управлении обществом принципом антропоцентризма, решает частно институциональные задачи, отвечающие интересам индивидов, отдельных социальных групп и социальных институтов.

Необходимо отметить, что строительство соборного государства и правового государства вытекает из необходимости установления соответствия общественной жизни стандартам, определенным способом производств общественной жизни, учитывающим особенности климатических, географических, геополитических, этнических, конфессиональных и других условий жизни общества. Вот почему западные защитники атомизированного индивидуалистического, индивидуализированного общества в течение многих столетий так предметно и так убедительно отстаивают преимущества правового государства и тем же самым определяют исторические неудачи российских правителей, навязывающих стране скопированные с западных хорошо разработанных теорий, посвященных жизнедеятельности правового государства, стандарты, чуждые коллективистскому обществу, чуждые объективным условиям жизни России.

В противоположность западному тоталитаризму русская традиция единения основана на единении всего «мира», всех личностей в служении Отечеству. Данная традиция имеет позитивный характер, так как русские люди испокон веков находили свое земное предназначение исключительно в служении ближним и Родине, в искоренении социального зла, т. е. в служении идеалу совершенства, характерному и для отечественной философской традиции¹.

Русские философы с древних времен, реализуя диалектическую направленность отечественной философии, разрабатывали антиэнтропийную систему управления обществом, в XIX веке получившую наименование концепции русского социализма. Сущность данной системы в целом проста: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объекта управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтро-

---

¹ См.: Григоренко, Д.Е. Адекватность концепции управления обществом его культуры и цивилизации. Красноярск, 2007. С. 147–148.

пий. В данной связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы «антиэнтропийного управления обществом»¹.

Выбор модели, по которой будет фактически строиться политика России, определяется не наукой (подобного прецедента в истории не было), а реальными интересами правящих элит (включая глобальные компоненты таких интересов)². Диалектика противоречий между первыми, происходящими на макро-, и вторыми, развивающимися на микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном уровне. Выход из конфликта этих противонаправленных сил в поиске переходной ступени, выполняющей роль своеобразного социального редуктора от общемировых к местным процессам. Этот промежуточный мезоуровень позволяет общие тенденции приспосабливать к местным специфическим условиям, что дает возможность в нарастающем процессе унификации и стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой отдельной культуры. В отличие от макроуровня промежуточная ступень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения. Отдельная личность и государство не могут общаться непосредственно, необходимы соответствующие структуры. Взаимодействие социальных низов и верхов объективно рождает необходимость мезоуровня. Так и локальные социумы нуждаются в таких же посредниках для выхода на макросистему. Кроме того, на место государств единообразного большинства приходят мультикультурные государства, т. е. государства различных меньшинств (социальных, культурных, этнических, конфессиональных и других), оберегая исторические традиции и сохраняя этнокультурный плюрализм»³.

Вместе с тем ни «американский» индустриальный проект, куда Россия сейчас подключается просто в силу цивилизационной инерции, ни «евразийское направление», предлагающее по сути ту же

---

¹ См.: Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 31

² См.: Косолапов, Н. А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENS). 2003. № 4. С. 149.

³ См.: Симонян, Р. Х. От национально-государственных объединений к региональным // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 21-22.

индустриализацию, но в экстенсивно-архаической форме, не способной служить путями перехода к новой реальности. В первом случае Россия оказывается не в собственном будущем, обеспечивающем самостоятельность, а в чужом прошлом и фактически лишь удерживает прежние цивилизационные рубежи, а во втором, кстати, являющемся до сих пор чисто кабинетной, схоластической разработкой, отказывается от будущего вообще и становится «застывшей цивилизацией» восточного типа. Ясную социальную перспективу эти идеи образовать не могут. России нужен проект, который бы обеспечил ей реальное присутствие в будущем¹.

Существуют несколько направлений данных вкладов, основанных на антиэнтропийном принципе организации жизни общества России, – управлением «по правде». Данное направление имело место в исторической действительности российского общества и получило фактическое обоснование своей актуальности и эффективности для него.

Первое из них связано с повседневной организацией в России власти советов лучших людей – духовного и светского авангарда общества.

Второе заключается в раскрытии, развитии и всемерной организации коллективистских форм жизни, выступающих в качестве активной диалектики жизни общества.

Третье направление связано с развитием института духовной власти, т. е. духовной ветви социального авангарда общества, выступающего в качестве нравственного ориентира власти светской.

Четвертое направление раскрывается в практике гармонизации деятельности всех актуальных жизнеутверждающих социальных институтов российского общества (институтов государства, церкви, различных творческих и других союзов, организаций и т. д.) в процессе организации общественного прогресса и соборного управления по принципу «всем миром»².

В авангарде общества находятся те, кто своим доблестным служением обществу, мудростью и добродетелью доказывают правомерность своего общественного статуса. Данные качества характеризуют лучших людей в качестве совершенных личностей, вносящих

---

¹ См.: Кудашов, В. И. Русский мир и национальная идея // Теория и история. 2003. № 2. С. 48.

² См.: Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. №2. С. 32.

стройность своего личностного облика, своего опыта и мудрости в процессы нестроения общественной жизни, т.е. производящих отрицательные вклады в социальную энтропию. Лучшие люди способны активизировать в обществе коллективистские качества, позволяющие творчески решать актуальные задачи общественной жизни. Данный тезис многократно доказан самой российской историей, когда представители социального авангарда поднимали народ на борьбу с захватчиками.

А. Зубов, рассматривая циклы российской истории, пишет: «Тяжкие испытания, выпадающие на долю общества в период смуты, как правило, порождают нравственную рефлексию, возбуждают чувство раскаяния в делах отцов, усиливают религиозные настроения. Перед смутой для общества характерны эвдемонические ценности, ориентация на благо этой земной жизни, равнодушие к вечности и к спасению в Боге. Религия в предсмутное время превращается в служанку земного благоденствия, в его идеологическую подпору, утрачивая в глазах большинства самоценную значительность, замыкается в самодовлеющий обряд. Напротив, на выходе из смуты религия занимает центральное место в жизненных ориентациях... Однако, усиливаясь, и власть, и народ все более начинают обращать внимание на эвдемонические задачи политического и хозяйственного характера. Напрягая все силы для восстановления былого величия и незаметно даже превосходя его в новых присоединениях, Россия неизменно платит за это растущее внешнее могущество золотом веры и благочестия, собранным в первые десятилетия по выходе из смуты. Из цели государственной деятельности люди превращаются постепенно в средство для достижения национального величия, а вера – из залога Царствия Небесного в консолидирующую народ политическую идеологию»¹.

Для того чтобы сохранять свою жизнь как историческую, т. е. не выпадать из истории, нет иного пути, как путь определенной коллективной идентичности. Только устойчивая идентичность обеспечивает преемственность бытия и придает социальной жизни характер кумулятивного процесса, наращивающего свои результаты. Можно согласиться с А. Панариным, что при отказе от коллективной идентичности, к чему нас призывает «поздний» либерализм, каждый говорит в никуда, в пустое пространство, а

---

¹ Зубов, А. Б. Циклы русской истории // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 162.

каждое поколение начинает с нуля и кончает как нулевое, ничего не завещающее потомкам¹.

Ю.Ф. Самарин, как и К.С. Аксаков, вводят нас уже в изучение русского гегелианства – оба они, почти не испытав влияния Шеллинга (что мы находим у других гегельянцев того же времени), отдали свое предпочтение Гегелю, который оплодотворил их первые философские искания. Хотя у обоих (особенно у Самарина) это влияние Гегеля позже почти совсем ослабело, тем не менее они действительно принадлежат к другому типу философствования, чем все те, кто прошел через влияние Шеллинга. Характерно в этом отношении полное выпадение проблем натурфилософии, доминирующее значение историзма в их работах. Тем не менее и Самарин и Аксаков существенно связаны с тем, что именуется славянофильством: в жизни и развитии обоих исключительное значение принадлежало Хомякову, гораздо менее – Киреевскому.

Влияние западной диалектической школы в постижении особенностей военного прогресса на российских ученых проявлялся по многим направлениям. У Шеллинга (по свидетельству самого Станкевича) он учится понимать единство истории и природы, учится связывать разные стороны бытия в живое целое. Вместе с тем у того же Шеллинга Станкевич берет его трансцендентализм, его концепцию космоса. В отрывке «Моя метафизика» (написанном до знакомства с Гегелем), еще очень юном, мы встречаем перепевы шеллингианства, но есть существенное и важное отличие между Станкевичем (этого периода) и, например, князем Одоевским в его период шеллингианства. У последнего натурфилософские мотивы и эстетический идеализм выдвигаются на первый план, у Станкевича же гораздо сильнее интерес к трансцендентализму как таковому.

Сторонниками Гегеля в этот период выступают деятели кружка Н. В. Станкевича В. Г. Белинский и М. А. Бакунин. Печатным органом этого кружка был журнал «Московский наблюдатель». Истолковывая философию Гегеля в духе «примирения» с действительностью, они решительно отвергают всякие утопически-социалистические и революционно-романтические идеи. С резкой критикой философии «примирения» выступил социалист А. И. Герцен. Но эта критика привела к неожиданному результату – союзу философии и социализма. И Белинский, и Герцен стали в 1840-х годах зачинателями нового

---

¹ Панарин А. С. Философия истории. М. : Гардарики, 1999. С. 132–142.

направления антифеодальной общественной мысли, осуществившей «любопытнейший опыт по «скрещиванию», синтезированию гегелевских идей с социалистическим идеалом.

Завышение роли по отношению к обществу и принижение роли личности по отношению к обществу – это две метафизические конструкции, комментирующие отношения личности и общества. В данном отношении А.И. Герцен писал: «Разрыв личности и общества есть проявление метафизического дуализма, это разделение того, что в действительности соединено неразрывным единством»¹.

Утверждение Солженицына, что царь предал Россию, отказавшись от престола, подтверждает гипотезу писателя о том, что частный случай в истории играет большую роль, нежели исторические предпосылки².

В русскую историю, которую изучали до 1917 года, помещалось все. В современную историю Российской Федерации (бывшую РСФСР) помещаются лишь остатки идеологических конструкций прошлого, да к тому же – рухнувшие. Проблема единства русской истории фатально разъединяет нашу историческую память, без которой нация (или народ?) становится неполноценной, подобно человеку, деградирующему без естественных рефлексов выживания и системы самоидентификации.

Исследуя военный прогресс, стоит понимать, что речь идет не только о ныне живущем поколении, но и о тех, кто жил прежде, и сразу все станет на свои места. При этом наша история – это история всех народов нашей страны, совместно строивших российскую государственность. Ни один из этносов, созидавших Россию во главе с русским народом, не был потерян. Наше геополитическое пространство, вмещающееся в Российскую империю, а потом в СССР, создавалось в течение веков. Ликвидация этого геополитического пространства поставила под угрозу исчезновения не только русских, но и другие народы бывшего Советского Союза.

Особое отношение к нашей стране сформировалось именно во время правления Иоанна Грозного, когда неожиданно для Запада возникла великая православная держава, мешавшая установлению в мире гегемонии европейских государств.

---

¹ Цит. по: Чуринов Н.М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентный и соборный субъекты // Теория и история. 2004. № 2. С. 136.

² См.: Кончаловский А. А была ли Февральская революция // Аргументы недели. № 14 (48). 2007. 5 апреля.

«Начала самобытности приносят самые богатые плоды, а заимствования обычаев и нравов ведут к потере своей самобытности» – эти слова Данилевского являются квинтэссенцией русского консерватизма. Основной пафос работы не утверждение иерархии выявляемых им цивилизаций, а их рядоположенность, несопоставимость. Его культурно-исторические типы имеют совершенно иные основания – религия, культура, политика и общественно-экономический уклад.

Россия есть результат тысячелетнего сбережения, управления и творчества. В связи с празднованием тысячелетия Руси в 1862 г. Комитет министров России заявил: «Призвание Рюрика составляет, без сомнения, одну из важнейших эпох нашего государства... Но потомство не должно и не может пройти забвением заслуг других своих самодержцев, полагая, что эпоха 1862 года должна быть ознаменована не увековечиванием подвига Рюрика, но воздвижением народного памятника «Тысячелетие России», где могли быть в барельефах или других изображениях показаны главнейшие события нашей отечественной истории...»

В целом сложившийся *modus vivendi* можно охарактеризовать как сложные отношения русского народа и имперского государства. Содержание симбиоза было следующим: империя питалась соками русского народа, существуя и развиваясь эксплуатацией русской жизненной силы. Русские же, ощущая (не осознавая!) эксплуататорский характер этого отношения и враждебность империи русскому народу, не могли не сотрудничать с ней, ибо империя формировала общую рамку русской жизни, обеспечивала относительную безопасность и сносные (по скромным отечественным меркам) условия существования народа. Каким бы безжалостным ни было государство в отношении собственного народа, оно оставалось единственным институтом, способным мобилизовать народные усилия для сохранения национальной независимости и развития страны.

Главная причина чужеродности России и Запада состоит в том, что кроме геополитики и геоэкономики налицо цивилизационный, религиозный момент. Ненависть католиков и протестантов к России и православию – это ненависть представителей двух иудаизированных версий христианства к такой, которая наиболее близка к исходной модели. Сегодня к этому добавляется неприязнь постхристианского, дехристианизирующегося комплекса к христианскому.

Совершенная добродетель находится в гармонии с нормами права. С законотворчеством. Аристотель пишет: «Закон велит поступать мужественно. Благоразумно и вообще вести себя в согласии с тем, что зовется добродетелями. Вот почему так говорят, что справедливость – это, по-видимому, некая совершенная добродетель. Ведь если справедливое – то, что велит делать закон, а закон приказывает исполнять все добродетели, то поступающий справедливо в соответствии с требованиями закона достигает совершенного достоинства, так что справедливый и справедливость – это некая совершенная добродетель»¹.

Православие укрепило культ добротолубия, освятив и усилив лучшие черты русского народа.

В Древней Руси трудолюбие рассматривалось как главная добродетель.

Главным в достижении процветания государственного устройства коллективистского общества является не совершенствование законов, а совершенствование личности каждого члена общества и в первую очередь самого правителя. Так как совершенная добродетель находится в гармонии с позитивными социальными нормами (нормами права, морали, религиозными нормами и т. д.), то правитель обязательно должен быть наделен добродетелями.

Славянофилы продолжали традиции отечественного теоретизирования. Они первыми приняли точку зрения, согласно которой доказывалась необходимость различения качествований обществ. Славянофилы разрабатывали идею личности в контексте совершенной личности, акцентировали свое внимание на добродетелях как естественных характеристиках общественных отношений российского общества. Алексей Степанович Хомяков писал: «Наша древность представляет нам пример и начало всего доброго в жизни частной, судопроизводстве, в отношении людей между собой... нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее»².

Через доброту, самоотверженность, любовь к Родине, бескорыстие и другие добродетели раскрывается совершенство русского человека. Идеолог славянофильства Константин Сергеевич Аксаков отмечал, что быт русских славян основан на добродетелях: «При сво-

---

¹ Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 342.

² Хомяков А.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1994. С. 463.

их верованиях славяне, русские образовали жизнь свою; они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости и многие общественные и личные добродетели»¹.

«Русские гораздо лучше информированы о Западе, в то время как мы не знаем их истории. Нам нужно шире внедрять преподавание знаний о мире, чтобы квебекские школьники понимали, что они – не пуп земли. Наш национализм и отсутствие соседей к северу и востоку (у нас лишь один южный сосед – США) делает из нас очаровательных невежд»².

Особенность российской конфигурации «общество–государство» заключалась в том, что государство рассматривало себя как полноправного и ничем не ограниченного «автора» и хозяина всех политических, экономических и культурных процессов, протекающих в системе. Обществу же отводилась роль объекта, инструмента для осуществления этих процессов, лишенного «соавторского» соучастия. При этом общество должно было строго подчиняться государству в реализации поставленных им целей. Строго говоря, в основе этой системы лежит идея определенного тождества общества и государства. Но тождества очень своеобразного. Общество как бы обязано отождествлять себя с государством во всем и ни в коем случае не поднимать вопроса о том, в какой мере политика государства соответствует интересам общества. Но государство всегда четко отличало себя от общества, как единственную инстанцию, имеющую право и обязанность формулировать и защищать общественный интерес и строго следило за тем, чтобы общество не покусилось на эту его исключительную политическую прерогативу и привилегии, с ней связанные.

Дело выглядит, если на него смотреть с позиции духовно-нравственной, так, что беды социальные обусловлены тем, что люди по каким-то причинам имеют искаженную форму правосознания. Поэтому требуется одно, чтобы они поняли свои заблуждения и встали в правовой сфере на путь истины. Однако остается нерешенным вопрос, как их к этому подвести.

Высшая историческая миссия традиционного менталитета заключена в жизненной необходимости замкнуть эволюционный круг социального развития, возвратив содержание социального

---

¹ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 423.

² См.: Годбу Ж. Красный – значит красивый // Литературная газета. 2012. 7–13 марта. С. 9.

миропорядка в родовое лоно тысячелетних устоев. Данный процесс призван практически подтвердить реальность этнонациональной ментальности, ведь ее геополитическая будущность может окончательно утвердить истинность идеально-этнической объективности или, напротив, установить субъективную надуманность ее утопичности¹.

Исходя из специфики типов общества, особенностей их становления, фундаментальных принципов жизнедеятельности и объективных условий существования, различаются «две основные линии социального прогресса: утилитаристский прогресс индивидуалистического типа общества и антиэнтропийный прогресс коллективистского типа общества»².

Таким образом, гармонизация деятельности всех актуальных жизнеутверждающих социальных институтов российского общества происходит в процессе организации общественного прогресса и соборного управления.

Нравственность как система морально осознанных практических отношений между людьми и наследуемых ими соответствующих норм поведения является мощной социальной силой со времен вступления человечества в цивилизованное состояние. Она сопоставима с духовно-производительными силами (интеллект, наука), с «потребительными силами» (Энгельс), политическими и другими культурно-социальными силами. Все вместе они образуют систему социальной энергетики. В этом смысле в странах бывшего раннего социализма нравственность выдвигается на роль ведущей социальной силы возрождения социалистического строительства³.

Русская, или Северная, цивилизация – это цивилизация домена и иррациональности. Цивилизаций всего три, может быть, четыре, а плит, в общем, достаточно много. Плита – это проекция цивилизационной структуры на географическую... плита так же связана с географией, как и с цивилизацией, как с идентичностью. С одной стороны, от цивилизации здесь дано семиотическое пространство, с

---

¹ См.: Пономарев А.Е. Менталитет и социальная эволюция: национальная идеология в системе личность-общество // Теория и история. 2006. №2. С. 50

² См.: Черноусова Л.Н. Добродетель совершенная и добродетель свободная // Теория и история. 2006. №2.. С. 56.

³ См.: Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла социализма // Теория и история. 2007. №2. С. 19.

другой стороны, плиту формирует этнос и ландшафт. Цивилизация может быть сколь угодно многоэтническая, и уж тем более любая цивилизация ландшафтно инвариантна. С этнокультурными плитами все иначе. Например, сейчас очень сложные процессы происходят в исламской, точнее афро-азиатской плите: она, похоже, раскалывается. И это значит, что единая цивилизация, в общем, в ближайшее время вполне может испытать бифуркацию, и тогда в исторически значимое время могут возникнуть две этно-культурные плиты, с довольно разными исламами»¹.

Самое худшее из того, что принесла нам так называемая перестройка и «демократическая революция» 1985–1991 годов, которая состоит в воплощении в жизнь девиза «Позволено все, что не запрещено (юридическим) законом». Эта излюбленная установка демократов не могла не привести к правовому беспределу, так как обе сферы общественного сознания – правовая и нравственная – находятся в отношении дополнительности друг к другу².

В начале двадцать первого столетия отечественная социальная философия стала уделять повышенное внимание соединению научно-теоретического и аксиологического подходов в анализе путей дальнейшего общественного развития России и глобализации социокультурного развития народов. Ценности общественной жизни и культуры, идеалы общественного устройства, нормы цивилизованной жизни, значение научно-технических достижений для гуманизации человеческих отношений и другие проблемы должны решаться системно, чтобы разработать реалистическую модель «хорошего общества» (В.Г. Федотова). Ценность может стать нормой, если ее нормативность будет выявлена теоретически. И когда она пишет о поисках нормативов «хорошего общества» после разрушительной анархии 90-х годов XX века на постсоветском пространстве, то вполне реалистично полагает: «Речь не идет о том, чтобы выдумать нормы для растерявшего их общества, а о том, чтобы в ситуации из разрушения аккумулировать все оставшиеся и бытующие в некоторых средах, в сознании многих людей, в сегодняшней повседневности и практике значения и теоретически обосновать новые, сделать эти значения не только достоянием «свободно парящей» интеллигенции, но и социально признанными

---

¹ См.: Интервью с Сергеем Борисовичем Переслегиным // Credo new. 2006. №3(47). С. 9–11.

² См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 464.

в масштабах общества»¹. Эта задача перевооружения «разорванного» народного сознания реалистическими идеалами «хорошего общества» справедливо оценивается автором как «вторая по значению после физического сохранения и умножения населения. Эта задача сбережения и восстановления его качества, человеческого и социального капитала. Эта задача направлена на выстраивание общества и понимание им самого себя»².

В качестве традиционных особенностей русской культуры, влияющих на содержательные характеристики военного прогресса, необходимо отметить диалогичность «ядра» культуры, постоянно транспонирующего новые ценностные ориентиры. В то же время этим объясняются исключительный динамизм и внутренняя напряженность, «пассионарность» русской культуры; сильный, многослойный «защитный пояс» культуры, который направлен на сохранение ее уникальности – совокупности стереотипов, традиций, обычаев как прочной системы защиты; вертикальная традиция духовного идеала, согласно которой человек не существует отдельно как субъект, а находится в гармоничном единстве и равновесии со всей Вселенной, он связан органическими узами и с Богом, и с человеком. Духовные ценности и идеал познаются по мере совершенствования нравственного начала личности и познания космической гармонии (гармонизация общения с миром на всех уровнях проявления). Горизонтально-атомистическая традиция духовного идеала, характерная для западной культуры, низводила небеса на уровень земного (М. Фуко), в горизонтальную плоскость неорганической традиции, разрывающей первичные связи человека с Богом, с миром, с себе подобными и делающей центром Вселенной обособленного и атомизированного индивида, господство дедуктивного метода в мышлении (склонность к теоретизированию). В западном мышлении господствует индуктивный подход, опирающийся на развитую информационную инфраструктуру (склонность к практицизму). Для русского «я думаю» означает «я постиг», для англосакса – «я вижу» (по исследованию ученых МГУ в 1996 г.)³.

---

¹ См.: Интервью с Сергеем Борисовичем Переслегиным // *Credo new*. 2006. №3 (47). С. 17.

² См.: Семенов В.Е. Философия как идеология: о возможных модусах идеологической проекции философского знания // *Credo new*. 2006. № 3 (47). С. 55.

³ См.: Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // *Теория и история*. 2007. № 2.С. 13–14.

В русской же идеологии государственного мышления с древних времен имеет место принципиально другая точка зрения, согласно которой совершенная личность существенна не степенями своей свободы, а способностью вносить отрицательный вклад в социальную энтропию, т. е. предотвращать рост социальной энтропии, формировать и укреплять стройность общественных отношений и, так сказать, снимать нестроения в обществе. И потому совершенная личность выступает как личность, раскрывающаяся и актуальная в стандартах жизни, определяемых характером и уровнем совершенства общественных отношений. Отсюда жизнь более или менее совершенной личности раскрывается мерами жизни по правде, жизни по-людски. И в этом плане государственное мышление выступает как мышление наличного характера и уровня совершенства общественных отношений, как мышление, в своем отношении вносящее отрицательный вклад в социальную энтропию в условиях наличного характера и уровня совершенства общественных отношений. Государство в данном случае предстает не как орган политического насилия, не как орган подавления, не как социальный институт, доказывающий наличие неразрешимых социальных противоречий, доказывающий, что эти противоречия не могут быть разрешены, а социальный институт политической добродетели, являющийся определенным элементом добродетели совершенной, развертывающей совершенство отношений между людьми и совершенство отношений между природой и обществом. И потому понятие «политическая добродетель» выступает как понятие, раскрывающее просторы совершенной добродетели не только в политической, но и в других сферах общественной жизни: в экономической, социальной, духовной и т. д. Весь спектр осуществления совершенной добродетели образует такую целостность, которая и является основой государственного мышления и определяет содержание идеологии государственного мышления¹.

Необходимо вспомнить замечание Путина о том, что постсоветская реинтеграция является для нас безусловным приоритетом, что она абсолютно неприемлема для наших американских «партнеров». Путинское послание можно назвать если не идеологическим, то во всяком случае предыдеологическим, то есть со-

---

¹ См.: Афонский Л. Славянофилы: прозрения и ошибки. URL: <http://www.moskva.cdru.com/>

державшим в себе явный вектор и ясные рамки, отделяющие его от других известных у нас и в мире идеологических концептов. Также его можно назвать достаточно четко геополитически ориентированным.

Важно проанализировать факт сближения церкви и государства в условиях Отечественной войны 1941–1945 годов как ярчайшее историческое подтверждение существования многовековой традиции симфонии духовной и светской властей, востребовавшей православие в качестве института поддержания и воспроизводства созидательного типа духовности, который раскрывается во всей своей полноте в акте служения Отчеству. «Падение» созидательного типа духовности, а тем более попытка замещения его потребительским, неминуемо провоцирует кризис, который затрагивает все без исключения социально-политические структуры общества. Православие как социальный институт воспроизводит стандарты естественности общества созидания и его теоретический опыт представляется как адекватный духовности общества созидания.

Контексту традиции в российской истории соответствуют два периода: 1) Московское царство, во времена которого существовало противостояние Западу и основой этого противостояния была религия, 2) Петровская Русь, когда Петром I был сделан прорыв в Европу и создан «целый ряд сообщающихся каналов (академия, университет, издательское дело, путешествия и т. п.), по которым западноевропейская культура устремилась навстречу русской, а русская, в свою очередь, позднее стала проникать на Запад»¹. Контексту модерности, в свою очередь, период вхождения России в состав Советского Союза и период постсоветской России.

Отсюда вывод: восстановление традиционного уклада жизни, многолетних семей, русского коллективизма, патриархального быта в целом, не имеет своих значимых социальных носителей. «Институт государства и общество соотносятся как часть и целое, а не как два целых, потому что государство – лишь наиболее широкая социальная организация. Тем не менее почти никого не удивляло, что работодателем в СССР всегда выступало только государство, которое без смущения нанимало на

---

¹ См.: Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 90.

работу своих партнеров по владению национальной собственностью, а последние почему-то всегда принимали работу от государства»¹.

Отражением этой изначальной двойственности (тождественности и нетождественности общества и государства) стало второе свойство данной системы: государство здесь понималось в двух смыслах. С одной стороны, государство в широком смысле включающее и растворяющее в себе вообще все – и общество, и политическую элиту. С другой стороны, государство как нечто отличное от общества, не совпадающее с обществом, как инструмент управления обществом, контроля и принуждения общества для реализации поставленных этим государством целей. Двойственность эта не случайна, и она не является простым результатом терминологической неясности. Двойственность эта органично вытекает из особой природы конфигурации «государство–общество», характерной для российской политической системы. Именно эта, тщательно оберегаемая при всех политических режимах и на разных исторических этапах двойственность делала и делает возможной легитимизацию подобной архаичной патерналистской системы со стороны общества².

Исследуя военный прогресс, необходимо подчеркнуть, что даже наиболее цивилизованные и демократические народы в сколько-нибудь острой политической ситуации всегда выдвигали достаточно авторитарного лидера. Взгляд на демократию как на устойчивое состояние общества, увы, находит все меньше и меньше подтверждений. «Не исключено, что России действительно придется искать свой путь, причем именно тогда, когда она совершенно к этому не стремится, если, разумеется, ставится задача занять хоть сколько-нибудь достойное место в мире. Речь при этом идет, разумеется, не о каком-то особом «русском пути», а то принципиально ином осмыслении места России в мире и опыта передовых стран. Принятые в них решения не должны быть для нас императивом (...) именно в силу принципиальной многовариантности возможного будущего. Стремление наших славных реформаторов сделать Россию «скучной страной» может привести

---

¹ Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. №6. С. 3.

² См.: Глинчикова А.Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 18.

только к тому, что мы будем иметь все недостатки цивилизованных стран, но, к сожалению, без их достоинств»¹.

Однако наша история знает попытки не только теоретического, но и практического усилия выйти на правовой путь развития. Их было не так много, но были они весьма ощутимы и заметны, став к концу прошлого века влиятельным фактором общественной жизни России. Именно эти неоднократные усилия предшествующих нам поколений, несмотря на их неудачи, порой чудовищные, позволяют сегодня говорить о накоплении в российской истории своеобразного правового «строительного материала», который как некий коралловый риф прорастает из пучин самодержавно-народной стихии, казалось бы, лишенной самого сознания законности, представления о возможности жить не по произволу, а в жестких рамках закона, внутри правового пространства.

История постоянно ставит вопрос о востребованности определенного уровня военного прогресса. К примеру, уже во время Смуты стало понятно многим, что неограниченное самодержавие есть угроза для самого существования Великорусского государства, не имеющего никаких договорных отношений ни с одним слоем общества. «Если во все прошлые века, избрав, а точнее, незаконно утвердив на властном Олимпе, своих правителей, народ лишался возможности высказывать в дальнейшем свое мнение, попадая, естественно, у противоправного правительства в бесправное положение, а на высказывание своей позиции посредством бунтов не всегда и энергии хватало, не говоря уж о бессудной силе государства, то теперь Россия, кажется, получила шанс на иной тип развития. Не более, чем шанс. Но в исторической перспективе это совсем немало»².

По мнению большинства русских историков, культурологов, философов истории тип государства, тип социокультурных отношений, который в той или иной степени продолжается доселе, сложился на рубеже XV–XVI века, т. е. тогда, когда с помощью татар произошла «москвизация» Руси (Г. Федотов), затем татарская власть слабела, была отброшена и образовалось не похожее на западноевропейские (хотя примерно в то же время) централизованное государство. Его

---

¹ См.: Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. №12. С. 19–20.

² См.: Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 239.

называли «государством правды» (М. Шахматов), «тоталитарным государством» (Н. Бердяев), «народной монархией» (И. Солоневич), суть же его в следующем.

Реформы 1990–2005 годов в основном были реформами политической, экономической, финансовой системы страны и федеративных отношений. Они практически не захватывали область социальных отношений, которые фактически остались неизменными с советского периода. А между тем, как показывает опыт передовых государств, именно социальная область стала для них локомотивом развития в последние десятилетия, превратилась из фактора «собеса» в фактор экономического развития. Объективные основы в развитых странах для этого сложились в последней четверти XX века.

России приходилось выполнять одновременно функции и «щита» и «поста» между Европой и Азией, совмещая в себе элементы и Востока, и Запада. Занимая внутреннее пространство Центральной Евразии, Россия является «осевым» районом мировой политики. Именно в имперский период своей истории Российское государство получило уникальную возможность осуществлять миссию «держателя равновесия» между Востоком и Западом.

С момента своего возникновения Российское государство было полиэтничным, у него был уникальный и во многом позитивный опыт управления страной, населенной множеством различных по языку и культуре народов. Особого внимания в истории Российской империи заслуживают роль и место в ней имперообразующего русского этноса, взаимовлияние различных ее народов, евразийский принцип единства в многообразии.

Российская империя расположилась на стыке Европы и Азии, между католическим и протестантским Западом и мусульманским Востоком в условиях длительной и почти непрерывной борьбы с обеими сторонами. Это требовало постоянного и гигантского напряжения сил. В исследовании убедительно показано: территориальный рост Российского государства происходил не в результате целенаправленной политики правящих кругов, а был во многом следствием сцепки и соотношения конкретных обстоятельств. Территориальная экспансия России, как правило, была вызвана необходимостью обезопасить себя от вражеских вторжений, стремлением вернуть ранее отторгнутые другими государствами земли и отвоевать себе свободный выход к морям, без чего в ту эпоху было бы невозможно

поступательное развитие страны. Все это опрокидывает культивируемые идеи о какой-то «особой агрессивности» России по сравнению с другими странами. Хотя были и чисто имперские проявления политики России, непосредственно не связанные с задачами обороны: Каспийский поход Петра, завоевание Средней Азии, присоединение Польши и Финляндии.

Российская империя не являлась в своей основе колониальной, несмотря на наличие в ее составе отдельных территорий, которые с некоторыми оговорками можно признать российскими колониями не только в экономическом, но и в социально-политическом значении слова (Русская Америка, Средняя Азия, часть Закавказья). Стать полноценной колониальной державой Россия не смогла по причине своей слабости по сравнению с ведущими европейскими государствами и из-за необходимости практически постоянно вести борьбу с внешними врагами сразу на нескольких фронтах. Так, например, вторжение России на земли Казанского ханства было спровоцировано татарской стороной, многочисленными и разорительными набегами.

Особенность России состояла в том, что положение империобразующего русского этноса, не только не имевшего никаких преимущественных прав перед другими народами, но подвергавшегося различным видам эксплуатации, в массе своей сильнее, чем они.

Можно сделать вывод, что Россия не была «тюрьмой народов», а фактором, объединявшим и сохраняющим народы.

Российское государство, соединяя в себе черты восточных деспотий и европейского абсолютизма, являлось гарантом безопасности и сохранения независимости страны. Ценой весьма жестоких мер оно обеспечивало решение важнейших стратегических задач, стоявших перед страной. В этой связи представляется весьма интересной трактовка двойственного положения российской элиты XVIII века, которая, являясь европейской по образованию и ценностным предпочтениям, служила тем не менее самодержавной власти, которая проводила для укрепления державы жесткую политику, не всегда укладывающуюся в европейские каноны.

Главный вывод: Российская империя – крупное централизованное в основе своей неколониальное государство, объединенное феноменом самодержавия. Оно отличалось от других поли-

этничностью, многоконфессиональностью. Важнейшей особенностью империи являлось положение имперообразующего этноса – русских, которые не имели каких-либо преимущественных прав перед другими народами. В стране, несмотря на отдельные издержки и конфликты, существовала атмосфера национальной и религиозной терпимости. Она сложилась не только благодаря гибкой политике правительства, но и в огромной степени вследствие менталитета русского народа, который позволял такую политику проводить¹.

Такова вечная ирония истории. Имперское государство ни в одной из его исторических модификаций не было и не могло быть националистическим, ведь русский национализм был враждебен самому смыслу его существования. Хотя имперские власти время от времени обращались к националистической риторике, ее использование носило строго дозированный и контролируемый характер.

Традиционно в России относительная самостоятельность государства от общества, то есть как бы отделение от общества его функции власти, сложилось отнюдь не при Сталине. Самодержавие – а именно так называется указанная особенность государства в России – имеет свою историю внутри российской истории, которая развивается в общем русле последней, но по своей логике. По нашему мнению, первым «лепетом» русского самодержавия явилось правление Ивана Грозного. Не утихают споры о причинах опричнины и репрессий великого царя против правых и виноватых подданных. Но с точки зрения государственного самодержавия, эта война корпорации с социумом не кажется чем-то необъяснимым. Государство утверждало свои права, подминая общество, свою собственную почву, свой источник, в котором тем не менее видело своего антагониста (при этом Иоанн Васильевич лично позаботился, чтобы тем, кто в последующие 500 лет будет интересоваться его деяниями, было над чем поломать голову, и безлико назвал выделенный самому себе «удел» опричниной, т. е. землями страны опричь земщины – земель, оставленных им обществу. Но если из территории страны вычесть земли социума, то останутся земли... государственной корпорации, и их следовало бы назвать «государственщиной» или, в худшем случае,

---

¹ Российская империя. От истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории / Институт российской истории РАН. М.: Русская панорама, 2011. 878 с.

«царевщиной». Тогда, по крайней мере, прояснилась бы суть явления – территориально-юридическое отделение государства от общества). Ярким примером государственного самодержавия служат и реформы Петра I, который насильно вгонял патриархальное русское общество в капитализм»¹.

На нашей земле, начиная с 1917 года, прошлое и будущее сошлись в нерасторжимом единстве открытой борьбы, образовав настоящее, которое материализовалось в форме Советского государства, опиравшегося на государственно-капиталистическую экономику, но создавшего массу структур, стремившихся к удовлетворению разнообразных общественных потребностей (именно в этом смысле мы понимаем тезис В.И. Ленина о равенстве понятий «государственный капитализм» и «государственный социализм»). Поэтому мы позволим себе назвать СССР также олицетворением диффузного слоя, пограничного между капиталистической и коммунистической общественно-экономическими формациями. С рождением нового типа государства, определенного нами как социальное, не исчезла его русская специфика – самодержавный характер, наложившая своеобразный отпечаток на весь ход советской истории².

Конец же истории в прямом смысле слова может наступить в том случае, если такие войны, явившиеся отчасти следствиями демонизации двух типов общества друг другом, не будут предупреждены своевременными эффективными антивоенными акциями, прекращением опасной игры в противопоставление двух обществ друг другу, их превратного теоретизирования.

Все чаще возникает вопрос о постсоветской евразийской реинтеграции. В сегодняшнем контексте она не выглядит дежурным тезисом, поскольку является прямым ответом на циничные указания США. На самом деле это является констатацией конфронтации. По мнению А. Гулыги, русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех. Точнее – для тех, кто эту

---

¹ См.: Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 9.

² См.: Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 13–14.

беду предчувствует и убежден, что ее можно избежать. Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует»¹.

Концептуальные направления данных вкладов отражают объективную диалектику жизни российского общества и имеют в своей сути основы социальности жизни общества коллективистского типа. Адекватное управление российским обществом, осуществляемое в рамках концепции русского социализма с учетом данных основ, предстает как придание его развитию антиэнтропийных векторных свойств – свойств совершенствования общественной жизни.

По важнейшим показателям социального и интеллектуального развития России за 20 лет откатилась на несколько десятков позиций. В 1990 году наша молодежь входила в первую пятерку стран мира по уровню интеллектуального развития, сейчас – едва ли в пятую десятку. По уровню развития науки и качества образования «тоталитарный» СССР входил в первую десятку, зато «демократическая» Россия по качеству образования находится на 56-м месте в мире, пропустив вперед даже Сенегал и Нигерию.

Таким образом, мы имеем дело с беспрецедентным для невоюющей страны социальным и культурным регрессом, чудовищным историческим откатом назад. В сущности, это признала и сама власть, поставив на повестку дня задачу неотложной модернизации России.

Углубляющийся социальный регресс России далеко не случаен, а вполне закономерен. Он – прямое и неизбежное следствие возникшей в стране новой социальной системы. Когда объясняют эти проблемы переходным этапом, то это правда, однако этот переход был не к лучшему, как нам его представляли, – к цивилизованному капитализму и политической демократии, а к худшему – социальному варварству, массовой нищете и бедности, культурной и антропологической деградации.

Варварский тип ценностей абсолютно преобладает среди молодежи, которая вне зависимости от своего социального происхождения освободилась от химеры, названной человечеством совестью и гуманизмом. Из варварских ценностей наиболее заметен культ силы. Насилие или угроза ее применения не просто предпочтительный,

---

¹ См.: Гулыга, А.В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 21.

но часто вообще единственный способ решения проблем в русском обществе. Центральная фигура отечественной культуры последних двадцати лет – человек с оружием. Плоды подобного «просвещения» не замедлили себя ждать. Россия делит сомнительное мировое первенство по числу убийств на 100 тыс. населения.

Как видим, прогресс обернулся доминирующей тенденцией к тотальному уничтожению человечества. Именно на этом базисе формируются новые представления о военном прогрессе.

Русские философы с древних времен, реализуя диалектическую направленность отечественной философии, разрабатывали антиэнтропийную систему управления обществом, в XIX веке получившую наименование концепции русского социализма. Сущность данной системы в целом проста: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объекта управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В данной связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом. Существует несколько направлений данных вкладов, основанных на антиэнтропийном принципе организации жизни общества России и управлении им «по правде». Данные направления имели место в исторической действительности российского общества и получили фактическое обоснование своей актуальности и эффективности для него. Первое из них связано с повсеместной организацией в России власти советов лучших людей – аристократии духа и света (духовного и светского авангарда общества). Второе заключается в раскрытии, развитии и всемерной организации коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Третье направление связано с развитием института духовной власти, т. е. ветви социального авангарда общества, выступающей в качестве нравственного ориентира власти светской. Четвертой направлением раскрывается в практике гармонизации деятельности духовной и светской властей. Наконец, пятое направление основано на практике гармонизации деятельности всех актуальных жизнеутверждающих социальных институтов российского общества (институтов государства, церкви, различных творческих и других союзов, организаций

и т. д.) в процессе организации общественного прогресса и соборного управления по принципу «всем миром». Все данные направления управленческой практики, будучи причастными к объективной диалектике жизни общества России, отражены в концепции русского социализма, выступающей в качестве субъективной диалектики управления российским обществом и организации его жизни¹.

Диалектика русского коллективизма имеет в своей глубокой основе становящееся и разрешающееся противоречие личности и общества (многого и единого, части и целого), обуславливающее вектор совершенствования российского общества. Изучение диалектического смысла данного противоречия имело место в русской философии начала XX века.

В рамках диалектики единого и многого (единое предполагает многое, многое предполагает единое) он изучает коллективное бытие в качестве своего иного индивидуально-личностного бытия: «В индивидуальной конкретноразвивающейся душе полнее и яснее вскрывается строение всеединства... удастся установить понятие всеединства, стяженности, завершенности и совершенства... И только на основе этого анализа можно до конца понять и объяснить, что такое историческая коллективная индивидуальность, субъект исторического развития...»².

Метафизическая абсолютизация одного из полюсов диалектического противоречия личности и общества автоматически нейтрализует его антиэнтропийное значение, существенное для жизни коллективистского общества России. Управление обществом должно происходить на концептуальной основе диалектики личности и общества, предполагающей необходимость осуществления отрицательных вкладов в социальную энтропию. Установление в рамках управления обществом России правильного вектора данных вкладов возможно только с учетом диалектики единомыслия как одного из оформлений социального совершенства (совершенство общественных отношений). Субъект управления должен осознавать, что для жизни коллективистского общества существенна гармония между личностью и обществом, обусловленная их обоюдным усовершенствованием, и создавать условия для данного усовершенствования.

---

¹ См.: Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Тория и история. – 2007. – № 2. С. 32.

² См.: Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 87.

Концептуальные направления данных вкладов отражают объективную диалектику жизни российского общества и имеют в своей сути основы социальности жизни общества коллективистского типа. Адекватное управление российским обществом, осуществляемое в рамках концепции русского социализма с учетом данных основ, предстает как придание его развитию антиэнтропийных векторных свойств – свойств совершенствования общественной жизни.

Утверждение о том, что характер этой проблемы менялся в зависимости от эволюции как России, так и Европы (да и мира в целом), становится методологией раскрытия темы. Понятие «Россия», по мнению Страда, отражает четыре исторические ситуации: Московское царство, петербургскую Империю, Советский Союз, Российскую Федерацию. В каждом из этих государственных образований сохранялось ядро: Россия оставалась многоэтническим и многонациональным образованием. Европа менялась от мира традиции, когда она представляла собой множество национальных государств, часто враждовавших между собой, до мира «модерности», когда «европоцентризм» утратил свое значение и можно, скорее, говорить о западной, чем о европейской цивилизации. Это разделение открывает два плана исторического рассмотрения обозначенной темы: в контексте традиции и в контексте модерности. Исходя из этого, Страда показывает, какие моменты противопоставления России и Европы были существенны в одном плане и утратили свое значение в другом.

Недоверие к власти связано во многом с мировоззренческим влиянием строобрядчества (по оценкам историков до 1/4 населения дореволюционной России), которые считали царскую династию и саму систему государственной власти антихристианскими, а государственные законы антинародными, противоречащими вере, особенно если их источником не является уже существующая традиция. Учитывая, что с XVII века Россия активно перенимала элементы европейской системы управления и законодательную систему, к этим элементам социального бытия в течении многих веков у значительной части населения России формировалось негативное отношение, что отразилось в социальном течении славянофилов. И глобализация, предполагающая создание универсальных правовых и социально-властных институтов, основанных на европейском праве и европейской политической системе без связи с традиционной российской социальной культурой, способствует росту про-

тиворечивости, хаотизации мировоззрения россиян и внутреннему неприятию глобализации, как явления. Этому способствуют и «двойные стандарты» в международной правовой и политической практике. Такая противоречивость в деятельности мировых политических и социальных институтов еще более усиливает противоречивость по отношению к глобализации и глобальности у россиян. Тем более, что носитель закона в России традиционно, со времен крепостного права, персонифицирован («вот приедет барин – барин нас рассудит») в отличие от персонифицированной, абстрактного характера, законодательной и политической европейской и американских систем, представляющих скорее образец общественного договора, сформированного на основе социальной европейской (англосаксонской и романо-германской) традиций: римского и англосаксонского права, афинской демократии.

Враг, соперник, объект воздействия меньшинств, этих меньшинств исторического процесса, – всегда большинство, поскольку это всегда народ, человечество. Замечательный мыслитель нашего времени А.С. Панарин в работе «Россия в цивилизационном процессе. Между атлантизмом и евразийством» писал: «Как и всякий «новый человек», российский западник сегодня являет лик язычника, лишённого христианских сантиментов. На нагих глазах формируется новое поколение, которое с не меньшим презрением смотрит на добросовестных «пролетариев», тянущих лямку на государственных предприятиях, чем молодые комиссары и комсомольцы 20-х годов смотрели на русское крестьянство. По своему социокультурному смыслу нынешняя приватизация ничего общего не имеет с протестантской хозяйственной этикой, описанной М. Вебером, как с американским высвобождением гражданского общества из-под опеки государства, происшедшем в конце XVIII в. Она снова, подобно экспроприациям опричнины, Петра I и большевиков, выступает как государственный нигилизм, разрушающий сложившиеся уклады, не останавливаясь при этом перед мерами, бросающими вызов народной совести и традиции.

Таким образом, военный прогресс в отечественной традиции имеет специфические черты, принципиально отличающийся от западного представления о военном прогрессе, поскольку являлся отражением отечественной модели мира, основанной на диалектическом стремлении к совершенству государственного устройства Лад.

2.2. История военного прогресса в России

Исследование сущности военного прогресса еще раз убеждает в справедливости важного тезиса: нельзя пренебрегать фактором премущественности, закономерной повторяемости определенных форм хозяйственной и культурной жизни. Качественная новизна новой исторической ступени не может трактоваться так, будто и человек, и социальные формы его существования становятся абсолютно иными, будто это ступень ничего общего не имеет с прошлыми эпохами.

С древних времен в русской философии защищалась идея жизни по принципу Правды и управления обществом России в соответствии с этим принципом. Многозначность категории «правда» очевидна, и ее значение в истории отечественного теоретизирования велико.

Правда выступает «...как характеристика всего того, что вносит, сообразуясь с понятиями XXI века, отрицательный вклад в социальную энтропию, т.е. в социальное нестроение»¹. Управление обществом «по правде» «...рассчитано на формирование ... адекватных социальных институтов, самореализация которых приводит к успеху, к достижению цели управления...», когда «...принятие решения выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию»².

Правда является характеристикой стройности духовной сферы общества, противостоящей силам нестроения (т.е. «неправде» как социальной несправедливости и нравственному упадку). Поскольку духовная сфера общества встраивается в другие сферы общества согласно принципу всеобщей связи, постольку «жить по правде» выступает как принцип, характеризующий антиэнтропийный вектор развития общества в целом (вектор развития всех его сфер), а «правда» – как понятие, обобщающее различные оформления совершенства общественной жизни: упорядоченности, красоты, организации и т.д. в данной связи понятие «правда» предстает как фундаментальная категория, отражающая антиэнтропийные процессы, имеющие место во всех сферах общества. И управление обществом «по правде» есть не что иное, как внесение субъектом управления своей стройности в процессы роста социальной энтропии, происходящие в жизни общества. Человек обогащает (восполняет, совершенствует) своей стройностью. Совершенство социального мира, имеющего в

---

¹ Чуринов Н.М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. №1. С. 21.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 489.

своей сути диалектическое противоречие социальной стройности и нестроения.

Жизнь российского общества в ее историческом контексте свидетельствует о том, что стратегия внесения стройности в рамках управления «по правде» имела воплощение в актуальной практике управления обществом России. Поэтому данные стратегии и практике выступают в качестве неотъемлемой части объективной диалектики жизни российского общества. Теория и концепция управления обществом в данном случае могут быть существенным для жизни России только в их субъективном диалектическом применении, т.е. в качестве образов действительности жизни российского общества, отражающих традиции управления обществом «по правде» (т.е. традиции, основанные на отрицательных вкладах в социальную энтропию)¹.

Славянам заповеди богов запрещали обманывать, лицемерить и т.д. Поэтому славяне всегда, если случались войны, в открытую шли на сражение. Даже более того, чтобы вызвать противника на бой, сообщали ему: «Иду на вы». Этот обычай сохранялся еще во времена Святослава. А с вражеской стороны хитрили постоянно, поэтому нашим поражениям удивляться не нужно. Нужно вернуть честь и достоинство, вернуть славянское миропонимание.

К. Хвостова² определяет цивилизацию как совокупность разнообразных связей между культурологическими, социально-экономическими, правовыми и политическими факторами. В книге широко используются современные теоретические идеи герменевтики, синергетики, современного интеллектуального глобализма и компаративистики. Автор впервые по-новому рассматривает влияние идей восточной патристики и богословия Григория Паламы на развитие общества и на формирование представлений византийцев о социально-экономической политике властей и ориентации в обществе. Для создания максимально точной картины в книге используются математические методы, в частности разработанный автором коэффициент имущественного расслоения средневековых крестьян.

Вся история России с XVI века (именно тогда на Западе возникла два плана установления контроля над Россией – габсбургский и английский) – отражение западной агрессии.

¹ Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 32.

² Хвостова К. Византийская цивилизация как историческая парадигма. – СПб.: Алетейя, 2009. – 207 с.

Особенно острый характер борьба Запада, точнее его британского ядра, против России, приобрела после наполеоновских войн, когда стало ясно, кто главный противник Великобритании. С 1820-х по 1870-е годы Запад вел борьбу против России как геополитического противника. С 1880-х годов добавляется еще одна линия – геоэкономическая борьба против России, стремление поставить под контроль ее ресурсы.

Этот раунд почти увенчался успехом на рубеже 1910–1920-х годов. Однако команда Сталина, используя внутризападные противоречия, свернула проект «мировая революция», разгромила гвардейцев ее кардиналов и создала кранныю империю. С этого момента в борьбе Запада против России появилась классовая линия.

У России есть основы для самобытного культурного будущего, «если мы сумеем вернуться к тому моменту, на котором мы стояли до 1917 г., когда были сделаны очень важные шаги, чтобы возродить то, что мы с XVII мы потеряли, сумеем возродить понимание огромного духовного богатства...».¹ Это невозможно совершить без соответствующего уровня военного прогресса.

Осознание своей идентичности предполагает понимание того, что народное действие России находится в полной гармонии с народными верованиями, теми самыми, которые легли в основу нетленного ядра славянофильских идей. «Святая Русь» – не концепт народной идеологии, не кантовская «регулятивная» идея национального русского сознания, а совершенно конкретная, мистически реальная святыня умного делания народа и его духовного бытия. О том, что время славянофильствует, говорит не только «разделение» Европы, предчувственно постигнутое лучшими из славянофилов, но и живое явление народного гранита в настоящем столкновении рас и народов². И в этом отношении совершенство и несовершенство человека есть проявление его правильного или неправильного философско-практического отношения к действительности³. Тем не менее, хотя «славянофилы сошли с исторической сцены, но их опыт, их прозрения

---

¹ Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2.С. 31

² Калашников В.Д. Научная теория и научная история // Теория и история. – 2002. – №1. С. 55.

³ Капранов В.А. Нравственные основы русского духа // Россия: прошлое, настоящее, будущее. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 16–19 декабря 1996 г. Санкт-Петербург. – СПб., 1996.

и ошибки являются историческим фундаментом и ценным наследием для всех убежденных сторонников национальной самобытности России»¹. Именно понятие государства-континента в применении к России имеет важное методологическое значение и существенно для политической философии, которая дает концептуальную картину будущего развития нашего отечества. В этом плане неопенимой является идея В.И. Вернадского о России как государстве-континенте, высказанная им еще в непрочитанной речи (февраль 1917 г.). В ней он также указывает на общечеловеческий характер российского государства-континента: «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории... Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества». И далее В.И. Вернадский отмечает, что полиэтнический характер и разнообразие физико-географических условий нашего отечества служит основой сильных центробежных сил. Поэтому для сохранения единства Российского государства необходима не грубая сила, а соответствующее требованиям мировой цивилизации равноправное существование «всех народов и всех граждан»². Действительно, по мнению многих отечественных исследователей, с которыми солидарны и мы, правящей элите России следовало бы воспользоваться весьма плодотворной идеей В.И. Вернадского, которая отвечает геополитическим интересам России как евразийского государства-континента³. Кроме того, по мнению Б.В. Межуева, политическую ситуацию может серьезно осложнить и сжатие России с Юга и Запада «... враждебными к ней и друг к другу геополитическими силами, что в очередной раз поставит нашу страну перед цивилизованным выбором, вновь расколов ее на непримиримые идеологические лагеря. И каков бы ни был результат этого выбора, он все равно окажется проигрышным»⁴.

¹ Осипов Г.В. Социологическое понимание новых геополитических и социальных реалий в XXI веке // Вестник РФО. 2005. № 3.

² См.: Урсул А.Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. М., 1998.

³ См.: Урсул А.Д. Путь в ноосферу. М., 1993; Урсул А.Д., Урсул Т.А. и др. Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. М., 2008.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации: <http://www.scrf.gov.ru>.

История России показывает, что созидание является условием стройности духовной сферы общества, противостоящей силам нестроения (т.е. «неправде» социальной несправедливости и нравственному упадку). Поскольку духовная сфера общества встраивается в другие сферы общества согласно принципу всеобщей связи, постольку «жить по правде» выступает как принцип, характеризующий антиэнтропийный вектор развития общества в целом (вектор развития всех его сфер), а созидание – как понятие, обобщающее различные оформления совершенства общественной жизни: упорядоченности, красоты, организации и т.д. В данной связи понятие «правда» предстает как фундаментальная категория, отражающая антиэнтропийные процессы, которая имеет место во всех сферах общества.

1. Исследователи нравов и обычаев русского народа отмечают, что русские мобилизуются и готовы на невероятные подвиги и сопротивление любому противнику только тогда, когда они находятся в состоянии полной мобилизации, осознают, что окружены внешним противником и готовится дать ему отпор. Именно на это настраивал страну Александр III, когда говорил, что у России есть только два союзника – армия и флот. Но вот если такой духовной мобилизации у народа нет, он внутренне разоружается и его можно застать врасплох и сильно потрепать, прежде чем он мобилизуется. Нечто подобное происходило в июне 1941 года – нация расслабилась в результате официальной пропаганды «вечной дружбы» с немецким народом. И отомобилизовались только в 30 километров от Москвы.

2. Российские государи, зная своих подданных, традиционно поддерживали их «боевую готовность», не давая им окончательно расслабиться в ожидании «вечного мира», потому что понимали – для России его не будет. Слишком она велика, богата и одинока в этом мире. Но каждый раз, когда мечта о тихой жизни одолевала и властями, Россия оказывалась на грани краха. Любопытно отметить, что и в советскую эпоху «всеобщее расслабление» началось с того момента, когда наши генеральные секретари принялись бороться за мир и всеобщее разоружение. Но прежде чем они этого добились, наступило духовное разоружение советских граждан. Причем сразу в двух измерениях – и мобилизационно расслабились, и идейно разоружились. А затем уже и морально. Что и привело Советский Союз к краху. А «просто жить» опять же не получилось. Российские государи, зная своих подданных, традиционно

поддерживали их «боевую готовность», не давая им окончательно расслабиться в ожидании «вечного мира», потому что понимали – для России его не будет. Слишком она велика, богата и одинока в этом мире. Но каждый раз, когда мечта о тихой жизни одолевала и властями, Россия оказывалась на грани краха. Любопытно отметить, что и в советскую эпоху «всеобщее расслабление» началось с того момента, когда наши генеральные секретари принялись бороться за мир и всеобщее разоружение. Но прежде чем они этого добились, наступило духовное разоружение советских граждан. Причем сразу в двух измерениях – и мобилизационно расслабились, и идейно разоружились. А затем уже и морально. Что и привело Советский Союз к краху. А «просто жить» опять же не получилось¹. Худшее, что принесла нам так называемая перестройка и «демократическая революция» 1985–1991 годов, состоит в воплощении в жизнь девиза «позволено все, что не запрещено (юридическим) законом». Эта излюбленная установка демократов не могла не привести к правовому беспределу, так как обе сферы общественного сознания – правовая и нравственная – находится в отношении дополнительности друг к другу².

3. Сложившаяся в конце XX века трактовка истории российского привела к тому, что исторические знания нередко становились орудием разрушения общества, а не инструментом его укрепления. Изменения в системе исторических установок и исторического мировоззрения в целом, которые произошли в российском обществе в конце XX века, во многом отрицательно повлияли на состояние и содержание современного состояния российского патриотизма и массового исторического сознания, для которого характерен глубокий разрыв с многовековой историей нашей страны. Определенную роль в сложившейся ситуации сыграл тот факт, что массовое историческое сознание оказалось объектом воздействия различных исторических концепций, отразившихся на его содержании

4. События в России в 90-е годы имели разрушительные последствия для исторической памяти советского народа, испытывавшей сильнейший стресс, и, в конечном итоге, привело к дезориентации массового исторического сознания и к фактической девальвации та-

¹ Большаков В. Можно ли начать «просто жить»? // Литературная газета. 2008. 10–16 декаб.

² Антипенко Л.Г. Метаправо и социалистическое правосознание (антиэнтропийный спектр) // Теория и история. 2006. № 2. С. 19.

кого понятия, как «патриотизм», приобретшего негативный оттенок. Дегероизация истории России, разрушающая привычные представления массового исторического сознания, стала одной из основных причин развития кризиса культурной и национальной идентичности. Привычный образ прошлого в массовом историческом сознании утратил свои четкие ориентиры и оценки

5. Когда-то для воспитания национальной элиты императрице Екатерине II потребовалось около 30 лет. Это была главная стратегическая цель ее реформ: воспитание «общества ответственных граждан». Новая русская история не знает другого столь масштабного и успешного национального проекта. Я уже не говорю о том, что эпоха Екатерины была эпохой русского оптимизма и одновременно эпохой и величайших русских деятелей в самых разных областях. Их дети и внуки станут героями 1812 года и благодарными читателями «Истории» Карамзина. Между тем и сам Карамзин сформировался как свободная личность и как русский гражданин в атмосфере все тех же екатерининских реформ.

6. Само по себе весьма показательным, что Карамзин, будучи знатоком и ценителем западноевропейской культуры, стал неутомимым критиком наших доморощенных «либералистов». «У нас не Англия», – говорил историк, призывая всех реформаторов соизмерять свои идеи и планы с реалиями русского мира. К чести государя надо отметить, что он прислушался к мнению человека, не имевшего никаких высоких чинов и титулов. И это только подтверждает высокий статус личности в русском обществе того времени¹.

7. Хотя с конца 30-х гг. XIX в. в России решающая роль среди философских направлений принадлежала философии Гегеля, сохранялось, однако, и своеобразие русской философии, основанной на собственных диалектических традициях. В частности, отличительная черта русской философии проявляется в неразрывности теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале целостности заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Именно в историческом бытии – более, чем при изучении природы

---

¹ Разумовский Ф. Модернизация с кнутом и без // Литературная газета. 2007. 30 мая–5 июня.

или в чистых понятиях отвлеченной мысли, – лозунг целостности неустраним и нужен.

8. П. Милюков подчеркивал: «Конечно, мы должны признать, что ответственность за свершившееся лежит на нас, то есть на Прогрессивном блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или в начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянёт пролетариев, но она проклянёт и нас, вызвавших бурю». В 1910 году в Государственной Думе премьер-министр П.А. Столыпин предупредил: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил политические свободы в России, то завтра же в Петербурге заседал бы Совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования сверг бы Россию в геенну огненную»¹. О том, что усилия царской России на «славянском» и «православном» направлении были вовсе не напрасны, говорят свидетельства таких непредвзятых лиц, как гитлеровский фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Он писал: «... еще одним фактором, затруднявшим применение румынских войск на восточном фронте, было их поразительное уважение к русским. В трудных ситуациях это обязательно приводило к панике. Нельзя не учитывать эту проблему, если речь идет о войне против России с участием народов Юго-восточной Европы. Что касается болгаров и сербов, то их ненадежность усугубляется из-за чувства славянского родства».

9. А. Зубов, рассматривая циклы российской истории, пишет: «Тяжкие испытания, выпадающие на долю общества в период смуты, как правило, порождают нравственную рефлексию, возбуждают чувство раскаяния в делах отцов, усиливают религиозные настроения. Перед смутой для общества характерны эвдемические ценности, ориентация на благо этой земной жизни, равнодушие к вечности и к спасению в Боге. Религия в предсмутное время превращается в служанку земного благоденствия, в его идеологическую подпору, утрачивая в глазах большинства самоценную значительность, замыкается в самодовлеющий обряд. Напротив, на выходе из смуты

¹ Лавров В. Брань и ужас // Литературная газета. 2010. 8–14 сентября.

религия занимает центральное место в жизненных ориентациях... Однако, усиливаясь, и власть, и народ все более начинают обращать внимание на эвдемонические задачи политического и хозяйственного характера. Напрягая все силы для восстановления былого величия и незаметно даже превосходя его в новых присоединениях, Россия неизменно платит за это растущее внешнее могущество золотом веры и благочестия, собранным в первые десятилетия по выходе из смуты. Из цели государственной деятельности люди превращаются постепенно в средство для достижения национального величия, а вера – из залога Царствия Небесного в консолидирующую народ политическую идеологию»¹.

10. Жизнь российского общества в ее историческом контексте свидетельствует о том, что стратегия внесения стройности в рамках управления «по правде» имела воплощение в актуальной практике управления обществом. Поэтому данные стратегия и практика выступают в качестве неотъемлемой части объективной диалектики жизни российского общества. Теория и концепция управления общества в данном случае могут быть существенными для жизни России только в их субъективном диалектическом применении, т.е. в качестве образом действительности жизни российского общества, отражающих традиции управления обществом «по правде» (т.е. основанные на отрицательных вкладах в социальную энтропию).

11. В 1989–1991 гг. русские пытались сочетать несочетаемое: сохранить Советский Союз и добиться равноправия (всего лишь равноправия, а не преимуществ!) России и русских с другими союзными республиками. Знаменитый референдум 17 марта 1991 г. наглядно отразил эту двойственность массового сознания: тогда большинство населения РСФСР проголосовало одновременно за сохранение союзного государства и введение поста президента России (последний пункт выражал массовое стремление к равноправию своей республики).

12. Результат всем нам слишком хорошо известен. Советская идентичность, наиболее распространенная и выраженная именно среди русских, точно так же не смогла сохранить единое государство, как в начале XX в. его не смогла сохранить не столь сильная, но все же существовавшая и развивавшаяся имперская идентичность.

Ярким примером последовательной попытки разрушения и девальвации априорных символов высшей доблести российского на-

---

¹ Зубов А. Б. Циклы русской истории // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 162.

рода, разрушения национального образа мира, опорных точек национального самосознания, может служить мощная информационная атака российских и зарубежных СМИ на абсолютный факт решающего вклада СССР в победу над фашистской Германией. Даже в некоторых современных российских учебниках по истории этот непреложный факт ставится под сомнение, повторяя распространенный миф о решающем вкладе США в победу во Второй мировой войне.

При этом элиминируется тот факт, что именно против СССР в течение всей войны выступали основные силы фашистской Германии (около 220 дивизий) и именно здесь она понесла самые большие потери. Атака на высший символический смысл Победы осуществляется также с другого направления. В прессе раскручивается следующий миф: за победу была заплачена слишком большая цена 26 миллионов человек, что свидетельствует о неумении управлять войсками и безразличном отношении к человеческим жизням со стороны советских полководцев. В этой интерпретации исключаются следующие факты:

Против СССР воевали войска не только фашистской Германии, но и стран-сателлитов.

Согласно альтернативным оценкам военных экспертов из различных стран, в том числе Германии и Великобритании, – боевые потери Советской Армии составили от 8 до 8,5 миллионов человек¹.

Информационная атака, направленная на мифологизацию и фальсификацию российской истории ведется также против А. Невского, Г.К. Жукова, других видных российских исторических деятелей, прославивших Россию. Историческая память служит основой культуры и общественной ментальности, и разрушение исторической памяти превращает общество в «Иванов, не помнящих родства» в толпу, которая с легкостью идет за своим новым кумиром. «Например, интерес к таким проблемам, как права человека, охрана окружающей среды и феминизм, был сравнительно высок в Японии еще до глобализации, и эти проблемы способствовали развитию особого контекста и типа сознания»²

В концепции В. Резуна делается попытка дезавуировать великую освободительную миссию Советской Армии, освободившей Ев-

¹ Мировая война 1939–1945 гг. Сб. статей. Штутгарт, 1957; М.: Политиздат, 1998. С. 149.

² Тамоцу Локи. Некоторые аспекты глобализации в современной Японии // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 92.

ропу от фашизма и внешней решающий вклад в разгром фашистской Германии.

Однако данный миф исключает несколько самоочевидных фактов:

- Если бы Гитлер не имел никаких захватнических планов по отношению к СССР и война началась в качестве «упреждающего удара», то Гитлер никогда не пошел бы на провокационное и демонстративное нарушение Договора о ненападении от 1939 года, выразившееся в аннексии Югославии. С которой у СССР был договор об обеспечении взаимной безопасности.

- Анализ плана «Барбароса», с помощью которого Гитлер планировал захватить СССР в течение нескольких недель, свидетельствует, что Гитлер не принимал всерьез военную и экономическую мощь СССР, и эта страна казалась ему довольно легкой добычей, чтобы соблюдать какие-либо договоры и воздерживаться от нападения.

- Детальный план нападения на СССР «Барбароса» был создан задолго до обострения обстановки на западной границе СССР.

- Несмотря на концентрацию немецких войск на западной границе СССР, И.Сталин не стал выдвигать войска к западной границе, опасаясь провокаций.

- Завоевание «восточных земель», включающих в себя СССР было намечено в программной работе Гитлера «Майн кампф».

На Западе, в частности, в США немало ещё сил, стоящих на позициях подавления России, уничтожения её как государственного образования, если не материальными, то духовными способами. В этой связи насильственное внедрение чуждых русской культуре западных стандартов приводит не к созиданию, а к разрушению во всех областях культуры: в промышленности, здравоохранении, сельском хозяйстве, науке, образовании, художественной культуре, языкознании. Известно, что «технологии являются более уникальным ресурсом, чем деньги, и передаются значительно хуже, чем деньги; соответственно, и господство, основанное на них, прочнее господства, основанного на деньгах¹.

Национальным интересам России соответствует социальный путь развития как российского общества, так и мирового сообщества

---

¹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 252.

в целом. Этот сценарий способен обеспечить устойчивое развитие не только посредством конкуренции, но и конструктивного сотрудничества, межгосударственного социально-экономического партнерства.

Основными признаками антироссийской стратегии являются:

- всемерная поддержка «агентов влияния» и «пятой колонны» в России, оказавшихся в различных правительственных, промышленных и финансовых кругах страны;
- окончательное разрушение экономики России и перевод ее в «нулевое» состояние (то есть структурно не связанные фрагментарные элементы экономического базиса);
- создание политико-финансового вакуума вокруг России, запугивание западных и других потенциальных инвесторов;
- разрушение социального капитала страны (государственных систем науки, культуры, образования, здравоохранения);
- стимулирование центробежных тенденций, создание относительно слабо связанных с Центром территориальных образований на конфедеративной основе;
- противостояние любым тенденциям реинтеграции постсоветского пространства;
- создание и всемерная поддержка лобби в различных правительственных структурах, блокирующих любые попытки сближения России с Китаем, Индией, Ираном и другими естественными союзниками;
- разрушение СНГ и создание вокруг России блока враждебных политических режимов.

Хотя отцы-основатели американской демократии вместе с продолжателями их дела до самого последнего времени были страшными ксенофобами, бдительно оберегающими американскую идентичность. А потому неуклонно стремившимся, и территориально, и культурно растворить пришельцев, временами просто ограничивая, а то и вовсе прекращая их приток. Но это была ксенофобия умная, добивающаяся искомого результата. «В последние годы обитателями некоего гетто на обочине «цивилизованного мира» начинают ощущать себя именно русские. При этом намечаются ровно те же способы разорвать унизительную границу, которая ощущается ничуть не менее болезненно даже в тех случаях, когда она существует исключительно в воображении. Первый способ здесь – перешагнуть границу, сделаться большими западниками, чем президент американский. Второй – объявить границу несуществующей: все мы, мол, дети еди-

ного человечества, безгранично преданного общечеловеческим ценностям. Третий – провозгласить своё гетто истинным центром мира, впасть в экзальтированное почвенничество. И четвертый, самый опасный, – попытаться разрушить тот клуб, куда тебя не пускают»¹.

При всем нынешнем убожестве участников современный конфликт принципиален: сталкиваются две отрицающие друг друга модели развития России как части «мировой цивилизации и самодостаточного «срединного царства». Этот конфликт обострился – с другим расходным материалом и идеологическим наполнением – сразу после войны, еще до смерти Сталина, и тогда же гармонично вписался в описываемый С. Кургиняном общемировой конфликт национально и транснационально ориентированных элит, раздирающий практически все сообщества практически всех значимых стран мира².

Утверждение Солженицына – царь предал Россию, отказавшись от престола, – подтверждает гипотезу писателя о том, что частный случай в истории играет большую роль, нежели исторические предпосылки³.

Не только философы, но и вменяемые политические деятели Запада испытывают ощутимую тревогу по поводу хода и судьбы их цивилизации, столь для нас нынче прельстительной. Например, широко известный З. Бжезинский, считающий православие (основу иной, духовно и нравственно ориентированной модели общественного развития!) последним и подлежащим разрушению препятствием для приобщения России к этой цивилизации (и тем самым обретения ее болезней!). В книге с характерным названием «Вне контроля. Глобальная смута на пороге XXI века» он с апокалиптическими интонациями пишет о том, что идеалы личности как тотального потребителя составляют суть морального и жизненного кризиса на Западе, провоцируют процессы разрушения культуры и разложения общества: Западный человек сверхзабочен собственным материальным и чувственным удовлетворением и становится все более неспособным к моральному самоограничению. Но если мы на деле окажемся

---

¹ Мелихов А. Голод голодных и слабость сильных // Литературная газета. 2006. 13–19 декабря..

² Делягин М. Г. Слишком много страха // Литературная газета. 2007. 17–23 января. С. 3.

³ Кончаловский А. А была ли Февральская революция // Аргументы недели. 2007. 5 апреля.

неспособными к самоограничению на основе четких нравственных критериев, под вопрос будет поставлено само наше выживание.

В своей книге¹ Вячеслав Манягин доказывает, что создание образа сумасшедшего изувера, кровожадного садиста, беспричинно жестокого правителя в лице царя Иоанна Васильевича – не более чем плод западной пропаганды, появившейся 450 лет назад благодаря «польскому шпиону и перебежчику» князю Курбскому. А такой взгляд совершенно несправедлив по отношению к выдающемуся царю, собирателю русских земель, стооннику образования и технического прогресса. Но даже если все преступления, приписываемые Иоанну историками, были им совершены в действительности, он не выделялся этим среди правителей XVI века, ведь нравы тогда были суровые. Известный историк Валишевский образует внимание на то, что происходило в Западной Европе: «Ужасы Красной площади покажутся вам превзойденными. Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками... Все это делалось среди бела дня и никого это не удивляло, не поражало». Про Варфоломеевскую ночь во Франции, когда было перебито свыше 30 000 протестантов, и говорить нечего. В Англии за первую половину 16 века было повешено только за бродяжничество 70 000 человек. В той же «цивилизованной» Англии, когда возраст короля или время его правления были кратны числу «7», происходили ритуальные человеческие жертвоприношения: невинные люди своей смертью должны были якобы искупить вину королевства. В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100 000 человек.

Таких примеров множество, однако символом деспотизма сделали Грозного, чьи «преступления» были рождены буйной фантазией его политических противников. Причем острие обвинений направлено не только на личность царя, но также на Россию и русских.

Интерес для понимания того, как формируется «образ других», представляет статья К.А. Мильгина «Образ России на страницах газеты «*Moniteur universel*» в 1799 году». Она наглядно показывает, каким образом французская пресса создавала «образ врага» во время войны между Францией, Австрией и Россией. Итальянский поход А.А. Суворова французские газеты приравнивали «к вторжению в

---

¹ Манягин В. Курбский против Грозного, или 450 лет черного пиара. М.: Алгоритм, 2013. 256 с.

Европу новых варваров»; сообщая о реальных фактах, «постоянно подменяли их вымыслом – слухами, легендами и мифами»¹.

Раскол, нарушение религиозной однородности русского общества привела к неприятию Петра Первого в старообрядческой традиции, особенно на Севере. В среде же староверов уже отец Петра, Алексей Михайлович, активно содействовавший реформам патриарха Никона, стал восприниматься с осуждением. Впоследствии это отношение в еще большей степени – с учетом масштабности преобразований и личности самого царя-реформатора – было перенесено на Петра I. Он бы объявлен не природным, а подмененным царем, ему противопоставили истинного царевича Алексея и даже провозгласили первого российского императора антихристом»¹.

Следуя выводу философа, главная специфика добродетели совершенной личности – это жизнь для блага других людей и общества. Ту же самую мысль мы находим в словах Константина Николаевича Леонтьева, который призывает современников: «хранить свою личную веру и личную добродетель до конца...; своему русскому государству, как столпу настоящего недемократического христианства, мы должны стараться сделать пользу, как умеем»¹.

Современный американский историограф Роберт Пайпс дипломатично выразил суть возникшего противоречия так: «Мышлению русских царей была чужда выработанная на Западе в XVII в. идея международной системы государств и соответствующего ей равновесия сил». Однако почему царь должен был согласиться с мировой системой, при которой Россия должна была отдать северо-запад Польше и Швеции, Поволжье – Турции, ввести на остальной территории власть императора Священной Римской империи германского народа и подчинить Русскую православную церковь папскому престолу? А ведь именно такую цель поставила перед собой Европа в XVI веке и почти добилась своего в Смутное время.

Грозный активно противодействовал европейской политике, что сделало его врагом № 1 «цивилизованного мира» и вызвало интервенцию против России, продолжавшуюся всю вторую половину XVI и начало XVII века. «Принимались меры к тому, чтобы не допустить ни москвитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобшив

---

¹ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Избранное. М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993. С. 185.

Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник».

Специально о войне 1812 г. написано более 10 000 книг и статей, не считая великого множества разделов мировой литературы о Наполеоне, которая, например, в 1908 году включала 200 000 названий и с тех пор значительно выросла¹.

Конкурентам крупные гособразования внушают страх. Поэтому американцы в ходе Второй мировой войны имели планы расчленивать Германию, Китай и СССР, а теперь – Россию. Расчленивать – значит, устранить на перспективу конкурента. Надо подчеркнуть, что это помог совершить советский лидер. Без консультаций с кем-либо Горбачев согласился на ликвидацию новейшего ракетного комплекса «Ока», хотя он не подходил под категорию ракет меньшей и средней дальности, которые планировали уничтожить. Но американцев невероятно беспокоил мобильный комплекс с тремя ракетами, которые можно оснастить и ядерными, и обычными боеголовками. Американцы осознавали силу «Оки» и настоял, чтобы Шеварнадзе согласился на его ликвидацию. Тот убедил Горбачева, и они скрытно вписали этот пункт в договоренность с США.

В своей книге Олег Трубачев «К истокам Руси: Народ и язык»² говорит о существовании «русского языкового союза», благодаря которому после распада СССР сохранилась единая Россия. Во времена Советского Союза Россия «фактически оторванная от культурной жизни Европы, считала себя образцом для всего человечества, в соответствии с сугубо советоцентристской идеологией»³.

Вспоминаются слова генерала М. Докучаева, ставшего Героем Советского союза за участие во взятии Берлина: «В стремлении к реваншу и расширению жизненного пространства фашистская Германия напала бы на Советский Союз в 1941-м в любом случае – управляй ею царь, генсек, президент или парламент. Кто ненавидит

¹ 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2013. 536 с.

² Трубачев О. К истоках Руси: Народ и язык. М.: Алгоритм, 2013.

³ Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 92.

Сталина – победителя, просто за ревизией истории войны скрывают сове неудовольствие нашей Победой»¹.

Новой трагедией для социализма явился крах начатой в 1985 году и с таким энтузиазмом поддержанной народом перестройки в Советском Союзе. Для ее благополучного завершения у её руководителей не хватило ни теоретического видения, ни государственного ума, ни воли, ни мужества. При режиме Ельцина были забыты и преданы анафеме не только социалистические и социальные ценности и идеалы, создававшиеся на протяжении столетий европейской цивилизацией, но и отброшены как ненужные национальные интересы и традиции страны. Во времена Советского Союза Россия «фактически оторванная от культурной жизни Европы, считала себя образцом для всего человечества, в соответствии с сугубо советоцентристской идеологией»².

Сострадание, забота о ближнем выступает одной из характеристик совершенной добродетели. Русский философ Сергей Николаевич Булгаков пишет: «Стремление облегчить или устранить страдание других людей составляет одну из основных форм нравственной жизни и деятельной любви, сострадание одну из основных добродетелей»³.

Так возникает проблема двойного переживания современного человека: переживания, вызванные Историей и переживания, вызванные современностью. Задача, стоящая перед современными философами, не столько в том, чтобы обрести некую историческую перспективу, сколько в том, чтобы осмыслить некие исторические итоги. Поэтому в философии конца XX века имеет место утрата исторического пафоса. Появляется, в свою очередь, пафос, связанный с современностью. Показательна позиция Жан-Люка Нанси, заявленная в его работе «Согрус»: «Отныне речь идет только о том, чтобы быть безусловно современным, это уже не программа, а необходимость, насущная потребность»⁴.

Например, первая чеченская война была крайне непопулярна внутри страны, как и подобает колониальной войне, но Западного не видел в упор, поскольку опасался ослабления позиций Ельцина и

---

¹ Жукова Л. Место в истории // Литературная газета. 2011. 29 июня–5 июля.

² Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 93.

³ Булгаков С.Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 67.

⁴ Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 25.

коммунистического реванша. Западные СМИ все спускали на тор- мозах. Бомбардировки Сербии опять же были непопулярны именно у нас – при всей мерзости режима Милошевича угрозы безопасности для стран Запада он все же не представлял, а идеализировать какую-то одну из сторон косовского конфликта явно не было оснований. Однако глупости цивилизованных людей ничем не лучше, чем глупость варваров, поскольку глупость – она и есть глупость. Хватило же ума у наших старших братьев по разуму, благополучно переживших первую чеченскую войну, типично колониальную, отбомбившись по Сербии, поднять в СМИ невиданную по масштабам антироссийскую компанию в ходе второй чеченской войны, часто оборонительной по своему характеру и имевшей целью воспрепятствовать созданию «халифата от Черного моря до Каспийского!»¹.

Преобразование провинциальной Московской Руси в великую европейскую державу – путь от ксенофобии к всемирности, от националистической патетики к правосознанию и развитию личностного начала, от харизматического всевластия к юридическому регламенту, охватывающему все стороны общественной жизни. Он, по мнению Кантора, был прерван контрреформой, восстановившей деспотическую идею национального государства, умещенную в уваровскую формулу «православие, самодержавие, народность». Кантор уверен, что это привело к плачевным итогам: «Европейскость сделала Россию победоносной (от войны со шведами до войны с Наполеоном), национализм привел к поражению в Крымской войне»².

Н. Нарочницкая, опираясь на документы, напомнила, что проект «революционной технологии» со списками партий, которые должны были стать движущими силами, где главными фигурировали большевики, в 1915 г. Парвус представил внешнеполитическому ведомству Германии. Программа уничтожения России содержала стратегию и тактику революционной пропаганды, подробный план организации и оплаты антивоенной, антисамодержавной истерии в прессе. «Пришло время составлять истинную историю России»³.

¹ Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 15.

² Кантор В.К. «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России». М.: РОССПЭН, 2008. С. 107.

³ Поляков В. Полюбили сгоряча Троцкого и Ильича. Конец «огонковского» краткого курса истории России? // Литературная газета. 2007. 4–10 апр.

После развала Советского Союза стародавний вопрос «Россия–Европа» не столько разрешается, сколько рассасывается в более масштабном вопросе о взаимоотношении России и Мира. Особенно это проявляется при анализе новых форм управления в условиях глобализации. Например, В. Страда считает, что «перед сегодняшней Россией стоит нелегкая задача обретения собственной национальной постимперской и постсоветской идентичности в новой мировой реальности», поскольку сейчас на карте само ее существование, и не столько физическое, сколько духовное. Эта задача может быть решена лишь при условии отказа от крайностей: позиции, согласно которой Россия является частью европейской цивилизации, и позиции, рассматривающей Россию как особую самодовлеющую цивилизацию. «На самом деле Россия – особая часть Европы, отличающаяся от остальной Европы большим своеобразием, чем ее каждая отдельная национальная цивилизация России – это не антиевропейская Евразия, а азиатская часть Европы, граничащая с Западом и вливающаяся в него»¹, – констатирует Страда.

Одним из ведущих инициаторов углубления социокультурного кризиса и потери социокультурной идентичности народов бывшего СССР, как показывают факты, являются США. По поводу вмешательства руководства США во внутренние дела С. Кургинян справедливо пишет: «Им нужен новый пояс, включающий в себя Кавказ и Украину. И этот новый пояс должен стать для нас своеобразной геополитической «берлинской стеной». Только теперь не мы, а они будут ее выстраивать»².

Авторитетному на Западе исследователю советского коммунизма Алену Безансону принадлежит наблюдение, которое дает ключ к пониманию причин трансформации Российской империи в Советский Союз. В статье, напечатанной в сборнике «Концепт империи», которая появилась в Париже в 1980 году, он отметил, что накануне Великой войны 1914–1918 гг. в России были возможности решать социальные и экономические проблемы, однако она не имела ни малейших шансов решить национальный вопрос. Либеральная Модернизационная политика могла оказаться ключом к решению социально-экономических проблем и утвердить Россию как большое государство. Однако неизбежным следствием такой политики было

---

¹ Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 90.

² Кургинян С. Понимать надо! // Литературная газета. 2005. 27 апреля–5 мая.

возрождение угнетенных наций, которое подорвало бы империю изнутри»¹.

История России подтверждает, что «...над всеми личными чертами возвышается в них и господствует одна великая черта – самопожертвование. Если бы во времена княжеских усобиц и нашествия свирепых орд разыгрались в самом русском народе чувства личной независимости, чести страстей сердечных, не совершилось никогда великое дело, не явилась бы Россия тем, что она есть... Пусть они выражают черту своего народа – самопожертвование, в котором только и заключалась возможность спасения Отечества»².

Руководствуясь упрощенно трактуемым принципом веберовской «понимающей социологии», «человек сам знает, чего он хочет», довериться сознанию эпохи, господствующим стереотипам и принять на веру ее самохарактеристики, отыскивая в них рациональный смысл. Именно таким путем идет в настоящее время, пожалуй, большинство авторов, пишущих на современные темы, причем не только публицистов, но и теоретиков, не только сторонников официального политического курса, но и представителей оппозиции, выделяющих от Горбачева до Путина три основных этапа развития советского, а затем российского общества, начиная с 1985 г.: 1) ускорение; 2) перестройка; 3) реформы

Исследуя военный прогресс, необходимо учитывать различные методологические подходы. В последние годы отношения между Россией и отдельными европейскими странами улучшаются, ибо «в новых геополитических условиях Россия и Франция объединены стратегией построения многополюсного мира, стабильность которого основана на уважении международного права и на многосторонних решениях»³. Раскол, нарушение религиозной однородности русского общества привела к неприятию Петра Первого в старообрядческой традиции, особенно на Севере. В среде же староверов уже отец Петра, Алексей Михайлович, активно содействовавший реформам патриарха Никона, стал восприниматься с осуждением. Впоследствии это отношение в еще большей степени – с учетом масштабы преобразований и личности самого царя-реформатора – было

¹ Кульчицкий С. «Союз нерушимый республик свободных»... // Дзеркало тижны. 2006. 23 декабря. С. 21.

² Бенедиктов, Н.А. Русские святые / Н.А. Бенедиктов. М.: Алгоритм, 2003. С. 62.

³ Обичкина Е.О. Франция и Россия после окончания «холодной войны» // Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып. 6. М.: Наука, 2005. С. 281.

перенесено на Петра I. Он бы объявлен не придумным, а подменным царем, ему противопоставили истинного царевича Алексея и даже провозгласили первого российского императора антихристом¹.

Особенность российской конфигурации «общество–государство» заключалась в том, что государство рассматривало себя как полноправного и ничем не ограниченного «автора» и хозяина всех политических, экономических и культурных процессов, протекающих в системе. Обществу же отводилась роль объекта, инструмента для осуществления этих процессов, лишённого «соавторского» соучастия. При этом общество должно было строго подчиняться государству в реализации поставленных государством целей. В основе этой системы лежит идея определенного тождества общества и государства. Но тождества очень своеобразного. Общество как бы обязано отождествлять себя с государством во всеми ни в коем случае не поднимать вопроса о том, в какой мере политика государства соответствует интересам общества. С другой же стороны, государство всегда четко отличало себя от общества, как единственную инстанцию, имеющую право и обязанность формулировать и защищать общественный интерес и строго следило за тем, чтобы общество не покусилось на эту его исключительную политическую прерогативу и привилегии, с ней связанные. С.А. Солнцева показывает особенности проявления этих тенденций в СССР: «Институт государства и общество соотносятся как часть и целое, а не как два целых, потому что государство – лишь наиболее широкая социальная организация. Тем не менее почти никого не удивляло, что работодателем в СССР всегда выступало только государство, которое без смущения нанимало на работу своих партнеров по владению национальной собственностью, а последние почему-то всегда принимали работу от государства»².

После разрушения СССР главная линия в борьбе /Запада против России – экономическая: стремление установить контроль над ресурсами и выжать как можно больше финансовой дани.

История России показывает, что созидание является условием стройности духовной сферы общества, противостоящей силам

---

¹ Буганов В.В. Личности и события истории в памяти русских крестьян XIX–начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 121

² Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 3.

нестроения (т.е. «неправде» социальной несправедливости и нравственному упадку). Поскольку духовная сфера общества встраивается в другие сферы общества согласно принципу всеобщей связи, постольку «жить по правде» выступает как принцип, характеризующий антиэнтропийный вектор развития общества в целом (вектор развития всех его сфер), а созидание – как понятие, обобщающее различные оформления совершенства общественной жизни: упорядоченности, красоты, организации и т.д. В данной связи понятие «правда» предстает как фундаментальная категория, отражающая антиэнтропийные процессы, которая имеет место во всех сферах общества.

Для сохранения общества созидания необходима повседневная забота о воспроизведении и развёртывании потенциала своей культуры. В частности, принципиальную роль в выживании российского общества играет возрождение чистой совести, совершенства слова, милосердия, сострадания, духовной любви и т.д., которые всегда выступали важным источником духовного потенциала народа. К примеру, русский экономический проект включает в себя отечественный опыт, веками наработанный предками (некоммерческий обмен, коллективная собственность и т. п.). Материальная и духовная жизнь представляет собой определенную целостность именно в том типе общества, где духовность представляет собой условие его самоутверждения и устойчивого развития.

Субъекты, устраивающие мистификации, обеспечивают себе весьма существенное прикрытие: борьбой с экстремизмом, борьбой с ксенофобией, борьбой против провоцирования межнациональной розни и т. д. При этом, как ни странно, остаются втуне причины, порождающие экстремизм, ксенофобию, межнациональную рознь. Осуществляется удушение социального авангарда страны и превозносятся некие «продвинутые» субъекты, заведомо чуждые обществу, готовые бездумно принять западное, согласиться с тем, что Россия – это якобы цивилизация догоняющего типа, согласиться, впрочем, с чем угодно, вплоть до того, что Россия – это лишняя страна.

В условиях противодействия чуждому образу жизни, проявляются защитные силы общества, дающие повод для оптимизма. Несмотря на серьезные атаки в направлении отечественной исторической науки, растет интерес к духовным истокам, о чем свидетельствует, например, увеличение количества научных монографий,

посвящённых отечественной духовности. Но Россия трагически утратила, лишилась возможности институционального оформления и пестования социального авангарда, она утратила позиции в деле формирования и пестования социального авангарда и ей (России) практически не из кого формировать руководство страны на всех уровнях управления – кругом одни приспособленцы и проходимцы, то есть одна чернь. Утрата функции формирования, выявления, пестования и приведение к власти социального авангарда – это тяжелое поражение общества нашей страны. И вопрос о том, как вернуть обществу эту функцию предстает как вопрос жизни и смерти страны. В русской же идеологии государственного мышления с древних времен имеет место принципиально другая точка зрения, согласно которому совершенная личность существенна не степенями своей свободы, а способностью вносить отрицательный вклад в социальную энтропию, т.е. предотвращать рост социальной энтропии, формировать и укреплять стройность общественных отношений и, так сказать, снимать нестроения в обществе. И потому совершенная личность выступает как личность, раскрывающаяся и актуальная в стандартах жизни, определяемых характером и уровнем совершенства общественных отношений. Отсюда жизнь более или менее совершенной личности раскрывается мерами жизни по правде, жизни по-людски. И в этом плане государственное мышление выступает как мышление наличного характера и уровня совершенства общественных отношений, как мышление, в своем отношении вносящее отрицательный вклад в социальную энтропию в условиях наличного характера и уровня совершенства общественных отношений. Государство в данном случае предстает не как орган политического насилия, не как орган подавления, не как социальный институт, доказывающий наличие неразрешимых социальных противоречий, доказывающий, что эти противоречия не могут быть разрешены, а социальный институт политической добродетели, являющийся определенным элементом добродетели совершенной, развертывающей совершенство отношений между людьми и совершенство отношений между природой и обществом. И потому понятие «политическая добродетель» выступает как понятие раскрывающее просторы совершенной добродетели не только в политической, но и в других сферах общественной жизни: в экономической, социальной, духовной и т.д. Весь спектр осуществления совершенной добродетели образует такую целостность, ко-

торая и является основой государственного мышления и определя-ет содержание идеологии государственного мышления¹.

Воля неотделима от пассионарности. Можно с полным основанием утверждать: пассонарная вспышка невозможна без целенаправленной воли, которая, как огонь в степи, постепенно охватывает весь этнос, превращая его в неодолимую силу и стихию, с которой невозможно бороться. Наиболее трагическая ситуация возникает, когда воля сталкивается с безволием и отсутствием способности к сопротивлению. Такие коллизии неоднократно возникали в ходе мировой истории, включая и недалекую историю России. Народ в таких случаях превращается в неуправляемую массу, вождем которой может объявить себя любой проходимец и авантюрист. Вот почему сплоченность на основе единой и всеобщей воли превышает всего!

Л.Н. Гумилев вводит в науку новое понятие, психологическую доминанту – пассионарность, благодаря чему ему удалось ответить на фундаментальный вопрос: почему возникают и исчезают народы (этнотсы)? Ответом на него явилось учение о пассионарных толчках и процессах этногенеза, вызываемых этими толчками и протекающих в биосфере Земли.

Спор об изменчивости системы ценностей есть спор о возможности или невозможности абсолютных (неизменных, «вечных») ценностей. Ряд авторов признают логическую и онтологическую необходимость существования абсолютных ценностей. Данная точка зрения соответствует христианской картине мира. Яснее и последовательные всех эту позицию отстаивает Н.О. Лосский². Как указывает М.С. Каган, русская философия (досоветского периода) «не знает теории ценности, поскольку признает только одну подлинную ценность – Божественную»³.

Однако, анализируя особенности народовластия в России, обычно говорят о национальной идее, а на Западе почти ту же проблему называют проблемой идентичности. Два этих термина очень близки, хотя и не тождественны. Их соотношение можно сравнить с соотношением чертежа, замысла, проекта некоего здания (идея) с са-

¹ Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 14–15.

² Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб: Республика, 1999.

³ Каган М.С. Философская теория ценностей. – СПб.: Петрополис, 1997. С. 30.

ним возведенным зданием (идентичность). Говоря по-другому, если национальная идея – это главные особенности, ключевые характеристики страны, то идентичность – сама страна, ее «самоподобие», «саморавенство», сходство с самим собой. Одновременно идентичность – это и отличие от других, непохожесть на то, чем данное образование является¹.

Россия обладает имманентной «дуальной идентичностью», обе ипостаси которой – константны и требуют органичного согласования. Вероятно, следует попытаться перевернуть направление и акценты идентификационных поисков.

1) С цивилизационной точки зрения Россия должна вернуть себе статус европейской державы, интересы которой, между тем, лежат преимущественно на Востоке, где Россия призвана отстаивать идеи Просвещения, гражданских прав, хозяйственной и культурной автономии личности и т.д.

2) В то же время, Россия не может не представляться во взаимоотношениях с Западом как геополитически евразийская держава, со своим особым, возросшим на особости геополитических задач, типом государственности.

Есть много желающих эксплуатировать склонность российского общества к самобичеванию, превращая трагедию в повод поиздеваться над проблемами российского общества. Из трагедии сталинских репрессий хотят вывести эсхатологический порок российской ментальности, сформировать универсальный комплекс вины для всех последующих поколений российского общества.

Начинается время философской истории России и ее национального духа. Незавершенность этой определенности русского самосознания во всех его всеобщих и особенных моментах. «И этот историко-философский взгляд позволяет нам увидеть, что диалектический пафос философско-исторических учений Флоренского и Лосева находит свое продолжение в позднесоветскую и постсоветскую эпоху в форме преодоления догматики исторического материализма»².

«Нужно хорошо знать свое общество, знать, что всякое общество – не абстракция, что каждое общество имеет свою определен-

---

¹ Чубайс А.Б. Разгаданная Россия (что же будет с Родиной и с нами). М.: АиФ Принт, 2005. С. 15–16.

² Ерыгин А.Н. История и диалектика (Диалектика и исторические знания в России XIX в.). Ростов-н/Д., 1987.

ность и свои определения (качества, свойства, характерные черты, функции и т.д.). Причем средства управления обществом России со всеми наличными социальными группами, восполняющими незримые социальные ниши его организма, должны быть средствами политической, экономической, социальной и духовной правды.

Правомерно встает вопрос об объединении лучших интеллектуальных сил страны для выработки новой парадигмы общественного и государственного устройства России.

Главными этапами в этом процессе являются:

- научное обоснование новых геополитических, экономических, экологических, технологических, социальных, политических и духовных процессов, происходящих в современном мире;
- определение роли и места России в изменяющемся мире, разработка в этой связи научных методологий для решения проблем исторической предназначенности России;
- создание научной модели российского общественного и государственного устройства с учетом национальных традиций России как главной составляющей евразийской цивилизации;
- выявление общности нравственных основ православия, мусульманства и иудаизма на базе общих основополагающих моральных принципов, свойственных этим исторически сложившимся религиям.

Должна быть разработана внутривнутриполитическая стратегия России на ближайшие десятилетия, которая включала бы в первую очередь лучшие традиции самоуправления, характерные для нашей страны. В данной связи задача решения проблемы общественного идеала требует взвешенного понимания. О неуловимости темы, ее связи с загадкой русского характера отмечают многие. По их мнению, несмотря на все утверждения о духовности и соборности русского народа, на всем протяжении его истории приходится говорить о дихатомичности сознания, которое часто разрывало внутренние связи, приводя к трагедиям и революциям. В общественном же идеале воплощены лучшие ожидания, мечты народа и его устремления. Мы не должны сегодня замыкаться на терминологии «идеала», так как сегодня нет развитой системы ценностей, что проявляется в том, что у нас не стыкуются провозглашаемые общечеловеческие ценности и ценности национальные. Не стыкуются ценности одного слоя общества и ценности всех остальных. Сама выработка ценностей выглядит как процесс по обнаружению уже готового. Пути же выработки этих ценностей состоят в активном участии, в частности, в

политической жизни страны, в творческом участии в процессе выработки системы ценностей¹.

Таким образом, всем нашим политика необходимо учитывать, что соборная феноменология в интерпретации автора² – это процесс перехода соборного самопонимания из рациональной психики в сферу сознания. Дело в том, что мы живем в мире, где материализация идей происходит с такой ошеломляющей быстротой, что намного опережает духовно-нравственное развитие человека. Под угрозой оказывается не только национальная, но и человеческая самобытность. Человек взывает своей человечности под бременем техники, идеологических систем, урбанизации и навязываемого рекламой культа потребления. В мире увеличивается объем «опасного знания», связанного с разрушительными для человека пороками³.

Ведущими, по нашему мнению, являются тезисы, связанные с указанной проблематикой, а именно:

- российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации, для России это была исторически логическая фаза ее развития;
- поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; в посткоммунистическом российском обществе западные ценности не могут быть прямо заимствованы и усвоены, но неизбежно будут перерабатываться чуждой для них культурной средой⁴.

Действительно, сегодня можно наблюдать национальный российский дискурс о приемлемом для жизни «хорошем обществе», который отрицает представление об идеальном обществе, о некотором абсолютном его эталоне. Дважды – в период коммунизма и господства неolibеральных идей в российском обществе мотив идеального

---

¹ Всероссийская научно-практическая конференция «Общественный идеал: прошлое, настоящее и будущее». 20–22 октября 2005 г. Забайкальский университет, Чита // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4.

² Холодный В.И. А.С.Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии. М.: Академический Проект, 2004.

³ Итоговая резолюция IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации», состоявшегося в Москве 24–28 мая 2005 года // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4. С. 13.

⁴ Пастухов В. Культура и государственность в России: эволюция Евразийской цивилизации // Хрестоматия нового российского самосознания. Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/pastukh.htm/pastukh.htm>

общества использовался для мобилизации населения, в последнем случае на основе негативной мобилизации, абсолютизации одностороннего отказа от прошлого. Подобные идеологии укрепляют, в конечном итоге, релятивизм. Общества могут быть хуже или лучше, но никогда не могут быть идеальными. «Хорошее общество» – это общество, которое идет о пути поиска приемлемого его идеала, опираясь на массовый общественный дискурс и одновременно на углубление соответствующих социально-философских концепций. Значение этого дискурса в том, что он противостоит хаосу в понимании границ между добром и злом, работает над формированием единства в понимании «хорошего общества», одновременно приближая его к приемлемым показателям – уровню и продолжительности жизни, рождаемости, здоровью людей, доступу к образованию, доходу на душу населения и т.д. Речь идет о единстве проработки понятия об общественном благе в социально-философском контексте и необходимости усиливать влияние теоретического анализа этого процесса. Теоретическая трактовка «хорошего общества» и одновременно дискурса о нем способствует осознанию единства права и блага, универсализма и контекстуализма, преодолению разрыва свободы и блага, осознанию невозможности осуществлять политику, игнорируя ценности больших групп населения, одновременно ценности меньшинства. Тем самым открывается путь для превращения «хорошего общества» как теоретического конструкта в инструмент политики совершенствования общества в экономическом, политическом, правовом, этическом и культурном аспектах.

Положение осложняется тем, что «стабилизация общества в определенной мере блокировала цели развития, перепутала приоритеты: большие вопросы отодвинуты, менее важные вышли на первое место. В целом сохраняется неясность как стратегических целей политического класса, так и целей развития»¹.

Воззрения русских на историю страны и мира проявлялись не только в характеристике отдельных деятелей, но и в выделении различных эпох и событий прошлого. Оно происходило на двух уровнях. Во-первых, в крестьянских представлениях отложились наиболее крупные исторические эпохи в их общей временной последовательности (прошлое не мылилось просто как «время отцов и дедов», существовало понятие линейного необратимого времени). К

¹ Федорова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 365.

таким эпохам относились: основание Русского государства, татаро-монгольское иго. Смутное время, периоды царствования наиболее крупных монархов – Ивана Грозного, Петра I, Екатерины Второй и т.д. Во-вторых, внутри этих эпох выделялись самые значимые факты, события, в первую очередь, войны. В эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысления общенародных задач и интересов.

В своей работе¹ известный историк Б.П. Кутузов на основе документов последних предреволюционных лет позволяет говорить и о вполне конкретной внутренней взаимосвязи никоно-алексеевской «реформы» с революцией 1917 года. Ложная идея константинопольского престолонаследия, ставшая причиной никоно-алексеевской «реформы» в XVII веке (для достижения церковного единообразия с Греческой церковью), в течение трех веков служили ложным и пагубным ориентиром для российских государственных деятелей и стала наконец одной из причин гибели российской государственности.

В период до XIII в. автор обращает особое внимание на процесс перехода от племенных структур к государственным образованиям, а также выделяет время правления Андрея Боголюбского.

Авторы настаивают на том, что мы очередной раз стоим на историческом перекрестке – в ближайшее время, до 2020 года, определится, каким будет наше будущее. И хотя Россия уже не проигравшая страна, которая не осознает, что ее ждет в будущем, занять свое место в мире ей будет непросто. Обобщающий вывод, сделанный Сергеем Карагановым, звучит так: «Мир будет становится все более динамичным и малопредсказуемым. Продолжает расти зависимость государств, обществ, людей от международной ситуации. Выживание и процветание государств обществ зависит прежде всего от образованности элит, их способности к опережающему реагированию на вызовы нового мира. То есть в конечном итоге – от “качества человеческого капитала”»².

14 сентября 2007 г. В.В. Путин перед участниками Валдайского клуба в Сочи отметил: «Владимир Ильич Ленин-Ульянов как-то сказал: мне вообще на Россию наплевать, нам важно добиться ми-

---

¹ Кутузов Б.П. Ошибка русского царя: византийский соблазн. М.: Алгоритм, 2008. 240 с.

² Россия и мир. Нова эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. С. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 438.

ровой социалистической революции... Россию втянули в такую систему ценностей помимо её воли, потому что народ России вообще этого не ожидал совершенно другого. Он ожидал мира – народам, земли – крестьянам. Помните лозунги коммунистов? Не дали никакой земли, да и мира не возникло. Гражданская война началась»¹. Но надо помнить, что великие достижения и трагедии становятся результатом продолжительных объективных процессов, а не «козней» Ленина или Сталина, Горбачёва или Ельцина. Одновременно бывают моменты и периоды, когда не исключены различные варианты развития событий, когда соотношение сил колеблется. Вот тогда политические лидеры способны перетянуть чашу весов истории.

Властные структуры РФ до сих пор не определились, кто для России свой, а кто чужой. Более того, ненавистники и извратители нашей трагической отечественной истории пока находятся в фаворе, получая правительственные гонорары, сидя к тому же на важных доходных местах. Их же разрушительная работа, разъедающая общественное самосознание, подрывающая государственную и общественную силу воли, как бы не замечается.

Такое официальное двоеверие не может продолжаться бесконечно. В наши дни учителя истории постоянно слышат такие вопросы от учеников: «У нас что же, вся история преступна?», «Может лучше было бы сдать французам в 1812-м или немцам в 1941-м?», «Не героем ли является генерал Власов, служивший Гитлеру?».

Национальный поэт помнил, что польская шляхта, безраздельно правившая Польшей и угробившая ее к концу XVIII века, почти всегда была враждебна к России и русским, считая себя авангардом Запада. В «Бородинской годовщине» он предостерег Европу от солидарного с Польшей нового похода на Россию. Поэт чувствует высокомерие шляхты, всегда стремившейся к захвату русских земель. Поэтому Западу с его добровольным польским авангардом никогда нельзя поддаваться.

Ф.М. Достоевский, как известно, постоянно разоблачал гонор и русофобское высокомерие шляхты. Академик В.И. Ламанский, рано понявший коренную причину внутренних пороков шляхетства и ведомой им Польши. Поляков «...вместо идеи славянской... одушевляла... сильная ненависть и вражда к единственной силе и опоре славянства – России, а согрели надежды и упование на Рим

¹ Лавров В. Брань и ужас // Литературная газета. 2010. 8–14 сентября.

и Францию, особенно клерикальную и наполеоновскую, даже, наконец, на Турцию...¹»

Если поляки из-за своей нутряной русофобии, по известному психологам закону склонны забыть, кому они обязаны сохранением своей субъектности, да и просто жизни, то надо им напомнить, что без крови миллионов русских и российских героев, воевавших и погибших в войне с Германией, они служили бы в качестве неполноценных слуг немцам. Так, Черчилль в 1944 г. писал: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать...»²

Стало хорошим тоном в цивилизованной среде утверждать, что СССР вступил во Вторую мировую в сентябре 1939-го, разделив с немцами Польшу. «Германия и Англия являются двумя столпами европейского мифа... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России». Так сказал британский премьер Чемберлен в сентябре 1938-го, и не в дипломатической переписке с немцами, а по вполне внутренней. «...Можно даже утверждать, что не справедливо пытаться мешать Германии завершить свое единство и изготовиться к войне против славян при условии, что эти приготовления не разубедят Британскую империю, что они одновременно не направлены против нее», – меморандум министра иностранных дел Британии Гендерсона накануне Мюнхена. Это и есть политика «умиротворения». Это никогда не была политика мира, пусть даже ценой уступок Гитлеру. Это было последовательное травмирование Гитлера на нас. Эта политика провалилась именно в августе 1939-го и именно пактом Молотова–Риббентропа. «С русскими невозможно договориться. Наш европейский цинизм разбивается о фанатизм их средневековых душ», – сказал Гитлер Чемберлену на встрече накануне Мюнхена.

Еще в 1989 г. Р. Пайпс, один из главных идеологов рейгановской администрации, утверждал, что «ни один ответственный политик не может питать иллюзии относительно того, что Запад обладает

---

¹ Шульгин В. Несуразный полонез // Литературная газета. 2010. 30 июня–6 июля.

² Цит. по: Шульгин В. Несуразный полонез // Литературная газета. 2010. 30 июня–6 июля.

возможностями изменить советскую систему или поставить советскую экономику на колени».

Поколение, воспитанное советской школой, имело довольно стройную систему представлений о причинах, начале, ходе и окончании Великой Отечественной войны. Однако с погружением страны в «идеологию отсутствия идеологии» ситуация коренным образом изменилась.

От «историков-реваншистов», например, сегодня мы узнаем о том, что СССР проиграл войну идеологий. Хотя это абсолютная ложь. Гитлеровский фельдмаршал Йодль, который подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии в мае 1945 г., фактически признавал идеологическое поражение гитлеровской Германии уже в 1941 г., в наши дни неожиданного для врага мощного советского контрнаступления под Москвой. В директиве командирам войсковых подразделений вермахта «О политической пропаганде» он раздраженно констатирует: «Советский противник в области пропаганды развивает исключительную деятельность. Зима будет еще в большей степени использована противником для разложения нашей армии. Поэтому невыполнение приказа о сдаче или уничтожении вражеских листовок может повлечь за собой тяжелые последствия и даже смертельную опасность для армии и народа»¹.

Об огромной роли прессы в жизни людей на фронте, в тылу и на временно оккупированных территориях говорят поразительные факты. Фронтовики с боевых позиций требуют: «Пришлите снарядов и газет». В тылу свежую прессу читают в любой библиотеке или клубе. В соответствии с суровыми нормами военной жизни иногда на газетах ставили штампы: «Не задерживать». Другой тонкий психологический прием, используемый в сводках – своеобразное «уравновешивание» информации: даже в дни фронтовых поражений сводка обязательно рассказывает еще и о ярких боевых эпизодах, называя имена отдельных героев и целых героических полков и дивизий, о трудовых победах советского тыла. И тут же – о тяжелом положении в европейских странах, оказавшихся под фашистским сапогом, и во множестве цитирует покаянные признания немецких пленных.

Бесконечные призывы к покаянию, цикл «Цена победы» на «Эхо Москвы», предатель Суворов-Резун со своим «Ледоколом», фильмы

¹ Калаков Н.И. Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов). М.: Академический Проект; Культура, 2010. С. 19.

Пивоварова и Млечина со сталинскими сатрапами, которые заваливали врага трупами наших солдат, «Сволочи», где немецкие грехи приписывались Красной Армии.

Таким образом, история военного процесса в России предполагает особую методологию исследования, что связано с традициями, менталитетом и геополитической спецификой нашего Отечества.

2.3. Военный прогресс в системе социального прогресса в России

Военный прогресс, являясь закономерной частью социального прогресса, тем не менее обладает рядом особых черт, которые по-разному проявляются в различных государственных объединениях и в разных этапах мирового развития.

Теоретическая проблема прогресса человеческой истории отражает самые острые вопросы современности. Она прежде всего должна решить, имеет ли человечество единую линию развития и показать, во что должны вылиться противоречия, раздирающие сейчас.

В начале XIX в. и в России идеи диалектики получили распространение в форме шеллингианской философии объективного идеализма. С нею связано распространение и утверждение в исторической науке в лице наиболее передовых ее представителей понятий о единстве мира, о всеобщей связи явлений, о развитии как поступательно-прогрессивном процессе. Это особо важно подчеркнуть в свете развернувшихся процессов глобализации.

Можно полагать, что нравственный образ истории России послепетровского периода, вплоть до революционного XX века, был крайне противоречив: одна, вековая тенденция народа как творца истории – на основе религиозной духовности искать путь к установлению Царства Божия на русской земле и другая – на основе светской духовности во главе с наукой формировать народный, социальный интеллект для построения на той же земле справедливого социально-политического строя, чтобы всем трудящимся было «жить хорошо на Руси». В борьбе и переплетениях этих двух тенденций в XIX–XX веках одни забывали о том, что православная нравственность может укорениться только в обществе свободного, коллективного и научно организованного труда, а другие – о том, что жизненная концепция

единства освобожденного труда, справедливого устройства жизни всех народов и приоритета духовности в человеческих отношениях содержится в православной «русской идее» и коренится в стихийном «русском коммунизме» (Н.А. Бердяев)¹.

Русские философы с древних времен, реализуя диалектическую направленность отечественной философии, разрабатывали антиэнтропийную систему управления обществом, в XIX веке получившую наименование концепции русского социализма. Сущность данной системы в целом проста: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объекта управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В данной связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом»².

Россия, несмотря на свои особенности, являясь органической частью общемировой цивилизации, будет накапливать позитивный опыт демократического развития. Российское государство будет не только нести за это ответственность, но и трансформироваться в соответствии с требованиями и принципами нового цивилизационного порядка, внося тем самым свой вклад в развитие мира в целом»³.

Авторское утверждение о том, что характер этой проблемы менялся в зависимости от эволюции как России, так и Европы (да и мира в целом), становится методологией раскрытия темы. Понятие «Россия», по мнению Страда, отражает четыре исторические ситуации: Московское царство, петербургскую Империю, Советский Союз, Российскую Федерацию. В каждом из этих государственных образований сохранялось ядро: Россия оставалась многоэтническим и многонациональным образованием. Европа менялась от мира традиции, когда она представляла собой множество национальных государств, зачастую враждовавших между собой, до мира «модер-

¹ Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 10.

² См.: Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Россия versus Рим (сравнительный анализ российской и древнеримской цивилизаций). Таганрог, 2001.

³ Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 90.

ности», когда «европоцентризм» утратил свое значение и можно, скорее, говорить о западной, чем о европейской цивилизации. Это разделение открывает два плана исторического рассмотрения обозначенной темы: в контексте традиции и в контексте модерности. Исходя из этого, Страда показывает, какие моменты противопоставления России и Европы были существенны в одном плане и утратили свое значение в другом.

Для обозначения сомнения высказывались довольно веские аргументы.

1. Утверждалось, что к процессам, протекающим в обществе, нельзя подходить с позиций строгой причинности, поэтому о законах его развития не может быть и речи.

2. Будущее состояние общества непредсказуемо, поскольку знание есть непреходящий аспект общества, а предвидение будущего знания – это формально-логическое противоречие в самом определении.

3. Исходя из этого предлагалось вместо внеличностных исторических тенденций рассматривать индивидуальную и коллективную активность людей с учетом их капризов, свободного выбора и пр. Таким образом, можно познавать лишь закономерности конкретных исторических событий в ограниченном временном масштабе¹.

Мы имеем дело не с этнически русским характером, а с советско-русским. Наш человек остается по сути советским. Мы пытались описать его основные черты, их можно трактовать по-разному. Самое главное – это тип связи человека с государством. Человек, с одной стороны, зависит от государства, считает его по-отечески заботливым, с другой стороны, он заинтересован в определенном беспорядке, позволяющем это государство обмануть. Наш человек лукавый. Иначе он существовать не мог ни в советские времена, ни позже. Мне как-то пришло в голову, что лучшая модель существования нашего человека – это традиционный советский колхоз, где есть земля общественная и своя. На общественной ты должен заплатить дань, чтобы тебя не сожрали, со своей ты можешь кормиться и улучшать собственное благосостояние. Деление на то, что я должен сделать, и свое – пожалуй, самое глубокое деление. Оно и создает человека, обладающего, по Оруэллу, двоемыслием. Именно это не позволяет человеку заботиться об обществе, за время нашей нынешней отно-

---

¹ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 446.

сительной демократии человек участвует в ней как телевизионный зритель¹.

Процессы роста социальной энтропии могут «вклиниваться» в жизнь общества, нейтрализуя ее антиэнтропийное содержание. Это происходит, например, в процессе насаждения в российском обществе чуждых ему норм социальности, западных норм личностного бытия, основанных, как правило, принявшей только нормы права свободной личности. Происходит деструктивное для жизни коллективистского общества завышение норм права по сравнению с другими социальными нормами, навязывается неадекватная данному обществу универсалистская модель мира.

Для исследования военного прогресса важно иметь в виду, что выбор модели, по которой будет фактически строиться политика России, определяется не наукой (подобного прецедента в истории не было), а реальными интересами правящих элит (включая глобальные компоненты таких интересов)². Диалектика противоречий между первыми, происходящими на макро-, и вторыми, развивающимися на микроуровне, порождает необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на каком-то пограничном уровне. Выход из конфликта этих противонаправленных сил в поиске переходной ступени, выполняющей роль своеобразного социального редуктора от общемировых к местным процессам. Этот промежуточный мезоуровень позволяет общие тенденции приспосабливать к местным специфическим условиям, что дает возможность в нарастающем процессе унификации и стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой отдельной культуры. В отличие от макроуровня промежуточная ступень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения. Отдельная личность и государство не могут общаться непосредственно, необходимы соответствующие структуры. Взаимодействие социальных низов и верхов объективно рождает необходимость мезоуровня. Так и локальные социумы нуждаются в таких же посредниках для выхода на макросистему. Кроме того, на место государств единоо-

---

¹ Шаповал С. Одна Москва, одни деньги, один телевизор. Директор Всероссийского центра изучения общественного мнения Юрий Левада был и остается скептиком» // Независимая газета. 2000. 11 мая.

² Косолапов, Н. А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENTS). 2003. № 4. С. 149.

бразного большинства приходят мультикультурные государства, то есть государства различных меньшинств (социальных, культурных, этнических, конфессиональных и других), оберегая исторические традиции и сохраняя этнокультурный плюрализм»¹.

По мнению А. Гулыги, «Русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолеть беду важен для всех. Точнее – для тех, кто эту беду предчувствует и убежден, что ее можно избежать. Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует»².

Социальная реальность предстает как важнейшая сфера мира. В рамках которой с особой значимостью стоит проблема стройности (отрицательной энтропии) и нестроения (положительной энтропии). В физической и биологической реальности антиэнтропийные процессы происходят самопроизвольно, и посильный вклад человека лишь может их ускорить и обезопасить. Природа обладает огромными ресурсами саморегуляции и самоорганизации. Социальная же реальность в гораздо большей степени беззащитна перед энтропийными процессами, поскольку для противодействия им необходимо глубокое осознание человеком всеобщей связи явлений, изучение процессов увеличения стройности и нестроения в обществе, в том числе и в сферах, связанных управлением обществом.

Концептуальные направления данных вкладов отражают объективную диалектику жизни российского общества и имеют в своей сути основы социальности жизни общества коллективистского типа. Адекватное управление российским обществом, осуществляемое в рамках концепции русского социализма с учетом данных основ, предстает как придание его развитию антиэнтропийных векторных свойств – свойств совершенствования общественной жизни.

На протяжении почти столетия на русскую, да и не только русскую общественную мысль гигантское влияние оказывало и еще продолжает оказывать материалистическое понимание истории. Смысл его в двух словах заключается в следующем: истори-

---

¹ Симонян Р. Х. От национально-государственных объединений к региональным // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 21–22.

² Гулыга А.В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 21.

ческий процесс есть последовательная смена развивающихся способов производства, возникающих и распадающихся под влиянием и воздействием внутренних противоречий. Эти противоречия охватывают материальные производительные силы и объективные, образующиеся на их основе производственные отношения. Они создаются как комплекс межличностных внутри- и межгрупповых отношений. Сознание и лежащая в основе его информация с этой точки зрения надстраиваются над способом производства, отстают или забегают вперед, оказывают на него влияние, могут обладать относительной самостоятельностью, но в любом случае являются вторичным фактором исторического развития. Любители экстремистского подхода к философии и культурологии готовы полностью перечеркнуть эту концепцию, обвиняя ее во всех грехах советского периода, не видя в ней «ни грамма» разумного содержания. Однако гигантское влияние марксизма в глобальном масштабе вряд ли можно объяснить его абсолютной ошибочностью или изъятиями воспринявшего его русского менталитета. «Классическое понимание оппозиции «Восток – Запад» представлено в синекдохическом видении истории как диалектического процесса развития. Наиболее интересны в содержательном отношении два варианта подобного рода концепций – гегелевский и Б. Н. Чичерина. Для обоих характерно при этом идеалистическое, монистическое, универсалистское и линейное понимание процесса исторического развития.

Однако светская власть в жизнеустройстве России оказалась более слабым звеном, чем власть духовная. И в этом отношении в современных условиях сильнейшего глобализационного давления имеют место две основные тенденции:

1) западная тенденция – невежественное копирование чужих проектов светской власти, подверстывание отечественных политических форм под чужие стандарты. Например, весьма популярна интерпретация вечевой власти в Великом Новгороде в терминах демократии. При этом порочность такой интерпретации заключается в том, что вечевой совет отрывается от иных уровней многосоветия: «сотские» советы – это советы власти жителей кварталов города; «уличанские» советы – это советы властей жителей улиц города; «кончанские» советы – это советы властей жителей микрорайонов («концов») города; вечевой совет – это совет городской власти, подверстываемый под демократию;

2) многовековая, многотрудная отработка национального проекта светской власти, а именно власти советов, то есть власти, формируемой по принципам избрания владык православной церкви – по принципам выборов по жребию¹.

Для сохранения своей идентичности принципиальную роль в России всегда играли диалектические принципы.

Принципами коллективистской социальности являются принципы: коллективизма (всеобщей связи социальных явлений) и совершенствования общественных отношений.

Принцип коллективизма. Теоретизация принципа коллективизма впервые была представлена в мысли Аристотеля. Сущность данного принципа – в тождестве блага личности и общества. Аристотель писал об этом в своей «Политике»: «Остается разобрать, следует ли признать, что счастье каждого отдельного человека и счастье государства тождественны или что не тождественны. Ответ на это ясен, так как, по-видимому, все согласны с тем, что тождественны»².

Принцип совершенствования общественных отношений. Глубоко исследован в древнерусской социальной философии. Выдающийся ее представитель Кирилл Белозерский доказывал, что главным законом жизни российского соборного общества должен быть призыв Евангелия: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Другой древнерусский философ XIV в. Василий Новгородский теоретизировал стандарт совершенства общественных отношений в идее жизни по принципу рая. Жизнь по принципу рая характерна для соборной общности русского народа. Ей противоположна жизнь по принципу изгнанных из рая, которая связана с чуждыми для жизни России идеями свободы воли и плюрализма, конкуренции и вражды.

Принципы социальности коллективистского типа формируют основные определения жизни общества коллективистского типа (конкретные проявления в обществе принципов его социальности).

Тип общественного сознания. Стандарты естественности, характерные для социальности коллективистского типа, выражены в понятиях совершенства, единства многомыслия и единомыслия, совершенной добродетели и любви к ближнему (проявление принципа коллективизма как всеобщей связи социальных явлений).

---

¹ Чуринов Н. М. О государстве и идеологии // Теория и история. 2004. № 3. С. 12–13.

² Политика // Политика. Афинская политика. М. : Мысль, 1997. С. 221.

Данные стандарты естественности находят свое проявление в *диалектическом типе общественного сознания*, характерном для общества коллективистского типа. Жизнь людей, их убеждения основаны на принципе всеобщей связи. Общество стремится к коллективистскому единению. Научные убеждения находят свое завершение в религиозных. Политика и экономика не существуют сами по себе, вне моральных принципов, имеющих место в рамках духовной сферы. В силу этого политическая и экономическая деятельность в России воспринималась как сфера служения обществу, а не достижения личных выгод.

В свою очередь особенности протекания военного прогресса в нашей стране детерминированы тем обстоятельством, что события в России в 90-е годы имели разрушительные последствия для исторической памяти советского народа, испытавшей сильнейший стресс. Все это, в конечном итоге, привело к дезориентации массового исторического сознания и к фактической девальвации такого понятия, как «патриотизм», приобретшего негативный оттенок. Дегероизация истории России, разрушающая привычные представления массового исторического сознания, стала одной из основных причин развития кризиса культурной и национальной идентичности. Привычный образ прошлого в массовом историческом сознании утратил свои четкие ориентиры и оценки.

Русофобия давно и глубоко укоренилась в европейском сознании. В своих основных «параметрах» она устойчива по отношению к любым изменениям, происходящим в России. Меняется лишь образ врага: «азиатский деспотизм», «коммунистический тоталитаризм» и, наконец, «энергетический авторитаризм». Все это лишь маски европейской русофобии. Реальным противником Европы всегда была именно Россия, независимо от того, какой режим в ней правил бал и какую идеологию он исповедовал...

Тайной пружиной нынешней русофобии является подсознательное ощущение Западом своей растущей слабости. Европа обуреваема сегодня многочисленными страхами за свое будущее. Потепление климата, засилье эмигрантов, дефицит жизненных ресурсов, хаос мирового порядка, кризис культуры – нет числа тем вызовам, с которыми столкнулась западная цивилизация. И чем сильнее страх, тем агрессивнее европейское мнение по отношению к России. Мы жертва комплекса европейской неполноценности.

Россия была и остается для европейцев «чужой». Именно поэтому для «побежденной» в холодной войне России в отличие от по-

бежденной во Второй мировой войне Германии не было предложено никакого «плана Маршалла». Было много слов о западных ценностях и очень мало реальной экономической помощи. Немцы были «своими», поэтому их простили и при помощи американских денег вернули в экономическое и политическое пространство Европы как самостоятельных игроков. Россия могла стать своей, только растворившись в Европе... как самостоятельная культура и суверенное государство...

На Восток русский человек смотрит с такой же опаской; что и на Запад. Но есть и разница. Если России будет не суждено сохранить свою государственность (надо уметь смотреть суровой правде в глаза), то в любом случае Китай с его религиозной толерантностью представляет для России гораздо меньшую угрозу, чем Европа с ее маниакальным стремлением навязать свои ценности и перелопатить наши культурные устои. В конечном счете, чтобы не раствориться в историческом небытии, нам важно сохранить именно свою культурную идентичность. Поэтому чем больше нам говорит о европейских ценностях, тем чаще мы поглядываем на Китай!¹

«Россию порой упрекают в том, что она пытается жить в нескольких цивилизационных измерениях. Но именно так – на стыке цивилизаций – всегда существовала Россия. Такова была воля географии и истории. В нашей исторической судьбе преломляется более фундаментальная проблема культурно-цивилизационного многообразия мира, которое нельзя отменить и которое должно найти свое отражение в процессах глобализации»².

В проекте, который получил название «суверенной демократии», речь идет о достижении того, что никогда ранее не удавалось в российской истории, о том, чтобы стать открытым и демократическим обществом, но при этом не потерять свою российскую идентичность, свой традиционный суверенитет, чтобы демократические свободы не вели к ущемлению национального достоинства»³. «Понятно, что идеология суверенной демократии могла появиться тогда, когда страх перед возрождением деспотиз-

---

¹ Корольков А. А. Духовная антропология и тенденции современного образования // Теория и история. 2004. № 3. С. 16.

² Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. С. Карганов. М. : АСТ: Русь-Олимп, 2008. 444 с.

³ Померанц Г. История России в свете теории цивилизации // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 22.

ма ослаб, а страх оказаться в роли культурной и политической колонии Запада резко возрос»¹.

Для выработки методологической основы исследования военного прогресса важно учитывать, что на протяжении нескольких столетий главным содержанием развития страны был процесс европеизации, преодоления последствий того величайшего исторического бедствия, каким стало для Восточной Европы татаро-монгольское нашествие. В историософском смысле это было трудное возвращение России в Европу, ее вторичное утверждение как неотъемлемой части единой европейской христианской цивилизации»².

Особенность России состоит в том, что все попытки ее модернизации осуществлялись за счет не «внешнего», а «внутреннего» колониализма. Вестернизирующая инновация всегда вела здесь к модернизации одних сословий, отбрасывая другие в еще пушью «азиатчину». На материале петровских реформ это хорошо показал Г. Плеханов: «Социальное положение «благородного» сословия изменялось в одну сторону – в сторону Запада, – в то самое время, когда социальное положение «подлых людей» продолжало изменяться в сторону прямо противоположную – в сторону Востока». Вот этот «цивилизационный противоход», являясь константой всех российских западнических реформ (нынешняя – не исключение), обнаруживает себя со временем как главная причина их «пробуксовки», накапливая потенциал последующих «контрреформ».

Отметим и другое важное методологическое обстоятельство. Сама проблематика «деградации» и даже «исторической смерти» России сегодня перестала быть социально табуированной в общественном сознании. Больше того, неявным образом императив «разрушения» (скажем мягче, «полного демонтажа» прежней социальной витает над идеологами нынешнего раунда реформ. Согласно некоторым теоретикам, Россия себе же во благо должна пройти через некоторый «нуль», «удариться о дно», чтобы потом счастливо реинкарнироваться в новое, лучшее качество. Утверждается, к примеру, что в тоталитарной структуре бывшего СССР не оказалось потенциала модернизационного самопреобразования. И, следовательно-

---

¹ Артамонова, Е. И. Проблема менталитета в условиях российского образования // Диалог культур в системе школьного образования: материалы Региональной науч.-практ. конф., Иркутск, 11–13 июня 2001 г. Иркутск, 2001. С. 55.

² Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 9.

но, чтобы расчистить место новому, старая структура должна была с необходимостью рухнуть. Тема «социальной смерти с последующим воскрешением» в иных концепциях возводится чуть ли не в ранг некоей константы всей российской истории: приводятся примеры «петровской» и «большевистской» России, которые, радикально разрушив предшествующие структуры, сами продемонстрировали еще больший уровень социальной витальности.

В отличие от западноевропейцев и североамериканцев, нам нечего прятать за псевдоконцепциями.

Действительно, по убеждению Н.М. Чуринова, в современных условиях наряду с метафизическим осмыслением единства научной теории и научной истории формируется и другой взгляд на научную историю и научную теорию – диалектический, согласно которому их единство рассматривается как образ, адекватно раскрывающий содержание естественноисторического процесса, подчиненного действию собственных законов и закономерностей вне и независимо от сознания исследователей. Данный взгляд предполагает наличие иной теории познания, а именно: теории познания как теории отражения. Диалектический проект науки и ее теория познания предполагает иное соотношение научной теории и научной истории. Дело в том, что Россия является наследницей древней диалектической традиции, предполагавшей на уровне субъективной диалектики раскрытие образа диалектики объективной, традиции раскрытия единства образа и прообраза, диалектики единого и многого, теории отражения. Согласно диалектической версии цивилизационного исследовательского подхода, диалектическое противоречие выступает как одно из проявлений и одно из оформлений совершенства. Это такое оформление совершенства, которое раскрывает совершенство в качестве источника движения и развития. В терминах диалектического подхода всякая последующая цивилизационная фаза есть разрешение базисных противоречий предыдущей фазы. Иными словами, фазовый переход представляет собой диалектический скачок.

По своему объективному содержанию русский национализм самодержавной и советской эпох был антиимперским и – в большей своей части – стихийно, демократическим течением. Это легко обнаруживается из его непредвзятого прочтения. Магистральное устремление русского национализма состояло в попытке гармонизации, непротиворечивого и взаимовыгодного сочетания интересов империи и русской нации. Ведь главным противоречием и одновременно

источником внутреннего развития имперской политики в ее досоветском и советском обликах был не конфликт между империей и национальными окраинами, а конфликт между имперской властью и русским народом.

В свете такого понимания логики отечественной истории русский национализм оказывается своеобразной рефлексией фундаментального противоречия между русским народом и имперским государством. Попыткой – теоретической и практической – его разрешения в интересах русского народа. Хотя бы поэтому русский национализм не мог не быть демократическим, ведь он исходил из интересов огромной этнической группы, взятой как целостность. Хотя бы поэтому он не мог не быть оппозиционен основам царской и советской политик, одинаково основывающихся на принципиально надэтнических принципах.

Весьма показательно, что первыми русскими интеллектуалами, указавшими на колонизаторство «русских европейцев» в отношении собственного народа, были славянофилы – основоположники русского националистического дискурса. Наибольшими империалистами среди русских националистов досоветской эпохи были именно либералы. Подобно своим западным единомышленникам, они исходили из презумпции цивилизаторской роли империи, несущей прогресс и знания входившим в сферу ее влияния народам. Важно осознать, что различия, специфичность, уникальность, особость не всегда и не обязательно стремиться к тому, чтобы догнать или перегнать их.

В России все три уровня общественной практики человека всегда существовали как бы порознь, часто противореча друг другу и друг друга отрицая. Традиция как жизнь в духе представлена богатейшей практикой мистического православия с ее наследием «священнобесмолвствующих» и учителей «умного делания», институтами иночества и старчества, многообразными святыми и подвижниками земли Русской. Рядом с этой традицией в последние два столетия поднялась в России и замечательная культура, отобразившая жизнь человеческой души с такой полнотой и тонкостью, что многие отечественные мыслители считают подлинным призванием русского человека жизнь сообразно переживаниям и влечениям души. Что касается цивилизации, то ее мир, всецело внешний, безличный, воспринимался, скорее, как продукт лицемерия и фальши, как неизбежное зло, которое терпели, – но не более. Это была цивилизация, заимствованная по случаю у разных народов и

служившая преимущественно интересам государства. Народу она оставалась чуждой.

Концептуальные направления данных вкладов отражают объективную диалектику жизни российского общества и имеют в своей сути основы социальности жизни общества коллективистского типа. Адекватное управление российским обществом, осуществляемое в рамках концепции русского социализма с учетом данных основ, предстает как придание его развитию антиэнтропийных векторных свойств – свойств совершенствования общественной жизни.

Очевидно, развитие именно этой способности выделять противоречия, способности искать пути их преодоления через диалог, в частности, диалог между сложившимся разнообразием представлений о «хорошем обществе» и новыми потребностями и идеями, открывает путь к превращению подобных противоречий в предмет квалифицированной деятельности, нацеленной на поэтапное формирование соответствующего общества. Со ссылкой на П. Бергера автор дополняет эту методологию компаративисткой, т.е. стремлением искать ответы на возникающие проблемы в некоей стране посредством анализа ситуации в другой стране¹.

Диалектический подход к военному прогрессу предлагается рассматривать как метод преодоления противоречий. Каждый из полюсов дуальной оппозиции, фиксирующих противоположности, может быть одновременно источником инноваций, могущих быть использованными для разрешения противоречий.

В прояснении проблем самосознания нуждается российское общество, для которого вопрос о национальной идентичности приобретает сегодня особое значение. По отношению к России на Западе и внутри ее самой существовали различные оптики. Можно вспомнить о настороженном, подозрительном отношении Запада к России. Европейские мыслители чувствовали, что Россия – в чем-то другая, не «анти-европейская», но все же «не совсем европейская». С другой стороны, некогда Россия предлагала Европе свой неевропейский универсалистский проект. Все это имеет непосредственное отношение к проблеме самосознания и требует прояснения, методологического поиска и теоретического прорыва.

С точки зрения В.М. Межуева, русское самосознание не было неизменным в диахроническом (историческом) плане, поскольку

---

¹ Федорова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 474.

каждый последующий период российской истории отрицает предыдущий. Трудно однозначно ответить на вопрос и о субъекте самосознания в синхроническом плане. По мнению докладчика, основной в размышлениях о национальном самосознании применительно к России является проблема соотношения народного и национального, этноса и нации. Дело в том, что национальное самосознание как таковое предполагает наличие различных мнений и взглядов, нередко полемизирующих между собой. Его субъект – каждая свободная индивидуальность. В русском же национальном самосознании существуют взаимопротивоположные линии, полярные точки зрения, взаимоисключающие друг друга полюса. Имеется еще одно обстоятельство, которое в настоящий момент особенно заметно, если сравнивать Россию с Европой. Вопрос «К какой цивилизации принадлежит Россия?» по-прежнему не решен, открыт, при этом спор о цивилизационной идентичности России отличается крайней непримиримостью. Россия – страна, еще не ставшая цивилизацией, только становящаяся ею. Более того, как полагает В.М. Межуев, термин «русская цивилизация» уводит в тупик, хотя это было уже понятно с момента выхода книги И.Данилевского многим мыслителям, начиная с Вл. Соловьева¹.

Какое отношение имеет цивилизационная определенность к самосознанию? История России показывает: наше этническое самосознание тяжело преобразуется в национальное, и даже преобразовавшись, оно разрывается на два разных полюса. Между тем нация отличается от этноса одной очень важной особенностью. Все нации, в отличие от этносов, от народов, при всех своих различиях, предполагают наличие какого-то сходства. Нация представляет собой соединение некоторого цивилизационного общего идентитета с этническими особенностями, она выводит на универсальное. Так и русское самосознание формировалось, как представляется В.М. Межуеву, под знаком поиска того, что нас объединяет с другими, и прежде всего, европейскими народами в рамках христианской цивилизации. Правда, ответы были разные. Западники видели объединяющее начало в рациональных – правовых и научных – основах. Славянофилы (имеются в виду ранние славянофилы) – в религии. Собственно, подобный спор и является выражением того, что мы становимся нацией. Однако со временем этот спор превратился в свою противополо-

---

¹ Проблемы русского самосознания // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 152.

ложность и был сфокусирован на том, что нас отличает от других народов.

Что такое самосознание, в какой форме оно дано? Европейский проект предполагал, что самосознание может существовать в форме теоретического, научного знания, однако его осуществление столкнулось с большими трудностями. Ответом России была «русская идея» – видение не только своего будущего, но и всего человечества, квинтэссенцией которого стало понимание того, что самосознание может быть представлено в форме какого-то цельного, религиозно-философского знания.

Поддерживая прозвучавшую в докладе В.М. Межуева идею диалога, Э.Ю.Соловьев отметил три, на его взгляд, наиболее важных момента, особенно продуктивных с точки зрения способности российского самосознания предложить и отстаивать обоснованный проект оздоровления и спасения всего современного мира. Эти три момента заключены в следующем: во-первых, оппозиция «западничества» и «самобытничества» – не просто российское, но и международное явление и тяготеет к согласованию по модели взаимодополнительности; во-вторых, «западничество» и «славянофильство» раскололись внутри себя на либеральные и антилиберальные течения; в-третьих, уникальная отечественная традиция.

В условиях коллективистского общества единство человеческого мир представлено совокупностью взаимно предполагающих друг друга и находящих завершение друг в друге социальных норм, институтов, раскрываемых мерами совершенства. Индивидуалистическое общество предполагает единство человеческого мир в качестве реализации свободы воли, индивидуальной свободы, приоритет норм прав над всеми другими социальными нормами и социальными институтами, обеспечивающими успехи правотворчества, правопослушания, правоприменения и правоисполнения «При этом личность формируется в условиях соответствующего аспекта единства человеческого мира. И, следовательно, в одном случае личность предстает как более или менее совершенная личность, а в другом – как более или менее свободная личность. В обоих случаях личность выступает как способ существования соответствующих определенному аспекту единства человеческого мира наличных общественных отношений, поскольку человек с момента своего рождения застает определенный тип общества, формируется как личность в условиях существующих, сформировавшихся до его рождения общественных

отношений. И, следовательно, человек изначально формируется по линии становления в качествах свободной личности или по линии становления в качествах совершенной личности...»¹.

Служение является мерой совершенств, одной из характеристик соборной личности. Это не только служение обществу, но и служение отдельной личности. Множество соборных личностей в своем содержательном богатстве, вкладывая свое совершенство в совершенствование общественных отношений, оказывают существенное влияние на формирование государственного и общественного устройства. В данном случае прослеживается взаимодействие, взаимопроникновение и завершение одного в другом социальных институтов, имеющих общенародный характер. Данное единство выступает как деятельное совершенство, направленное на совершенствование социальных отношений. «Государственно все постольку, поскольку оно относится к единству и органически входит в целое. Государство же есть внешняя форма этого единства и преимущественная сфера его выражения, как сфера деятельности частного соборного субъекта, преимущественно осуществляемого соборную волю»².

Как видим, здесь главенствующее положение занимает не политическое насилие, а политическая добродетель. Следовательно, главной задачей государства может быть определена задача поддержания народа, его авангарда в деле совершенствования общественных отношений, т.е. в делах достижения социального прогресса.

Государство как соборная личность предполагает не только политическое устройство, но имеет отношение ко всему общественному строю. Западная же философия и политология характеризуется членением общества на части, отделением политических функций от всех иных функций жизни общества и тем самым он принципиально отличается от русской философии и политологии.

С древних времен в русской философии защищалась идея жизни по принципу Правды и управления обществом России в соответствии с этим принципом. Многозначность категории «правда» очевидна, и ее значение в истории отечественного теоретизирования велико.

Правда выступает «...как характеристика всего того, что вносит, сообразуясь с понятиями XXI века, отрицательный вклад в со-

---

¹ Фомина Н.В. Аристократическое оформление государства и личности // Теория и история. 2004. № 2. С. 27–28.

² Там же. С. 30.

циальную энтропию, т.е. в социальное нестроение»¹. Управление обществом «по правде» «...рассчитано на формирование ... адекватных социальных институтов, самореализация которых приводит к успеху, к достижению цели управления...», когда «...принятие решения выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию»².

Правда является характеристикой стройности духовной сферы общества, противостоящей силам нестроения (т.е. «неправде» как социальной несправедливости и нравственному упадку). Поскольку духовная сфера общества встраивается в другие сферы общества согласно принципу всеобщей связи, постольку «жить по правде» выступает как принцип, характеризующий антиэнтропийный вектор развития общества в целом (вектор развития всех его сфер), а «правда» – как понятие, обобщающее различные оформления совершенства общественной жизни: упорядоченности, красоты, организации и т.д. в данной связи понятие «правда» предстает как фундаментальная категория, отражающая антиэнтропийные процессы, имеющие место во всех сферах общества. И управление обществом «по правде» есть не что иное, как внесение субъектом управления своей стройности в процессы роста социальной энтропии, происходящие в жизни общества. Человек обогащает (восполняет, совершенствует) своей стройностью. Совершенство социального мира, имеющего в своей сути диалектическое противоречие социальной стройности и нестроения.

В авангарде общества находятся те, кто своим доблестным служением обществу, мудростью и добродетелью доказывают правомерность своего общественного статуса. Данные качества характеризуют лучших людей в качестве совершенных личностей, вносящих стройность своего личностного облика, своего опыта и мудрости в процессы нестроения общественной жизни, т.е. производящих отрицательные вклады в социальную энтропию. Лучшие люди способны активизировать в обществе коллективистские качества, позволяющие творчески решать актуальные задачи общественной жизни. Данный тезис многократно доказан самой российской историей, когда представители социального авангарда поднимали народ на борьбу с захватчиками.

---

¹ Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова // Теория истории. 2007. №1. С. 173.

² Там же. С. 170.

Раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией «совершенства» (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т.д.). В данной связи естественное состояние коллективистского общества России раскрывается в таких космических оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и много – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т.д.). Система управленческих решений, направленных на совершенствование форм коллективистской организованности общества России предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения. «В индивидуальной конкретно-развивающейся душе полнее и яснее вскрывается строение всеединства... удастся установить понятие всеединства, стяженности, завершенности и совершенства.. И только на основе этого анализа можно до конца понять и объяснить, что такое историческая коллективная индивидуальность, субъект исторического развития»¹.

«Общественный прогресс не устраняет собственных задач личности, как и наоборот, внутренняя жизнь личности не исключает путей общественного прогресса. И личное творчество, и общественное созидание находят свой истинный смысл в стремлении к абсолютному идеалу»². Н.Я. Данилевский показывает, что понятию «созидание» может придаваться только антиэнтропийное значение. Он пишет, что если «устранены элементы смут, могшие в прежние времена волновать русский народ, то, с другой стороны, прошли и те обстоятельства, которые требовали постоянного напряжения всех сил народных в государственное ярмо в трудные времена государственного устройства, борьбы с внешними врагами, при редком еще населении и слабом развитии его сил. Таким образом, и внутренние и внешние препятствия к усвоению русским народом всех даров свободы потеряли свой смысл, значение и причину существования»³. Антиэнтропийный процесс – это не процесс удовлетворения или

¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 87.

² Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 166.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 489.

изобретения потребностей, а принципиально новый процесс – процесс созидания¹.

Н.М. Чуринов далее продолжает: «Смуты, против которых направлено созидание, – это единственное направление созидания, которое может оказаться плодотворным, результативным, когда результаты приобретают качества оформлений совершенства, обладающих необходимыми определениями, т.е. функциями, свойствами, качествами, характерными чертами. Созидание облагораживает человека, очеловечивет и возвышает его вместе со всем русским миром, а «государственное устройство» оказывается наиболее плодотворным и победительным, делает осмысленным «запряжение» всех сил народных в «государственное ярмо», и народное подвижничество становится естественной и необходимой частью русской жизни. Тогда становятся очевидными «мнимые опасности», и никому не придет в голову ни создавать эти «опасности», ни преодолевать их, ни выходить из русской модели мир, адекватно которой только созидание².

Созидательное осмысление мировых процессов выступает как непреходящий стандарт философского мышления русских теоретиков. Этот стандарт естественным образом реализуется в контексте космической модели мира и русской модели мира Лада. В рамках этой модели мира в свое время развернулось мощное философствование, получившее название русского космизма. Русский космизм стал фундаментальным оформлением исконной философской традиции нашего народа, жизнеутверждение которого всегда проходило в соответствии с актуальной для нас, отточенной веками собственной моделью мира. Согласно которой понятие «созидание» выступает как одна из центральных категорий русского философствования.

Между двумя концепциями (совершенство как конечный идеал и бесконечное совершенствование) обнаруживается фундаментальное различие. Если концепция совершенства как конечного идеала – это обычная западная концепция неореалистского толка, то концепция бесконечного совершенствования – это диалектическая отечественная концепция, веками отработывавшаяся в нашей стране в русском национальном сознании.

---

¹ Чуринов Н.М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. №1. С. 21.

² Там же. С. 24.

Разрешительное слово – это слово свободное в пределах, установленных законом, прямо указывающим, что разрешено по нормам права, а что по этим нормам запрещено. Что касается совершенного слова, то оно должно отвечать требованиям гармонии духовной и светской властей. И существует единственное в данном отношении понятие «соборное государство», обозначающее светскую власть, гармонирующую с духовной властью, и в пределах данной гармонии раскрывается совершенное слово – созидаящая правда, воспроизводящая русское подвижничество, самоотверженное служение отечеству, созидание¹.

Концепцию Чуринова необходимо принять за основу, ведь вне указанных стандартов не существует методологии социального управления. Управление «вообще», пригодной для всех обществ, как полагали советские ученые, просто не существует. Существуют методологии управления обществом, строго определенные в своих теоретических границах и сформировавшиеся на основе двух моделей мира (мир как Космос, мир как Универсум). Эти методологии выражают специфику общественной жизни того общества, в условиях которого они сформировались. Всякую методологию необходимо изучать в ее теоретической определенности (или космической, или же универсалистской), иначе мы не сможем ничего понять в специфике управления обществом того или иного типа².

Модель мира является выражением наличных определений жизни общества того или иного типа – социальности, специфики культуры и цивилизации. Поскольку управление обществом – это функция социальных институтов, поскольку любая методология управления обществом выражает в себе специфику управленческой институциональности, характерную для данного типа социальности, культуры и цивилизации. Именно социальные институты осуществляют управление обществом и применяют адекватную своей сущности методологию управления.

«В условиях распада государства, безвластия и произвола иностранных интервентов русский народ находил опору в системе традиционного русского народоправия. Она сыграла первостепенную роль в сложных, трагических и неопределенных перипетиях... Его

---

¹ Там же. С. 30.

² Григоренко Д.Е. Либеральная и консервативная методологии управления обществом // Теория и история. 2010. № 2. С. 74.

заслужою стало восстановление российской национальной государственности...»¹

В условиях коллективистского общества единство человеческого мир представлено совокупностью взаимно предполагающих друг друга и находящих завершение друг в друге социальных норм, институтов, раскрываемых мерами совершенства. Индивидуалистическое общество предполагает единство человеческого мир в качестве реализации свободы воли, индивидуальной свободы, приоритет норм прав над всеми другими социальными нормами и социальными институтами, обеспечивающими успехи правотворчества, правоополушания, правоприменения и правоисполнения. При этом личность формируется в условиях соответствующего аспекта единства человеческого мира. И, следовательно, в одном случае личность предстает как более или менее совершенная личность, а в другом – как более или менее свободная личность. В обоих случаях личность выступает как способ существования соответствующих определенному аспекту единства человеческого мира наличных общественных отношений, поскольку человек с момента своего рождения застает определенный тип общества, формируется как личность в условиях существующих, сформировавшихся до его рождения общественных отношений. И, следовательно, человек изначально формируется по линии становления в качествах свободной личности или по линии становления в качествах совершенной личности...»².

Всякое государственное устройство, всякая форма правления предполагает определенное равенство: равенство подданных перед волей монарха, равенство перед законом, равенство перед понтификом, равенство для меньшинства, равенство для большинства и т.д. Равенство раскрывается и понятиями «трансцендентальный господин», «трансцендентальный субъект» и т.д. Данные понятия показывают, как сугубо статистически в демократических процессах, оказывается отчасти совпадающими интересами, цели, потребности, желания и проекты индивидуалистов. Что же касается соборной личности, то ей в данном отношении оказывается адекватным диалектическое аристотелевское представление о равенства, согласно которому всякое равенство предполагает собственное неравенство. Это значит, что равенство абсолютно и относительно, объективно

---

¹ Калашников В.Д. Советы всея Руси // Теория и история. 2004. № 2. С. 13.

² Фомина Н.В. Аристократическое оформление государства и личности // Теория и история. 2004. № 2. С. 27–28.

и субъективно, имеет теоретический и эмпирический уровни, полевой, континуальный, тектологически теоретический и тектологически практический характер (дело в том, что мы имеем в виду две разновидности практики; тектологически существенную и технологически существенную разновидности практики) и т.д.

С точки зрения соборного субъекта, теория справедливости мыслится как теория такой справедливости, которая раскрывает справедливое как относящееся, во-первых, к определенному тождеству общественных отношений; во-вторых, справедливое всегда выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию, повышающий стройность общественной жизни; в-третьих, справедливое – это всегда реализация деятельного совершенства соборного субъекта; в-четвертых, справедливое всегда корректирует направленность разрешения социальных противоречий, а также обеспечивает возникновение и развертывание актуальных для жизни общества социальных противоречий.

Необходимо отметить, что строительство соборного государства и правового государства вытекает из необходимости установления соответствия общественной жизни стандартам, определенным способом производств общественной жизни, учитывающим особенности климатических, географических, геополитических, этнических, конфессиональных и других условий жизни общества. Вот почему западные защитники атомизированного индивидуалистического, индивидуализированного общества в течение многих столетий так предметно и так убедительно отстаивают преимущества правового государства, и тем же самым определяются исторические неудачи российских правителей, навязывающих стране скопированные с западных хорошо разработанных теорий, посвященных жизнедеятельности правового государства, стандарты, чуждые коллективистскому обществу, чуждые объективным условиям жизни России.

Цивилизаций на Земле всего три. Можно говорить о существовании европейской цивилизации с основными рабочими ценностями: свободой и познанием, соответственно, индивидуализмом, приоритетом на личное, рациональное и материальное. Можно говорить о существовании цивилизации Востока... Эта цивилизация строго противоположна европейской, т.к. ориентирована, соответственно, на иррациональное, нематериальное, трансцендентное или духовное, и в общем скорее это – ориентация на группу, чем на отдельного человека. Третья цивилизация – цивилизация ислама, с ориентацией на группу, но при этом рациональная и материалистически прямая. Наша разни-

ца с исламом только в одном пункте: ориентация на свободу личности или на свободу коллектива. Кстати, в этом отношении коммунизм, конечно, ближе к исламу, чем к европейской культуре, что, собственно говоря, и ислам всегда признавал. Есть еще сейчас точка зрения... можно говорить об отдельной Российской цивилизации.

Йозеф Ридмюллер писал: «Само расширение и увеличение понятий – «русский путь», «русская идея», «патриотический консенсус» – делают сложным понять сам феномен, который со второй половины прошлого века известен как яростный спор между «славянофилами» и «западниками». И в настоящее время он витает в пространстве как выражение глубокого недовольства русских по поводу потери власти и экономических трудностей после распада СССР. В качестве экспертов в этой скользкой материи показали себя, естественно, российские участники, начавшие дискутировать и спорить между собой. Было ясно: фракция тех, кто утверждал особость задач русских в истории и современности, как бы проповедуя русский мессианизм, была решительно в меньшинстве»¹.

Наши отношения с Западом год от года подтверждают его слова, что «Европа не признает нас своими», а «либерализм России не уменьшает вражды к ней». Однако русские вряд ли когда-нибудь будут смотреть на европейскую культуру и политику так отстраненно и равнодушно, как того хотел Данилевский: Европа была и остается для нас значимой.

Вначале отмечено, что дискуссия о собственном русском пути вновь становится актуальной. Это и понятно, ведь Россия стоит перед новой эпохой, ориентиры для которой еще не найдены.

На наших глазах происходит кульминация исторической драмы, при которой современники не в состоянии почувствовать себя потомками великих предков. Эта проблема проявляется в трех измерениях.

Во-первых, во временном, т.е. в хронологическом. Проблемы, связанные с происхождением нашего государства. В 1862 году считали, что оно насчитывает тысячу лет. Позднее, где-то в 1987-м, считали уже – семьдесят. Большевики в первые послереволюционные годы были неистовыми борцами с преемственностью, насаждали ненависть к «проклятому прошлому», и инерция этого отношения

---

¹ Joseph Riedmüller. Von der Misere zur Mission – Rußlands dritter Weg unter neuem Vorzeichen: Der alte Staat zwischen einer strikten Ausrichtung nach Westen und der slawophilen Idee. Suddeutsche Zeitung vom 13|14. September 1997.

продолжалась долго. Сейчас же нам говорят, что «наша страна очень молодая – ей всего двадцать лет».

Во-вторых, далее – территориальное измерение. Когда идет речь о государстве, то сразу же возникает вопрос: в каких границах?

В-третьих, национальное измерение. От XX века нам достался раскол с русским зарубежьем и псевдонаучное дробление на нации, народы и этносы.

Однако мы не умеем строить свою идентичность на основании воспринятого культурного наследия.

«Западная и Центральная Европа в соответствии с типом ее обществ и амбициями испокон веков создавала проблемы для себя и окружающих мира, будучи сами не способными их разрешить. Но также издавна они отработали для себя и наименее болезненный выход из создавшихся ситуаций, спроваживая свой наиболее, так сказать, отвязанный, завистливый сброд во все стороны света сеять смерть, разрушения и грабежи». «И каждый раз Россия должна была решать задачи межконтинентального, а то и глобального масштаба, т.е. те задачи, которые, кроме России, не мог решить никто в мире. Исходя из этого и должна строиться теория социального прогресса, решаться вопрос, какой тип общества (коллективистский или индивидуалистический) исторически лучше зарекомендовал себя. Действительно, Россия, отражая агрессии, а затем уничтожая агрессоров в своем логове, несла неисчислимые траты, которые не могли не сказаться на динамике социального прогресса в нашей стране»¹.

Каждому виду социального прогресса соответствуют свои роды социального прогресса, в частности, прогрессу индивидуалистического общества соответствуют рабовладельческий, феодальный, капиталистический и т.д. роды социального прогресса. Что же касается прогресса коллективистского общества, то, очевидно, что родами социального прогресса были, в частности, связанные с необходимостью преодоления социального хаоса, социальной энтропии, так сказать, гардарикский прогресс – построение страны городов как форма закрепления населения на трудной (по климатическим, географическим, геополитическим и иным причинам) территории страны; землеустроительный прогресс (закрепление населения за землей – казачество, помещичье, монастырское, общинное землевладение, много-

---

¹ Чуринов Н.М. Виды социального прогресса // Культура информационного общества. Красноярск, 2003. С. 39–41.

образе типов крепостного крестьянства и т.д.); родом прогресса коллективистского общества России явился советский прогресс, не понятый и прерванный прожектерами-реформаторами.

«Понятно, что жизнь государства в индивидуумах предполагает с их стороны соответствующее участие и надлежащий духовный уровень. Участие индивидуумов в государстве выражается термином свободы, их духовный уровень характеризуется термином добродетели»¹.

Российские государи, зная своих подданных, традиционно поддерживали их «боевую готовность», не давая им окончательно расслабиться в ожидании «вечного мира», потому что понимали – для России его не будет. Слишком она велика, богата и одинока в этом мире. Но каждый раз, когда мечта о тихой жизни одолевала и властями, Россия оказывалась на грани краха. Любопытно отметить, что и в советскую эпоху «всеобщее расслабление» началось с того момента, когда наши генеральные секретари принялись бороться за мир и всеобщее разоружение. Но прежде чем они этого добились, наступило духовное разоружение советских граждан. Причем, сразу в двух измерениях – и мобилизационно расслабились, и идейно разоружились. А затем уже и морально. Что и привело Советский Союз к краху. А «просто жить» опять же не получилось².

События, последовавшие за крушением коммунистической империи, показали, что ни радикальная смена идеологии, ни радикальная смена отношений собственности не повлекли за собой изменения самого главного – базового алгоритма существования социальной системы – характера взаимоотношений общества и государства. После крушения советской системы российское общество сохранило за собой примерно те же черты политического и экономического бесправия и абсолютной беззащитности перед лицом государства, которые оно имело и при «коммунизме» и при царизме. Новые «демократические» и неолиберальные «одежки» несколько изменили условия господства политической элиты, но не затронули сути социально-политической конфигурации «общество-государство». А это значит, что никаких внутренних, социальных препятствий для рецидива репрессивной политики элиты по отношению к обществу не возник-

---

¹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человек. СПб., 1994. С. 420.

² Большаков В. Можно ли начать «просто жить»? // Литературная газета. 2008. 10–16 декабря.

ло. Мы должны понять, как попала Россия в эту политическую конфигурацию, как, когда и почему сложилась эта своеобразная логика взаимоотношений между обществом и государством в России¹.

Империя часто рассматривается Кантором в качестве средства, поскольку она есть способ возвращения России в Европу, способ введения в «подзаконное и цивилизационное пространство» отчужденных от цивилизации народов, наконец, универсальный способ модернизации. Тем самым она выступает как ступень к чему-то такому, что может существовать и во внеимперских формах: во всяком случае, в долгосрочной исторической перспективе. Однако империя предстает в книге и в качестве конечной цели. Она характеризуется как единственно возможная форма европейского, цивилизованного существования для России и не только для России, но и для самой Европы (например, в ходе обсуждения кантовского проекта «вечного мира» и истории становления ЕС)².

Особенностью отечественной истории, которую отмечали все без исключения исследователи, являлось противостояние двух тенденций, двух веяний: европейской модели общественного развития и национальной самобытности (того, что называют «почвой»). Всех российских правителей можно условно разделить на почвенников и западников. Первые пытались ограничить воздействие европейских традиций, развивая русские. Вторые, напротив, объединяли понятия общественного прогресса и европеизации как взаимосвязанные явления. Этот «водораздел» намечился еще в период раздробленности, когда удельные князья размежевались, в том числе и во взглядах на проблему европеизации (вспомним Александра Невского, который признал царями ордынцев, и Даниила Галицкого с его ориентацией на союз с Ватиканом).

Во второй половине XX в. преобладающее влияние приобрела, однако, не геополитическая парадигма (парадигма культурно-исторических типов), а противоположная ей по смыслу глобалистская (формационная, революционная) парадигма, отсылающая к таким духовно родственным явлениям, как концепция «глобальной революции», антиглобализм, идеология «мировой коммунистической революции», концепция смены общественно-экономических формаций К. Маркса, идея всемирной свободы торговли, идея «гло-

---

¹ Глинчикова А.Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 17.

² Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. С. 20–21.

бального директората» (глобального управления миром), философии прогресса в Просвещении XVII–XVIII вв.

Конечно, не всегда с такой силой развитие истории покрывает своими волнами догматические здания, воздвигнутые человеческим умом, но они всегда подвергаются суду времени; в результате всегда бывает так, что существенное содержание жизни какой-нибудь эпохи перерастает тесные границы системы и таким образом или делает ее бесполезной, или совершенно ее разрушает»¹.

Возрастающее методологическое значение имеют социально-философские концепции, рассматривающие в качестве своего предмета сферу между обществом в целом и каким-то особо важным элементом общества, рассматриваемым автором концепции как перво-степенно важный. В данной книге В. Федотовой мы сталкиваемся как раз с такого рода проблемой социокультурной философии, т.е. с необходимостью реконструкции, формирования целого на основе возрастающего разнообразия определенного тиа его элементов, в данном случае с групповыми и даже личными мнениями людей об идеале хорошего общества, с необходимостью постоянного внимания к их различиям, к их обсуждению.

Таким образом, можно заключить, что исследование военного прогресса предполагает особый методологический базис, в основе которого диалектическое единство военных традиций прошлого и современных концепций. Методологической основой изучения военного прогресса является системный и прогностический подходы, позволяющие руководителям разного уровня четко выделять цели и задачи своей прогностической деятельности и планомерно их выполнять².

---

¹ Гайм Р. Гегель и его время. СПб.: Наука, 2006. С. 6.

² Красиков В.И. Дискуссии по евразийству и формированию евразийской социальной сети в русской эмиграции 20–30 гг. XIX века // Кредо. 2012. № 1. С. 78.

Глава 3

ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

3.1. Отечественный военный прогресс в условиях новой социально-политической парадигмы

Историческое развитие России доказывает, что духовная антропология не может быть исключительно персоналистической, ибо духовное здоровье нации, семьи в равной степени входит в круг проблем духовной антропологии, более того – единичное и всеобщее здесь взаимозависимы. Пока духовное здоровье русского человека будет определяться его произвольным выбором, при том что информационная машина государства, вся система воспитания будет насаждать бездуховные или исторически чуждые русскому человеку ценности, ни о каком здоровье отдельных людей и нации в целом говорить не приходится. Чуждебесие в духовной сфере более губительно, чем в телесной. Исходя из этого, историческое самосознание прежде всего является устойчивой формой исторического сознания, ориентированной на смысло-жизненные мировоззренческие принципы, фиксирующие рефлексивные отношения человека и человеческого общества к прошлому, нынешнему и будущему через призму оценки самого себя как субъекта практической и позитивной деятельности в истории. Объективная диалектика коллективистского общества предполагает всеобщую связь явлений. Собственно, объективная диалектика, в том числе и объективная диалектика коллективистского общества, выступает как временной ряд, индуцированный всеобщей связью. Известная спиралевидность объективной диалектики тождественна временному ряду развития общества коллективистического типа. Понимание механизма действия информационно-технологической духовности является важным и необходимым условием понимания социальной структуры, определяющей специфику практического изменения и оптимизации социальных отношений. Это особенно актуально и необходимо для становления не только так называемого «устойчивого развития общества» или глобального

или антиглобального развития общества, но также для становления естественного, космоответствующего совершенства социума как гармонизированного пространства существования человека.

Необходимо отметить, прежде всего, фундаментальное значение рассмотрения проблемы «Восток–Запад–Россия» в «Философических письмах» Чаадаева для последующего философского и научного осмысления русской истории. Принципиальный философский статус, широта и масштабность обобщений, обнажение реальной противоречивости культурно-исторического процесса, ряд парадоксов, выразившихся в самой чаадаевской мысли, открыли возможность для творческого обсуждения, допускающего оформление целого ряда самостоятельных вариантов видения проблемы, ее осмысления и исследовательского изучения.

Казалось бы, расставшуюся с коммунизмом демократическую РФ Запад должен был принять в свои объятия – по крайней мере, этого можно было ожидать исходя из западной риторики времен холодной войны. Ничего подобного не произошло – Запад продолжил наступление, приняв вопреки обещаниям в члены НАТО сначала бывшие соцстраны Восточной Европы, а за затем бывшие прибалтийские республики СССР.

Замечательный мыслитель нашего времени А.С. Панарин в своей работе «Россия в цивилизационном процессе. Между атлантизмом и евразийством» писал: «Как и всякий «новый человек», российский западник сегодня являет лик язычника, лишённого христианских сантиментов. На нагих глазах формируется новое поколение, которое с не меньшим презрением смотрит на добросовестных «пролетариев», тянущих лямку на государственных предприятиях, чем молодые комиссары и комсомольцы 20-х годов смотрели на русское крестьянство. По своему социокультурному смыслу нынешняя приватизация ничего общего не имеет с протестантской хозяйственной этикой, описанной М. Вебером, как с американским высвобождением гражданского общества из-под опеки государства, происшедшем в конце XVIII в. Она снова, подобно экспроприациям опричнины, Петра I и большевиков, выступает как государственная нигилизация, разрушающий сложившиеся уклады, не останавливаясь при этом перед мерами, бросающими вызов народной совести и традиции.

И все же именно Гегелю противопоставляет Соловьев свое понимание истории как науки и свое представление о том, каким, должен быть ее итоговый теоретический синтез. И это противопостав-

ление он не ограничивает областью спора на уровне мнений, он даже почти и не спорит с Гегелем в рамках этой стихии. Соловьев самым характером своего сочинения, тем, как он, в отличие от Гегеля, об-суждает и рассматривает процесс всемирной истории, бросает вызов своему великому предшественнику.

Согласно Бердяеву, русская идея должна воплощать все много-образие духовных порывов и исканий, так или иначе выявившихся в русском национальном самосознании: «огромность свободы» и «горькое самоотрицание», «догмат свободы любви» и «оправдание культуры», «человечность». Бердяев не оставляет без внимания ни вопрос об особых путях развития России, вызвавшей споры славя-нофилов и западников, ни проблему теодицеи – происхождения зла, мучившую Белинского, Бакунина, Достоевского, ни нигилизм, ни атеизм, формировавшие склад ума и психологию целых поколений русской интеллигенции¹. Все это отражается на особенностях рос-сийского самоуправления.

Ярким примером единства принципов осмысления «судеб Рос-сии», смыслового единства, с одной стороны, и эволюции истори-ософских концепций, с другой стороны, являются, на наш взгляд, работы П.Я. Чаадаева и Н.А. Бердяева, представляющие собой, если говорить словам Бердяева, «опыты по психологии национальности». Бердяева, как и Чаадаева, можно считать представителем русского «исторического скептицизма»: оба философа указывают на отсут-ствие русской идеи, которой не проникнуты ни факты прошлого, ни факты настоящего. Следствием этого «равнодушия к идеям», а соот-ветственно, и «равнодушия к истине»² является отсутствие всяких тенденций к формированию национального самосознания и – пагуб-ная склонность к рабскому подчинению худшим (отличие от само-бытного равнодушия) традициям западной цивилизации в лице от-дельных составляющих.

А. Дугин предлагает выделить концептуализацию знаний в па-радигме премодерн-модерн-постмодерн, то есть парадигмальный подход к гносеологической и онтологической проблеме, взятой как универсальный метод и главная образовательная стратегия.

Модерн претендовал на то, что он размытую картину мира пре-вратит в точную систему, т.е. от мифов произойдет переход к точ-

---

¹ Прохоренко А.В. Идеиные течения эмигрантского руссиеведения // Философские науки. 2006. № 3. С. 155–156.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 48.

ному рациональному знанию. На этом была основана вся парадигматика гуманитарных и естественных наук.

Естественнонаучные дисциплины получили свое центральное значение в общем объеме именно благодаря тому парадигмальному сдвигу к ценностям, системам, акцентам, которые лежат в основе гносеологии эпохи Просвещения. В либеральных системах это было аксиомой: «правильные знания – современные знания, тогда как несовременные – заведомо ложные». Европейскими традиционалистами Ю. Эволой, Р. Геноном и другими была предпринята попытка пересмотреть, оправдать и реабилитировать гносеологические системы, принадлежащие постмодерну, однако их усилия оказались напрасными. Тем не менее парадигма модерна, в основе которого превосходство европейского или американского образа жизни, перестала быть очевидной. Основные гносеологические, этические и рационалистические принципы модерна стали относительными.

Если мы начнем кодификацию науки по трем парадигмальным кластерам, то каждой дисциплине, каждому закону, появлению которого мы изучаем следует отвести строго определенный парадигмальный контекст. На языке постмодерна это значит, что мы должны в первую очередь обучать студентов искусству деконструкции, т.е. парадигмальной контекстуализации.

Главными этапами в этом процессе являются:

- научное обоснование новых геополитических, экономических, экологических, технологических, социальных, политических и духовных процессов, происходящих в современном мире;
- определение роли и места России в изменяющемся мире, разработка в этой связи научных методологий для решения проблем исторической предназначенности России;
- создание научной модели российского общественного и государственного устройства с учетом национальных традиций России как главной составляющей евразийской цивилизации;
- выявление общности нравственных основ православия, мусульманства и иудаизма на базе общих основополагающих моральных принципов, свойственных этим исторически сложившимся религиям.

Уникальность геостратегического положения России вкупе с наличием огромных запасов природных ресурсов дает России шанс на новом витке истории обеспечить себе достойное место в геополитическом раскладе XXI столетия. Весьма примечательно, что идео-

логи евразийства ставили перед «рах gossica» прежде всего «задачи культурного творчества», а не силовой экспансии. Их позиция значительно отличается от современной концепции «рах America», насаждаемой в Европе и Азии посредством бомб и крылатых ракет, лжи и дезинформации мирового сообщества. В этом плане становится понятной притягательная сила геософского наследия Савицкого в наши дни¹.

В авангарде общества находятся те, кто своим доблестным служением обществу, мудростью и добродетелью доказывают правомерность своего общественного статуса. Данные качества характеризуют лучших людей в качестве совершенных личностей, вносящих стройность своего личностного облика, своего опыта и мудрости в процессы нестроения общественной жизни, т.е. производящих отрицательные вклады в социальную энтропию. Лучшие люди способны активизировать в обществе коллективистские качества, позволяющие творчески решать актуальные задачи общественной жизни. Данный тезис многократно доказан самой российской историей, когда представители социального авангарда поднимали народ на борьбу с захватчиками.

Раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией «совершенства» (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т.д.). В данной связи естественное состояние коллективистского общества России раскрывается в таких космических оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и много – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т.д.). Система управленческих решений, направленных на совершенствование форм коллективистской организованности общества России предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения.

Созидательное осмысление мировых процессов выступает как непреходящий стандарт философского мышления русских теорети-

---

¹ Юнацкевич П.И. и др. Декларация нравственного социализма / под ред. В.А. Чигирева. СПб.: Институт нравственности, 2006. С. 12.

ков. Этот стандарт естественным образом реализуется в контексте космической модели мира и русской модели мира Лада. В рамках этой модели мира в свое время развернулось мощное философствование, получившее название русского космизма. Русский космизм стал фундаментальным оформлением исконной философской традиции нашего народа, жизнеутверждение которого всегда проходило в соответствии с актуальной для нас, отточенной веками собственной моделью мира. Согласно которой понятие «созидание» выступает как одна из центральных категорий русского философствования. Сегодня, как и в другие переходные эпохи в России, главное зависит даже не от того, какими конкретно методами осуществляется модернизация, а от того, кем она осуществляется – сыновьями или пасынками России¹.

Одним из ведущих инициаторов углубления социокультурного кризиса и потери социокультурной идентичности народов бывшего СССР, как показывают факты, являются США. По поводу вмешательства руководства США во внутренние дела С.Кургинян справедливо пишет: «Им нужен новый пояс, включающий в себя Кавказ и Украину. И этот новый пояс должен стать для нас своеобразной геополитической «берлинской стеной». Только теперь не мы, а они будут ее выстраивать»².

По-видимому, не все на Западе пока способны осознать, что в нынешнем многообразном, полицентрическом мире все великие народы, их культуры, исповедуемые или ценности и верования культуры, имеют для человечества равновеликую значимость. Крах какого-либо одного идеала не обязательно означает победу другого, казалось бы, более совершенного идеала. Об этом свидетельствует тот факт, что после краха коммунистической идеи либерализм продемонстрировал свою неспособность к модернизации в том смысле, что почти все геополитические проекты, построенные на его основе, направлены на борьбу с призраками прошлого или в защиту теней воображаемого светлого демократического будущего всего человечества, построенного на принципах и в интересах Запада, точнее говоря, Соединенных Штатов Америки.

Э. Хобсбаум справедливо заметил: «мало что бывает опаснее империй, преследующих свои интересы, будучи убежденными в том, что они оказывают человечеству услугу»³.

---

¹ Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 23.

² Кургинян С. Понимать надо! // Литературная газета. 2005. 27 апреля–5 мая.

³ Хобсбаум Э. После победы в войне // Логос. 2003. № 1.

Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивиловать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или по крайней мере на выгодные торговые договора или концессии.

В настоящее время Российское общество переживает один из самых ответственных периодов в своей истории. Сегодня происходят грандиозные политические, экономические, социальные и культурные перемены: идет становление правового государства, формируются новые отношения собственности, государственные и иные социальные институты, формируется новая духовная культура. Однако, вступив в новое тысячелетие, общество не имеет четко обозначенного, научно обоснованного курса дальнейшего развития. До сегодняшнего дня руководство страны не выработало конкретной стратегии и тактики по преодолению системного кризиса российского общества. Не способствуют стабилизации обстановки в обществе и социально-экономические проблемы, духовное неблагополучие нации, сформировавшийся культ наживы и потребительства, межнациональные конфликты. Общий кризис социальной системы, динамика переходного периода вызывают коренные изменения в общественном и индивидуальном сознании, в мировоззрении людей, усугубляют раскол общества, затрудняют социальную адаптацию личности к современной объективной реальности, ведут к потере исторической памяти, своего прошлого. Сложившаяся в российском обществе ситуация настоятельно требует от каждого человека уяснить социальное содержание исторического процесса, осмыслить характер преобразований в российском обществе. Это осмысление невозможно без всестороннего анализа социопознавательной деятельности общества как субъекта истории, без рассмотрения генетической связи исторического прошлого с историческим настоящим и прогнозируемым будущим. Проблема исследования исторического сознания во многом связана с тем, что «мы ведь годами стремились очернить наше прошлое и очень оскорбить характеры своих исторических героев»¹.

---

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л. : Советский писатель, 1989. С. 193.

Обозначим их:

1. Идея исключительности русского феномена (в разных формах и с различной акцентировкой она присутствует почти во всех направлениях русской философско-исторической мысли);

2. Возможность понимания России как Востока как сугубо сциентистской концепции азиатского способа производства в формационной теории К. Маркса и его российских последователей.

3. Различные варианты понимания России как Запада;

4. Идея русской самобытности, независимости в цивилизационном отношении как от Запада, так и от Востока («евразийство»);

5. Идея русской самобытности в рамках христианского мира (славянофилы; молодой С. М. Соловьев);

6. Славянская идея: Россия – славянская цивилизация (отчасти – славянофилы; Н. Я. Данилевский);

7. Мысль о России как специфическом культурно-историческом образовании, включающем черты как Запада, так и Востока (В. О. Ключевский, Е. Ф. Шмурло, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов);

8. Универсалистская идея, базирующаяся на мысли о русской самобытности, но предполагающая также способность русского человека быть «всечеловеком» (Ф. М. Достоевский);

9. Идея синтеза: Россия как преодоление односторонности мусульманского Востока и католического Запада (Вл. Соловьев 70-х гг.).

На рубеже XX–XXI вв. радикально изменились отечественный и мировой контексты, соответственно радикально изменился исторический смысл русского национализма. Россия более не существует как империя, реанимация которой абсолютно невозможна. Имперская идентичность разрушилась еще в Советском Союзе, причем ее разрушение было причиной, а не следствием гибели СССР. На наших глазах происходит поистине исторический сдвиг: ценность и идея Империи, русский мессианиззм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперской нацией.

Гибкость и пластичность националистической идеологии позволяет без труда ассимилировать демократические и социальные идеи и даже либеральную риторику подобно тому, как коммунисты попытались узурпировать патриотическую риторику, ультралибералы стали осваивать социальную, а Кремль манипулирует и той, и другой

По оценкам социологии, национал-социальный синтез с добавлением толики либеральных идей (гражданские права и свободы) наиболее перспективен в плане влияния на общество.

Идея создания комиссии, которая исследовала бы различного рода фальсификации, направленные на принижение достоинства нашего народа его вклада в Великую Победу над фашизмом, которая устанавливала бы и защищала историческую правду, совершенно верная.

Такого рода комиссии существуют в большинстве стран Европы. Например, есть Государственная комиссия по изучению национальной истории в Англии. Имена ее членов мало кто знает, но хорошо известно, что она призвана обосновывать и защищать легитимность политических институтов и политической власти страны. Так что в самом факте обращения на государственном уровне к истории нет ничего опасного для науки, свободных дискуссий и исторических исследований.

Идея создания такого органа у нас задержалась лет на пятнадцать. Это надо было делать, когда существовала угроза торжества исторического нигилизма, когда принижались наше национальное достоинство, наши исторические победы, когда чуть ли не отрицался наш вклад в мировую культуру. Тогда под идеологическим натиском Запада многие наши историки заговорили об истории России как о «черной дыре», где были только сплошные неудачи, поражения, бессмысленное насилие, ненужные жертвы.

Э.Хобсбаум справедливо заметил: «мало что бывает опаснее империй, преследующих свои интересы, будучи убежденными в том, что они оказывают человечеству услугу»¹.

Любая парадигма, в том числе и идеология современности потребляется как в публичной, так и в частной сфере. В частной сфере, при потреблении парадигмы современности акцент делается на характере частной автономии. Стоит напомнить, что идеологии, сформированные в рамках историчности, всегда призывают к тому классу собственников, который имеет публичную значимость и выражение. Даже либеральная идея сформировалась в рамках исторической парадигмы, ибо за либеральной идеей стоял интерес определенного типа собственности. В этом смысле идеология частной сферы выступает как антиидеология для исторической парадигмы,

---

¹ Хобсбаум Э. После победы в войне // Логос. 2003. № 1.

потому что к классу частных индивидуумов нельзя воззвать как к некой исторической силе.

Парадигма историчности формировала убеждения и коллективную идентичность для осуществления единого переживания общих убеждений, предметов веры, но, по мнению В. Семенкова, время идей как предметов веры прошло. Парадигма современности, в свою очередь, формирует дискурс, способ артикуляции. В рамках такой парадигмы мы дистанцируемся от общности переживания, так как в частной сфере мы не должны быть носителями убеждений, но мы должны быть в согласии с самым собой, адекватны окружающему миру. Никакое убеждение этой адекватности с самим собой не обеспечивает, а дает только истерию и паранойю. Убеждения – это не то, что составляет интимную характеристику индивидуума.

Исходной точкой, определяющей все другие проявления национального самосознания, является пробуждение в народе, осознание себя (своего народа) и своей культуры как соравной другим народам и культурам, ощущение своей причастности к развитию (духовному и цивилизационному) всего человечества. Только на без этого «видения» себя как соравного другим народам (и соответственно восприятия других народов в этом отношении к себе) развивается позитивное рефлектирующее национальное сознание, которое и представляет собой по сути национальное самосознание.

Как живой душевно-нравственный процесс самосознание нации организуется вокруг исторических суждений совести. Экзистенциально нельзя говорить о самосознании, если в сознании отсутствуют неудовлетворенность и раскаяние. Эта установка роднит таких несхожих представителей русской интеллигентности, как Чаадаев и Пушкин, Киреевский и Кавелин, Лесков и Толстой, Розанов и Плеханов. Именно в качестве старательно-творческого (пассионарного) начала национальное самосознание трансцендирует за пределы «своего» и «нашего», выводя на оригинальное осмысление глобальных кризисов и универсальных цивилизационных задач.

Можно ли считать общественное самосознание чем-то единым, отражающим представления всего общества, когда само общество структурировано по социальным слоям, демографическим, поселенческим, профессиональным и другим группам? Самосознание является отражением реального образа и стиля жизни людей, а современная российская реальность характеризуется их плюрализацией, в то время как для формирования национального самосознания

ключевую роль играют интегрирующие общество ценности и интересы, создающие основу для социальной солидарности.

Недопустимость сведения проблемы национального самосознания к проблеме этнического самосознания.

Однако в настоящее время как раз налицо и доминирование одних культур над другими, и кризис или неприятие западных идей свободы, равенства и справедливости, и становление множества «субъектов цивилизации» (США, Европейский союз, Китай, Япония, страны Юго-Восточной Азии – «регионально-хозяйственные метакультуры», мусульманский, буддийский и христианский миры) – «конфессиональные метакультуры», центры террора и пр. Н.В. Мотрошилова предлагает обновить категории «всеобщего», «особенного», «единичного», установиться в них с учетом модернизировать, что позволяет, по ее убеждению выстроить сбалансированный подход к сложным социальным реалиям, опознаваемым на уровнях глобальных процессов, национальных государств и отдельных индивидов.

А.А. Гусейнов видит трудности формирования в настоящее время мирового гражданства и глобального этноса. Прежде всего, связанные с тем, что остается непроясненной «смыслаживная перспектива глобального мира, а следовательно, и глобального этноса как адекватного ему душевного строя и состояния общественных нравов.

Рассматривая причины неэффективности проектов модернизации, В.Г. Федотова показывает, что среди них главные именно культурологические. Реформаторы не цдили своеобразие России, особенности ее культуры, в частности, проблемы демографии и территории, а также характер предельно эгоистических и циничных российских элит. Именно культурные особенности России – отсутствие гражданского общества, ответственного бизнеса, условий для труда и жизни граждан и ряд других, подчеркивает Федотова, не позволяют нам перейти к модернизационной схеме социального государства английского типа.

На первом китайско-российском форуме на тему «Марксизм: история и современность (ноябрь 2006 г.)» академик В.С. Степин говорил о необходимости разобраться не только в судьбах марксизма, но и судьбах современной цивилизации. Марксизм есть дитя технологической цивилизации. Сегодня явно обозначились пределы ее роста. Все это требует нового подхода к оценке формационного и цивилизационного аспектов анализа истории человечества. Эти два подхода

можно сблизить, если ввести понятие типа цивилизационного развития, то есть некоторые общие черты, которые присущи разным видам цивилизаций, которые выступают как общие черты, которые присущи разным видам цивилизаций, которые выступают как общие их культурно-генетического кода. В истории человечества, после того как оно перешло от эпохи варварства к цивилизации, можно выделить два типа цивилизационного развития.

Постмодернизм, ставший популярным за последние двадцать лет в Америке, претендует на статус идеологии, преодолевшей постулаты классического Просвещения с его культом разума и науки. На смену ему постмодернисты выдвигают тезис о равноправии и в то же время относительности всех видов познания и человеческой практики, которые объявляются ими несводимыми друг к другу. «Такая философия питает активность всевозможных меньшинств, ратующих за свое равноправие. В самом деле, если все относительно и имеет право на существование, то чем европейская культура, к примеру, лучше полинезийской, а гетеросексуальная семья – гомосексуальной?»¹

Трагедия русского народа в том и заключается, что будущее важнее настоящего. Настоящее ценно лишь постольку, поскольку оно несет или должно нести возможности, которые проявятся в будущем, и до конкретных проблем здесь и сейчас никому нет дела. В России будущее «располагается в неопределенном *futurum*, к нему нужно стремиться, но чаще всего его просто ждут, ибо оно должно прийти, приобретая, в зависимости от ориентаций, характер апокалиптический, избавительный или форму идеально устроенного мира. Здесь автор видит крайности во взглядах современных русских: одних одолевает глубочайший пессимизм а отношении собственной родины, а другие преисполнены национальной гордостью и верой в великое будущее. Как подчеркивается в книге М. Броды, это снова говорит о типичной русской склонности к тотальности – все или ничего, либо преувеличение своей мощи, либо самоунижение. С этим связана еще одна характерная черта России – свобода. Она понимается как свобода в выборе пути развития в любой момент. Именно поэтому русскими мыслителями подчеркивается непринадлежность России ни к Западу, ни к Востоку, поэтому же она вольна идти своим

---

¹ Сергей М.Ю. Проект Просвещения: заметки об американской национальной идее // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 167.

особым путем, не оглядываясь ни на чьи устои, не придерживаясь никакой конкретной идеологии и поэтому всегда готова к обновлению, к построению совершенно нового мира. Свобода эта глубоко религиозного происхождения. М. Брода настаивает на том, что она берет свое начало в восточном православии. Свобода русского человека – это не свобода индивидуальности, освобождение от всего личного, частного, это свобода внеперсональная и внечеловеческая. Свобода в России, «не умея найти себе выхода... во внешних формах общественной жизни, кристаллизовалась в усиленном чувстве внутренней действительности человека, идеале внутренней свободы, в концепции свободы как «свободы не от мира сего»¹.

«Мы очень много проигрываем от того, что смотрим на мир глазами Запада и бьемся только над теми вопросами, которые он счел достойным обсуждения. Между тем наша эмансипация в мире требует от нас не только глубоких структурных реформ, но и ревизии нашего мировоззрения. Не пора ли нам разочароваться в наших учителях? Разве не удивительно, что Запад, провалившись за последние полтора десятилетия везде, где только имел возможность – в Косово, Боснии и Герцеговине, Сомали, Ираке и даже в Афганистане, не испытывает никаких комплексов в этой связи и продолжает всех поучать со спокойной самоуверенностью огромного жизнерадостного пса? Разве во внутренней политике там не делаются такие же чудовищные глупости, как и во внешней?.. Не надо было быть нобелевским лауреатом по экономике, чтобы предвидеть, что если в США четверть кукурузы пойдет на производство этанола, а ЕС тоже постарается не отстать в деле обеспечения энергетической независимости, то мировые цены на продовольствие взмоют ввысь. Разве наша верность историческому выбору Петра, от которого нельзя отказать, оставаясь в здравом уме, должна нам мешать называть глупость глупостью, а лицемерие – лицемерием?»²

Уникальность геостратегического положения России вкупе с наличием огромных запасов природных ресурсов дает России шанс на новом витке истории обеспечить себе достойное место в геополитическом раскладе XXI столетия. Весьма примечательно, что идеологи евразийства ставили перед «рах госсика» прежде всего «задачи культурного творчества», а не силовой экспансии. Их позиция

¹ Брода М. Русские вопросы о России: пер. с польск. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 223.

² Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. №12. С. 15.

значительно отличается от современной концепции «рах America», насаждаемой в Европе и Азии посредством бомб и крылатых ракет, лжи и дезинформации мирового сообщества. В этом плане становится понятной притягательная сила геософского наследия Савицкого в наши дни¹.

Как в России существует исконная и непреходящая традиция пенять на «тлетворное влияние Запада», так и на Западе нередко можно услышать сетования на дурное американское влияние, приведшее в последние десятилетия к коммерциализации человеческих отношений в Европе. Тезис, на первый взгляд, бесспорный. Вопрос только в том, что еще в XIX в. коммерциализации европейца можно было прочесть не только у почвенника Достоевского («Зимние заметки о летних впечатлениях»), но и у западника Герцена, не без горечи признававшего, что «в Европе правит купец». Да и в самой Европе беспощадный обличитель государственного нигилизма, Фридрих Ницше, искренне сокрушался: «Современное общество заряжено американизмом, есть что-то дикое в этой алчности к золоту, которая характеризует современных американцев и все в большей степени заряжает современную Европу... Однако склонен предполагать, что американцев – в недавнем прошлом выходцев из Европы – можно упрекнуть разве что в том, что они с лихвой возвращают когда-то полученное наследство. Сегодня они лишь возглавляют мировые гонки по коммерциализации существования, продолжая не ими начатую эволюцию человека от «животного социального», согласно Аристотелю, к «животному экономическому»².

В первой трети XX века в отечественной гносеологии сложилась специфическая ситуация. В создание этой ситуации внес свою лепту С. Франк. Отстаивая принципы соборности и онтологизма в познании, он предложил считать основной задачей философии «не исследование человеческого опознания, а исследование знания в смысле наиболее общего и логически первого *содержания знания*», т.е. того его первообраза, который нисходит «в нас» «не от нас»¹

«В условиях распада государства, безвластия и произвола иностранных интервентов русский народ находил опору в системе традиционного русского народоправия. Она сыграла первостепенную

---

¹ Макаров В.Г., Матвеева А.М. Геософия П.Н.Савицкого: между идеологией и наукой // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 133.

² Блюменкранц М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 47.

роль в сложных, трагических и неопределенных перипетиях... Его заслугой стало восстановление российской национальной государственности... »¹

Проведя анализ особенностей развития российской духовности и исторического опыта социально-политического развития России, ученые-новаторы выдвинули научную гипотезу о пути социального творчества на основе осмысления конкретного исторического опыта. «А этот опыт свидетельствует, что никуда нам не деться от признания идеи совмещения личных интересов с общественными как основы основ всей нравственной проблематики. Никуда нам не деться от признания этой же идеи как основы основ проблемы социального строительства. И никуда нам не деться от необходимости и неизбежности синтеза нравственной проблематики с социальной»².

Таким образом, смысл массовых протестов трудящихся против безнравственных явлений современной жизни в России в том, чтобы эмпирическим путем утвердить новые нравственные устои бытия русского и других народов.

Социальный авангард – это представитель соответствующей социальной ниши общественного организма коллективистского общества. В России – это брошенный на произвол судьбы элемент социальной структуры общества. Со стороны нормального руководства страны социальный авангард, с точки зрения, если так можно выразиться, рачительного отношения к обществу, должен быть предметом особой заботы, в чем, собственно, и должно выразиться государственное мышление руководства страны. Социальный авангард. По-хорошему, – это предмет пестования, поскольку это опора общества, пример для подражания, это основание для доминантных очагов общественного прогресса коллективистского общества. К сожалению, в России мифологизируется некий средний класс, так сказать, смягчающий непримиримость двух разделяемых средним классом сторон и заодно узаконивающий социальное положение двух непримиримых сторон. ... Демократия же мыслится также как нечто, позволяющее пребывать в политическом классе страны каждой политической «твари по паре». В этом отношении русский мир изначально, в принципе, мылился иначе. Речь шла не о том, как сконструировать некий средний класс, а как обеспечить должное со-

---

¹ Калашников В.Д. Советы всея Руси // Теория и история. 2004. № 2. С. 13.

² Юнацкевич П.И. Декларация нравственного социализма / под ред. В.А. Чигирева. СПб.: Институт нравственности, 2006. С. 12.

циальное положение социальному авангарду, способному повести за собою ¹общество и нейтрализовать чернь».

У Чаадаева источник иноземного зла «персонифицируется» в образе «презираемой этими народами» (истинными народами европейской цивилизации) Византии с ее идеей, «искаженной человеческой страстью»²; Бердяев главнейшим фактором порабощения русской самобытности считает германизм, который «проникал в недра России» и «незаметно германизировал русскую государственность и русскую культуру, управлял телом и душой России»³.

В данной связи важно провести сравнительный анализ понимания сущности власти отечественными и западными философами. Если, например, у Бахтина карнавал в качестве формы народного, коллективного сознания представлен как путь к свободе, к утверждению свободного самосознания, к единению, то у Канетти массовое сознание – это форма несвободы; свойственное ему чувство равенства – иллюзия⁴. Все дело в том, что бахтинские воззрения на развитие мира и человека питало, как известно, сильнейшее религиозное чувство и его приверженность традициям русской религиозной философии рубежа веков. Одной из них является совмещение вертикали нравственного совершенствования с горизонталью духовного совершенствования человечества в процессе истории. Этот постулат, к примеру, лежит в основе философии Всеединства, ярким представителем которой был В.Соловьев, оказавший заметное влияние на идеи Бахтина. Всю историю человечества Соловьев рассматривает как цепь последовательных этапов на пути к Богочеловечеству и Всеединству – символу воплощения в мире божественной идеи на основе свободного слияния человеческой воли с волей Божьей.

Однолинейность, присущая данной оппозиции губительна для нашего национального сознания⁵. Действительно, без отечественного опыта нельзя понять, как может существовать страна, которой не впрок ее собственная история, ибо одни и те же ошибки постоянно воспроизводятся в течение двухсот последних лет, а то и более. Мы,

---

¹ Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 9.

² Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 48.

³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 16.

⁴ Федяева Т.А. Массы и карнавал: Элиас Канетти и Михаил Бахтин // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 46.

⁵ Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М.: Изд-во Московского университета, 2003. С. 440.

безусловно, лишились могущества, опирающегося на материальную силу, осталось уповать, что придет день, когда наше могущество будет основано на разуме, пока же это весьма туманное будущее остается предметом неопределенных гаданий¹.

Нам близко понимание этого феномена евразийцами, которые считали, что смысл существования симфонической личности – этноса – определяется теми культурными ценностями, которые он как субъект развития хранит и многообразно видоизменяет. Этот комплекс нормативных ценностей, собственно, и составляет некоторые органическое единство, именуемое культурой. В программном манифесте «Евразийство: Опыт систематического изложения», истинная идеология определяется как «душа культуры». Утверждается, что культуре нельзя научиться или просто заимствовать ее – продолжателем культурной традиции является только тот, кто качественно ее обновляет и превращает в свою собственность, в неотъемлемый духовный элемент личного бытия, как бы воссоздает ее заново. Она в каждом человеке как бы возрождается вновь и делает таким образом шаг, «прыжок» из прошлого в настоящее, а из него в будущее. История вся состоит из таких «прыжков». Там, где этот процесс прерывается, культура умирает, и остается один косный, бездушный быт².

Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев развивали свои философско-исторические воззрения в рамках органического и культурно-плюралистического воззрения, где всемирная история создается посредством развития отдельных культурно-исторических типов. Каждый из них является самобытным организмом, развивающимся по определенным естественным законам. Именно на данном базисе формируются идеи самоуправления.

Философско-историческая концепция славянофилов пропитана верой в особую историческую миссию России, которая призвана соединить противоположные начала жизни, явив миру образец высокой духовности и свободы. «Очевидно, что историософские учения славянофилов, русских писателей-классиков, русских марксистов, коммунистов и либералов, несмотря на имеющиеся между ними различия, объединяет догматическое понимание судьбы России и русского народа в мировой истории. Здесь метафизика русского духа постепенно вырождается в философско-

---

¹ Мильдон В.И. Все еще наш XIX век // Вопросы философии. 2006. №12. С. 173.

² Гончаров Е.А. Симфоническая (соборная) личность // Теория и история. 2004. №3. С. 35.

историческую, а затем политико-идеологическую догматику»¹. С данным обобщением Бойко можно не согласиться, однако история России последних десятилетий подтверждает это. Ценности, чуждые русской культуре, привнесенные извне за счет активного общения с другими народами, но далекие по сущности и идеалам, не станут фундаментом и в формировании русского мировоззрения², – уверен Ю. Тихонравов.

Современное состояние разработки проблем управления, с одной стороны, свидетельствует о сохраняющемся расколе в представлении о исконных культурных ценностях, в том числе и по отношению к системе самоуправления, – на сторонников и противников Запада, т.е., условно говоря, на «западников» и «почвенников» (деление, восходящее к XVII, а в каких-то аспектах и к XVI вв.). С другой стороны, – это говорит об отсутствии единства среди самих представителей Европы по отношению к российской цивилизации и тенденциям ее развития. Одних традиционно возмущает российское «варварство» (стойкое предубеждение западноевропейцев относительно своего цивилизационного и культурного превосходства), других привлекает в России и населяющих ее народах нечто «загадочное», «таинственное», не укладывающееся в систему ценностей и норм классического Запада. Но есть и нечто третье, не очевидное на первый взгляд. В российской культуре весьма сильно незападное начало. А это означает, что российская цивилизация по самому своему менталитету, по своим фундаментальным принципам и основополагающим ценностям объективно является, по крайней мере это «незападное» или «не вполне европейское» начало в России исторически преодолевается европеизмом, изживается в фундаменте российской цивилизации, а в какой – напротив, нарастает, принимая формы отталкивания от Европы³.

В данном случае можно согласиться с В. Соловьевым: «Надо открыто и честно признать: дважды в XX в. русский народ собственноручно разрушил государство и страну, которую сам же создал ценой неимоверных жертв и усилий. Не менее важно при анализе военного прогресса и духовная составная. Духовная антропология не может быть исключительно персоналистической, ибо духовное здоровье

---

¹ Бойко П.Е. Идея России в русской философии истории. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006. С. 16.

² Цит. по: Тихонравов Ю.В. Геополитика. М., 1998. С.190

³ Кондаков И.В. По ту сторону» Европы // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 5.

нации, семьи в равной степени входит в круг проблем духовной антропологии, более того – единичное и всеобщее здесь взаимозависимы. «Пока духовное здоровье русского человека будет определяться его произвольным выбором, при том что информационная машина государства, вся система воспитания будет насаждать бездуховные или исторически чуждые русскому человеку ценности, ни о каком здоровье отдельных людей и нации в целом говорить не приходится. Чуждебесие в духовной сфере более губительно, чем в телесной»¹. Многие в концепциях российских философов основывается на критике рационального, технизированного западного мира, препятствующего полноценному человеческому существованию. Во многом это связано с религиозностью российской философии и вытекающего из нее противопоставления «Запад–Россия», т.е. «бездуховный» Запад и одухотворенная Русь–Россия с ее «особым путем», основанным на ценностях православия.

Примером может служить концепция В. Соловьева, рассматривающего западную цивилизацию как уже реализовавшую свои возможности в истории. Россия видится им как «третья сила», способная разрешить этот кризис, примирив Восток и Запад и восстановив «положительное единство исторического развития».

Выход из кризиса России, который видели философы начала 20-го века, состоит в переходе от принципа утилитарности к принципу самоценности Человека – творческой личности, живущей в гармонии с обществом как целым. Можно сказать, созидательным стержнем реального самоуправления является следование духовно-национальным принципам Православной Русской идеи. Сейчас многие признают, что попытки почти директивно отменить ее, заменить Российской идеей, не очень-то получилось, так же как и снятие графы национальность в паспорте. Автор убедительно показывает несостоятельность попыток противопоставления Русской и Российской идеи, которые углубляют, взаимодействуют друг друга и духовно неразрывны. Далее Русская идея – классическое понятие, поскольку о ней писали Ф. Достоевский, В. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Карсавин, И. Ильин, поскольку Русскую идею признал просвещенный мир. Н.О. Лосский полагал, что каждый человек связан с другими

---

¹ Корольков А.А. Духовная антропология и тенденции современного образования // Теория и история. 2004. № 3. С. 21.

существами и «способен принимать к сердцу интересы другого существа так, как если бы они были его собственными»¹.

Для характеристики в/п важно учитывать, что воля неотделима от пассионарности. Можно с полным основанием утверждать: пассионарная вспышка невозможна без целенаправленной воли, которая, как огонь в степи, постепенно охватывает весь этнос, превращая его в неодолимую силу и стихию, с которой невозможно бороться. Наиболее трагическая ситуация возникает, когда воля сталкивается с безволием и отсутствием способности к сопротивлению. Такие коллизии неоднократно возникали в ходе мировой истории, включая и недалекую историю России. Народ в таких случаях превращается в неуправляемую массу, вождем которой может объявить себя любой проходимец и авантюрист. Вот почему сплоченность на основе единой и всеобщей воли превыше всего!»

Своеобразие российского исторического пути часто, с точки зрения Запада, рассматривалось как выпадение нашей страны из общемирового контекста, хотя, на самом деле, стремление аккумулировать положительный опыт Европы и Азии означал перспективность именно российского общества. В этом смысле выход в свет тома, посвященного России, многотомной «Истории человечества», издаваемой под эгидой ЮНЕСКО, – крупное событие не только для российской историографии, но и в целом для нашей страны. Россия впервые основательно вписана в контекст мировой цивилизации, что принципиально важно в современных условиях. Понятно, что ученым при этом пришлось столкнуться с непростой дилеммой, ведь известно, что проблемы единства и вариативности исторического процесса по-разному трактуются в различных теориях общественного развития. Тем не менее, как показывает практика, выбор модели, по которой будет фактически строиться политика России, определяется не наукой (подобного прецедента в истории не было), а реальными интересами правящих элит (включая глобальные компоненты таких интересов)².

Определенный оптимизм в решение задач, связанных с историческим выбором пути России и всего мира, многие ученые видят в том, что «отечественная историческая наука переживает новый пло-

---

¹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. С. 346.

² Косолапов, Н. А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENS). 2003. № 4. С. 149.

дотворный период, когда в работах ее лучших представителей происходит не переписывание, а переосмысление истории России»¹.

Противопоставляя русский путь развития европейскому, российские философы сходятся с западными в выделении таких черт прогресса как утрата подлинной человеческой личности, доминирование цивилизационного (машинного, искусственного) начала над культурным (духовным, экзистенциальным). Различие кроется в понимании источника духовной культуры. В европейских представлениях это автономная личность, руководствующаяся индивидуальной системой ценностей и культурными нормативами. В российской философии эта личность является отражением божественного начала, раскрытие которого связано с восхождением от индивидуальности всеобщей гармонии.

Управление обществом «по правде» рассчитано на формирование адекватных социальных институтов, самореализация которых приводит к успеху, к достижению цели управления, когда принятие решения выступает как отрицательный вклад в социальную энтропию².

Понимание сущности современного военного прогресса предполагает осознание того факта, что Россия является частью человечества, а человечество вступило в стадию системного цивилизационного кризиса, которая чревата бифуркацией с непредсказуемым исходом. России, как в другим государствам, предстоит решать задачу планетарного масштаба – поиск пути предотвращения возможной гибели человечества. «Россия подарила миру плеяду великих выразителей совести и справедливости... Вспомним также, что вся история России, ее культура окрашена стремление и право утверждать: Россия может и должна принять бремя «Взывающего» человечества к объединению на пути преодоления кризиса и предотвращения гибели цивилизации, должна поднять знамя обновления человечества и не опускать его. Такая идея может быть принята российским народом, может объединить народ, если раскрыть перед ним истинное положение вещей и угрозу всеобщей гибели. Ради достижения цели, лежащей в основе такой идеи, люди согласятся работать и терпеть. Такая цель послужит изменению человека в понимании им своей

---

¹ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М.: Наука, 2004. С. 125.

² Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова // Теория и история. 2007. № 1. С. 170.

принадлежности к обществу. Она определит основные приоритеты в действиях власти, будет способствовать взаимодействию России с другими государствами. Увеличится шанс коэволюционного пути развития человеческого общества, единственно возможного пути в будущее»¹.

Россия, несмотря на свои особенности, являясь органической частью общемировой цивилизации, будет накапливать позитивный опыт демократического развития. Российское государство будет не только нести за это ответственность, но и трансформироваться в соответствии с требованиями и принципами нового цивилизационного порядка, внося тем самым свой вклад в развитие мира в целом»².

«В условиях практически полной невостребованности русских политологических заделов и неразработанности отечественной политологии – политологии коллективистского общества, новоявленный марксистский «научный коммунизм в трудный час предстал как жалкий безродный новодел космополитического, оторванного от жизни свойства»³

В последнее время «имперская тема» пользуется повышенным вниманием политологов, социологов и публицистов. Разброс мнений огромен. В само понятие «империя» вкладывают самое разное содержание, которое слишком часто имеет мало общего с историческими реалиями. В информационном пространстве сегодня вращается немало идеологических клише и мифов об имперской политике России, «извечной» ее агрессивности, постоянно используется пресловутый термин «тюрьма народов».

При этом широкое хождение получил лозунг «Благожелательная гегемония»; его глашатаи утверждают, во-первых, что гегемония Соединенных Штатов может быть принята мировым сообществом, если покажет себя неагрессивной, благожелательной, приносящей блага и если США будут действовать, учитывая интересы прочих членов мирового сообщества; это в свою очередь должно гарантировать от объединения против них соседей конкурентов. Во-вторых, асимметрия, ассоциируемая с американским преобладанием, соз-

---

¹ Яхнин Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // Вопросы философии. 2006. №5. С. 174.

² Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию М., 1996. С. 32.

³ Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 6.

дает достаточно жесткую структурную иерархию. Другие страны практически не берутся за дело создания контрбаланса американскому преобладанию именно в свете кричащей асимметрии, делающей их задачу чрезвычайно сложной – слишком уж далеко вперед оторвался лидер. Однако это не означает, что необходимо воспринимать сложившуюся однополярную картину мира как историческую закономерность. Этому противоречит и история (Рим и др. империи), и законы диалектики.

Складывается впечатление, что определенные круги Запада, прежде всего руководство США, которые с исчезновением Советского Союза остались, пожалуй, одним из немногих идеологически ориентированных государств современного мира, именно применение этой антиномии в пользу морально-этического, вернее, идеологического начала на путях продвижения демократии по всему миру с помощью революций и вооруженной агрессии поставили во главе угла своей внешнеполитической стратегии. Здесь имеет место характерная для американского национального сознания временами склонность к смешиванию морали с морализаторством и идеологизацией.

Проблема неоконсерваторов нынешней волны, на идеях которых базируется внешнеполитическая стратегия Вашингтона, заключается в том, что у них установка на морализаторство и идеологизацию приняло крайние фундаменталистские формы. Явочным порядком провозгласив себя носителями единственно верного учения, они поставили его на службу идеологического обоснования политики экспорта демократии и прав человека по всему миру.

6 ноября 2003 г., выступая в Вашингтоне по случаю 20-летия основания фонда National Endowment for Democracy Дж. Буш объявил о «новой внешней политике» США, призванной способствовать «глобальной демократической революции», началом которой было объявлена агрессия против Ирака¹. Ее целью было объявлено «освобождение» от авторитарного правления сначала ближневосточных мусульманских стран, а заодно с ними других, прежде всего постсоветских стран. Как известно, National Endowment for Democracy был создан в 1983 г. Президентом США Р. Рейганом и американским Конгрессом «для укрепления

---

¹ Пунтус В. Цивилизационный маятник // Литературная газета. 2007. 14–20 февраля.

демократических институтов во всем мире через воздействие на неправительственные институты»¹.

3 марта 2005 г., четыре американских конгрессмена – сенаторы Дж. Маккейн и Д. Либерман, а также члены палаты представителей – Т. Лантос и Ф. Вулф – внесли в Конгресс законопроект «Закон о распространении демократии и демократических ценностей в недемократических странах», в составлении которого активное участие принимали сотрудники неокосервативного Гудзоновского института М. Палмер, Кадель, М. Горовиц и Б. Тантильо. В качестве главной цели американской внешней политики в законопроекте объявлено «распространение свободы и демократии в зарубежных странах»². Таким образом, американцы возомнили себя новыми крестоносцами, призванными нести всему остальному миру свет единственно верного учения – рыночно-демократического фундаментализма. Естественно, для реализации такой цели должны использоваться все цели, в том числе и война.

Об устремленности американской администрации в этом направлении свидетельствует выступление заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Бернса на приеме, устроенном 15 декабря 2005 г. вашингтонским отделом Европейского института. «Мы должны, – говорит Бернс, – продвигать наши американо-европейские демократические цели дальше на восток – в Россию, Украину, Кавказ и Среднюю Азию»³. С. Лавров подчеркивал: «Миссия начинается в Багдаде, но им не заканчивается... Мы стоим на рубеже новой исторической эпохи... Этот момент имеет решающее значение... Очевидно, что речь идет не просто об Ираке. Речь идет даже не о будущем Ближнего Востока и войны с терроризмом. Речь идет о той роли, которую Соединенные Штаты намерены играть в двадцать первом веке»⁴. О серьезности такого подхода свидетельствует серия так называемых «цветных» революций в ряде постсоветских стран, получивших явную или скрытую поддержку США, а также вынашиваемые Вашингтоном планы смены режимов в Иране, Сирии и других странах.

---

¹ Костиков В. Народ рисует президента // Аргументы и факты. 2007. № 8.

² Пастухов В. Собака на сене. Можно ли удержать медведя на цепи, пугая его драконом? // Аргументы недели. 2007. 15 февраля.

³ Ципко А. Надо ли бояться иновласти // Литературная газета. 2007. 24–30 января.

⁴ Лавров С. Внешнеполитическая самостоятельность России – безусловный императив // Московские новости. 2007. 19–25 января.

Оправдывая войну в Ираке, премьер-министр Великобритании Т. Блэр утверждал, что речь идет «... не просто о безопасности и военной тактике. Это битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Ирак являются необходимыми начальными пунктами этой битвы». «Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности»¹. Ключевой смысл этих интервенций состоял не просто в смене режимов, а в изменении ценностных систем, которыми руководствуются соответствующие страны. «Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы, кроме как бороться за него. Это означает отстаивать наши ценности не просто в наших странах, но и по всему миру»².

Военная история свидетельствует, что не бывает военных союзов без военной цели. Сегодня никто не вспоминает, что в ноябре был подписана в Париже Хартия о безблоковой Европе (ноябрь 1990 г.). Однако многое было сделано так, как хотел Запад. Любой историк может сказать, что в процессе объединения Германии государственный секретарь Джеймс Бейкер обещал распространять НАТО на Восток. Мы же получили ситуацию, при которой из пятнадцати бывших республик СССР в восьми находятся войска НАТО, и сегодня базы НАТО находятся в часе езды от Петербурга.

Значение военного прогресса в переломные периоды исторического развития, под влиянием изменяющегося общественного бытия, подвергается значительным изменениям в его содержании, во взаимодействии его форм и уровней, в соотношении элементов, составляющих историческое сознание.

При возникновении идеи однополярного мира и «единственной оставшейся сверхдержавы» возникает совершенно естественное и логичное ее продолжение в виде специфических схем мирового порядка, его правил и норм, механизмов, движущих сил и контрольных средств. И с этой точки зрения идея «единственной сверхдержавы» предполагает возникновение своеобразного американоцентристского мира, в котором США будут и задавать темп развития всей совокупности современных государств, и обеспечивать его стабильность.

В настоящее время глобальная проекция американской мощи стала фактом и повсеместно сказывается на жизни людей незави-

---

¹ Ципко А. Стратегия шоковой терапии // Литературная газета. 2007. 17–23 января.

² Делягин М. Слишком много страха // Литературная газета. 2007. 17–23 января.

симо от того, критикуют они ее или же удовлетворены тем, что Соединенные Штаты взяли на себя заботу о привнесении в наш мир порядка и свободы. Браним ли мы американскую империю, называем ли ее виртуальной, либеральной или даже неоимперией, она реально существует. Однако, как отмечает А. Этциони, она уже начала превращаться в нечто совсем иное. В связи с этим уместно задуматься над тем, что произойдет в дальнейшем и как усовершенствовать наш мир»¹.

На примере Косово очень хорошо виден новый момент в международных отношениях, когда принцип суверенитета национального государства на своей территории уступает место другим более абстрактным принципам. Для мирового сообщества, интересы которого представляет сегодня прежде всего США, принцип территориального суверенитета национального государства уступает место принципу прав человека

В современных условиях колоссальное воздействие на индивидуальное и групповое поведение оказывают социокультурные факторы, СМИ, расширение информационных структур, что снижает возможности или даже делает не работающими многие прежние модели социальной реальности. В глобалистике проблема направленности индивидуальной и групповой ориентации приобретает исключительное значение, поскольку ставится задача путем ее изменения обеспечить перевод современной модели развития в более безопасное русло. Фактически ставится задача усвоения колоссальными массами людей (прежде всего структурами, принимающими решения) системы ориентаций и ценностей, обеспечивающих проведение политики глобальной безопасности на различных уровнях социума.

В XXI в. самые опасные противостояния возникают и будут связаны с проблемами организации совместной жизни очень разных цивилизаций на непрерывно беднеющей планете. Цивилизаций, имеющих разные шкалы ценностей и лежащие в их основе разные духовные миры. Ныне идет как бы гонка двух составляющих всемирного процесса: нарастание глобальных угроз, чреватых катастрофой, и зигзагообразный процесс адаптации, направленный если не на устранение, то на смягчение этих угроз. Мера между тем и другим, за которой

---

¹ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. С. 4–5.

последует катастрофа или улучшение, ныне не поддается измерению. Связывать будущее человечества с развитием в том направлении, по которому оно шло все последние столетия, крайне опасно. Это направление во многом уже исчерпало свою потенцию. Возможность его простого совершенствования, сохранив шкалу привычных приоритетов, опасна еще и потому, что оно порождает иллюзии, следование которым может привести только к катастрофе.

В США возвысить голос против общепринятой политики очень сложно. Когда США готовили захват Ирака, вся американская журналистика позорно поддерживала ложь, что у Хусейна есть оружие массового поражения. И раскаялась пресса не сразу, а лишь когда США стали проигрывать эту войну. Для западной журналистики характерна высокая степень лицемерия. Законность, суверенитет другой страны, права человека – все это пустое, главное – победить за три месяца и без жертв. И тогда американские СМИ поддержат власть и простят любые преступления перед миром.

Приметой нашего времени становится виртуализация политического и информационного пространства. Например, «мироворец», получивший Нобелевскую премию мира Барак Обама не только не прекратил войну в Афганистане, но увеличил контингент на 30 тыс. человек; развязал войну в Ливии и т.д. «Мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов. Неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией. Существующая архитектура (система) международной безопасности, включая ее международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств»¹.

Многие политики понимают, что США уже не могут претендовать на роль всемирного жандарма, а следовательно, не могут диктовать свои условия странам арабского мира. Лучшим тому подтверждением является недавняя речь главы Пентагона Роберта Гейтс в во-

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2012 г.

енной академии Вест-пойнт. «Тот американский президент, – провозгласил он, – который решится на очередную авантюру, закончит свои дни в доме для умалишенных»¹.

Так называемый крах так называемого мультикультурализма у современных западных европейцев есть всего лишь предел терпению (граница толерантности). Европейцы не согласны больше терпеть (даже во имя идеалов либерально-демократической веры) нынешнее положение вещей в сферах иммиграционной, трудовой, социальной, национально-культурной и культурно-религиозной политики. Неудавшаяся попытка насильственного конструирования монополярного мира предполагает, несмотря на различные интерпретации военного прогресса в современном глобализирующемся мире, единомыслие в понимании безопасности. Хотя вероятность глобальной войны ядерных держав друг против друга невысока, поскольку она означала бы конец цивилизации. Тем не менее, пока «порох» стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов остается «сухим», никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию².

Единственная надежда – на смену парадигмы общественного развития. На появление новых ценностей, которые сбросили бы весь морок исчерпавшей себя эпохи Нового времени, принявшей убийство как норму. Ценностей, которые сделали бы жизнь осмысленной, а продолжение самого существования человеческого рода – возможным.

В последних послания В.В. Путина можно увидеть следующие особенности, которые в той или иной степени влияют на военный прогресс.

Во-первых, четко прозвучал тезис о том, что ближайшие годы – решающие, переломные для нас и всего мира. В частности, говоря о задачах России, Путин даже воспользовался гумилевским термином «пассионарность».

Во-вторых, Россия должна сохранить и увеличить востребованность себя в мире. Характерно, что с учетом глобального контекста, Путин делает упор на военную мощь, предварительно подкрепив подобную политику на дипломатическом поле.

---

¹ Кедмия. Не стоять на пути мирового паровоза // Однако. 2011. № 6. С. 32.

² Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.

В-третьих, необходимость восстановления ориентации социума на общие интересы, мотивации работы на общее благо. На самом деле это, собственно, единственная проблема, которую надо решить, чтобы добиться всего того, о чем говорит Путин.

В-четвертых, стержнем всего послания является идея суверенитета, понимаемая в самом широком смысле слова. От формально государственного до экономического, политического культурно-идеологического, хотя каких-либо прямых упоминаний идеологии президент тщательно избегает. Путин констатирует демографическую и ценностную катастрофу, последовавшую после краха советской системы. Неспособность нации к самовоспроизводству является и продуктом ценностной катастрофы, и, с другой стороны, сама по себе эту катастрофу и завершает. Если нация не способна самовоспроизводиться, ее судьба очевидна, ей и враг не нужен.

В-пятых, президент говорит о необходимости восстановления единства отечественной истории. По сути речь идет о том, чтобы прекратить перманентную гражданскую войну между «белыми» и «красными», что отчасти воплощается «Изборским клубом».

Все чаще возникает вопрос о постсоветской евразийской реинтеграции. В сегодняшнем контексте она не выглядит дежурным тезисом, поскольку является прямым ответом на циничные указания США. На самом деле это является констатацией конфронтации.

Сильнейше влияние на особенности проявления военного прогресса связаны с замечанием В.В. Путина о том, что постсоветская реинтеграция является для нас безусловным приоритетом, прекрасно понимая, что она абсолютно неприемлема для наших американских «партнеров». Путинское послание можно назвать если не идеологическим, то во всяком случае преидеологическим, то есть содержащим в себе явный вектор и ясные рамки, отделяющие его от других известных у нас и в мире идеологических концептов. Также его можно назвать достаточно четко геополитически ориентированным.

Уникальность геостратегического положения России вкупе с наличием огромных запасов природных ресурсов дает России шанс на новом витке истории обеспечить себе достойное место в геополитическом раскладе XXI столетия. Весьма примечательно, что идеологи евразийства ставили перед «рах rossica» прежде всего «задачи культурного творчества», а не силовой экспансии. Их позиция значительно отличается от современной концепции «рах America»,

насаждаемой в Европе и Азии посредством бомб и крылатых ракет, лжи и дезинформации мирового сообщества. В этом плане становится понятной притягательная сила геософского наследия Савицкого в наши дни¹.

В авангарде общества находятся те, кто своим доблестным служением обществу, мудростью и добродетелью доказывают правомерность своего общественного статуса. Данные качества характеризуют лучших людей в качестве совершенных личностей, вносящих стройность своего личностного облика, своего опыта и мудрости в процессы нестроения общественной жизни, т.е. производящих отрицательные вклады в социальную энтропию. Лучшие люди способны активизировать в обществе коллективистские качества, позволяющие творчески решать актуальные задачи общественной жизни. Данный тезис многократно доказан самой российской историей, когда представители социального авангарда поднимали народ на борьбу с захватчиками.

Раскрытие, развитие и всемерная организация коллективистских форм жизни, выступающих в качестве объективной диалектики жизни общества России. Коллективизм, в основе которого лежит диалектическое противоречие единого и многого, характеризуется в рамках понятийного аппарата, связанного с фундаментальной категорией «совершенства» (совершенство общественных отношений, усовершенствование общественной жизни и т.д.). В данной связи естественное состояние коллективистского общества России раскрывается в таких космических оформлениях социального совершенства, как организация, стройность, упорядоченность, диалектическое противоречие (единого и много – общества и личности; культуры и цивилизации; смуты и порядка и т.д.). Система управленческих решений, направленных на совершенствование форм коллективистской организованности общества России предстает как основной антиэнтропийный вклад в его социальные нестроения.

Созидательное осмысление мировых процессов выступает как непреходящий стандарт философского мышления русских теоретиков. Этот стандарт естественным образом реализуется в контексте космической модели мира и русской модели мира Лада. В рамках этой модели мира в свое время развернулось мощное философство-

---

¹ Юнацкевич П.И. Декларация нравственного социализма / под ред. В.А. Чигирева. СПб.: Институт нравственности, 2006. С. 12.

вание, получившее название русского космизма. Русский космизм стал фундаментальным оформлением исконной философской традиции нашего народа, жизнеутверждение которого всегда проходило в соответствии с актуальной для нас, отточенной веками собственной моделью мира. Согласно которой понятие «созидание» выступает как одна из центральных категорий русского философствования.

Сегодня, как и в другие переходные эпохи в России, главное зависит даже не от того, какими конкретно методами осуществляется модернизация, а от того, кем она осуществляется – сыновьями или пасынками России¹.

Одним из ведущих инициаторов углубления социокультурного кризиса и потери социокультурной идентичности народов бывшего СССР, как показывают факты, являются США. По поводу вмешательства руководства США во внутренние дела С.Кургинян справедливо пишет: «Им нужен новый пояс, включающий в себя Кавказ и Украину. И этот новый пояс должен стать для нас своеобразной геополитической «берлинской стеной». Только теперь не мы, а они будут ее выстраивать»².

Э. Хобсбаум справедливо заметил: «мало что бывает опаснее империй, преследующих свои интересы, будучи убежденными в том, что они оказывают человечеству услугу»³.

Таким образом, специфика диалектики исторического процесса состоит в том, что из всего живого историей обладает только человек, потому что история не просто изменение во времени при активном и даже возрастающем «участии» сознания. Именно присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта общественных структур – квазиобъекта, подчиняющегося непреложным закономерностям, а в качестве субъекта, действующего под знаком негарантированного и непредопределенного выбора, делает исторический процесс сложным и нелинейным⁴.

Существующий в современной международной практике принципа суверенного государства сложился не случайно, а на протяжении столетий войн и конфликтов. С другой стороны. Принцип прав человека по сравнению с принципом территориального суверенитета очень абстрактен, то есть различные группы,

---

¹ Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 23.

² Кургинян С. Понимать надо! // Литературная газета. 2005. 27 апреля–5 мая.

³ Хобсбаум Э. После победы в войне // Логос. 2003. № 1.

⁴ Панарин, А.С. Введение в политологию. М., 1994. С. 9.

отдельные лица, организации трактуют его по разному, но прежде всего в своих интересах. Именно поэтому сделать этот принцип реальным инструментом международной политики очень сложно, если вообще возможно.

Вполне убедителен вывод о том, что Российская империя не являлась в своей основе колониальной, несмотря на наличие в ее составе отдельных территорий, которые с некоторыми оговорками можно признать российскими колониями не только в экономическом, но и в социально-политическом значении слова (Русская Америка, Средняя Азия, часть Закавказья). Стать полноценной колониальной державой Россия не смогла по причине своей слабости по сравнению с ведущими европейскими государствами и из-за необходимости практически постоянно вести борьбу с внешними врагами сразу на нескольких фронтах. Так, например, вторжение России на земли Казанского ханства было спровоцировано татарской стороной, многочисленными и разорительными набегами.

Особенность России состояла в том, что положение имперобразующего русского этноса не только не имевшего никаких преимущественных прав перед другими народами, но подвергавшегося различным видам эксплуатации в массе своей сильнее, чем они. Можно сделать вывод, что Россия не была «тюрьмой народов», а фактором, объединявшим и сохраняющим народы.

Российское государство, соединяя в себе черты восточных деспотий и европейского абсолютизма, являлось гарантом безопасности и сохранения независимости страны. Ценой весьма жестоких мер оно обеспечивало решение важнейших стратегических задач, стоявших перед страной. В этой связи представляется весьма интересной трактовка двойственного положения российской элиты 18 века, которая, являясь европейской по образованию и ценностным предпочтениям, служила тем не менее самодержавной власти, которая проводила для укрепления державы жесткую политику, не всегда укладывающуюся в европейские каноны. Если России будет не суждено сохранить свою государственность (надо уметь смотреть суровой правде в глаза), то в любом случае Китай с его религиозной толерантностью представляет для России гораздо меньшую угрозу, чем Европа с ее маниакальным стремлением навязать свои ценности и перелопатить наши культурные устои. В конечном счете, чтобы не раствориться в историческом небытии, нам важно сохранить именно свою культурную

идентичностью. Поэтому чем больше нам говорит о европейских ценностях, тем чаще мы поглядываем на Китай¹.

Парадигма историчности ориентирована, прежде всего, на исторические силы – классы и нации, – которые двигают историю в том или ином направлении. Именно потому, что весь XIX век и первую половину XX века доминировала парадигма историчности, сложилось клише, что идеология как прагматическая проекция философского знания, потребляется в публичной сфере и предназначена для общества в целом, формируя коллективную идентичность.

Таким образом, смена социокультурной парадигмы в России привела к необходимости серьезного пересмотра устоявшихся догм социального развития, что в полной мере затрагивает и проблемы, связанные с военным прогнозом. В условиях глобализации возникает насущная необходимость в разработке принципиально новых концепций выживания России в современном глобальном мироустройстве.

3.2. Амбивалентность военного прогресса в эпоху глобализации

Военный прогресс имеет смысл в разрезе перспектив развития современной России.

Суверенитет означает возможность (и одновременно реальное право) совершать действия с самими собой, соразмерные самому себе, государству, стране. Если такой возможности нет – о развитии и тем более лидерстве можно забыть. Потому что в этой точке лидерство и суверенитет смыкаются. Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат: «Советская система, хоть она и не делала жизнь легкой, избегала экстримов бедности и сохраняла жизненные стандарты относительно равными, обеспечивая высокий общий уровень по качеству образования, жилищным условиям, здравоохранению и т.д...» Тот же сдвиг: от цены за модернизацию (обычный ракурс времен холодной войны) до успехов этой модернизации.

---

¹ Пастухов В. Собака на сене. Можно ли удержать медведя на цепи, пугая его драконом? // Аргументы недели. 2007. № 7. 15 февраля. С. 10.

Быть прогрессивным значит вписать себя в исторический процесс. Ввиду этого, исторический процесс предстал, как мерило, критерий истины и в философских рассуждениях. В таком философском дискурсе основным содержанием философских рассуждений становилась формулировка тех или иным историософских рассуждений. Эти историософские рассуждения, сформулированные в рамках научной парадигмы историчности, были как в марксистском, так и в либеральном варианте идеологии. Причины для остроты этой дискуссии Христиана Улиг видит в следующих обстоятельствах: «... Шарахаясь между расходящейся по швам российской реальностью и претензией на моральную интеграцию и национальное величие, предпринимаются попытки спасения, с одной стороны, переложить ответственность за такое развитие на другие страны, конкретнее – на Запад с его рыночным хозяйством, с его марксизмом, с другой стороны. пропагандируется новое прочтение и сохранение русской оригинальности только на философском уровне, без конкретной перспективы ее реализации. Это застарелое цеплянье за национальную специфику, в форме постоянного возвышения русского народа и специфической русской духовной истории в сознательной оппозиции к так называемому западному мышлению означает сильную компенсаторную функцию для выросшего национального разочарования, из которого многие русские через последние события пытаются выйти»¹.

Нельзя не согласиться с утверждением, что общечеловеческие ценности являются высшим критерием для всех остальных ценностей, что они выступают условием существования общества в целом, что культивирование «общечеловеческих ценностей в каждой национальной группе ведет к их сближению», что «принцип приоритет общечеловеческих ценностей – не просто благое пожелание и красивая фраза, а аксиологический императив... без осуществления которого человечество прекратит свое существование»². Однако новые архетипы мышления еще в должной мере не зафиксированы в национальном сознании народов России и мирового сообщества, но они

---

¹ Joseph Riedmuller. Von der Misere zur Mission – Rußlands dritter Weg unter neuem Vorzeichen: Der alte Staat zwischen einer strikten Ausrichtung nach Westen und der slawophilen Idee. *Suddeutsche Zeitung* vom 13/14. September 1997.

² Столович Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // *Вопросы философии*. 2004. № 7. С. 96–97.

приобретают высшую социальную ценность в свете вызовов новых геополитических и социальных реалий современного мира.

По мнению А. Дугина, до момента окончательной победы США в холодной войне геополитический дуализм развивался в изначальных заданных рамках – речь шла об обретении талассократией и теллуократией максимального пространственного, стратегического и силового объема. «Если характер основного геополитического процесса истории – максимальное пространственное расширение талассократии и теллуократии – для этой дисциплины очевиден, то его исход остается под вопросом. В этом отношении никакого детерминизма нет. Следовательно, геополитическая телеология, т.е. осмысление цели истории в геополитических терминах, доходит лишь до момента глобализации дуализма и здесь останавливается»¹.

При этом широкое хождение получил лозунг «Благожелательная гегемония»; его глашатаи утверждают, во-первых, что гегемония Соединенных Штатов может быть принята мировым сообществом, если покажет себя неагрессивной, благожелательной, приносящей блага и если США будут действовать, учитывая интересы прочих членов мирового сообщества; это в свою очередь должно гарантировать от объединения против них соседей конкурентов. Во-вторых, асимметрия, ассоциируемая с американским преобладанием, создает достаточно жесткую структурную иерархию. Другие страны практически не берутся за дело создания контрбаланса американскому преобладанию именно в свете кричащей асимметрии, делающей их задачу чрезвычайно сложной – слишком уж далеко вперед оторвался лидер. Однако это не означает, что необходимо воспринимать сложившуюся однополярную картину мира как историческую закономерность. Этому противоречит и история (Рим и др. империи), и законы диалектики.

Складывается впечатление, что определенные круги Запада, прежде всего руководство США, которые с исчезновением Советского Союза остались, пожалуй, одним из немногих идеологически ориентированных государств современного мира, именно применение этой антиномии в пользу морально-этического, вернее, идеологического начала на путях продвижения демократии по всему миру с помощью революций и вооруженной агрессии поставили во главе своей внешнеполитической стратегии. Здесь имеет место характер-

---

¹ Дугин А. Основы геополитики. М., 2000.

ная для американского национального сознания временами склонность к смешиванию морали с морализаторством и идеологизацией.

Проблема неоконсерваторов нынешней волны, на идеях которых базируется внешнеполитическая стратегия Вашингтона, заключается в том, что у них установка на морализаторство и идеологизацию приняло крайние фундаменталистские формы. Явочным порядком провозгласив себя носителями единственно верного учения, они поставили его на службу идеологического обоснования политики экспорта демократии и прав человека по всему миру.

6 ноября 2003 г., выступая в Вашингтоне по случаю 20-летия основания фонда National Endowment for Democracy Дж. Буш объявил о «новой внешней политике» США, призванной способствовать «глобальной демократической революции», началом которой было объявлена агрессия против Ирака¹. Ее целью было объявлено «освобождение» от авторитарного правления сначала ближневосточных мусульманских стран, а заодно с ними других, прежде всего постсоветских стран. Как известно, National Endowment for Democracy был создан в 1983 г. Президентом США Р. Рейганом и американским Конгрессом «для укрепления демократических институтов во всем мире через воздействие на неправительственные институты»².

3 марта 2005 г., четыре американских конгрессмена – сенаторы Дж. Маккейн и Д. Либерман, а также члены палаты представителей – Т. Лантос и Ф. Вулф – внесли в Конгресс законопроект «Закон о распространении демократии и демократических ценностей в недемократических странах», в составлении которого активное участие принимали сотрудники неоконсервативного Гудзоновского института М. Палмер, Кадель, М. Горвиц и Б. Тангильо. В качестве главной цели американской внешней политики в законопроекте объявлено «распространение свободы и демократии в зарубежных странах»³. Таким образом, американцы возомнили себя новыми крестоносцами, призванными нести всему остальному миру свет единственно верного учения – рыночно-демократического фундаментализма. Естественно, для реализации такой цели должны использоваться все цели, в том числе и война.

---

¹ Пунтус В. Цивилизационный маятник // Литературная газета. 2007. 14–20 февраля.

² Костиков В. Народ рисует президента // Аргументы и факты. 2007. № 8.

³ Пастухов В. Собака на сене. Можно ли удержать медведя на цепи, пугая его драконом? // Аргументы недели. 2007. 15 февраля.

Об устремленности американской администрации в этом направлении свидетельствует выступление заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Бернса на приеме, устроенном 15 декабря 2005 г. вашингтонским отделом Европейского института. «Мы должны, – говорит Бернс, – продвигать наши американо-европейские демократические цели дальше на восток – в Россию, Украину, Кавказ и Среднюю Азию»¹.

Из возможных исходов кризиса в России, как пророчил З.Бжезинский, наиболее возможным является «... затяжной, но не принимающий решительных норм системный кризис, длящийся без какого-либо четкого разрешения более десятка лет и периодически отмечаемый взрывами общественного негодования со стороны все более недовольных экономическим положением городских масс и особенно со стороны политически более беспокойных...»².

Не случайно, было отмечено, что «служить Отечеству могут только пассионарии, исполненные в делах своих искренними помыслами политической добродетели. Для элиты социальный прогресс не является целью. Следуя идеалам технократического детерминизма, элита изобретает законы становления общества, тогда как социальный авангард коллективистского общества следует естественным законам общественного развития. Он создает благоприятные условия для социального прогресса»³.

Противопоставляя русский путь развития европейскому, российские философы сходятся с западными в выделении таких черт прогресса как утрата подлинной человеческой личности, доминирование цивилизационного (машинного, искусственного) начала над культурным (духовным, экзистенциальным). Различие кроется в понимании источника духовной культуры. В европейских представле-

---

¹ Ципко А. Надо ли бояться иновластия // Литературная газета. 2007. 24–30 января.

² Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию М., 1996. С. 32.

³ См.: Урсул А.Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Безопасность. 1993. № 11–12; он же: Концепция естественной экобезопасности // Безопасность. 1994. № 1–2; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Устойчивое развитие и безопасность: синергетический подход // Самоорганизация и организация управления. М., 1995; Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность. 1995. № 9; он же: Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития цивилизации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1995. № 1; он же: Концептуальные основы перехода России на модель устойчивого развития. М., 1994.

ниях это автономная личность, руководствующаяся индивидуальной системой ценностей и культурными нормативами. В российской философии эта личность является отражением божественного начала, раскрытие которого связано с восхождением от индивидуальности всеобщей гармонии.

Единственный способ разрешения этого противоречия между развитием одних социальных систем и безопасностью других, между развитием цивилизации и сохранением природы заключается в переходе на взаимосогласованное, коэволюционное, т.е. безопасно-устойчивое развитие. Коэволюция социальных систем, а также системы «общество–природа», означает вместе с тем безопасное и устойчивое их соразвитие. Установленная взаимосвязь развития и безопасности в форме устойчивого развития позволяет его характеризовать как наиболее безопасное развитие среди возможных типов безопасного развития социоприродных систем (по крайней мере, с современной точки зрения).

Евразийский союз – это политический проект; геополитический, построенный на естественной, абсолютно органичной экономической основе. За «образцовым» Евросоюзом стояла изначально американская воля к консолидации Европы против советского блока и американская военно-политическая крыша. «Высшей формой интеграции считается создание так называемых наднациональных органов. На самом деле это просто политкорректный эвфемизм. Никаких наднациональных органов не бывает. Либо это не органы, либо они не наднациональные. Назидательным примером тому – современная ситуация Евросоюза»¹.

Такого рода комиссии существуют в большинстве стран Европы. Например, есть Государственная комиссия по изучению национальной истории в Англии. Имена ее членов мало кто знает, но хорошо известно, что она призвана обосновывать и защищать легитимность политических институтов и политической власти страны. Так что в самом факте обращения на государственном уровне к истории нет ничего опасного для науки, свободных дискуссий и исторических исследований.

В книге А. Бушкова² говорится о «славянском единстве» как об «оторванной от жизни теории, выдуманной безответственной ин-

---

¹ Леонтьев М. Россия между союзом и парapolитикой // Однако. 2011. 19 декабря.

² Бушков А. Распутин. Выстрелы из прошлого. М.: ЗАО «ОЛМА Медия Групп», 2009. 576 с.

телигенцией». То есть, надо понимать, и Пушкиным в том числе, который написал: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос». Имеются и другие исторические примеры, которые почему-то игнорирует автор. В 1915 г. чехи и словаки целыми полками, в парадном строю, под музыку оркестров переходили на русскую сторону. Из этих полков и был сформирован под Киевом знаменитый Чехословацкий корпус, вступивший в бой против немцев и австрийцев в июле 1917 г. под Зборовом, на Юго-Западном фронте.

Однако, по словам А. Зиновьева, «реальная история человечества сфальсифицирована и фальсифицируется систематически уже в настоящем»¹. Две сферы деятельности ума ориентированы на время. Изучающую прошлое науку Зиновьев называет ретрологией, а направленную на будущее – футурологией. Слово «история» для него многозначно, понимаемо по-разному в контекстах, но чаще всего это последовательность событий во времени. Ретрология претендует быть наукой о прошлом. Но Зиновьев считает, что на деле это особая культура, созданная с одной целью – управлять людьми. Роль ретрологии – сочинять прошлое в интересах хозяев «человечества» – через обман, мистификации, подделки, идеологию, пропаганду. Оболванивание под видом образования и просвещения! Люди думают, что говорят о прошлом не то, что они хотят, а то, что их понуждают делать учителя, профессиональные сочинители истории, пропагандисты, мистификаторы и прочие лукавые творцы ретрологии. А. Зиновьев считает, что победители не ведали, что творили. Запад, выигравший в эволюционной войне, стал насильственно навязывать миру определенный способ понимания реальности, который стал изображаться как единственно допустимый и правильный. «Это было начало одной из величайших трагедий истории. Это сделали новые хозяева мирового интеллекта. Они им овладели и творят с ним то, что соответствует их интересам и силе»².

Выход из создавшейся ситуации только один: перейти от марксистской парадигмы к христианской, гуманистической. Христианство и гуманизм объединяет убеждение, что человек сам творит свою историю и сам несет ответственность за свой выбор. Только в рамках такого альтернативного видения и своей жизни, и своей исто-

---

¹ Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.

² Там же.

рии можно найти способы противостояния окончательному распаду России.

В разрезе перспектив исследования военного прогресса можно заключить, что Российская империя – крупное централизованное, в основе своей неколониальное государство, объединенное феноменом самодержавия. Оно отличалось от других полиэтничностью, многоконфессиональностью. Важнейшей особенностью империи являлось положение имперообразующего этноса – русские не имели каких-либо преимущественных прав перед другими народами. В стране, несмотря на отдельные издержки и конфликты, существовала атмосфера национальной и религиозной терпимости. Она сложилась не только благодаря гибкой политике правительства, но и в огромной степени вследствие менталитета русского народа, который позволял такую политику проводить¹.

Необходимо подчеркнуть роль западных государств. Еще перед Первой мировой войной они имели четкий план расчленения России. Например, при первых же признаках нестабильности в России было подписано соглашение «О надзоре над Сибирской железной дорогой и КВЖД» и создал специальный Междусоюзный железнодорожный комитет в составе представителей России, Америки, Японии, Франции, Китая, Италии и Чехословакии. В Америке ладе создали особый корпус по железнодорожной охране магистрали. К примеру, только за тремя чешскими дивизиями числилось свыше двух тысяч товарных вагонов, что во многом объясняет послевоенный экономический взлет Чехословакии как захудалой провинции Австро-Венгрии.

В целях безопасности вывоза каких угодно богатств Междусоюзный комитет поделил Сибирский путь на участки, охраняемые японцами, американцами, румынами, чехами и поляками. От Ачинска до Канска несла службу 2-я чехословацкая дивизия, которая не вступала в прямые стычки с местными партизанами, а «в целях профилактики» поджигала два-три богатых сибирских поселения.

«Сценарность» происходившего со временем становится все более очевидной. С гибелью Советского Союза была ликвидирована главная основа правового положения личности – институт гражданства. 25 миллионов русских людей, никуда не эмигрировавших, оказались иностранцами на своей земле. Около миллиона наших

---

¹ Российская империя. От истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории / Институт российской истории РАН. – М.: Русская панорама, 2011. 878 с.

сограждан погибло в межэтнических конфликтах в первые же годы дезинтеграции СССР более миллионов стали беженцами.

Искусственно организованные «суверенитеты» привели к масштабному уничтожению потенциала провозглашенных новых государств, нанесли тяжелейший удар по каждой из бывших союзных республик.

Мы потеряли 5 миллионов квадратных километров территории. Погиб мощнейший экономический комплекс Советского Союза. Новая Россия получила полукOLONиальную структуру хозяйства, основу которой составляют сырьевые отрасли, работающие преимущественно на западный рынок. Олицетворением созданного в стране уклада стали олигархи, присвоившие национальные богатства страны. Огромное большинство населения, которое не выбирало навязанный им способ существования, оказалось на грани социального и физического выживания. Таковым был важнейший этап на нашем пути в «цивилизованный», «свободный» мир.

Оставаясь частичками национальных организмов, люди становятся гражданами мира. В процессе повседневной деятельности они все чаще вступают в контакты с иноземцами и иноверцами. Они учатся жить и работать в мире без границ. Они осваиваются в новом вселенском социуме, где все сотворенное нами – хорошее и плохое – возвращается бумерангом.

Возникает законный вопрос: можно ли считать образование единого мирового рынка завершением истории развития цивилизации на земле? Нет, это не конец истории, так как с развитием космических технологий и освоением околоземного космического пространства и ближайших планет может сформироваться новая, но уже космическая система разделения труда. Несомненно, что условием современной глобализации, а, следовательно, и условием усложнения общественной жизни на земле становится обязательным процесс возрастания самоорганизации самого общества.

При возникновении идеи однополярного мира и «единственной оставшейся сверхдержавы» возникает совершенно естественное и логичное ее продолжение в виде специфических схем мирового порядка, его правил и норм, механизмов, движущих сил и контрольных средств. И с этой точки зрения идея «единственной сверхдержавы» предполагает возникновение своеобразного американоцентристского мира, в котором США будут и задавать темп развития всей совокупности современных государств, и обеспечивать его стабильность.

Информационные технологии, призванные объединять человечество и осуществляющие это, на нынешнем этапе глобализации и в современной ее форме во многом способствуют и его расслоению. «Богатые и бедные страны обладают различными финансовыми возможностями, и кроме обычного деления на развитые и развивающиеся (менее развитые) страны возник еще более глубокий раскол – на страны, во многом уже базирующиеся на информационно-инновационной экономике, и страны, даже не помышляющие об этом. В самом деле, для того чтобы приобрести компьютер, житель Бангладеш должен потратить сумму, эквивалентную его восьмилетнему доходу, в то время как средний американец должен для этого трудиться всего один месяц»¹.

Разумеется, дилемма «модернизация или деградация?» – это лишь самая общая рамка для разговора о том, «что с нами происходит». Ответ на этот вопрос имеет массу региональных, отраслевых, социально-классовых и, наконец, конкретно-личностных вариаций. И описанная выше жесткая поляризация могла бы быть сочтена естественной (каждый волен идентифицировать себя либо с «модернизационным», либо с «деградационным» полюсом), если бы не одно обстоятельство – практическое отсутствие в нашем обществе интегрального представления о проблеме.

Более того, политическая поляризация, в свою очередь, искусственно растаскивает эту комплексную проблему на два больших, мало соприкасающихся сегмента, когда каждый из противоборствующих лагерей выуживает из огромной кучи разрозненных малоосмысленных эмпирических фактов только те, что ему подходят и нанизывает их на свой отдельный партийный «шампур». В итоге на опекаемом властью «модернизационном полюсе» господствует оптимистический фатализм: «верной дорогой идем, господа», «конечный успех гарантирован историческими законами». В противоположном, оппозиционном лагере, напротив, нарастает манихейское отрицание истории: «все не так, ребята, но пусть враги (читай: «временный оккупационный режим») не радуются – будет и на нашей улице праздник».

Э. Ласло (США) писал, начиная работать над докладом Римскому клубу «Цели для человечества» писал: «Задачи проекта «Цели для глобального общества» могут быть резюмированы, например,

---

¹ Там же. С. 378.

как разработка реалистических нетравмирующих сценариев, основанных на преобразовании больших частей мирового населения путем более глубокого понимания ими: самих себя, природы, общества – и осознания своей ответственности в отношении культурной традиции и благосостояния будущего поколения»¹. В результате исследования национальных, региональных, транснациональных целей, анализа различных мировых идеологий Э. Ласло приходит к выводу, что преодоление глобального кризиса возможно путем осуществления «революции мировой солидарности», т.е. «прорыва через внутренние границы» человека на основе формирования у людей, социальных групп, правительств, корпораций и организаций глобально-ориентированного мышления в направлении четырех основных идей: безопасности, обеспечения продовольствием, оптимального использования энергии и ресурсов, развития. Обращение к морали, провозглашение «гуманистической», «этической» революции – широко распространенное явление среди ученых и общественных деятелей.

Этот проект, как отмечали его участники, переносит акцент с пессимистического «прогнозирования судного дня», характерного для первых проектов, наиболее оптимистическое и осуществляет поворот к поиску «позитивных и конструктивных альтернатив». Поворот этот осуществляется на основе обращения к «внутреннему миру» человека, его мотивов деятельности, системы ценностей и т.п. В основу доклада были положены следующие исходные положения:

- предметом исследования являются человеческие ценности и мораль в том отношении, как они могут быть представлены и соотнесены с процессом выработки политики и принятия решения;
- делается попытка сформулировать «дезагрегированную глобальную этику» с задачей стимулировать региональные, но глобально согласованные дискуссии;
- предполагается, что «глобальное управление» должно осуществляться больше путем согласования, чем преобладания или подчинения;
- в настоящее время нет какой-либо осуществимой и действующей этики или системы ценностей, предназначенных для глобального управления и приемлемых для народов «критических» или

---

¹ Цит. по: Bocast A.K., Fedanzo A.S. Goals for Global Society Forecasting and Social Change, 1975. Vol. 7. № 3. P. 327–328.

«критических» областей мира. Такая этика как универсальный координатор должна быть многообразной и разноликой (от региона к региону) и потому жизнеспособной в плане ее соответствия с местными условиями. Она должна быть и созидательной по отношению к «процессу обучения», через который мир в своих собственных интересах начинает проходить сейчас¹.

В докладе «Цели для человечества» разрабатываются различные сценарии осуществления «революции мировой солидарности». В качестве примера приводятся три варианта стратегий, обеспечивающих достижение «глобального уровня сознания и солидарности»: два на национальном уровне и один – на международном. По мнению Э. Ласло, теоретически «любая часть национального населения может взять ведущую роль в достижении глобального уровня сознания и солидарности»², но сам он отдает предпочтение сценариям, в которых ведущую роль выполняют в одном случае религиозные деятели и интеллектуалы, в другом – правительство. Каждая из этих страт, оказывая в некоторой последовательности влияние на другие «социальные силы» через разные каналы (средства коммуникации, общественные институты, организации, мероприятия, университеты, церкви), может поднять их уровень сознания и солидарности, что приведет к повышению сознания в масштабах страны до глобально-ориентированного уровня. Международный сценарий описывается аналогичным образом путем последовательного поднятия уровня сознания от страны к стране. Все это, по мнению, Э. Ласло, может привести к реализации идеи мировой солидарности и позволит устранить кризисные процессы в развитии мирового сообщества.

После публикации доклада прошло уже более четверть века. Однако реализовать идею «революции мировой солидарности» так и не удалось, поскольку рационалистическая схемы не сработала. В мире, полном глобальных и социальных противоречий, сложно переплелись и старые и новые тенденции. «Возвышение» индивида происходит наряду с сохраняющимися социальными, классовыми, групповыми и иными интересами, которые идентифицируются в новых условиях и усложняют политическую борьбу. Сведение социального, группового к индивидуальному сознанию и поведению

---

¹ Bocast A.K., Fedanzo A.S. Goals for Global Society Forecasting and Social Change, 1975. Vol. 7. № 3. P. 328–329.

² Bocast A.K., Fedanzo A.S. Goals for Global Society Forecasting and Social Change, 1975. Vol. 7. № 3. P. 416–421.

не перестает быть ошибочным и в новых условиях. Качественные изменения индивидуального сознания, индивидуального поведения, значительные модифицированные в информационной среде, не устраняют, однако, законов движения больших социальных и исторических общностей. Различия интересов (и весьма существенные) ведут к политическим противоречиям и конфликтам, которые и не дают реализоваться мечте о мировой солидарности.

Вместе с тем информационная революция качественно изменила и резко усилила возможности контроля за личностью. Глобальная информатизация и компьютеризация общества, происходящие в современном мире, создают широчайшие возможности для контроля за сознанием и поведением граждан, реанимируют тенденции политического тоталитаризма. По мнению О.Тоффлера, в конце XX-начале XXI в. именно знания и информация становятся ключевым ресурсом, позволяют достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти.

Значение военного прогресса усиливается еще одним фактором. Информационная глобализация усиливает значение борьбы за права человека, за реальную политическую демократию.

В условиях глобализации одной из достаточно эффективных стратегий борьбы с международным терроризмом и национальным сепаратизмом становится стратегия блокирования этнического национализма, сепаратизма и терроризма, осуществляемая на основе развертывания культурного национализма. Стратегия продвижения культурного национализма предполагает вытеснение национализма этнических меньшинств на периферию сферы политического влияния за счет поддержки национальной интеграции, укрепления демократии и соответствующих политических институтов, проведения экономической модернизации¹.

Для исследования военного прогресса важно учитывать, что современную мировую обстановку формируют несколько тенденций. Первая: на планете все больше набирают силу цивилизационные процессы. Цивилизации, в особенности западная, исламская, китайская и российская (православная), претендуют на вечное существование. Но одного желанья мало, нужно иметь долгосрочные цели, уметь прописывать свою национальную и даже цивилизационную

---

¹ Лукин В.Н. Современные стратегии снижения рисков международного терроризма: китайский культурный национализм // Credo new. 2006. № 2 (46). С. 159.

стратегию и тактику и умело управлять национальным бытием. Вторая: глобализация, уже разделившая мир на «успешных» (или успевающих) и «неуспешных», которым суждено быть вечно ресурсными или трудовыми придатками первых.

Одна из самых мощных, еще только осознаваемых тенденций – «диффузия этносов и рас» как неуправляемая миграция, сметающая на своем пути любую демократию и национальную государственность. Любые экономические системы, государственные и даже культурные границы. Эта диффузия грозит превратить человечество в некий новый «первичный расовый бульон», из которого, по идее, выйдут новые этносы, суперэтносы и, может быть, даже расы. Уже сейчас мы наблюдаем очевидный закат Западной Европы, бывшей когда-то колыбелью белого христианского этноса. Присутствие враждебных исламских элементов и их цивилизационных плацдармов в европейских государствах настолько велико и мощно, что они уже прямо влияют там на государственную политику, на этнический и расовый состав европейских государств. И самое главное, чужаки игнорируют исконные ценности, культуру, обычаи и привычные реалии стран, в которых они поселились. Они используют технологии: «террора»; «демократии и прав человека»; формирования национального сознания («они» уже довольно успешно воздействуют на нашу ментальность); технологии «перманентных реформ» (наверное, в том числе и поэтому все наши реформы имеют явно выраженный деградирующий характер)¹

Позицию Запада откровенно объяснил З. Бжезинский, заявивший в одном из своих интервью: не надо морочить себе голову, мы (Запад) боролись не с коммунизмом, а с Россией, как бы она ни называлась. Это означает, что борьба Запада против России продолжится – пока существуют Запад и Россия, причем агрессивной стороной выступает Запад. Речь идет об угрозе существованию человеческой телесности, являющейся результатом многовековой биоэволюции и испытывающей активное деформирующее влияние современного техногенного мира. Этот мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, разрушающими здоровье. Обвал информации, стрессовые нагрузки, канцерогены, засорение

---

¹ Александров С. Кто зовет «в поход за демократию»? // Литературная газета. 2006. 4–10 октября.

окружающей среды, накопление вредных мутаций – все это проблемы сегодняшней действительности, ее повседневные реалии.

Вопреки косвенным обещаниям США не оказали целенаправленной массивированной помощи демократизирующемуся региону. За крахом «тоталитарных структур» в России отнюдь не последовало некоего нового варианта «плана Маршалла» – помощи Запада «самой молодой демократии», такой помощи, которую Америка оказала Западной Европе в 1848–1952 гг. Запад не захотел осуществить по-западному эффективную реструктуризацию национальной российской экономики. Все дело свелось к уменьшению российского стратегического потенциала. Ежегодный отток десятков миллиардов долларов из России на Запад питает западную экономику за счет обескровливания российской экономики. Новая ментально-социальная особь – новые русские – не стали связующим звеном между Россией и Западом. Их грубый практицизм стал разъединяющим началом в отношениях России и Запада. Их сомнительного происхождения накопления обильно направляются за отечественные пределы, в то время как инвестиции так нужны именно отечественной промышленности.

Что касается предоставления России хотя бы малой доли гигантского американского национального рынка (такое предоставление вывело в экономические гиганты Тайвань и Южную Корею прежде и КНР ныне), то здесь не отменены даже символы холодной войны, как дискриминационная поправка Джексона–Вэника. Москве не был предоставлен даже статус наибольшего благоприятствования в торговле. Ужесточение западного в введение восточноевропейского визового барьера сделало изоляцию России такой, которая напоминает «железный занавес».

Философско-политические и нравственные принципы Канта о «вечном мире» оказались для человечества в XXI веке вновь недостижимой мечтой. Более того, после агрессивного, варварского вторжения субъектов глобализации (международной мировой олигархии) силами США и НАТО в Югославию и Ирак, произошел своеобразный онтологический переворот – война де-факто стала легитимным состоянием мира, а законы международного права, ООН уже ничего не решают. Отныне агрессия и захват чужих территорий и легитимно избранных президентов именуется «миротворческой акцией», «атеррористической компанией» или, за неимением аргументов, «гуманитарной помощью» ради свобод и прав личности.

Не менее опасной тенденцией является тот факт, что США продолжают наращивать свои могучие вооруженные силы. Военные

расходы США в десять раз превышают государственный бюджет России. Американские солдаты находятся практически во всех уголках мира. В 1998 г. они участвовали в 2500 операциях в 112 странах мира. В период 1992—1997 гг. США провели 27 вооруженных интервенций, затратив 20 млрд долларов. Их военные базы расположились в подбрюшье Китая, Японии, России, Европейского Союза. Но дело в том, что народ в США сам жертва глобализации, осуществляемой безнациональным космополитическим финансовым капиталом. США – его стартовая площадка. Неокрепшая американская нация первая падает под ударами глобализации. Вот почему, как считает Б.Ключников, приравнивание глобализации к американизации носит достаточно условный характер, ведь деградация американской нации происходит может быть более высокими темпами, чем других, поскольку американское общество не имеет основательных исторических корней¹. Нам кажется подобный аргумент недостаточно обоснованным, поскольку пока что основными плодами глобализации все-таки пользуется американское общество, что доказывает, как мы отмечали, рост экономики в результате тех или иных агрессивных глобалистских поползновений США.

Вместе с тем, становление США сверхдержавой и выход на последний этап, предшествующий окончательной планетарной гегмонии талассократии, заставил американских геополитиков рассматривать совершенно новую геополитическую модель, в которой участвовало не две основных силы, но только одна. Причем существовало принципиально два варианта развития событий-либо окончательный выигрыш Западом геополитической дуэли с Востоком, либо конвергенции двух идеологических лагерей в нечто единое и установление Мирового Правительства. В обоих случаях требовалось новое геополитическое осмысление этого возможного исхода истории цивилизаций. Такая ситуация вызвала к жизни особое направление в геополитике – «геополитику мондлизма». Иначе эта теория известна как доктрина «мирового порядка». Она разрабатывалась американскими геополитиками начиная с 70-х годов, а впервые громогласно о ней было заявлено президентом США Джорджем Бушем в момент войны в Персидском заливе в 1991 г.

Одно из самых опасных следствий глобализации – это попытка оправдания вооруженной агрессии как крайней формы глобалистского давления. В современных условиях американские СМИ уже довольно откровенно готовят мировое сообщество к однозначному

признанию своей особой роли в плане решения международных и даже внутренних проблем отдельных стран вооруженным путем, без санкции ООН. Об этом свидетельствуют довольно откровенные размышления американских газет. Приведем только отдельные цитаты, подтверждающие это:

1. «...Признаем, что в будущем возникнут конфликты, когда использование ООН будет заблокировано. Такая бездеятельность нетерпима. В этих условиях США, Великобритания и как можно большее число их союзников должны быть готовы к применению военной силы без того, чтобы ООН их на это уполномочило»².

2. «В XXI веке новая доктрина превентивной дипломатии потребует взвешенного подхода в отношении прав суверенных государств и прав их граждан... Репрессивные режимы не могут больше прятаться за Уставом ООН...»³.

3. «Урок Косово состоит не в том, что НАТО нам не нужно, а в том, что она является единственным эффективным инструментом по предотвращению нарушений прав человека... Мы не всегда будем находиться в состоянии войны. Но нам надо привыкнуть к печальному бизнесу сохранения мира. С этих пор так и будет»¹. Как видим, задолго от нападения на Ирак американские средства массовой информации готовили общественное мнение к тому, что именно США вправе развязывать агрессию по отношению практически любой страны, которая в той или иной мере противится глобализационному диктату с их стороны.

Анализ современной структуры противоречий, их изучение в ракурсе возможностей существования коллективных решений, приведет к появлению новых разделов обществоведения, цель которых – изучение спектра организационных общественных структур, способных обеспечить коэволюцию природы и общества, другими словами, обеспечить возможность перехода человечества в эпоху ноосферы. Изучение проблем ноосферы с позиций синергизма, т.е. рассмотрение их в ракурсе вопросов существования квазистабильных, развивающихся организационных структур, будет, вероятно, иметь и большое общетеоретическое значение для развития наук об обществе на пути к единой науке – науке о человеке как регулятивной цели¹.

---

¹ Мойсеев Н.Н. Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1988–1989. М.: Наука, 1989. С. 111.

Можно предположить, что Ф. Фукуяма говорил о конце истории, исходя из того, что в историческом плане глобальное противостояние закончилось в пользу Америки. Но этот тезис можно проинтерпретировать и иначе: история закончилась, ибо нет смысла видеть в современных реалиях исторические противостояния. Ввиду этого современность сейчас выступает, точнее, может выступать, если учесть опыт постмодернизма, как альтернатива парадигме историчности. Референтом этой парадигмы является новый социальный типаж: общество с новой культурой приватности. Все это свидетельствует о том, что в социальной сфере в XX в. происходит явный перенос центра тяжести от сильных общностей с четко очерченными контурами, набором жестких детерминант к общностям слабым, с расплывчатыми очертаниями, прозрачными и подвижными границами, с весьма вариативным, нежестким набором требований и предписаний по отношению к человеку.

Вероятно, один из парадоксов XX в. заключается в том, что люди всей Земли ощутили свою общность не столько в результате своей созидательной совокупной деятельности, что было бы естественным и нормальным, сколько в результате того, что они столкнулись в общем противостоянии. Более 60 государств, сошедшихся на поле брани во второй мировой войне, воочию, реально ощутили свою связь, свою нераздельность. Еще больше человечество ощутило свое единение перед реальной угрозой атомного и экологического апокалипсиса. Подведя себя к порогу самоуничтожения, заглянув в общую бездну небытия, через реальную угрозу общности смерти человечество восприняло свое единство. Вот эту целостность мира, рожденную общей бедой и угрозой, проявляющуюся в этой общей беде и угрозе и противостоящую им, мы характеризуем как негативно-конфликтную целостность мира. Конечно, негативная целостность мира не есть еще действительное единение людей. Когда в доме пожар и люди его гасят, то в борьбе за спасение дома они, конечно, объединяются. Но если у них нет глубинных созидательных общих интересов, то это объединение может быть хрупким и кратковременным. Во всяком случае, оно отнюдь не гарантирует, что после победы над огнем люди сами не превратят свою жизнь в ад. Если же у них появляются общие созидательные интересы и цели, если самой своей жизнью они подводятся к выводу, что иначе как в мире и сообща они жить не могут, вот тогда формы их объединения, преобладание общих интересов над эгоистическими страстями становятся

прочной и определяющей тенденцией их жизни. Тогда и общая борьба с социальными «пожарами» становится не просто вынужденной необходимостью, а естественным выражением глубинной сущности человеческого родового бытия. Поэтому негативно-конфликтная целостность мира, обнаруженная XX в., должна подвинуть человеческий род к более активному поиску реальных механизмов созидания действительного единства и целостности мира.

Если отвлечься от теорий, то на современных рынках у проигравших есть на кого обидеться – ими уже давно управляют не личные силы, а вполне конкретные интересы конкретных людей и организаций. В этом смысле ситуация парадоксально изменилась: именно рыночные отношения порождают самые разнообразные формы несвободы – будь то жесткие нормы корпоративного поведения или ценовые сговоры монополистов.

Сегодня же под лозунгами свободы нам пытаются обосновать принцип неравенства. Будь свободен, не думай о других. Это нормально, что кто-то живет хуже, чем ты. Мир несовершенен, так будь среди победителей. Выбор между принципом равенства и неравенства в конечном счете не экономический. Этот дисбаланс социального опыта и отличал эволюцию человечества вплоть до XX в. и оказал определенное воздействие на всю предшествующую стратегию человечества, на разработку им прогнозов своего дальнейшего развития.

Важной отличительной особенностью социальной жизни XX в. является ее возросший динамизм. Уже само по себе омассовление общества, сосредоточение людей в огромных производствах, ускоренная урбанизация общества, освоение новых регионов стимулировали процессы социального перемещения. С развертыванием научно-технической революции общественное производство набрало еще больший динамизм, стали возникать новые области производства, услуг, быстрее осуществляется переориентация различных видов деятельности, что также стимулировало миграционные процессы в обществе. Все это происходит в условиях своеобразного преодоления социологической замкнутости общностей, размывания социологических границ, их большей открытости. Добавим к сказанному, что социальная мобильность в обществе усилилась по горизонтали (из одной профессиональной группы в другую, из одного региона в другой) и по вертикали (область изменения социального статуса, перемещение либо в люмпенско-маргинальные слои, либо в обеспеченно-элитарные эшелоны). Возросла и международная со-

циальная миграция, особенно во второй половине века. Думается, что последнее десятилетие характерно всплесками международных миграционных потоков, связанных с процессами в бывших социалистических странах. Развитие социальной мобильности создавало новые проблемы и в то же время снимало социальные напряжения, не позволяло законсервироваться и излишне обостриться социальным конфликтам.

В целом же можно сказать, что в XX в. сдает свои позиции социологический редукционизм. Это означает, что те общности, которые характеризуются жестким давлением на человека, тенденцией подминать человека, недооценивать, а то и вовсе отбрасывать его индивидуально-личностные вопросы, теряют свой вес и значение. Как бы ни были для человека привлекательны выгоды от различных форм объединения, но если эти выгоды побуждают его пренебречь своими индивидуально-личными интересами, в чем-то отступить от личной независимости, человек предпочитает от этой общности и от этих выгод отказаться.

Лидерство – это не только возможность, но реализация действий по преобразованию «макромасштаба» – страны, хозяйства, экономики, уклада и образа жизни в целом. Кроме того, эта практика должна быть успешной, для чего надо понимать свое место и роль не в мировом хозяйстве и не в мировом разделении труда и даже не в геополитике, а в мировой истории.

Миф о самодостаточности «естественной экономики» использовал в качестве символа веры известные слова Адама Смита из его «Богатства народов» о «невидимой руке рынка, превознося упомянутою «руку» как некий собственный внутренний механизм коллектива естественно сосуществующих экономических организмов, который якобы – дай ему волю – и создает сам все потребные народу (стране) богатства. Главное этой «руке» не мешать. «А ведь Адам имел в виду, что «невидимая рука» потому и рука только, что принадлежит государству, является средством управления со стороны последнего. В качестве не менее важного обязательного условия процветания Смит также назвал нравственный строй общества, описанный им в другом произведении и представляющий собой, по сути, то же государство каркас общества¹.

---

¹ Сергейцев Т. Суверенин и лидерство как проект // Однако. 2012. 17 декабря. № 38 (147). С. 18.

Гуманистами назывались интеллектуалы, состоявшие в переписке друг с другом. Известно также, что и роман – толстая книга выросла из длинного письма. Отсюда гуманизм можно определить как дружеское общение при помощи письма. Уже во времена Цицерона гуманистами называли людей, умеющих пользоваться алфавитом, использующих язык для воздействия на людей с целью их облагораживания. То, благодаря чему и сегодня спустя две с половиной тысячи лет сохраняется философия, это ее способность писать тексты для друзей и о дружбе. Ее можно рассматривать как непрерывную цепь посланий от поколения к поколению и как дружбу между авторами, копиистами и читателями, дружбу связанную именно ошибками и искажениями при интерпретации, которые поддерживают напряженные отношения между любящими истину.

Сегодня мы живем после распада одной из систем, основанной на глобализме как мировоззрении и политической практике. Но мечтаем при этом о другой суперглобальной системе, охватывающей уже не треть или половину, а весь земной шар. Однако естественной реакцией на глобализацию является нечто иное, а именно интенсивная регионализация и попытки укрепления национальных государств, вооруженных не только армией, но и собственной культурой, превосходство которой пропагандирует местная интеллигенция. «Да это фашизм!», – кричат сторонники либерально-космополитического проекта. Но «либеральный ироник» – таков идеал интеллигенции – не должен морально осуждать своих противников, ибо в будущем должны мирно ужиться любители кефира и пива. Поэтому в глобально-космополитическом проекте должна найти реализацию пестрота не только национальных культур, но и частных мнений.

Если учесть тот факт, что в настоящее время в средствах массовой информации России господствуют главным образом недруги Отечества, этакие элегантные представители современного мракобесия, то выяснится, что одной из основных функций этих «средств» выступает функция подавления пассионарности народа, дискредитации его авангардной части. Главари информационной войны прекрасно понимают, что лишенный пассионарности народ не сможет поднять свою страну из руин. И, следовательно, русский народ обречен на прозябание и исчезновение с исторической арены¹.

---

¹ Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 275.

Одни и те же социальные влияния или черты характера ученого могут приводить, и чаще всего действительно приводят к совершенно различным когнитивным последствиям в зависимости от того, каким образом они включаются в процесс познания.

В условиях современной России, как, впрочем, всегда в переломные моменты, к прошлому обращаются, как к основному аргументу в споре. Не только представители власти и претенденты на нее, вкладывают капитал в поиски исторических параллелей.

Взимосвязь и взаимозависимость глобалистских и общен исторических вопросов рассматриваются в работах профессоров и преподавателей МГУ. Активно в данном направлении на рубеже работали: академик РАН Ю.А. Поляков, профессора Л.М. Дробижева, А.И. Вдовин, В.Л. Мальков, Л.И. Семенников, С.В. Тютюкин.

Осмысление глобальных и конкретно-исторических проблем шло по трем основным направлениям.

Во-первых, историки-глобалисты стремились выделить общие, особенные и единичные черты российской истории в контексте мировых цивилизаций с древности до наших дней. При этом особый упор делался на выяснении общих и специфических черт всеобщей и отечественной культуры.

Во-вторых, они анализировали и переосмысливали устремившие мифологемы и стереотипы российской истории, доставшиеся нам в наследство от прошлого и мешающее сегодня современному пониманию новых вызовов времени и неоднозначных противоречий общественного развития.

В-третьих, стремились выработать некоторые конкретные рекомендации, направленные на минимизацию, а в последующем и ликвидацию, основных «болезней» современного социума, на разрешение самых актуальных глобальных проблем.

Советский социализм и западный капитализм более полувека конкурировали как два различных варианта, две стратегии развития техногенной цивилизации. Вступив в фазу постиндустриального развития, техногенная цивилизация начала новый цикл своей экспансии в различные страны и регионы планеты. То, что называется сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего, через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации.

Обострение современных глобальных кризисов все больше свидетельствует о том, что техногенная цивилизация исчерпала резервы своего роста. Выход из этих кризисов, скорее всего, потребует радикального пересмотра базовых ценностей техногенной цивилизации, а это, в свою очередь, будет означать переход к новому, третьему (по отношению к традиционалистскому и техногенному) типу цивилизационного развития. С учетом возможных сценариев будущего сегодня начинают конкурировать и два понимания постиндустриального общества, которое рассматривается в качестве наиболее вероятного пути развития современной цивилизации. В первом варианте оно понимается, прежде всего, как новый этап технологического развития и как своеобразная пролонгация ценностей техногенной культуры. Во втором, как радикальный переворот в системе ценностей, соотнесенный с изменением стратегий технологического развития¹.

Г. Померанц затрагивает тему места и возможностей России на перекрестках четырех цивилизаций: трех азиатских – исламской, южно-азиатской и дальневосточной – и европейской (или средиземноморской), возникшей на основе двух ветвей христианства – римской и византийской. Он полагает, что «Россия всю свою историю была связана с той или другой цивилизацией средиземноморского круга, связанной с монотеизмом и с греческой философией»². По его мнению, «возможности российской культуры, развивающейся на перекрестке субглобальных цивилизаций», далеко не исчерпаны³. Однако, для того чтобы раскрыть богатство ее содержания, необходимо, как минимум, продолжить ее «с того места, на котором ее рост оборвали большевики»⁴. Г. Померанц призывает «жить одновременно и в истории, и хоть на полголовы подниматься над историей к вечным ценностям, которые могут быть понятны каждому человеку, к какой бы цивилизации он ни относился»⁵.

«Россия и Европа» – так называется статья известного итальянского философа и социолога Витторио Страда. В статье за-

---

¹ Марксизм: история и современность. Китайско-российский форум 20-21 ноября 2006 г. // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 177–178.

² Померанц Г. История России в свете теории цивилизации // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 25.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 33.

трагируется проблема, впервые опубликованная П.Я. Чаадаевым 170 лет назад в качестве центральной проблемы для определения своеобразия России в рамках мировой истории. Авторское утверждение о том, что характер этой проблемы менялся в зависимости от эволюции как России, так и Европы (да и мира в целом), становится методологией раскрытия темы. Понятие «Россия», по мнению Страда, отражает четыре исторические ситуации: Московское царство, петербургскую Империю, Советский Союз, Российскую Федерацию. В каждом из этих государственных образований сохранялось ядро: Россия оставалась многоэтническим и многонациональным образованием. Европа менялась от мира традиции, когда она представляла собой множество национальных государств, зачастую враждовавших между собой, до мира «модерности», когда «европоцентризм» утратил свое значение и можно, скорее, говорить о западной, чем о европейской цивилизации. Это разделение открывает два плана исторического рассмотрения обозначенной темы: в контексте традиции и в контексте модерности. Исходя из этого, Страда показывает, какие моменты противопоставления России и Европы были существенны в одном плане и утратили свое значение в другом. Во времена Советского Союза Россия «фактически оторванная от культурной жизни Европы, считала себя образцом для всего человечества, в соответствии с сугубо советоцентристской идеологией»¹.

Украинский философ Л. Стародубцева затрагивает проблему поиска целостного взгляда на мир. Ею рассматриваются три основных способа познания мира – богословский, философский и научный. Развитие и дифференциация этих трех областей знания достигли к настоящему времени, как ей кажется, катастрофических масштабов: «... употребляя сегодня сами понятия «богословие», «философия» и «наука», мы не можем ни на миг забывать, что за каждым из них – необозримый спектр далеко разбежавшихся друг от друга и иногда причудливо сталкивающихся школ и направлений»².

Еще один удар по целостной картине мира был нанесен в течение последних 200 лет вследствие распада европоцентристского взгляда на мир. Современное знание представляет собой, по мнению

---

¹ Страда В. Россия и Европа // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 92.

² Стародубцева Л. Взгляд Линкея, или мир сквозь линзы умозрений // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 193–194.

Стародубцевой, безысходную ризому, бесконечную борхесовскую библиотеку, аморфно разрастающуюся паутину знаний, где из каждой расщелины, как и тысячи лет тому назад, не перестают раздаваться обвинения и сетования на утрату мудрости в познании целого. Кроме того, познание начинает страдать

Возникает насущная необходимость выработки таких организационных форм диалога между представителями власти и общественности, которые эффективно совмещают в себе юридическую, практическую и нравственную компоненты. Основой этих новых технологий являются экспертные сообщества, рассматривающие все существующие проблемы с нравственных позиций, а примером их практической реализации могут служить государственно-общественные научно-экспертные советы. Принципиально важные особенности подобного подхода проявляются в следующем.

Во-первых, здесь конкретно и организационно может решаться вопрос об имманентном разрешении противоречия между нравами и юридическими законоустановлениями. Тем самым открывается путь для преодоления формализма, безнравственности буржуазной демократии.

Во-вторых, появляется реальная возможность мобилизовать на службу народовластия очевидную подоплеку гражданского общества – социальную нравственность с ее научно-гуманитарной корректировкой. Это выразится в подготовке стратегических решений, в разработке целевых программ, в выявлении нравственных оценок деятельности публично значимых лиц.

В-третьих, выражая в научно-рациональной форме созидательные нравственные традиции народов России, подобные органы будут выполнять важные функции в решении узловых задач реализации народовластия. Они станут в нравственной практике не только своеобразным ориентиром, но и источником, базой человеческого ресурса в развитии справедливого общества.

Таким образом, смысл массовых протестов трудящихся против безнравственных явлений современной жизни в России в том, чтобы эмпирическим путем утвердить новые нравственные устои бытия русского и других народов.

Россия же получила следующее.

4. Вопреки косвенным обещаниям США не оказали целенаправленной массивированной помощи демократизирующемуся региону. За

крахом «тоталитарных структур» в России отнюдь не последовало некоего нового варианта «плана Маршалла» – помощи Запада «самой молодой демократии», такой помощи, которую Америка оказала Западной Европе в 1848-1952 гг. Запад не захотел осуществить по-западному эффективную реструктуризацию национальной российской экономики. Все дело свелось к уменьшению российского стратегического потенциала.

5. Столь привлекательно выглядевшая схема недавно прошлого – соединение американской технологии и капиталов с российскими природными ресурсами и дешевой рабочей силой – оказалась мертворожденной. Хуже того, ежегодный отток десятков миллиардов долларов из России на Запад питает западную экономику за счет обескровливания российской экономики. Новая ментально-социальная особь – новые русские – не стали связующим звеном между Россией и Западом. Их грубый практицизм стал разъединяющим началом в отношениях России и Запада. Их сомнительного происхождения накопления обильно направляются за отечественные пределы, в то время как инвестиции так нужны именно отечественной промышленности.

6. Несмотря на окончание военного противостояния, Америка, к удивлению московских идеалистов, расширяет зону действия НАТО в восточном направлении, выходя на российские границы. Строго говоря, речь идет о неудаче курса, начатого Петром Великим и патетически продолженного нашими демократами-западниками. Но хотя имперские переростки глобализационного периода, как правило, разваливаются, их достижения не пропадают. После потрясений и хаоса начала новой эпохи, который расчищает дорогу новому технокладу и оплачивает его становление, возникают новые государственные образования, как правило, намного больше по размеру. Это новая норма, но достигнутая не ценой напряжения, а за счет значительно более мощных коммуникационных технологий новой эпохи, в том числе и определенного уровня военного прогресса.

Военная история свидетельствует, что не бывает военных союзов без военной цели. Сегодня никто не вспоминает, что в ноябре была подписана в Париже Хартия о безблоковой Европе (ноябрь 1990 г.). Однако многое было сделано так, как хотел Запад. Любой историк может сказать, что в процессе объединения Германии государственный секретарь Джеймс Бейкер обещал распространять НАТО на Восток. Мы же получили ситуацию, при которой из пят-

надцати бывших республик СССР в восьми находятся войска НАТО, и сегодня базы НАТО находятся в часе езды от Петербурга.

Организация «парада суверенитетов» в республиках была крайне непростой, так как задача вывода республик из состава Советского Союза на уровне массового сознания воспринималась как надуманная. Различные технологии, пропаганда, построенная на демонизации Советского Союза как «империи зла», работали на разделение государственного организма. С ликвидацией СССР как субъекта международного права произошло расчленение политико-правового, военно-стратегического, экономического и информационно-культурного пространства единого государства. Было разрушено тысячелетнее творение русской истории.

Определение военного прогресса должно учитывать тот факт, что традиционная для России ситуация «между двумя варварствами», равно как и императив «варварской борьбы против варварства» ныне воспроизводится в полном объеме в следующей модификации: «варварская приватизация» и «дикий рынок» против «варварского тоталитаризма». Западный мир посчитал выгодным воспользоваться удивительной широтой русского политика. Он оказался не способен оценить благородные поступки удивительной страны, которая периодически впадает то в одну, то в другую крайность. Удивительный поворот России к внешнему миру, ее желание быть Большой Европой в результате привели ее к изоляции, к тому, что она является сырьевым придатком, к тому, что Россия не решает основные вопросы насущной современности.

Решающим в распаде СССР оказался не уровень военного прогресса, а моральное переосмысление семидесяти с лишним лет социалистического эксперимента, потрясшее нацию. Как показывает анализ, вовсе не «звездные войны» Рональда Рейгана, а поток публикаций о правах человека в Советском Союзе, сыграл свою роковую роль. Именно поэтому современная ситуация в России и мире предполагает новое осмысление всех процессов, связанных с новым наполнением понятия «военный прогресс».

Осознание своей идентичности предполагает понимание того, что народное действие России находится в полной гармонии с народными верованиями, теми самыми, которые легли в основу нетленного ядра славянофильских идей. «Святая Русь» не концепт народной идеологии, не кантовская «регулятивная» идея национального русского сознания, а совершенно конкретная, мистически реальная

святыня умного делания народа и его духовного бытия. О том, что время славянофильствует, говорит не только «разделение» Европы, предчувственно постигнутое лучшими из славянофилов, но и живое явление народного гранита в настоящем столкновении рас и народов¹. И в этом отношении совершенство и несовершенство человека есть проявление его правильного или неправильного философско-практического отношения к действительности»². Тем не менее, хотя «славянофилы сошли с исторической сцены, но их опыт, их прозрения и ошибки являются историческим фундаментом и ценным наследием для всех убежденных сторонников национальной самобытности России»³. Именно понятие государства-континента в применении к России имеет важное методологическое значение и существенно для политической философии, которая дает концептуальную картину будущего развития нашего отечества. В этом плане неопенимой является идея В.И. Вернадского о России как государстве-континенте, высказанная им еще в непрочитанной речи (февраль 1917 г.). В ней он также указывает на общечеловеческий характер российского государства-континента: «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории... Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества». И далее В.И. Вернадский отмечает, что полиэтнический характер и разнообразие физико-географических условий нашего отечества служит основой сильных центробежных сил. Поэтому для сохранения единства Российского государства необходима не грубая сила, а соответствующее требованиям мировой цивилизации равноправное существование «всех народов и всех граждан»⁴. Действительно, по мнению многих отечественных исследователей, с которыми солидарны и мы, правящей элите России следовало бы воспользоваться весьма плодотворной идеей В.И. Вернадского, которая отвечает геополитическим интересам России как евразийского

---

¹ См.: Эрн В.Ф. Время славянофильствует. М., Правда, 1991.

² Колмаков В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры // Теория и история. 2004. № 3. С. 135.

³ Афонский Л. Славянофилы: прозрения и ошибки. Режим доступа: <http://www.moskva.cdru.com/>

⁴ Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 10.

государства-континента¹. Кроме того, по мнению Б.В. Межуева, политическую ситуацию может серьезно осложнить и сжатие России с Юга и Запада «... враждебными к ней и друг к другу геополитическими силами, что в очередной раз поставит нашу страну перед цивилизованным выбором, вновь расколов ее на непримиримые идеологические лагеря. И каков бы ни был результат этого выбора, он все равно окажется проигрышным»².

Из возможных исходов кризиса в России, как пророчил З. Бжезинский, наиболее возможным является «... затяжной, но не принимающий решительных норм системный кризис, длящийся без какого-либо четкого разрешения более десятка лет и периодически отмечаемый взрывами общественного негодования со стороны все более недовольных экономическим положением городских масс и особенно со стороны политически более беспокойных...»³.

В современной Европе существуют абсолютно табуированные для «демократического обсуждения» – в основном это касается истории 20-30-х годов XX века и ряда фактов истории Второй мировой войны, вплоть до массовых бомбардировок мирного населения стран «Оси» агло-американской авиацией. За «исторический ревизионизм» в Европе можно получить до 5-7 лет тюремного заключения или полный остракизм. И это вполне естественно – своевременные евроструктуры плюс «национальные правительства» суть также диктатура, причем диктатурам шмиттовской терминологии, «комиссарская», то есть осуществляемая от имени и по поручению некоей иной суверенной власти – явной или тайной.

Победа 1945 года осталась в далеком прошлом, ее геополитические результаты у нас отобрали. Вместе со страной, которая эту войну выиграла, вместе с идеологией, которая эту Победу вдохновляла. Тем не менее, холодную войну Запад выиграл, с формализованным, геополитически и идеологически структурированным конкурентом покончил.

В современных условиях, когда американцы, после бомбежек мирных объектов Югославии и Ирака, проявили себя в роли самого жестокого международного террориста красноречиво как насмешка

---

¹ См.: Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Россия versus Рим (сравнительный анализ российской и древнеримской цивилизаций). Таганрог, 2001.

² Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. 1997. № 1. С. 5–31

³ Квинтэссенция. Философский альманах. М.: Политиздат, 1990. С. 270–272.

над мировым мнением, выглядит важное заявление Рузвельта, сделанное на Ялтинской конференции 5 февраля 1945 года: конгресс и американский народ не согласятся на содержание значительных американских войск в Европе «на период более чем два года». Следовало заполнить вакуум, чтобы обеспечить наличие в Европе достаточных для сдерживания Германии сил. Речь шла о создании мировой организации с контрольными функциями – главный вопрос для американцев. На самом деле глобалистские наклонности вашигтонской администрации явно проявились уже на Ялтинской конференции, а были закреплены чудовищным преступлением в Хиросиме и Нагасаки. Показательно, что современный американский «глубоко демократичный» и «свободолюбивый» обыватель вполне одобрительно воспринимает это кощунство. Бомбежки древнейших, самодостаточных цивилизаций, как свидетельствовали многочисленные факты, могут стать даже поводом для зарабатывания денег, например, выпуск в США марок, посвященных бомбардировке Хиросимы и т.п.

Попытки стимулировать военный прогресс в России являются объектом нападков не только враждебных СМИ. Российские СМИ упиваются критикой всего и вся в нашем Отечестве, замалчивая успехи и предлагая «валить» из страны. Информационное оружие необходимо там, где есть общество, готовое к восприятию информации. Оно тем эффективнее, чем больше людей готовы принять роль жертвы, чем больше людей готовы отказаться от собственной идентичности в конечном счете и раствориться в том проекте, который навязывает та или иная информационная система. Мы проиграли информационную войну с Западом в 1994-1996-х годах, когда наше собственное телевидение пинало в спину нашу армию, когда люди с деструктивной философией жизни имели доступ к формированию общественного сознания. Однако в России не нашлось политиков уровня П.И. Милокова, известного историка и депутата Государственной Думы. В начале XX века он вынужден был признать особую ответственность политиков в вопросе предотвращения войны. «Конечно, мы должны признать, что ответственность за свершившееся лежит на нас, то есть на Прогрессивном блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или в начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие

намёки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю»¹.

Мы всегда находимся в современности как наличном продолжении исторического процесса. Однако на современность можно взглянуть и иначе: как на нечто автономное от истории. И, в этом случае, перед нами уже иная ситуация и иные требования. Раньше важно было быть прогрессивным, т.е. выражать прогрессивную тенденцию истории, выражать историческую силу. Это, согласно парадигме историчности, и означало быть современным. Конечно, современность можно рассматривать как момент истории, в контексте истории, традиции, размышляя о зависимости текущего положения дел о начальных условиях. Несовременность можно рассматривать и иначе: как длящийся текущий процесс, не связанный с логикой исторического развития и этот ракурс меняет систему ценностей, акцентов, меняет наши представления об обществе и его агентах. Так возникает пара бинарных терминов: история и современность.

Парадигма историчности апелировала к таким социальным субстанциям, как нации, классы, политические движения. Эти субстанции являлись историческими образованиями, задавали движение общества и придавали смысл этому движению. Исходя из этого, политика мыслилась как выражение исторической правды в том или ином вопросе... Историческая политика доживает свой век, ибо сейчас уже все чаще мы видим ситуации, когда нам уже неважна историческая правда, в тех или иных текущих политических конфликтах. Мы все чаще сталкиваемся с ситуацией, когда нет смысла в поисках тех или иных закономерностей, поэтому представляется возможным сказать, что историческая рациональность исчерпала себя как способ смыслообразования².

Углубляющийся дефицит ресурсов – одна из глубинных причин региональных и глобальных кризисов нового тысячелетия, обостряющихся и подспудно зреющих. От наличия или отсутствия необходимых природных ископаемых напрямую зависят жизненные стандарты населения земли, перспективы социально-экономического развития государств, стабильность мировой экономики и международная безопасность.

---

¹ Лавров В. Брань и ужас // Литературная газета. 2010. 8–14 сентября.

² Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 25.

С точки зрения глобальной геополитики начало XXI в. удивительно напоминает начало XX в., когда старые колониальные державы (Англия, Франция и в несколько меньшей степени Португалия и Испания) пытались удержать за собой исключительные позиции в мире и не пустить к ресурсному пирогу и рынкам сбыта новых нарождающихся тяжеловесов – Германию, Японию, США и пр. Тогда это соперничество закончилось войной, получившей названия «империалистическая», а в России грянула революция.

Сегодня в качественно новых социально-экономических условиях в мире сложилась схожая ситуация. Глобальный баланс сил меняется. Краткосрочный период всевластия одной державы (так называемая монополярность) закончился. Старые мировые центры экономической силы (США / Канада, ЕС, Япония) постепенно уступают некоторые глобальные экономические позиции конкурентам, прежде всего молодым быстрорастущим экономикам – Китаю, Индии, Бразилии, Южной Корее, Тайваню и др. Отдельные страны, ранее относимые к мировой периферии, начали обретать нехарактерную для них прежде экономическую мощь и геополитическое значение, в то время как традиционный центр глобализированной экономики постепенно выпускает из рук рычаги управления мировым хозяйством, до сих пор безоговорочно находившиеся в его распоряжении.

Острое ощущение ценности человеческой жизни в условиях нависшей над ней реальной угрозы, ощущение единства человечества пробудили инстинкт человеческого самосохранения. Это выразилось в повсеместно распространенном убеждении, что определенные шаги в человеческих отношениях в мире делать нельзя. Развилось своего рода мировое вето на некоторые действия государств, партий, народов, классов. И это вето, подстегиваемое реальной мощью атомного оружия и угрозой его применения, в какой-то мере держит мир в рамках существования. Так что глобализация мира с ее тенденциями к конфликтности в определенной мере развила человеческое в человеке, чувство общности людей, усилила инстинкт самосохранения человека и человечества. Все это в определенной мере означало шаг в развитии человека, рост его влияния на мировое сообщество.

Таким образом, XX в. обогатил человечество своего рода сбалансированным социальным опытом. Этот век вобрал в себя реальное господство в обществе совершенно различных форм собственности, управление обществом со стороны разных, зачастую противоположных социальных сил. показал на практике функционирование

разных политических систем, идеологических концепций. При этом прошли своеобразную практическую апробацию совершенно поллярные социальные, культурологические концепции. В этом смысле мы считаем опыт XX в. своего рода завершенным.

3.3. Перспективы военного прогресса как гарант будущего России

Вопрос о сущности прогресса, его роли в жизни общества актуален и в рамках исследования особенностей военного прогресса в современном глобальном мире. Проще оценивать статичные точки и периоды, ограничивая анализ явлений одной исторической парадигмой, отрицая проблему прогресса как улучшения, совершенствования, хотя в этом случае однозначно определить «правильное» или «неправильное» направление прогресса не получится. Необходимо вычленять сильные и слабые стороны взаимоотношений политики, науки и техники.

Существующие на сегодняшний день подходы к определению прогресса не учитывают многообразие человеческого опыта в условиях глобализации, что предполагает формирование более основательного методологического базиса.

В условиях XXI века, проблемы военного прогресса видятся более глобально, нежели в XX веке, поскольку генерировать прогрессивные идеи, аккумулируя интеллектуальный капитал, уже под силу и малым государствам. Рост взаимозависимости между различными регионами и странами проявляется в виде все возрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена.

При детальном рассмотрении прогресса человечества в целом на первый план выходит поступательное ускорение развития. Исходя из данных о хронологической продолжительности последовательно сменяющих друг друга эпох, обнаруживающей ускорение ритма истории, и следует рассматривать проблему военного прогресса в обществе.

Современный критический рубеж истории острее, чем когда-либо, ставит человечество перед необходимостью создания каче-

ственно новых форм индивидуальной, внутригосударственной и международной жизни, принципиального разрыва со многими изжившими себя традициями и привычками, ценностями и нормами капиталистической цивилизации и всей предшествующей истории в целом. Многие, что в прошлом казалось естественным, необходимым и неизбежным, в наше время уже выступает как противоположное, практически неприемлемое и просто несовместимое с дальнейшим существованием и прогрессом человечества.

Современное человечество видит себя поставленным перед необходимостью сделать реальным фактом своей социальной жизни то, что было невозможно осуществить в прошлой истории. Полный отказ от войны как средства разрешения внутренних и международных конфликтов от права силы в отношениях с другими народами и государствами, последовательное искоренение всех форм социального, национального и расового неравенства, переход к мирному сосуществованию государств, их соревнование и сотрудничество в решении глобальных проблем – таков перечень задач, которые стали перед человечеством и определяют неповторимый характер современной исторической эпохи.

Необычайные задачи и трудности нашего времени с особой остротой ставят вопрос о месте и роли человека в современных свершениях, о его ответственности за судьбы человечества, о возросшей роли субъективного фактора в истории.

Свое право на дальнейшее существование человечество завоевывало в тяжелой борьбе, в которой люди действовали не просто как слепые орудия исторической необходимости, а как свободные и творческие существа, сознательно преследующие конкретные цели и идеалы. В наши дни эта зависимость исторического развития, его характера и результатов от актуального и конкретного творчества людей приобретает исключительно большое, решающее значение.

Сейчас в мире идет напряженный поиск новых путей развития, новых человеческих ориентиров. Поиск осуществляется в различных областях человеческой культуры – в философии, в искусстве, в религиозном постижении мира, в науке. Речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, новых смысложизненных ориентиров, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества, помочь пересмотреть прежнее отношение к природе, выработать новые идеалы человеческой деятельности, понимание перспектив развития человека.

Гиперреальность является имитацией, симуляцией реальности. Поскольку реальность в полном объеме недоступна отдельному индивиду, у него нет выбора: он вынужден принимать имитацию за саму реальность и, исходя из этого, выстраивать свою жизненную стратегию и тактику.

Гиперреальность порождается рыночным производством и предстает в форме товаров и услуг. Она становится предметом потребления. Ги Дебор называет ее «псевдо-миром, подлежащего только созерцанию»¹. Поскольку гиперреальность по своим масштабам несопоставимо больше, чем реальность, непосредственно переживаемая индивидами, то основная часть мира, в котором живет современный россиянин, превращается в предмет потребления. Мир, который наблюдается и переживается без посредников, составляет лишь мизерную часть жизненного мира среднего современного человека.

Виртуализация – это процесс превращения неосязаемого идеального продукта в реальные, материальные формы. По своей сути они являются зеркальным отражением реальности первого порядка. Но «зеркало» материально, хотя это совершенно иная реальность, нежели находящийся перед ним объект. Сходство отражения и отражаемого может варьироваться до полного подобия (но никогда не идентичности!), до очевидных фантазий по поводу реальности. В последнем случае реальность представлена в зеркале, но лишь как повод для полета фантазии².

Поколения последних десятилетий социализировались в обстановке нарастающей утраты духовных ценностей, замены их ориентирами на материальный успех любой ценой, падения престижа профессий, связанных с интеллектуальной и духовной деятельностью. Проблема безопасности в жизнедеятельности современной цивилизации приобрела не менее важную роль, чем проблема развития и оказалась тесно связанной с перспективами выживания человечества в условиях глобализации и обострения глобальных проблем. Это нашло свое отражение в научных дисциплинах и направлениях исследовательской деятельности, привело к тому, что понятие «безопасность» (и связанный с ним «куст» понятий) превратилось

---

¹ Ильин В.И. Россия: общество политического потребления. // Философские науки. 2007. № 7. С. 51–52.

² Popper K. R. *Woran glaubt der Westen? // Auf der Suche nach einer besseren Welt, Vorträge und Aufsätze aus dreißig Jahren*, München, Zürich: Piper, 1984. S. 238.

в междисциплинарно-интегративное, а в обозримой перспективе – даже в общенаучное (а может быть, и в философское понятие) понятие. И хотя дисциплинарное утверждение безопасности как категории, выражающей способ относительно «спокойного» бытия того или иного объекта, существенно отстает от проблемно-поисковых разработок, тем не менее может быть поставлен вопрос о становлении уже в ближайшее время общенаучной дисциплины, предметом изучения которой окажется проблема обеспечения безопасности в ракурсе устойчивого развития, о чем уже высказывались определенные соображения¹. Теперь уже ясно, что необходимо изучать совместно законы развития объекта и законы обеспечения его безопасности, что предполагает становление не просто науки о безопасности, а науки о связи безопасности и развития. Именно это предполагается в той сфере исследований, которая именуется ноосферологией, в которую органически вписываются проблемы обеспечения безопасности и устойчивого развития².

12 мая 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указ № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», который утвердил эту Стратегию и признал утратившим силу предыдущие редакции (1997г. и 2000г.) Концепции национальной безопасности РФ. Принятие этой Стратегии, которую для краткости далее будем именовать Стратегия-2020, имеет важное значение как для консолидации усилий общества и государства в области обеспечения национальной безопасности, так и дальнейшего социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу. В статье мы остановимся на некоторых принципиально новых идеях, которые придают Стратегии-2020 фундаментальное мировоззренческое и концептуально-методологическое значение и которые могут существенно повлиять на судьбы российского общества и государства в ходе реализации этой Стратегии.

Наиболее адекватно идею об обеспечении безопасности через развитие выражает не так давно появившаяся концепция устойчивого развития, о чем далее и пойдет речь. Принципиально важным является включение понятия устойчивого развития в саму «ткань» Стратегии-2020, где на это обращено внимание уже первой статье

---

¹ Это положение удалось обосновать с широких эволюционистских позиций – см.: Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

² Большаков В. Можно ли начать «просто жить»? // Литературная газета. 2008. 10–16 декабря.

этого нормативного правового акта Президента Российской Федерации¹.

Как отмечено в официальном документе Совета Безопасности РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»: «Стратегия исходит из фундаментального положения о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства и обеспечения национальной безопасности» (см. упомянутый сайт СБ РФ). Стратегия-2020 (особенность которой в ее социальной и социально-политической направленности), исходит из того, что «национальная безопасность обеспечивается, исходя из принципа «безопасность – через приоритеты устойчивого развития», то есть через стратегические национальные приоритеты, в числе которых – национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, а также приоритеты устойчивого социально-экономического развития государства – повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование здравоохранение и культура, экология и рациональное природопользование».

Эта идея о связи проблем безопасности и устойчивого развития содержалась также в «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию»: «На данном историческом этапе развития, – отмечается в Послании, – основной задачей уже сегодня (а тем более в XXI веке) становится не увеличение объема потребления ресурса, а обеспечение устойчивого развития.

Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на узко-прагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем, что ведет человечество к глобальной катастрофе.

13. Выход из тотального кризиса мировой цивилизации – в духовной реформации, в постепенном переходе к иной глобальной системе ценностей («идеациональной» по Питириму Сорokinу). Перед мировым сообществом встает задача – вместо потребительской горизонтали выстроить духовную вертикаль, выразить на языке соб-

---

¹ Цит. по Кудашов В.И. Великая победа и поражение России // Теория и история. 2005. №1. С. 70.

ственной духовной традиции новое будущее, предложить миру, находящемуся в поисках глобальной революции сознания, постпотребительскую, посттехническую, постэкономическую альтернативу»¹.

14. Залогом перспективности построения будущего сообщества на коллективистской основе является тот факт, что, какие бы понятия ни употребляла русская философия, она неустанно искала идеальные основания бытия человека в мире. Отсюда всегдашний утопизм русского сознания и самосознания, запечатленный в философских текстах. Достоинство это или недостаток, может быть оценено по-разному, но это безусловная особенность нашей философской и педагогической антропологии².

15. «На состоявшейся некоторое время назад в Москве встрече футурологов ясно прозвучала мысль о тупиковом характере «ставки на Западную Европу» и о необходимости для России «повернуться лицом к Китаю». Причем прозвучала она не от кого-нибудь, а от патриарха западной футурологии Элвина Тоффлера»³.

16. Миссия России – стать империей-освободительницей, несущей другим народам и цивилизациям свободу, идентичность, суверенность и справедливый миропорядок. «Нет сомнений, что прекрасные и трагичные страницы нашей национальной истории – это прелюдия к грядущим и еще более масштабным подвигам и свершениям. Не зря же на нашу долю выпало столько страданий. Такое не бывает впустую. История готовила наш удивительный народ к чему-то небывалому, высшему, запредельному. И то, что предначертано, случится. Никаких сомнений»⁴. Действительно, пришло время составлять истинную историю России⁵. Только многополярный мир сможет остановить американский глобализм, и именно в таком мире у России есть шанс не утратить свой суверенитет и идентичность. Сохранение и развитие национальной культуры также будет способствовать этому процессу. Можно согласиться с Г. Мейером: «Грядущее возникает из незабвенного минувшего. Если нет памяти о прошлом, не осуществится и будущее, и все превратится в хаос,

---

¹ Форестер Д. Мировая динамика. М.: Изд-во АСТ. СПб., 2003.

² Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Тория и история. 2007. № 2. С. 11.

³ Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. 1997. № 1. С. 5–31.

⁴ Суверенитет XXI века // Литературная газета. 2006. 15–21 марта.

⁵ Поляков В. Полюбили сгоряча Троцкого и Ильича. Конец «огонковского» краткого курса истории России? // Литературная газета. 2007. 4–10 апреля.

рухнет в извечную, довременную, безликую и безразличную стихию. Человеческая память движется и творит. И самое драгоценное в ней – это неиссякаемая воля к идеализации прошлого. В отличие от ожидаемых в будущем и воображаемых в настоящем идиллий, неизменно плоских и мертвых, идеализация минувшего служит залогом нашего собственного бессмертия. Идеализируя прошлое, память совершает отбор, очищает все бывшее, доподлинно героическое, от временного и обветшалого... Идеализируя прошлое, мы любовно сливаемся с ним и как бы присваиваем его себе»¹.

17. Единственный способ разрешения этого противоречия между развитием одних социальных систем и безопасностью других, между развитием цивилизации и сохранением природы заключается в переходе на взаимосогласованное, коэволюционное, т.е. безопасно-устойчивое развитие. Коэволюция социальных систем, а также системы «общество–природа», означает вместе с тем безопасное и устойчивое их соразвитие. Установленная взаимосвязь развития и безопасности в форме устойчивого развития позволяет его характеризовать как наиболее безопасное развитие среди возможных типов безопасного развития социоприродных систем (по крайней мере, с современной точки зрения).

Динамический хаос, неизбежно сопровождающий качественные перемены в эпоху радикальных реформ, возрастающая нелинейность социальной среды приводит к формированию в ней различных аттракторов, многие из которых ведут к зонам опасных состояний с необратимыми катастрофическими последствиями.

Целесообразно выделить три возможных сценария развития России в современной ситуации.

Первый связан с крайне нежелательными тенденциями утраты интеллектуального и культурного потенциала страны, превращения ее в сырьевую базу и источник дешевой рабочей силы для развитых стран Запада и Востока. В экономическом плане это может привести к фактическому уничтожению многообразия собственных наукоемких производств, к однобокому гипертрофированному развитию топливно-энергетического и сырьевого комплексов, постоянному оттоку капиталов за рубеж, росту начального долга и финансовой зависимости страны от транснациональных компаний и банков. В политической и социальной сфере – это доминирование компрадор-

---

¹ Мейер Г. Поруганное чудо // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 105.

ской буржуазии, ее прямая или теневая власть, дальнейшая дифференциация доходов, низкооплачиваемый труд. В духовной – ориентация на приоритет “зарубежных ценностей” и западной массовой культуры, усиления, с одной стороны, экстремистского национализма, а, с другой, утраты чувства национального достоинства и формирования комплекса национальной неполноценности.

Второй сценарий выглядит более привлекательным. Он связан с реализацией идеалов потребительского общества и формированием относительно высокого уровня потребления, (хотя скорее всего, более низкого, чем в сегодняшних странах “семерки”). В наше время этот идеал представляется желательным для подавляющего большинства российского населения. Этот сценарий нельзя считать маловероятным, учитывая ресурсы и потенциальные возможности страны. В его рамках возможны различные варианты: от развития с высокой степенью экономической и политической интеграции страны до развития, сопровождающегося дифференциацией единого пространства на зоны различного уровня жизни, тяготеющего к экономическим связям в меньшей степени друг с другом, а в большей – с зарубежными странами евроатлантического (европейская часть), и тихоокеанского (Сибирь, Дальний Восток) регионов. В последнем случае возможна трансформация России в конфедерацию самостоятельных регионов-республик.

Однако во всех вариантах этого сценария страна будет тяготеть к воспроизводству экономического и социального развития Запада второй половины XX в., повторяя его в XXI в., тогда как другие страны уже будут реализовывать иные стратегии цивилизационного развития, формируя основы посттехногенной цивилизации. В таком случае Россия утратит статус страны, которая существенно влияет на мировые процессы, оставаясь во втором или третьем эшелоне движения к новому циклу цивилизационного развития человечества.

Наконец, *третий* сценарий связан с поиском устойчивого движения к информационному обществу как началу постиндустриальной цивилизации. Он предполагает выработку новой стратегии российских реформ, смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающую престиж духовной и интеллектуальной сферы, развития культуры, науки, технологическую революцию, связанную с внедрением наукоемких, энерго- и ресурсосберегающих технологий, развития информационных технологий и т.д.

С ноосферной точки зрения, воля, имеющая природно-психологическое происхождение, разлита по всему миру. В определенном смысле можно сказать: повсюду есть воля и всё есть воля, если не само по себе, то как результат воздействия высших сил. Вместе с тем воля ни в коей мере не бессознательный, а осмысленный феномен. Ибо, говоря современным языком, пребывает на стыке био- и ноосферы. Недаром Толстой и Михаил Бакунин (под конец жизни) из всех западных философов самым великим считал Шопенгауэра. Подобное представление получило дальнейшее развитие в трудах К.Э. Циолковского. Одна из основополагающих работ «отца» теоретической космонавтики и мыслителя-космиста, изданная в Калуге в 1828 году, так и называется – «Воля Вселенной». Вывод ее таков: «Итак, все порождено Вселенной. Она начало всех вещей, от нее все и зависит. Человек или другое высшее существо и его воля есть только проявление воли Вселенной. Л.Н. Гумилев вряд ли был знаком с этой брошюрой, изданной мизерным тиражом за счет скромных средств автора. Но он самостоятельно пришел к аналогичному выводу независимо от каких-либо авторитетов.

Попытки представить НАТО в качестве мирового миротворца сомнительны уже потому, что эта организация отражает интересы не всего мира, а прежде всего стран атлантического (евроамериканского) региона против всего остального мира. С такой натяжкой можно согласиться только лишь в том случае, если считать, что эти страны несут миру особую цивилизационную миссию. Например, если эта миссия состоит в распространении по всему миру ценностей демократии, прав человека, свободного рынка капиталов, товаров, людей и информации.

Негативное отношение России к бомбардировкам Югославии означает не столько поддержку авторитарного режима Милошевича, сколько реакцию на нарушение Западом всех существующих международных договоренностей и принципов. Налицо кризис доверия. Многие демократы в России до сих пор не хотят понять, что их водят за нос. Это началось еще при Горбачеве, который отдавал ГДР с условием, что она не войдет в НАТО. Сегодня воспоминания об этом вызывают мысли о наивности российских политиков, которые на слово поверили заверениям Запада¹.

---

¹ Афанасьев В.В. Новый мировой порядок и миротворческая роль Запада // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации / под ред. В.В. Афанасьева. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. С. 147–148.

На рубеже XX–XXI вв. радикально изменились отечественный и мировой контексты, соответственно радикально изменился исторический смысл русского национализма. Россия более не существует как империя, реанимация которой абсолютно невозможна. Имперская идентичность разрушилась еще в Советском Союзе, причем ее разрушение было причиной, а не следствием гибели СССР. На наших глазах происходит поистине исторический сдвиг: ценность и идея Империи, русский мессианиззм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперской нацией.

Понимание современной сущности системы самоуправления предполагает осознание того факта, что Россия является частью человечества, а человечество вступило в стадию системного цивилизационного кризиса, которая чревата бифуркацией с непредсказуемым исходом. России, как в другим государствам, предстоит решать задачу планетарного масштаба – поиск пути предотвращения возможной гибели человечества. «Россия подарила миру плеяду великих выразителей совести и справедливости... Вспомним также, что вся история России, ее культура окрашена стремление и право утверждать: Россия может и должна принять бремя «Взывающего» человечества к объединению на пути преодоления кризиса и предотвращения гибели цивилизации, должна поднять знамя обновления человечества и не опускать его. Такая идея может быть принята российским народом, может объединить народ, если раскрыть перед ним истинное положение вещей и угрозу всеобщей гибели. Ради достижения цели, лежащей в основе такой идеи, люди согласятся работать и терпеть. Такая цель послужит изменению человека в понимании им своей принадлежности к обществу. Она определит основные приоритеты в действиях власти, будет способствовать взаимодействию России с другими государствами. Увеличится шанс коэволюционного пути развития человеческого общества, единственно возможного пути в будущее»¹.

Понимание механизма действия информационно-технологической духовности является важным и необходимым условием понимания социальной структуры, определяющей специфику практическо-

---

¹ Яхнин Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 174.

го изменения и оптимизации социальных отношений. Это особенно актуально и необходимо для становления не только так называемого «устойчивого развития общества» или глобального или антиглобального развития общества, но также для становления естественного, космоответствующего совершенства социума как гармонизированного пространства существования человека¹.

Военный прогресс принципиально влияет на будущее. Однако, прогнозируя будущее, можно выдвинуть предположение, что нынешний кризис рационализма носит временный характер и вызван, по всей видимости, далеко не первым в истории случаем отстаивания социальной теории от бурных изменений социальной реальности. Когда говорит об огромном заделе фундаментального научного знания, имеют в виду, конечно же, не общественные науки. «Если многие существенные явления, характерные именно для информационного общества, не удастся осмыслить с позиций классической рациональности, сформировавшейся в обществе индустриальном, то не следует делать пессимистический вывод, что их вообще никогда не удастся рационально объяснить»².

Социальная энергетика, носителем которой является трудотворчество, осмысливаемая с позиции «реального гуманизма» Маркса, подкрепленной концепцией ноосферы Вернадского, качественно меняет представления о мотивации человеческой деятельности и об энергетике общества в целом. На этом направлении нас ждут новые обретения, которые существенно определяют и облик нас самих, и облик нашего будущего»³.

В начале двадцать первого столетия отечественная социальная философия стала уделять повышенное внимание соединению научно-теоретического и аксиологического подходов в анализе путей дальнейшего общественного развития России и глобализации социокультурного развития народов. Ценности общественной жизни и культуры, идеалы общественного устройства, нормы цивилизованной жизни, значение научно-технических достижений для гуманизации человеческих отношений и другие проблемы должны решаться системно, чтобы разработать реалистическую модель «хо-

---

¹ Колмаков В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры // Теория и история. 2004. № 3. С. 138.

² Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. №12. С. 19.

³ Косолапов Р.И. Истина из России. Тверь, 2004. С. 29.

рошего общества» (В.Г. Федотова). Как показывает В.Г. Федотова, ценность может стать нормой, если ее нормативность будет выявлена теоретически. И когда она пишет о поисках нормативов «хорошего общества» после разрушительной анархии 90-х годов XX века на постсоветском пространстве, то вполне реалистично полагает: «Речь не идет о том, чтобы выдумать нормы для растерявшего их общества, а о том, чтобы в ситуации из разрушения аккумулировать все оставшиеся и бытующие в некоторых средах, в сознании многих людей, в сегодняшней повседневности и практике значения и теоретически обосновать новые, сделать эти значения не только достоянием «свободно парящей» интеллигенции, но и социально признанными в масштабах общества. Эта задача перевооружения «разорванного» народного сознания реалистическими идеалами «хорошего общества» справедливо оценивается автором как «вторая по значению после физического сохранения и умножения населения. Эта задача сбережения и восстановления его качества, человеческого и социального капитала. Эта задача направлена на выстраивание общества и понимание им самого себя»¹.

Теоретическая проработка термина «хорошее общество», появившегося в западной литературе в конце 30-х годов XX века, достойно освещается в книге В.Г. Федотовой с позиций научной философии. То, что считается в разрозненном эмпирическом опыте условно ценным в разных аспектах, после теоретического обоснования может быть признано действительно ценным. Требование справедливости как честности практически ведет всего лишь к максимизации минимума. Только полагающийся на свое самосовершенствование человек может обеспечить себе большие возможности. Только общество, позволяющее людям достойно жить в зависимости от труда и усилий, но защищающее их от падения на социально дно, можно предъявить такие требования².

Высшим духовно-практическим достижением цивилизации во всех ее локальных формах является выработанный и развиваемый человечеством со всех сторон кодекс нравственных норм поведения людей в разные эпохи, ведь не может быть справедливым общество, где люди взаимодействуют на основе безнравственной, несправедливой, убийственной жизни.

---

¹ Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 464.

² Там же. С. 470.

Проведя анализ особенностей развития российской духовности и исторического опыта социально-политического развития России, ученые-новаторы выдвинули научную гипотезу о пути социального творчества на основе осмысления конкретного исторического опыта. «А этот опыт свидетельствует, что никуда нам не деться от признания идеи совмещения личных интересов с общественными как основы основ всей нравственной проблематики. Никуда нам не деться от признания этой же идеи как основы основ проблемы социального строительства. И никуда нам не деться от необходимости и неизбежности синтеза нравственной проблематики с социальной»¹.

Военный прогресс связан так же с так называемым «социальным творчеством». В понятие «социальное творчество» мы включаем и интеллектуальное творчество². Социальный интеллект есть управленческая интенция общественного разума. И если мы примем, что мораль есть главная гуманистическая ценность, а универсальное научное знание – главный рычаг реализации такой ценности, то естественным будет вывод: единство эпистемологического и нравственного движений есть путь к нравственному обществу. Все это означает необходимость смены мировоззренческой парадигмы на таком пути. Перспективным является цельное научное миросозерцание, в котором достижения естественных, технических и социально-гуманитарных наук будут синтезированы с новыми принципами нравственного развития человеческого поведения. Возникает насущная необходимость выработки таких организационных форм диалога между представителями власти и общественности, которые эффективно совмещают в себе юридическую, практическую и нравственную компоненты. Основой этих новых технологий являются экспертные сообщества, рассматривающие все существующие проблемы с нравственных позиций, а примером их практической реализации могут служить государственно-общественные научно-экспертные советы. Принципиально важные особенности подобного подхода проявляются в следующем.

Во-первых, здесь конкретно и организационно может решаться вопрос об имманентном разрешении противоречия между нравами и юридическими законоустановлениями. Тем самым открывается

---

¹ Юнацкевич П.И. Декларация нравственного социализма / под ред. В.А. Чигирева. СПб.: Институт нравственности, 2006. С. 12.

² Комаров В.Д. Социальный интеллект и его управленческий потенциал // Информатика и Космос. 2006. № 3.

путь для преодоления формализма, безнравственности буржуазной демократии.

Во-вторых, появляется реальная возможность мобилизовать на службу народовластию очевидную подоплеку гражданского общества – социальную нравственность с ее научно-гуманитарной корректировкой. Это выразится в подготовке стратегических решений, в разработке целевых программ, в выявлении нравственных оценок деятельности публично значимых лиц.

В-третьих, выражая в научно-рациональной форме созидательные нравственные традиции народов России подобные органы будут выполнять важные функции в решении узловых задач реализации народовластию. Они станут в нравственной практике не только своеобразным ориентиром, но и источником, базой человеческого ресурса в развитии справедливого общества.

Космическая модель мира предполагает совершенство всеобщей связи явлений и наличие множества оформлений совершенства, заключающих в себе соответствующие единства стройности и нестроения: диалектическое противоречие, системность, организованность, сложность, упорядоченность, гармоничность и т.д. В данной связи основополагающее значение для жизни Вселенной приобретает негэнтропийные процессы – система отрицательных вкладов в энтропию. Социальная реальность предстает как важнейшая сфера мира в рамках которой с особой значимостью стоит проблема стройности (отрицательной энтропии) и нестроения (положительной энтропии). Сущность данной системы состоит в следующем: субъект управления обществом должен осознавать естественное состояние данного общества (объект управления) и помочь ему развернуть такую (естественную) модель жизни, которая позволит ему (обществу) самостоятельно встать на путь совершенствования, противостоять росту социальных энтропий. В этой связи концепция управления обществом является образом действительности общественной жизни России. Это положение является фундаментальным для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом¹.

Известный французский философ Ж. Деррида в своих лекциях, которые он читал в 1989 г. в Институте философии АН СССР, подчеркивал, что в европейской культуре многие категориальные смыс-

---

¹ Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 1. С. 32.

лы – даже такие, как любовь, дружба, милосердие, – пропитаны духом маскулинности и неявно связаны с идеалом воинской доблести и силы. В новоевропейской литературе и искусстве идеал дружбы чаще всего понимается как дружба двух мужчин (но не женщин). Этот идеал незримыми нитями связан с образом человека-воина, преодолевающего препятствия, противостоящего миру и опирающегося на бескорыстную помощь своих друзей – “настоящих мужчин”.

Можно утверждать, что постепенно происходит один из самых радикальных переломов этнополитических доминант русского национального самосознания. В стране формируется новый идеологический феномен, еще совершенно недостаточно изученный и исследованный. Для него характерна высокая степень неприятия современного Российского государства и его органов власти, негативное отношение к идеям интернационализма, в том числе и в имперском облики, ориентация на неформальные самоорганизующиеся структуры, преимущественно молодежные. Русский национализм стихийно возродился в перестроечное время – в ответ на разгул русофобии в республиках бывшего СССР и внутри самой России. К.Крылов отмечает интересный момент: отечественные либералы, известные своим неприятием национализма русского, сочувственно относились и относятся к националистам из бывших советских республик (вспомним Ландсбергиса, Гамсахурдия, Ющенко). Эта тенденция просматривается довольно четко.

По мнению доктора философских и юридических наук Л. Карапетяна нашему народу избавиться от фетишизации партийной власти, противоречащих историческим особенностям и менталитету многонациональной России¹. Нынешний российский либерализм сводится к механистической концепции «пользы», к примитивному потребительскому «экономизму», полагающему, что человек мотивирован сугубо материальными интересами – в любой ситуации он принимает рациональное, то есть выгодное для себя решение. По сути, современный либерализм основывается на том же вульгарном материализме, что и ранняя социалистическая доктрина, на том же линейном детерминизме, который считает, что мир одномерен: причина однозначно влечет за собой следствие. Отсюда и практика либерализма в России: давайте примем такие-то законы, скопировав

---

¹ Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб.: Издательский дом «Русский остров», 2008. 400 с.

их с западных, утвердим такие-то социальные институты, взяв их оттуда же, свяжем их такими-то коммуникациями, и у нас сразу же расцветут свобода и демократия.

С аналогичным явлением столкнулись в свое время англичане, когда покидали колонии Британской империи. Они оставляли местному населению налаженный государственный механизм: министерства, департаменты, чиновничью иерархию, документооборот, способы принятия решений. Они даже готовили национальных специалистов, владеющих соответствующими навыками. Однако, как только англичане покидали страну, вся эта механика переставала работать. Местная «философия жизни», складывавшаяся веками, отвергала европейскую формалистику.

Автор книги «Миссия России. Православие и социализм в XXI веке»¹ выступает за христианский, православный социализм с его возвышенной идеологией, здоровой нравственностью, развитой смешанной экономикой, способной обеспечить экономические и геополитическую независимость нашей страны от Запада. Органически сочетая в своем исследовании традиции русской религиозно-философской мысли, диалектический подход к истории и публицистический анализ современной политики, Александр Молотков аргументирует возможность перехода к новой, христианско-социалистической модели организации общества. Именно эта идеологическая стратегия, по мнению автора, способна обеспечить грядущее возрождение духовного величия и державной мощи России.

Известный политолог М. Леонтьев уверен, что после того как «на смену конфликту Восток-Запад, закончившемуся вследствие крушения социалистической системы, вероятно, лишь временно, приходит конфликт Северо-Юг, представляющий собой вызов значительно более крупного масштаба»².

Очевидно, что подобные идеи, сформировавшиеся в период господства вестернистского миропорядка, имели под собой определенную основу, поскольку главные векторы развития человечества определялись условиями, принципами и установками международных отношений, принятыми великими державами Запада, когда сама история человечества писалась западными авторами, с точки зрения Запада, и в интересах Запада. Но в наши дни, когда при-

---

¹ Леонтьев М. Россия между союзом и параполитикой // Однако. 2011. 19 декабря.

² Лоркнц К. Об агрессии // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2013. С. 20.

шел конец западнцентристскому миропорядку, когда рассуждения о некоем однополярном миропорядке, на вершине которого в гордом одиночестве восседает Дядя Сэм, потеряли всякий смысл, и мир стал полицентрическим, подобные идеи, казалось бы, должны были быть сданы в архив истории. Однако определенным силам на Западе, одержимым убеждением в превосходстве своих ценностей, оказалось весьма трудным делом должным образом осознать и принять эти новые реальности. Синтезировав это убеждение с тезисом об универсальности идей прав человека, политической демократии и рыночной экономики, было объявлено о полной и окончательной победе либерализма во всемирном масштабе и, соответственно, – ни мало ни много – о конце истории.

Самое важное следствие 11 сентября состоит в том, что еще до Первой мировой войны традиционный истеблишмент начал искать возможности ликвидации буржуазной демократии с ее избирательными процедурами. Демонтаж демократии оказался делом опасным и только в начале третьего тысячелетия США создали предпосылки для того, чтобы начать сворачивать «права и свободы». Сидящие за парламентской сценой хозяева включили механизм запугивания своих народов террором, язвой мультикультуризма и, наконец, угрозой бунта диаспор. Вся эта триада жесточайшего давления на психику массового обывателя была последовательно применена именно в таком порядке, хотя спорадические возвраты у уже пройденным этапам имеют место.

Суждение о том, что насилие является частью человеческой природы, было выработано некоторыми биологами, занимавшимися этологией и социобиологией, прежде всего Конрад Лоренцем и Эдвардом О.Уилсоном. Эти биологи подвергли эмпирическому научному наблюдению другие виды животных, а не людей, так что выводы, перенесенные из исследований поведения насекомых и низших животных на поведение людей, представляются весьма спекулятивными. В частности, в книге «Об агрессии» Конрад Лоренц рассуждает о том, что у человека как у животного имеется запас агрессивной энергии, стремящейся к высвобождению, который лагс может быть разряжен в ситуациях соперничества и воспринимаемой угрозы. В этом отношении человеческое существо могло бы напомнить другие виды царства животных, выживание которых способствовали подобные инстинкты. Посредством процесса «естественного отбора» (более агрессивные особи с большей вероятностью выживут, найдут

себе пару и передадут свои агрессивные черты потомству), эволюционный процесс, вполне возможно, содействовал развитию людей с высоким интеллектом и склонностью сражаться»¹.

Этой гипотезы о выживании наиболее агрессивных вторит суждение Эдварда О. Уилсона, согласно которому люди предрасположены реагировать с «безрассудной ненавистью» на воспринимаемые угрозы их безопасности или собственности. Такова «глубинная склонность людей осваивать насилие», говорит Уилсон. «По-видимому наш мозг запрограммирован... на то, чтобы разделять людей на друзей и врагов... Мы склонны глубоко опасаться действий чужеземцев и решать конфликт посредством агрессии». Он рассуждает о том, что эти «правила научения, скорее всего, сложились постепенно на протяжении прошедших сотен тысяч лет... и, таким образом, обеспечили биологическое преимущество тем, кто, кто в наибольшей мере им следует»².

Непредубежденный наблюдатель, с другой планеты, созерцающая человека таким, каков он сегодня, – в руках атомная бомба, продукт его интеллекта, а в сердце агрессивные побуждения, унаследованные от предков-антропоедов и не поддающиеся контролю. Со стороны того же самого интеллекта, – вряд ли посулил бы человечеству долгие дни.

Конец XX в. с полным правом можно назвать эпохой перемен. Еще сравнительно недавно казалось, что противостояние двух социальных систем устойчиво определит ход истории по крайней мере на ближайшие десятилетия. Мало кто предполагал, что начало российских реформ, получивших название “перестройки”, приведет к распаду СССР, возникновению новой геополитической ситуации и множеству внутренних проблем, связанных с демократизацией общества и переходом к рыночной экономике.

Стремление получить быстрые позитивные результаты путем простого заимствования западного опыта привело к углублению кризисных процессов в российском обществе. И вновь, как это не раз случалось в переломные периоды нашей истории, встают вопросы: куда идем, какое общество строим, что ждет Россию в будущем?

---

¹ Цит. по Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2013. С. 20.

² Браун С. Природа войны // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: НГУ, 2013. 571 с. 21–22.

Диалектика военного прогресса в России

Эти вопросы сегодня имеют не только локально-российское, но и общечеловеческое измерение.

Современные перемены нашей жизни выпали на особую, уникальную эпоху в истории человечества. Многочисленные кризисы, с которыми оно столкнулось во второй половине XX в., остро ставят проблемы смены стратегий цивилизационного развития. Из набора сценариев возможного будущего, среди которых большинство катастрофических, человечеству предстоит отыскать наиболее благоприятные, обеспечивающие не только его выживание, но и устойчивое развитие. И тогда проблема цивилизационного выбора, которая стоит перед Россией, соединяется с более широким и более сложным полем проблем, которые связаны с возможными путями развития человеческой цивилизации. Вопрос о том, куда идет Россия, становится особой частью вопроса: куда идет человечество?

Военный прогресс не является механическим процессом и когда ставится задача предсказать состояние сложного исторического процесса, то даже если имеется знание о тенденциях его развития, то на этой основе выстраивается несколько сценариев будущего. Какой из них реализуется, заранее определить невозможно, так как превращение потенциальных возможностей в действительность зависит от множества факторов, в том числе и случайных. Ретроспективно, глядя назад, на уже свершившуюся историю, можно указать причины, почему реализовался тот или иной сценарий развития и раскрыть логику этого развития. Но, глядя вперед и делая прогнозы, мы принципиально можем обозначить лишь веер возможностей и в лучшем случае определить, какие из них более, а какие менее вероятны.

Сценарии будущего, которые познание стремится выявить, опираясь на анализ тенденций развития, это и есть предсказание, хотя и неоднозначное. Такие предсказания характерны не только для социальных, но и для многих естественных наук. В синергетике, которая изучает сложные, нелинейные процессы самоорганизации и имеет широкий круг приложений в естествознании, технических и социальных науках, доказываемается, что качественные преобразования исторически развивающихся систем в точках бифуркации, как правило, описывается некоторым спектром возможных сценариев.

Именно такой этап качественного преобразования проходит сегодня Россия, и выявление различных возможных траекторий ее дальнейшего исторического развития может способствовать выра-

ботке оптимальной стратегии реформ. Определение наиболее благоприятного из возможных сценариев российского реформаторства задача комплексная, требующая совместного усилия социологов, политологов, экономистов и т.п. Но философия также способна внести свой вклад в эту работу, выясняя мировоззренческие основания и общие тенденции современного цивилизационного развития. Может быть именно этого и недостает сегодня, когда потребности в новой стратегии российских реформ определяются не только внутренними проблемами экономического и социального развития, но и глобальными изменениями мирового цивилизационного процесса.

Евразийство представляет для нас ценность, в первую очередь, не как политико-идеологическое направление, а как творческая модернизация славянофильства – в натурфилософском, историческом и культур-философском отношениях. Модернизация явилась результатом комплексного сопряжения сил групп выдающихся умов, причем в итоге «симфония» – их идеал и ключевая метафора не всегда получалась. Большая когорта оппонентов также внесла свой вклад в мобилизацию аргументов и устранение явных несообразностей.

Сомнение в возможности разработки универсальной схемы общественной эволюции вполне устранимо. При этом предполагаемая схема должна удовлетворять ряду условий. В частности в ней должны найти теоретическое отражение:

- Признаки, позволяющие отделить один этап эволюции общества об другого;
- Вероятный источник энергии общественного развития;
- Возможные в настоящий момент направления этого развития;
- в ней действительно должна быть учтена деятельность людей с учетом свободного выбора;
- Схема эволюции должна способствовать нахождению путей и способов управления общественной эволюцией, необходимость чего отмечалась в литературе¹.

Сегодня происходят функциональные изменения человеческого фактора в информационном обществе. Обладание информацией в любой сфере жизнедеятельности позволяет не только открывать для себя новые перспективы, но и уверенностью смотреть на все про-

---

¹ Смирнов П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 12–22.

исходящее, а умение прогнозировать и анализировать информацию наделяет человека властью. Тем не менее, ни футурологи, ни социологи не могут дать определенного ответа на вопрос о месте человека в информационном обществе.

О. Тоффлер считает, что радикальные изменения в сфере производства неизбежно повлекут за собой принципиальные социальные изменения. Он полагает, что еще при жизни его поколения крупнейшие фабрики и учреждения наполовину опустеют и превратятся в складские помещения, поскольку мы получим технику, позволяющую в каждом доме оборудовать недорогое «рабочее место», т.е. возможности организации работы на дому резко возрастут. Ряд футурологов считает, что развитие систем двухсторонней связи позволит значительно расширить практику надомного труда. Перевод рабочих мест на дом и уменьшение движения транспорта позволила бы также уменьшить загрязнение окружающей среды и снизить расходы на ее восстановление. Такой дом будет представлять собой, по мнению О.Тоффлера, «электронный коттедж». В направлении создания электронного дома действуют и социальные факторы. С одной стороны, работа на дому кажется неким безликим абстрактным символом, но, с другой стороны, позволяет проявляться эмоциональным связям с домашними и соседями. Все эти выдержки из «Третьей волны» О.Тоффлера затрагивают наиболее, по его мнению, важные сферы жизнедеятельности человека в новом обществе, и хотя его предположения имеют в себе элемент эмпиричности и утопичности, они основываются на строго научных исследованиях и статистических выкладках¹. Представления авторов концепции «информационного общества» о жизни в новом социуме являются несколько утопичными, ведь они руководствуются идеей о том, что можно сделать человека счастливым, решив все его материальные проблемы, избавив от работы и обеспечив продолжительный досуг. Однако в современных условиях, когда в принципе сбылось предвидение О.Тоффлера об электронном коттедже, подтверждается идея о необходимости личного контакта людей для выполнения большинства видов творческой работы. Так что скорее всего «живую коммуникацию» заменить дистанционно-машинной не удастся.

Следовательно, и присущий нам гуманизм, и объективная реальность вынуждают рассчитывать исключительно на качественные

---

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

характеристики человеческого капитала. Именно из этих соображений в свое время параллельно свершениям индустриализации возводилась советская система образования, с которой мы до сих пор свежем как свои пожелания, так и деяния современных реформаторов.

Исследуя военный прогресс важно учитывать, что Россия сейчас вряд ли рассматривается как полноправный игрок. Несмотря на богатейшие территории, а также наличие технологических и исторических предпосылок их освоения, ее размер не видится адекватным для вызовов начинающегося века, где будущие акторы спешно превращаются в гигантов. По сравнению с ними Россия имеет потенциал к дальнейшему развалу, а ведь война с Ираном — это вероятная угроза нашей стране, это запал третьей мировой войны, опять на наших границах и с российским кровным участием. Вот почему наиболее реалистичский практический ответ на эту угрозу — продолжать блокировать саму возможность войны в союзе с Китаем и Индией с использованием всех доступных дипломатических рычагов, прежде всего ООН. А в долгосрочной перспективе жизненно важно стать реальным актором международной политики, что возможно только на пути евразийского объединения. Интеграция мусульманских народов, построение единой культурной общности на основе русского языка, с принятием цивилизационных различий как основы сосуществования и с использованием осовремененного советского культурного наследия становится вопросом выживания в новой и исключительно сложной среде XXI века, развивающегося как игровое поле соперничающих гигантов.

Пока она переживает ренессанс. Прежде всего потому что позволяет реализовать троцкистскую мечту о мировой революции, основанную на идее Маркса об отмирании государства, которая в настоящее время доминирует в западной практической политике. Как это ни парадоксально, но роль рейгановской «империи зла» сегодня играют США. Распространение социализма заменено на продвижение демократии. России и Китаю здесь досталась сдерживающая роль, традиционная для англосаксонского блока.

К.Поппер следующим образом характеризует плюрализм; «Я знаю многих людей, которые рассматривают в качестве слабости Запада то, что мы на Западе не имеем несущей, единой идеи, не имеем единой веры, которую мы могли бы с гордостью противопоставить коммунистической религии Востока... Но я считаю это фундаментальным заблуждением. Нашей гордостью является то, что у нас нет

одной идеи, а существует множество идей, хороших и плохих; что у нас нет одной веры, одной религии, а много разных хороших и плохих. Это знак выдающейся силы Запада, что мы можем себе позволить. Объединение Запада одной идеей, одной верой, одной религией было бы концом Запада, нашей капитуляцией, нашим безусловным подчинением тоталитарной идее»¹.

В 2005 г. появился первый том книги «Проект Россия» и сразу же забили тревогу российские правозащитники, активные поборники либеральных свобод и их влиятельные покровители за границей. В книге недвусмысленно предлагается как можно скорее покончить в России с «демократией» (в том виде, в каком нам ее навязал Запад), с тотальным, пагубным доминированием рынка (чей девиз «Все на продажу!»), с насаждением посредством СМИ бездуховности, беспринципности, утилитарного, сугубо потребительского мышления. «Раз в России нет настоящей команды, которой можно доверить постоянную власть, разумно пойти на компромисс. Нужно сделать все, чтобы не допустить новых катаклизмов, которые гарантированы с приходом любой новой команды...». И далее: «Человек культуры вынужден каждый раз отказываться от Должного – счастья, но этот отказ не просто механический – он представляет собой тяжелый путь расколдовывания той или иной собственной Великой Утопии, подражающей в культуре цельному, всеобщему, безраздельному счастью а-культурного аутентичного мифа»².

На перспективы военного прогресса влияет неразработанность определенности русского самосознания во всех его всеобщих и особенных моментах. «И этот историко-философский взгляд позволяет нам увидеть, что диалектический пафос философско-исторических учений Флоренского и Лосева находит свое продолжение в позднесоветскую и постсоветскую эпоху в форме преодоления догматики исторического материализма»³.

Должна быть разработана внутривнутриполитическая стратегия России на ближайшие десятилетия, которая включала бы в первую очередь лучшие традиции социального прогресса, характерные для нашей страны. В данной связизадача решения проблемы военного

---

¹ Плютто П.А. Иллюзия аутентичного мифа: революция и литература // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 38.

² Проект Россия. Кн. 1. М.; ОЛМА-ПРЕСС, 2006. М.: Эксмо, 2007.

³ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. С. 23.

прогресса требует взвешенного понимания. О неуловимости темы, ее связи с загадкой русского характера отмечают многие. По их мнению, несмотря на все утверждения о духовности и соборности русского народа, на всем протяжении его истории приходится говорить о дихатомичности сознания, которое часто разрывало внутренние связи, приводя к трагедиям и революциям. В общественном же идеале воплощены лучшие ожидания, мечты народа и его устремления. Мы не должны сегодня замыкаться на терминологии «идеала», так как сегодня нет развитой системы ценностей, что проявляется в том, что у нас не стыкуются провозглашаемые общечеловеческие ценности и ценности национальные. Не стыкуются ценности одного слоя общества и ценности всех остальных. Сама выработка ценностей выглядит как процесс по обнаружению уже готового. Пути же выработки этих ценностей состоят в активном участии, в частности, в политической жизни страны, в творческом участии в процессе выработки системы ценностей¹.

Всем нашим политика необходимо учитывать, что соборная феноменология в интерпретации автора² – это процесс перехода соборного самопонимания из рациональной психики в сферу сознания. Дело в том, что мы живем в мире, где материализация идей происходит с такой ошеломляющей быстротой, что намного опережает духовно-нравственное развитие человека. Под угрозой оказывается не только национальная, но и человеческая самобытность. Человек взыскует своей человечности под бременем техники, идеологических систем, урбанизации и навязываемого рекламой культа потребления. В мире увеличивается объем «опасного знания», связанного с разрушительными для человека пороками³.

Печальная ирония истории состоит в том, что русский коммунизм, основывающийся теоретически на экономическом материализме, т.е. на вере в полную зависимость политического развития от экономически созданных сил страны, должен укрепляться на безнадёжной позиции, при которой его политические условия прямо

---

¹ Холодный В.И. А.С.Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии. М.: Академический Проект, 2004.

² Итоговая резолюция IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации», состоявшегося в Москве 24–28 мая 2005 года // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4. С. 13.

³ Хрестоматия нового российского самосознания. В. Пастухов. Культура и государственность в России: эволюция Евразийской цивилизации. Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/pastukh.htm/pastukh.htm>

противоречат экономическим условиям. И все же это противоречие непреодолимо для него самого и должно рано или поздно послужит причиной его крушения¹.

Книга В.Г. Федотовой² посвящена анализу новых парадоксов социокультурной жизни, прежде всего, связанных с модернизацией и глобализацией. В центре внимания автора – представления об обществе как квазиприродном явлении, что свидетельствует, по мнению В.Федотовой, о массовой недооценке собственных способностей людей влиять на него. Людям кажется, что мир меняется без их участия. В этом автору видится опасность для общества. Она акцентирует внимание на деятельности людей по конструированию, совершенствованию общества, на необходимость, соответствующего качественного сдвига в ракурсе его рассмотрения не только учеными.

Действительно, сегодня можно наблюдать национальный российский дискурс о приемлемом для жизни «хорошем обществе», который отрицает представление об идеальном обществе, о некотором абсолютном его эталоне. Дважды – в период коммунизма и господства нелиберальных идей в российском обществе мотив идеального общества использовался для мобилизации населения, в последнем случае на основе негативной мобилизации, абсолютизации одностороннего отказа от прошлого. Подобные идеологии укрепляют, в конечном итоге, релятивизм. Общества могут быть хуже или лучше, но никогда не могут быть идеальными. «Хорошее общество» – это общество, которое идет о пути поиска приемлемого его идеала, опираясь на массовый общественный дискурс и одновременно на углубление соответствующих социально-философских концепций. Значение этого дискурса в том, что он противостоит хаосу в понимании границ между добром и зло, работает над формированием единства в понимании «хорошего общества», одновременно приближая его к приемлемым показателям – уровню и продолжительности жизни, рождаемости, здоровью людей, доступу к образованию, доходу на душу населения и т.д. Речь идет о единстве проработки понятия об общественном благе в социально-философском контексте и необходимости усилить влияние теоретического анализа этого процесса. Теоретическая трактовка «хорошего общества» и одновременно

---

¹ Федорова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

² Кольга Г.И. Военная повседневность вермахта и влияние бытовых условий на сознание немецких солдат и офицеров на восточном фронте (1941–1945) // Вестник развития науки и образования. 2010. № 2. С. 71.

дискурса о нем способствует осознанию единства права и блага, универсализма и контекстуализма, преодолению разрыва свободы и блага, осознанию невозможности осуществлять политику, игнорируя ценности больших групп населения, одновременно ценности меньшинства. Тем самым открывается путь для превращения «хорошего общества» как теоретического конструкта в инструмент политики совершенствования общества в экономическом, политическом, правовом, этическом и культурном аспектах.

Сегодня нарастание проблемности, усложнение жизни всего общества все более настоятельно требует расширения, углубления обсуждения путей конструирования общества от его трансцендентных оснований до биopsихологической обеспеченности витальных начал, что должно стимулировать развитие массовой способности обеспечивать эффективность совершенствования деятельности людей.

Пока дают о себе знать региональные межгосударственные конфликты, чреватые серьезными последствиями глобального порядка. Многие из этих конфликтов искусственно поддерживаются и разжигаются США, которые в своей политике гонки вооружений и конфронтации создают глобальные проблемы.

Сегодня совершенно очевидно, что мир может быть сохранен и укреплен лишь в том случае, если миролюбивые силы человечества смогут взять под контроль процессы международного развития, утвердить принципы мирного сосуществования и сотрудничества между народами, систему равноправных и справедливых политических, экономических и культурных отношений между ними. Задача эта может быть решена лишь объединенными усилиями всех прогрессивных людей мира, осознающих свою ответственность за судьбы человечества. Мир как состояние общества, свободного от войн и применения насильственных средств и решения спорных проблем внутригосударственной и международной жизни, издавна почитается народами как великое благо, приносящее расцвет хозяйства и искусства, науки и культуры в целом, благоприятствующее общественному прогрессу. Вместе с тем на протяжении всей истории человечества война была постоянным спутником человеческой жизни, признанным средствами государственной политики.

Война нередко служила и фактором, стимулирующим социальные изменения, смену старого социального порядка новым. Однако в XX в., с появлением в арсенале средств ведения войны оружия массового уничтожения, она нечет в себе угрозу существования челове-

чества, обнаруживая тем самым свою несовместимость с дальнейшим движением истории. В этой связи ценность мира как первейшего условия общественного прогресса в исключительной степени возросла.

Всеобщее разоружение, осуществляемое на основе принципе равенства и одинаковой безопасности сторон, является, тем самым, первоочередным и необходимым условием упрочения мира и последующего отказа от применения военной силы как средства решения спорных проблем межгосударственного развития.

Понимание ответственности и роли каждого человека в решении судеб человечества – важнейшее условие современного развития. Для решения насущных проблем человечества – проблем мира, социального и духовно-нравственного обеспечения современного научно-технического развития – недостаточно одного осознания, нужны еще и соответствующие социальная организация и система международных отношений, в которые могла бы реализовать творческая активность людей.

Сегодня, как никогда раньше, человечество сознает единство своей исторической судьбы, жизненных интересов различных народов, стран и регионов земного шара. Вместе с тем в своей экономической, социально-политической, культурной и духовной жизни оно все еще остается расколотым на части. В мире существуют и действуют мощные интегративные факторы, но не менее сильны и влиятельны иные, центробежные тенденции националистического и этноцентрического происхождения. Речь, конечно, идет не о полном и завершенном единстве человечества, как бы знаменующем благополучный конец истории, а об одной из тех конкретно-исторических форм единения ближайшего и более отдаленного будущего, которое создает необходимые условия для мирной жизни и дальнейшего социального и культурного прогресса.

В рамках этой кардинальной общечеловеческой задачи встает и требует своего осмысления проблема сближения двух всегда противопоставляющихся друг другу социально-исторических и культурных традиций, обозначаемых многозначимыми и не вполне определенными понятиями Запад и Восток.

Задуманный как способ сближения двух недифференцированных культурно-духовных целостностей, диалог «Восток–Запад» не без умысла отвлекается от фундаментальных реальностей современной мировой истории, которыми прямо или косвенно затронута все

человечество. Многие проекты синтеза философских культур Востока и Запада отвлекаются не только от внутренних противоречий этих культур, но и от их социальной и идеологической неоднородности, а вместе с тем и от тех социально-политических интересов, которые могут сближать народы этих регионов и быть основанием для противоборства внутри них самих.

Общие и частные проблемы социального развития находятся в тесной связи с современными глобальными проблемами. Самой важной из них является проблема предотвращения новой войны, прекращения гонки вооружений, поглощающей огромные материальные и трудовые ресурсы человечества. По данным ООН, сокращение общих военных расходов на 20 процентов позволило бы решить самые насущные экономические проблемы во всем мире и существенно сократить разрыв в хозяйственной сфере между развитыми и развивающимися странами.

Внутренняя взаимозависимость мира и социального прогресса, засвидетельствованная опытом истории, в нашу эпоху – эпоху коренных социальных преобразований, напряженного, экономического, политического и идеологического противоборства различных истсем в условиях реальной опасности глобального военного столкновения приняла глобальный характер.

Мир для нашего времени не просто предпочтительное состояние человеческой жизни или благоприятная предпосылка общественного прогресса.

Проблема искоренения войн, их полного исключения из жизни общества, то есть проблема прочного всеобщего мира как необходимого условия самого существования и поступательного развития человечества в его ближайшей и более отдаленной исторической перспективе, встает сейчас не только как еторетическая, но и как конкретная практическая проблема, требующая своего принципиального решения уже при жизни нынешнего поколения.

Мир очередной раз стоит на историческом перекрестке – в ближайшее время, до 2020 года, определится, каким будет наше будущее. И хотя Россия уже не проигравшая страна, которая не осознает, что ее ждет в будущем, занять свое место в мире ей будет непросто. Обобщающий вывод, сделанный Сергеем Карагановым, звучит так: «Мир будет становиться все более динамичным и малопредсказуемым. Продолжает расти зависимость государств, обществ, людей от международной ситуации. Выживание и процветание государств

обществ зависит прежде всего от образованности элит, их способности к опережающему реагированию на вызовы нового мира. То есть в конечном итоге – от «качества человеческого капитала»¹.

На рубеже XX–XXI вв. радикально изменились отечественный и мировой контексты, соответственно радикально изменился исторический смысл русского национализма. Россия более не существует как империя, реанимация которой абсолютно невозможна. Имперская идентичность разрушилась еще в Советском Союзе, причем ее разрушение было причиной, а не следствием гибели СССР. На наших глазах происходит поистине исторический сдвиг: ценность и идея Империи, русский мессианизм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперской нацией.

Российская история трудно вписывается в жесткие европоцентристские параметры. Однако впервые за сотни лет поставлена под сомнение субъектность русского народа, его способность быть творцом даже собственной. Не говоря уже о мировой истории. «Для современных русских характерно пессимистическое и тревожное самоощущение, они смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью. Эти настроения питаются тяжелейшим демографическим кризисом, шоком от реформ прошлого десятилетия, плохим психическим состоянием общества и т.д. Обобщая, можно сказать, что бурная история надорвала силы русского народа... Без реанимации, хотя бы частичной русской мощи, будущего у нашей страны нет и быть не может»².

12 мая 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указ № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», который утвердил эту Стратегию и признал утратившим силу предыдущие редакции (1997 и 2000 гг.) Концепции национальной безопасности РФ. Принятие этой Стратегии, которую для краткости далее будем именовать Стратегия-2020, имеет важное значение как для консолидации усилий общества и государства в области обеспечения национальной безопасности, так и дальнейшего социально-экономического развития страны на долго-

---

¹ Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. С. Караганов. М. : АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 438.

² Соловей В. Круглый стол «В бывшем царстве, многонациональном государстве» // Литературная газета. 2007. 30 мая–5 июня.

срочную перспективу. В статье мы остановимся на некоторых принципиально новых идеях, которые придают Стратегии-2020 фундаментальное мировоззренческое и концептуально-методологическое значение и которые могут существенно повлиять на судьбы российского общества и государства в ходе реализации этой Стратегии.

Наиболее адекватно идею об обеспечении безопасности через развитие выражает не так давно появившаяся концепция устойчивого развития. Принципиально важным является включение понятия устойчивого развития в саму «ткань» Стратегии-2020, где на это обращено внимание уже первой статье этого нормативного правового акта Президента Российской Федерации¹.

Как отмечено в официальном документе Совета Безопасности РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»: «Стратегия исходит из фундаментального положения о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства и обеспечения национальной безопасности». Стратегия-2020 (особенность которой в ее социальной и социально-политической направленности), исходит из того, что «национальная безопасность обеспечивается, исходя из принципа «безопасность – через приоритеты устойчивого развития», то есть через стратегические национальные приоритеты, в числе которых – национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, а также приоритеты устойчивого социально-экономического развития государства – повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование здравоохранение и культура, экология и рациональное природопользование» (там же).

Эта идея о связи проблем безопасности и устойчивого развития содержалась также в «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию»: «На данном историческом этапе развития, – отмечается в Послании, – основной задачей уже сегодня (а тем более в XXI веке) становится не увеличение объема потребления ресурса, а обеспечение устойчивого развития. Безопасными сегодня можно считать те общества и государства, которые придерживаются ценностей и практики демократического развития как на национальном, так и на международном уровнях. Опасными – те общества и государства, которые ориентируются на

---

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru>

узко-прагматичные цели, провоцирующие нарушение устойчивости существующих систем, что ведет человечество к глобальной катастрофе.

Россия, несмотря на свои особенности, являясь органической частью общемировой цивилизации, будет накапливать позитивный опыт демократического развития. Российское государство будет не только нести за это ответственность, но и трансформироваться в соответствии с требованиями и принципами нового цивилизационного порядка, внося тем самым свой вклад в развитие мира в целом»¹.

Любое общество и государство не могут обеспечить свою долгосрочную стабильность и безопасность без перехода на путь устойчивого развития. Однако к стабильности и безопасности также необходимо стремиться и в рамках модели неустойчивого развития для того, чтобы начать переходить к обществу и государству с устойчивым развитием. Стабильность общества, государства, экономики и т.д., в полном смысле этого слова, как и их безопасность, могут быть «гарантированы» только реализацией модели и стратегии устойчивого развития, на что уже было обращено внимание в ряде публикаций². Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом. Однако степень и принципы ее обеспечения зависят от типа развития материальной системы (в данном случае от социально-экономического развития), на что будет обращено в статье особое внимание.

Человечество подошло к альтернативе: или «кладбище человечества», или выход на путь гармонического развития с природой. Поэтому с широко распространенным среди экономистов-рыночников положением о том, что в настоящее время мы должны «больше, чем когда бы то ни было, полагаться на развитие, не зави-

---

¹ Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию М., 1996. С. 32.

² См.: Урсул А.Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // Безопасность. 1993. № 11–12; он же: Концепция естественной экобезопасности // Безопасность. 1994. № 1–2; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Устойчивое развитие и безопасность: синергетический подход // Самоорганизация и организация управления. М., 1995; Урсул А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности // Безопасность. 1995. № 9; он же: Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития цивилизации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1995. № 1; он же: Концептуальные основы перехода России на модель устойчивого развития, М., 1994.

сящее от сознательного контроля», нельзя согласиться категорически. И следствием сознательного, научно обоснованного выбора должно стать движение к плановой экономике. Таким образом, для исполнения плана цивилизации необходим научный прогноз и основанное на нем планирование социально-экономического развития¹.

Кризис современного государства, существующего в основном – внутри исторических национальных границ, сейчас уже вполне очевиден и обусловлен прежде всего кризисом классического товарного производства, которое, с одной стороны, из-за ограниченности мировых природных ресурсов не позволяет всем странам мира достичь такого же уровня жизни, как в высокоразвитых индустриальных державах, а с другой стороны, проигрывает в конкурентной борьбе за прибыль новым гуманитарным технологиям, связанным с производством и использованием информации. Либерализация мира, сделавшая возможной свободное перемещение через государственные границы интеллектуальных элит, и глобализация, в свою очередь сделавшая возможным свободное перемещение технологий и капиталов, приводят к концентрации этих главных ресурсов информационной эпохи в зонах наибольшего экономического благополучия².

Существует несколько прогнозов, касающихся военного прогресса в ближайшие годы. Например, в книге Форрестера³ не даются окончательные рекомендации перехода к глобальному равновесию, а приводятся лишь некоторые предварительные исследования, которые тем не менее позволяют сделать определенные выводы. Если мы попробуем заглянуть на два или три десятилетия в будущем, мы увидим, что наши сегодняшние действия фундаментальным образом влияют на будущее. Если мы будем следовать программам, диктуемым значением динамических характеристик социальных систем, нас ждут лучшие альтернативы, чем те, которые будут иметь место в случае «естественного» развития системы. Мы в состоянии достичь более правильного понимания динамического поведения наших социальных систем.

---

¹ Поздняков А.В. Устойчивое развитие, сингулярные тенденции и роль науки в развитии цивилизации. – Институт оптического мониторинга СО РАН, Томск, 2002.

² Кудашов В.И. Русский мир и национальная идея // Теория и история. 2003. № 2. С. 49–50.

³ Форрестер Д. Мировая динамика. М.: Изд-во АСТ; СПб., 2003.

Все общественные и социоприродные функции государства можно разделить на две большие основные сферы – обеспечение безопасности личности, общества, государства и их развитие (разумеется, прогрессивное). И все же, по традиции и инерции, когда речь заходит о безопасности, то приоритетной оказывается безопасность государства или более широко – национальная безопасность¹. И понятно, почему на первый план выделяется именно безопасность государства: ведь без ее обеспечения невозможно гарантировать ни безопасность личности, ни общества, ни окружающей их природной среды. Должна быть создана определенная безопасно-устойчивая среда на территории государства, где проживает его население и разворачивается социально-экономический процесс. Когда же речь идет о развитии, то имеется в виду прежде всего социально-экономическое развитие, которое в полной мере реализуется в стране, где эффективно обеспечивается национальная безопасность.

Если антихристианская и нехристианская (постмодернистская) глобализация будет продолжаться теми же темпами и в том же направлении, то в перспективе, как ни тяжело это признать, православно-русской цивилизации, возможно, придется трансформироваться в практиках скрытой («катакомбной») Церкви и сопутствующих ей социокультурных отношений².

Закономерности и случайности развития рода человеческого весьма многообразны и динамичны. Их диалектическая природа очевидна. В них противоречиво соединяется действие необходимых общих причин со свободной волей человека. Этим же обусловлена непредсказуемость и альтернативность общественного прогресса. Альтернативность, лежащая в основе исторического выбора предшествующих поколений, предполагает новые формы вероятностного прогнозирования будущего развития. Сегодня необходимо проанализировать главное, а именно: общие черты всеобщей и российской истории в их неразрывной, диалектической связи с особенностями нашей отечественной истории, выделив основные уроки ее богатого и многогранного опыта.

Свершенная общественная форма – это жизнь не по лжи, распределяя все блага по доле трудового участия и по нравственным заслугам в сочетании личных интересов с общественными. У Рос-

---

¹ Это положение удалось обосновать с широких эволюционистских позиций – см.: Урсул А.Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1.

² Казин Средненькие европейцы // Литературная газета. 2011. 25–31 января. С. 3.

сии есть основы для самобытного культурного будущего, «если мы сумеем вернуться к тому моменту, на котором мы стояли до 1917 г., когда были сделаны очень важные шаги, чтобы возродить то, что мы с XVII мы потеряли, сумеем возродить понимание огромного духовного богатства...»¹ Это невозможно совершить без соответствующего уровня военного прогресса.

В наши дни сохраняет свою актуальность и проблема мирного урегулирования отношений между государствами, вовлеченными в локальную войну, которая ведется обычным оружием. Такие военные конфликты время от времени происходят в различных районах земного шара, и они как никогда ранее сказываются сегодня на общей международной обстановке. Изучение характера этих войн, причин их возникновения, а также определение путей и способов их предотвращения являются важной задачей исторической, военной и политической науки.

---

¹ Померанц Г. История России в свете теории цивилизации // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 22.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военный прогресс обладает важным праксиологическим качеством и имеет тесную связь с общечеловеческим прогрессом и общественной практикой. Военный прогресс выполняет мировоззренческую и методологическую функцию, способствуя раскрытию сущности и критериев прогресса в системе всеобщей связи явлений.

Роль и значение военного прогресса как одного из факторов социальной стабильности возрастает в переломные периоды развития социума, когда со всей остротой встает вопрос идентификации общества, обусловленный основными закономерностями развития мировой цивилизации на современном этапе, совокупности исторических вызовов человечеству и необходимости поисков ответов на них.

Военный прогресс выступает как определённый конкретный тип общества. Каждое общество в общественной жизни отличимо от других по основаниям стандартов естественности общества, а именно: а) в обществе потребления естественное состояние – состояние вражды, соперничества: естественное право на все, вплоть до убийства, это право детерминирует общественную жизнь (необходимость государства для целей правового регулирования общества потребления); б) в обществе созидания естественность проявляется в виде усовершенствования общественных отношений. Военный прогресс в индивидуалистическом обществе является следствием развития потребительских свойств в обществе как доминирующих в интересах милитаристской верхушки общества. Военный прогресс в коллективистском обществе при его успешном, теоретическом и практическом освоении может послужить формированию раскрытию положительного потенциала общества.

Значение военного прогресса в переломные периоды исторического развития, под влиянием изменяющегося общественного бытия, подвергается значительным изменениям в его содержании, во взаимодействии его форм и уровней. Преобладание в массовом сознании упрощенного, проявляющего себя в технических показателях, представления о военном прогрессе вызывает высокую подвижность в определении критериев и перспектив развития общества, что позволяют власти манипулировать частью социума в своих политических

целях и военный прогресс становится полем идеологической и политической борьбы.

При исследовании военного прогресса существует актуальная связь между социально-философским знанием и знанием естественнонаучным. При определении характера практической деятельности по альтернативному философии однополярного мира направлению освоения глобализационных процессов востребована отечественная философская традиция. В условиях глобализации востребовано новое отношение к военному прогрессу, способное обеспечить эффективное развитие субъектов глобализации на базе ценностей, характерных для данного типа общества, однако в интересах всего человечества.

Представления о военном прогрессе, формируемые на базе диалектического подхода, являются адекватными для выхода России из социально-политического кризиса, и предоставляет реальную возможность совершенствования нашего общества, выступая эффективным противовесом идеологам однополярного мироустройства.

Ценность военного прогресса в современных российских условиях проявляется как определяющий критерий национальной безопасности, который находит актуальное социально-политическое выражение в национальных интересах. Без постижения и адекватной интерпретации военного прогресса сфера национальной безопасности России будет неполной, так как имеется социальная детерминированность – прошлые военные победы воспринимаются через мировоззренческие установки настоящего, в том числе исходя из современных задач, поставленных глобализацией.

Преодоление нехарактерных для данного типа общества представлений о прогрессе, в том числе и военном, связано с определением перспектив развития общества, преодолением противоречий в экономической, политической, социальной сферах жизни общества. Это является важным условием преодоления кризиса, поскольку в силу своей специфики, военный прогресс в наиболее концентрированном виде отражает все сферы жизнедеятельности общества, реагируя на все изменения в общественном бытии, активно воздействуя на него, а также на различные формы общественного сознания, определяя направленность и характер их развития.

Преодоление и блокирование глобализационного давления в обществе созидания осуществляется по различным направлениям жизнедеятельности общества, в том числе по направлению военного прогресса в системе реализации его стандартов естественности.

Актуальную модель мира детерминирует общественная практика в объективных условиях (географических, климатических, геополитических и других), а также при наличии актуальных субъективных факторов жизни общества (идеология, религия, общественные идеалы и т.д.). И потому в одних обществах актуализируются те или иные стороны военного прогресса (техническая, духовная и т.п.), составляющих полноту универсалистской модели мира, а в других – актуализируются оформления совершенства, детерминируемых совершенством общественных отношений, например, русская модель мира Лад, где военный прогресс выступает в качестве действенной силы антиэнтропийных процессов.

«Мы говорим о сильном сопротивлении русских, принимая во внимание только количество их танков и орудий... И здесь мы совершаем ошибку так как не учитываем характер самого русского человека – именно благодаря ему оказалось возможным такое мощное сопротивление»¹

Сейчас идеи пятая мировая война – «информационно-интеллектуальная». Ее фронты – духовный, творческий, культурный, цивилизационный, этнический, религиозный...

В этой схеме общих структур знания философия истории представляет метаметодологический уровень исторического познания и знания, так как осуществляет рефлексию над деятельностью методологов истории. Таким образом, дисциплинарная структура исторического познания построена по принципу возведения рефлексивного мышления в степень. Роль методологического и философско-исторического знания прежде всего понимается с позиций его прагматической, функциональной значимости в системе исторического познания. Результаты его оформляются в отдельное систематизированное знание. Его объективированные формы вырастают из доминирующей на данный момент дискурсивной практики научного исследования и выступают некоей принудительной силой диктующей выбор метода исследования. Таким образом, проявляется стремление упразднить другое измерение дискурса: его событийность и случайность и обеспечить производство знания, соответствующего сложившимся критериям научности².

¹ Жихарев И. «Языковой мятеж» // Литературная газета. 2006. № 24. С. 4.

² Зубова И.Л. Формы организации исторического знания в различных типах рациональности // Проблемы российской истории. Вып. VI. М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. С. 83–84.

Организация военного прогресса на основе логических принципов отражала его динамику на макроуровне и была приспособлена для институционального функционирования в обществе. Однако такая организация проявляет свою ограниченность в осуществлении научного поиска и выражения динамики знания, обеспечивающей обновление им своих оснований. Систематики военного прогресса имели крен либо в сторону описательной истории (максимальное количество фактов установленных, проинтерпретированных и концептуализированных на основе простейших теоретических конструкций, заимствованных из неисторических дисциплин или из здравого смысла), либо склонялись к теоретизированной (логоцентристской) истории (максимум логических схем, перенесенных из других общественных дисциплин и минимум фактов).

Поэтому классическая рациональность не может справиться с дилеммой исторического познания, где, с одной стороны, нельзя без значительных уступок признать научность описательных историографических трудов, в которых нет «общих компактных мыслительных конструкций (собственно, теорий и концепций), способных служить для целостного представления, понимания и объяснения растущей, как снежный ком, громады разнородных данных и фактов». Там нет речи о «закономерностях исторического развития общества»¹ и отсутствует соответствующий категориально-понятийный аппарат. Однако в чувственном переживании рождается яркий образ прошлого, но в настоящем; возникает человеческое понимание смыслов прошлого, но опять-таки в настоящем.

Именно Россия остается сегодня одним из немногих мест на земле, где еще продолжается борьба против ниспадения человечества – в русского народа прежде всего – в то предсмертное состояние, которой Александр Зиновьев назвал «всемирным челоуейником». Быть русским в XXI веке означает принимать в этой борьбе сознательное участие. Основной вызов русской идентичности – духовное (и, как следствие, социальное и биологическое) растворение русских среди нехристианских и постхристианских народов, обладающих на сегодняшний день рядом прагматических преимуществ, прежде всего финансово-информационного и технического порядка.

---

¹ Розов Н.С. Теоретическая история – место в социально познании, принципы и проблематика // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 138.

Нынешние устремления к единству человеческого рода и территориальные перемещения значительных масс граждан и подданных территориальных государств могут и должны быть подкреплены и урегулированы в политическом и правовом отношении таким образом, что национальные, корпоративные и иные права и обязанности того или иного человека могли бы реализовываться независимо от места его пребывания. Равным образом сам гражданин или согражданин мирового сообщества мог бы выбирать (ассоциироваться) с территориальными государствами и общинами (корпорациями) своего происхождения, проживания, учебы, работы, как настоящих, так и прежних, со всеми теми ограничениями, которые накладывает на него перекрестная ассоциация. Вот вам и глобальное гражданство без глобального паспорта, регистрации и вселенской бюрократии паспортных столов. Разумеется, для этого нужна политическая воля и согласованные действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1812 год и мировая литература. – М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2013.

2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2004.

3. Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / К.С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995.

4. Александров, С. Кто зовет «в поход за демократию»? / С. Александров // Литературная газета. – 2006. – 4–10 октября.

5. Андреев, А.Л. Историческое время как категория исторического самосознания / А.Л. Андреев // Теория и история. – 2003. – № 2.

6. Антипенко, Л.Г. Метаправо и социалистическое правосознание (антиэнтропийный спектр) / Л.Г. Антипенко // Теория и история. – 2006. – № 2. – С. 19.

7. Аристотель. Политика / Аристотель // Политика. Афинская политика. – М.: Мысль, 1997.

8. Артамонова, Е.И. Проблема менталитета в условиях российского образования / Е.И. Артамонова // Диалог культур в системе школьного образования: материалы Региональной науч.-практ. конф., Иркутск, 11–13 июня 2001 г. – Иркутск, 2001.

9. Асмус, В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля / В.Ф. Асмус // Вопросы философии. – 1995. – № 1.

10. Афанасьев, В.В. Новый мировой порядок и миротворческая роль Запада / В.В. Афанасьев // Россия и Европа: нации в эпоху глобализации / под ред. В.В. Афанасьева. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008.

11. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1981.

Афонский, Л. Славянофилы: прозрения и ошибки; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moskva.cdru.com/>

12. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

13. Бенедиктов, Н.А. Русские святые / Н.А. Бенедиктов. – М.: Алгоритм, 2003.
14. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
15. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. 2 том / Н.А. Бердяев. – М.: Искусство, 1994.
16. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
17. Бойко, П.Е. Идея России в русской философии истории / П.Е. Бойко. – М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2006.
18. Большаков, В. Можно ли начать «просто жить» / В. Большаков // Литературная газета. – 2008. – 10–16 декабря.
19. Бонецкая, Н.К. Эстетика М.А. Волошина / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
20. Браун, С. Причины войны: структурные факторы / С. Браун // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред Н.С. Розова. – Новосибирск, НГУ, 2013.
21. Браун, С. Природа войны / С. Браун // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред Н.С. Розова. – Новосибирск: НГУ, 2013.
22. Брода, М. Русские вопросы о России / М. Брода; пер с польск. – М.: МАКС Пресс, 2005.
23. Буганов, В.В. Личности и события истории в памяти русских крестьян XIX –начала XX века / В.В. Буганов // Вопросы истории. – 2005. – № 12.
24. Булгаков, С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Булгаков С.Н. – М.: Наука, 1993.
25. Бушков, А. Распутин. Выстрелы из прошлого / А. Бушков. – М.: ЗАО «ОЛМА Медия Групп», 2009.
26. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен. – М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
27. Вернадский, В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой России / В.И. Вернадский // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 1.
28. Верховцева, Т.Е. Соборность: русская традиция и русский идеал / Т.Е. Верховцева // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 86.
29. Вершков, А.В. Социальная энтропия / А.В. Вершков // Теория и история. – 2007. – № 2.

30. Власюк, Н.Н. О моделях устойчивого развития общества в контексте глобализации / Н.Н. Власюк, Б.О. Майер // *Философия образования*. – 2012. – № 6(45).

31. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации. 5 февраля 2012 г.

32. Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С. Розова. – Новосибирск: НГУ, 2013.

33. Всероссийская научно-практическая конференция «Общественный идеал: прошлое, настоящее и будущее». 20–22 октября 2005 г. Забайкальский университет. Чита // *Вестник Российского философского общества*. – 2005. – № 4.

34. Гаджиев, К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей / К.С. Гаджиев // *Вопросы философии*. – 2008. – № 5.

35. Гайм, Р. Гегель и его время / Р. Гайм. – СПб.: Наука, 2006.

36. Гегель, Г. Лекции по философии истории / Г. Гегель. – СПб.: Наука, 2005.

37. Глинчикова, А.Г. Социальное значение русского раскола / А.Г. Глинчикова // *Вопросы философии*. – 2008. – № 6.

38. Годбу, Ж. Красный – значит красивый / Ж. Годбу // *Литературная газета*. – 2012. – 7–13 марта.

39. Гончаров, Е.А. Симфоническая (соборная) личность / Е.А. Гончаров // *Теория и история*. – 2004. – № 3.

40. Горозия, В.Е. Отчужденный мир и проблема социализации человека (философский, социоло-психологический анализ) / В.Е. Горозия // *Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. статей. Вып. I* // под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солонина, В.В. Парцвания. – СПб.: Петрополис, 2001.

41. Горюнов, В.П. Объективные основания синдрома конца истории / В.П. Горюнов // *Научное мнение*. – 2012. – № 10.

42. Григоренко, Д.Е. Либеральная и консервативная методологии управления обществом / Д.Е. Григоренко // *Теория и история*. – 2010. – № 2.

43. Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом / Д.Е. Григоренко // *Теория и история*. – 2007. – № 2.

44. Гулыга, А.В. Творцы русской идеи / А.В. Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 2006.

45. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991.

46. Делягин, М.Г. Слишком много страха / М.Г. Делягин // Литературная газета. – 2007. – 17–23 января.
47. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации / М.Г. Делягин. – М.: ИНФРА-М, 2003.
48. Демури́н, М. Образы будущего / М. Демури́н // Литературная газета. – 2008. – 6–12 февраля.
49. Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1939. – М.: Политиздат, 1979.
50. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 29(1) / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1988–1996.
51. Ерыгин, А.Н. История и диалектика (Диалектика и исторические знания в России XIX в.) / А.Н. Ерыгин. – Ростов-н/Д., 1987.
52. Жихарев, И. Языковой мятеж / И. Жихарев // Литературная газета. – 2006. – 21–27 июня.
53. Жукова, Л. Место в истории / Л. Жукова // Литературная газета. – 2011. – 29 июня–5 июля.
54. Зенько, А.А. Цивилизация духа / А.А. Зенько // Теория и история. – 2007. – № 2.
55. Зиновьев, А. Фактор понимания / А. Зиновьев. – М.: Алгоритм. Эксмо, 2006.
56. Зубов, А.Б. Циклы русской истории / А.Б. Зубов // Вопросы философии. – 2003. – № 2.
57. Зубова, И.Л. Формы организации исторического знания в различных типах рациональности / И.Л. Зубова // Проблемы российской истории. Вып. VI. – М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006.
58. Иванов, Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений / Д.В. Иванов. – СПб.: изд-во Петерб. ун-та, 2002.
59. Ильин, В.И. Россия: общество политического потребления / В.И. Ильин // Философские науки. – 2007. – № 7.
60. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. – М.: Рарог, 1993.
61. Ильин, И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человек / И.А. Ильин. – СПб., 1994.
62. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Т. 1 / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1993.
63. Интервью с Сергеем Борисовичем Переслегиным // Credo new. – 2006. – № 3 (47).

64. Иоанн Дамаскин. Диалектика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aleteia.narod.ru/damaskin/dialektika.htm>
65. История методологии социального познания. Конец XIX–XX век.– М., 2001.
66. История политических учений : учеб. пособие / под общ. ред. О.В. Мартышина. – М.: Норма, 2002.
67. Итоговая резолюция IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации», состоявшегося в Москве 24–28 мая 2005 года // Вестник РФО – 2005. – № 4.
68. Каган, М.С. Философская теория ценностей / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997.
69. Казаева Е.А. Проблемы развития гражданского воспитания в истории педагогической мысли России / Е.А. Казаева // Ученые записки. – 2005. – № 3.
70. Казин, А.Л. Средневекие европейцы / А.Л. Казин // Литературная газета. – 2011. – 25–31 января.
71. Калаков, Н.И. Методология прогностического исследования в глобалистике (на материале анализа прогнозирования социально-образовательных процессов) / Н.И. Калаков. – М.: Академический Проект; Культура, 2010.
72. Калашников, В.Д. Советы всея Руси / В.Д. Калашников // Теория и история. – 2004. – № 2.
73. Калашников, В.Д. Научная теория и научная история / В.Д. Калашников // Теория и история. – 2002. – № 1.
74. Кантор, В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России / В.К. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2008.
75. Кантор, В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности / В.К. Кантор. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
76. Капранов, В.А. Нравственные основы русского духа / В.А. Капранов // Россия: прошлое, настоящее, будущее. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 16–19 декабря 1996 г. – СПб., 1996.
77. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С.Кара-Мурза. – М., 2000.
78. Карсавин, Л.П. Основы политики: антология / Л.П. Карсавин // Россия между Европой и Азией, евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993.

79. Карсавин Л.П. Философия история / Л.П. Карсавин. – СПб.: Комплект, 1993.
80. Каченовский, М.Т. От киевского жителя к его другу: сб. материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.) / М.Т. Каченовский; ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высш. шк., 1990.
81. Квинтэссенция. Философский альманах. – М.: Политиздат, 1990.
82. Кедми, Я. Не стоять на пути мирового паровоза / Я. Кедми // Однако. – 2011. – № 6.
83. Колдомасов, И.О. Эволюция образа союзников в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» / И.О. Колдомасов // Проблемы российской истории. – Вып. VII. – М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006.
84. Коллинз, Р. Конфликт с применением насилия и социальная организация: некоторые теоретические следствия из социологии войны / Р. Коллинз; под ред Н.С. Розова // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира». – Новосибирск: НГУ, 2013.
85. Колмаков, В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры / В.Ю. Колмаков // Теория и история. – 2004. – № 3.
86. Колмаков, В.Ю. Философия истории и возможные парадигмы философствования / В.Ю. Колмаков // Теория и история. – 2004. – № 2.
87. Кольга, Г.И. Военная повседневность вермахта и влияние бытовых условий на сознание немецких солдат и офицеров на восточном фронте (1941–1945) / Г.И. Кольга // Вестник развития науки и образования. – 2010. – № 2.
88. Комаров, В.Д. Актуализация нравственного смысла социализма / В.Д. Комаров // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 19.
89. Комаров, В.Д. Социальный интеллект и его управленческий потенциал / В.Д. Комаров // Информация и Космос. – 2006. – № 3.
90. Кондаков, И.В. По ту сторону Европы / И.В. Кондаков // Вопросы философии. – 2002. – № 6.
91. Кончаловский, А. А была ли Февральская революция / А. Кончаловский // Аргументы недели. – 2007. – 5 апреля.
92. Коровин, В. Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны / В. Коровин. – М.: изд-во «Евразийское движение», 2008.
93. Корольков, А.А. Духовная антропология и тенденции современного образования / А.А. Корольков // Теория и история. – 2004. – № 3.

94. Косолапов, Р.И. Истина из России / Р.И. Косолапов. – Тверь, 2004.

95. Косолапов, Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации / Н.А. Косолапов // Восток (ORIENS). – 2003. – № 4.

96. Костиков, В. Народ рисует президента / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2007. – № 8.

97. Костин, А.И. Экополитология и глобалистика: учеб. пособие для студентов вузов / А.И. Костин. – М.: Аспект Пресс, 2005.

98. Красиков, В.И. Дискуссии по евразийству и формирование евразийской социальной сети в русской эмиграции 20-30 гг. XIX века / В.И. Красиков // Кредо. – 2012. – № 1.

99. Кудашов, В.И. Великая победа и поражение России / В.И. Кудашов // Теория и история. – 2005. – № 1.

100. Кудашов, В.И. Русский мир и национальная идея / В.И. Кудашов // Теория и история. – 2003. – № 2.

101. Куксо, К.А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента / К.А. Куксо // Credo new. – 2006. – № 2 (46).

102. Кульчицкий, С. «Союз нерушимый республик свободных»... / С. Кульчицкий // Дзеркало тижны. – 2006. – 23 декабря.

103. Кургинян, С. Понимать надо! / С. Кургинян // Литературная газета. – 2005. – 27 апреля–5 мая.

104. Кутузов, Б.П. Ошибка русского царя: византийский соблазн / Б.П. Кутузов. – М.: Алгоритм, 2008.

105. Кушелев, В.А. Глобализация – современная форма организационной революции / В.А. Кушелев // Глобализация: pro et contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006.

106. Лавров, В. Брань и ужас / В. Лавров // Литературная газета. – 2010. – 8–14 сентября.

107. Лавров, С. Внешнеполитическая самостоятельность России – безусловный императив / С. Лавров // Московские новости. – 2007. – 19–25 января.

108. Лезгина, Д.В. Интерактивная классическая теория поколений / Д.В. Лезгина // Credo new. – 2006. – № 2 (46).

109. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и Славянство / К.Н. Леонтьев. – М.: ЭКСМО, 20007.

110. Леонтьев, К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? / К.Н. Леонтьев // Избранное. – М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993.

111. Леонтьев, М. Россия между союзом и парapolитикой / М. Леонтьев // Однако. – 2011. – 19 декабря.
112. Лихачев, Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет / Д. С. Лихачев. – Л.: Советский писатель, 1989.
113. Лоренц К. Об агрессии / К. Лоренц; под ред. Н.С. Розова // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира». – Новосибирск: НГУ, 2013.
114. Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука / А.Ф. Лосев // Бытие, имя, космос. – М.: Мысль, 1993.
115. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Советский писатель, 1991.
116. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики; характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991.
117. Лосский, Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб: Республика, 1999.
118. Лукин, В.Н. Современные стратегии снижения рисков международного терроризма: китайский культурный национализм / В.Н. Лукин // Credo new. – 2006. – № 2 (46).
119. Лыскова, М.И. Патриотизм и патриотический китч / М.И. Лыскова // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
120. Люкс, Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. – 1996. – № 3.
121. Макаров, В.Г. Геософия П.Н.Савицкого: между идеологией и наукой / В.Г. Макаров, А.М. Матвеева // Вопросы философии. – 2007. – № 2.
122. Манягин, В. Курбский против Грозного, или 450 лет черно-го пиара / В. Манягин. – М.: Алгоритм, 2013. – 256 с.
123. Марксизм: история и современность: китайско-российский форум 20–21 ноября 2006 г. // Вопросы философии. – 2007. – № 5.
124. Марксистско-ленинская теория исторического процесса / отв. ред. Ю.К. Плетников. – М.: Наука, 1987.
125. Мартынов, В.И. Зона opus post или возрождение новой реальности / В.И. Мартынов. – М., 2005.
126. Матюшонок, Л.Ф. Научная диалектика на пороге XXI в. / Л.Ф. Матюшонок // Материалы Второго Российского философского конгресса. – Екатеринбург, 1999. – Т. 1. Ч. 2.

127. Межуев, Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли / Б.В. Межуев // Полис. – 1997. – № 1.
128. Межуев, Б.В. История, цивилизация, культура: опыт исторического истолкования / Б.В. Межуев. – СПб.: СПбГУП, 2011.
129. Мейер, Г. Поруганное чудо / Г. Мейер // Вопросы философии. – 2006. – № 10.
130. Мелихов, А. Голод голодных и слабость сильных / А. Мелихов // Литературная газета. – 2006. – 13–19 декабря.
131. Мильдон, В.И. Все еще наш XIX век / В.И. Мильдон // Вопросы философии. – 2006. – № 12.
132. Мировая война 1939–1945 гг.: сб. статей; Штутгарт, 1957 г. – М.: Политиздат, 1998.
133. Михайлов, Т.А. Эволюция геополитической идеи / Т.А. Михайлов. – Рига, 1998.
134. Михайловский, А.В. Борьба за Карла Шмита. О рецепции и актуальности понятия политического / А.В. Михайловский // Вопросы философии. – 2008. – № 9.
135. Могильницкий, Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий. – М., 1989.
136. Мойсеев, Н.Н. Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) / Н.Н. Мойсеев // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1988–1989. – М.: Наука, 1989.
137. Молотков, А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке / А.Е. Молотков. – СПб.: Издательский дом «Русский остров», 2008.
138. Назаретян, А.П. Универсальная перспектива творческого интеллекта в свете постнеклассической методологии / А.П. Назаретян; отв. ред. Н.К. Удумян // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М., 2004.
139. Наливайко, Н.В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров в российском образовании / Н.В. Наливайко // Философия образования. – 2012. – № 6(45).
140. Непомнящий, В. Речь не о Пушкине / В. Непомнящий // Литературная газета. – 2009. – 3–9 июня.
141. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991.
142. Обичкина, Е.О. Франция и Россия после окончания «холодной войны» / Е.О. Обичкина // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 6. – М.: Наука, 2005.

143. Овсяный, И.Д. Тайна, в которой война рождалась / И.Д. Овсяный – М.: Изд. полит. лит-ры., 1986. – С. 197.
144. Озов, Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия / Н. Озов; под ред. Н.С. Розова // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира». – Новосибирск: НГУ, 2013.
145. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. – М., 1997.
146. Осипов, Г.В. Социологическое понимание новых геополитических и социальных реалий в XXI веке / Г.В. Осипов // Вестник РФО. – 2005. – № 3.
147. Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. – М.: Изд-во Московского университета, 2003.
148. Панарин, А.С. Введение в политологию / А.С. Панарин. – М., 1994.
149. Панарин, А.С. Философия истории / А.С. Панарин. – М.: Гардарики, 1999.
150. Пастухов, В. Собака на сене. Можно ли удержать медведя на цепи, пугая его драконом? / В. Пастухов // Аргументы недели. – 2007. – 15 февраля.
151. Пискорская, С.Ю. Репрезентация и отражение / С.Ю. Пискорская // Теория и история. – 2004. – № 3.
152. Плюто, П.А. Иллюзия аутентичного мифа: революция и литература / П.А. Плюто // Вопросы философии. – 2007. – № 12.
153. Поздняков, А.В. Устойчивое развитие, сингулярные тенденции и роль науки в развитии цивилизации / А.В. Поздняков. – Томск: Институт оптического мониторинга СО РАН, 2002.
154. Поликарпов, В.С. Россия versus Рим (сравнительный анализ российской и древнеримской цивилизаций) / В.С. Поликарпов, В.А. Поликарпова. – Таганрог, 2001.
155. Поляков, В. Полубили стгоряча Троцкого и Ильича. Конец «огонковского» краткого курса истории России? / В. Поляков // Литературная газета. – 2007. – 4–10 апреля.
156. Померанц, Г. История России в свете теории цивилизации / Г. Померанц // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. – 2006. – № 6.
157. Пономарев, А.Е. Менталитет и социальная эволюция: национальная идеология в системе личность-общество / А.Е. Пономарев // Теория и история. – 2006. – № 2.

158. Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию. – М., 1996.

159. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее: сб. / сост.: Иванов А.И., Казанцев В.О., Карпенко М.Б., Майер М.М. – М.: Издательство «Европа», 2007.

160. Проблемы русского самосознания // Вопросы философии. – 2007. – № 6.

161. Проект Россия. – М.; ОЛМА-ПРЕСС, 2006. Кн. 1. – М.: Эксмо, 2007.

162. Прохоренко, А.В. Идеиные течения эмигрантского руссееведения / А.В. Прохоренко // Философские науки. – 2006. – № 3.

163. Пунтус, В. Цивилизационный маятник / В. Пунтус // Литературная газета. – 2007. – 14–20 февраля.

164. Путин, В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России / В.В. Путин // Российская газета. – 2012. – 20 февраля.

165. Разумовский, Ф. Модернизация с кнутом и без / Ф. Разумовский // Литературная газета. — 2007. – 30 мая–5 июня.

166. Розов, Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия / Н. Розов; под ред. Н.С. Розова // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманах «Время мира». – Новосибирск: НГУ, 2003.

167. Розов, Н.С. Теоретическая история – место в социально познании, принципы и проблематика / Н. Розов; под ред. Н.С. Розова // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000.

168. Российская империя. От истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / Институт российской истории РАН. – М.: Русская панорама, 2011.

169. Россия и мир. Нова эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. ред. С. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008.

170. Рубакин, Н. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Суринов А.Е. Сто лет спустя / Н. Рубакин. – М.: Изд-во РАГС, 2009.

171. Савицкий, Н.А. Евразийцы и пореволюционники / Н.А. Савицкий // Из истории философско-этической мысли 1920-1930-х годов. Вып. I. Н.А. Сетницкий. – М., 2003.

172. Семенков, В.Е. Философия как идеология: о возможных модулях идеологической проекции философского знания / В.Е. Семенков // Credo new. – 2006. – № 3(47).

173. Сергеев, М.Ю. Проект Просвещения: заметки об американской национальной идее / М.Ю. Сергеев // Вопросы философии. – 2007. – № 2.
174. Сергейцев, Т. Суверенин и лидерство как проект / Т. Сергейцев // Однако. – 2012. – № 38(147). – 17 декабря.
175. Симонян, Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным / Р.Х. Симонян // Вопросы философии. – 2005. – № 3.
176. Смирнов, П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции / П.И. Смирнов // Социологические исследования. – 2004. – № 8.
177. Солнцева, С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) / С.А. Солнцева // Вопросы философии. – 2008. – № 6.
178. Соловей, В. Круглый стол «В бывшем царстве, многонациональном государстве» / В. Соловей // Литературная газета. – 2007. – 30–5 июня.
179. Солодова, Г.Г. Гражданское развитие личности в воспитательно-образовательном процессе школы / Г.Г. Солодова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002.
180. Стародубцева, Л. Взгляд Линкея, или мир сквозь линзы умозрений / Л. Стародубцева // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. – 2006. – № 6.
181. Столович, Л.Н. Об общечеловеческих ценностях / Л.Н. Столович // Вопросы философии. – 2004. – № 7.
182. Страда, В. Россия и Европа / В. Страда // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. – 2006. – № 6.
183. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru>
184. Суверенитет XXI века // Литературная газета. – 2006. – 15–21 марта.
185. Сэндел, М.Дж. Либерализм и пределы справедливости: пер. с англ. / М.Дж. Сэндел // Современный либерализм. – М., 1998.
186. Тамоцу Аоки. Некоторые аспекты глобализации в современной Японии / Тамоцу Аоки; под ред. П. Бергера и С. Хантингтона // Многоликая глобализация. – М.: Аспект Пресс, 2004.
187. Тимофеев, А.И. Концепции народного духа у Г. Гегеля и И. Ильина / А.И. Тимофеев // Россия: прошлое, настоящее, будущее //

Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 16–19 декабря 1996 г. – СПб., 1996.

188. Типпельскирх, К. История второй мировой войны. Т. 1. 1939-1943 / К. Типпельскирх. – СПб.: Полигон, 1994.

189. Тихонравов, Ю.В. Геополитика / Ю.В. Тихонравов. – М., 1998.

190. Тойнби, А.Дж. Постыжение истории / А.Дж. Тойнби. – М., 1991.

191. Тоффлер, О. Третья волна / О. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010.

192. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М., 1995.

193. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество / Н.С. Трубецкой // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1998.

194. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой / Избранные произведения. – Ростов-н/Д: Феникс, 1998.

195. Трубачев, О.Н. К истокам Руси: Народ и язык / О.Н. Трубачев. – М.: Алгоритм, 2013.

196. Урсул, А.Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития цивилизации / А.Д. Урсул // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1995. – № 1.

197. Урсул, А.Д. Концептуальные основы перехода России на модель устойчивого развития / А.Д. Урсул. – М., 1994.

198. Урсул, А.Д. Безопасность и устойчивое развитие: От концепций к научным дисциплинам / А.Д. Урсул // Безопасность России. Экономическая безопасность: вопросы реализации государственной стратегии. – М., 1998.

199. Урсул, А.Д. Концепция естественной экобезопасности / А.Д. Урсул // Безопасность. – 1994. – № 1–2.

200. Урсул, А.Д. Природа безопасности / А.Д. Урсул // Безопасность Евразии. – 2008. – № 1.

201. Урсул, А.Д. Путь в ноосферу / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул и др. – Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез. – М., 2008.

202. Урсул, А.Д. Устойчивое развитие и проблемы безопасности / А.Д. Урсул // Безопасность. – 1995. – № 9.

203. Урсул, А.Д. Экологическая безопасность и устойчивое развитие / А.Д. Урсул // Безопасность. – 1993. – № 11–12.

204. Урсул, А.Д. Устойчивое развитие и безопасность: синергетический подход / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Самоорганизация и организация управления. – М., 1995.

205. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.
206. Федяева, Т.А. Масса и карнавал: Элиас Канетти и Михаил Бахтин / Т.А. Федяева // Вопросы философии. – 2007. – № 3.
207. Фомина, Н.В. Аристократическое оформление государства и личности / Н.В. Фомина // Теория и история. – 2004. – № 2.
208. Форестер, Д. Мировая динамика / Д. Форестер. – М.: изд-во АСТ, 2003.
209. Франк, С. Внутреннее противоречие советской системы / С. Франк // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
210. Фурсов, А. Виновны в непонимании. Размышления о холодной войне / А. Фурсов // Литературная газета. – 2006. – 15–21 марта.
211. Хаузер, М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / М. Хаузер. – М.: Дрофа, 2008.
212. Хаусхофер, К. Панидеи в геополитике; Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. – М., 2001.
213. Хвостова, К. Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. Хвостова. – СПб.: Алетейя, 2009.
214. Хобсбаум, Э. После победы в войне / Э. Хобсбаум // Логос. – 2003. – № 1.
215. Ходжсон, М. Условия исторического сравнения эпох и регионов: пределы обоснованности условий / М. Ходжсон // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
216. Холодный, В.И. А.С.Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии / В.И. Холодный. – М.: Академический Проект, 2004.
217. Хомяков, А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / А.С. Хомяков. – М.: Медиум, 1994.
218. Хрестоматия нового российского самосознания. В. Пастухов. Культура и государственность в России: эволюция Евразийской цивилизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/pastukh.htm/pastukh.htm>
219. Хруцкий, К.С. Российский электронный философский журнал – журнал для России и для будущего России / К.С. Хруцкий, А.Г. Самарин // Вестник РФО. – 2005. – № 2.
220. Ципко, А. Надо ли бояться иновластия / А. Ципко // Литературная газета. – 2007. – 24–30 января.

221. Ципко, А. Стратегия шоковой терапии / А. Ципко // Литературная газета. – 2007. – 17–23 января.
222. Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М., 1989.
223. Чаадаев, Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я.Е. Чаадаев; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1985.
224. Черноусова, Л.Н. Добродетель совершенная и добродетель свободная / Л.Н. Черноусова // Теория и история. – 2006. – № 2.
225. Чубайс, А.Б. Разгаданная Россия: (что же будет с Родиной и с нами) / А.Б. Чубайс. – М.: АиФ Принт, 2005.
226. Чуринов, Н.М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентный и соборный субъекты / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 2.
227. Чуринов, Н.М. Виды социального прогресса / Н.М. Чуринов // Культура информационного общества. – Красноярск, 2003.
228. Чуринов, Н.М. Идеология государственного мышления / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2007. – № 2.
229. Чуринов, Н.М. Коллективизм и индивидуализм и их теоретизирование в западной традиции / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 3.
230. Чуринов, Н.М. Правда и совершенство слова / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2007. – № 1.
231. Чуринов, Н.М. Совершенство слова и дела / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2007. – № 1. – С. 21.
232. Чуринов, Н.М. О государстве и идеологии / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 3.
233. Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки / Н.М. Чуринов; 3-е изд., доп. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2006.
234. Шаповал, С. Одна Москва, одни деньги, один телевизор. Директор Всероссийского центра изучения общественного мнения Юрий Левада был и остается скептиком» / С. Шаповал // Независимая газета. – 2000. – 11 мая.
235. Шахматова, Е.В. Восток как метафизическая парадигма идеи всеединства в культуре Серебряного века / Е.В. Шахматова // Вопросы философии. – 2008. – № 3.
236. Шеленберг, В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / В. Шеленберг. – М.: СП «Дом Бируни», 1991.
237. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М.: Логос, 2005.

238. Шульгин, В. Несуразный полонез / В. Шульгин // Литературная газета. – 2010. – 30 июня–6 июля.
239. Шупер, В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В.А. Шупер // Вопросы философии. – 2008. – № 12.
240. Эрн, В.Ф. Время славянофильствует. – М.: Правда, 1991.
241. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004.
242. Юнацкевич, П.И. Декларация нравственного социализма / П.И. Юнацкевич, В.А. Чгирев, Е.Ф. Матвейчук и др.; под ред. В.А. Чигирева. – СПб.: Институт нравственности, 2006.
243. Яковлев, Н.Н. Пёрл-Харбор. 7 декабря 1941 года. Быль и небыль / Н.Н. Яковлев. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1988.
244. Яхнин, Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) / Е.Д. Яхнин // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 174.
245. Barraclough G. Main Trends in History. N.Y., 1979. P. 164.
246. Vocast A.K., Fedanzo A.S. Goals for Global Society Forecasting and Social Change, 1975. Vol. 7. #3. P. 328-329.
247. Christiane Uhlig, in Osteuropa. Vol 45. 38/2464. 1995. S. 815.
248. Joseph Riedmuller. Von der Misere zur Mission – Rußlands dritter Weg unter neuem Vorzeichen: Der alte Staat zwischen einer strikten Ausrichtung nach Westen und der slawophilen Idee. Suddeutsche Zeitung vom 13|14. September 1997.
249. Popper K.R. Woran glaubt der Westen? // Auf der Suche nach einer besseren Welt, Vorträge und Aufsätze aus dreißig Jahren, München, Zürich: Piper, 1984. S. 238.
250. Slovarik.info. Тематические словари. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovarik.info/philosophical/69/53404.html> (дата обращения: 03. 04. 2012)
251. Stein G. Information War– Cyber war Netware // [http:// www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi](http://www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi).

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ДИАЛЕКТИКА ВОЕННОГО ПРОГРЕССА	6
1.1. Военный прогресс в диалектическом содержании	6
1.2. Диалектика рационального и иррационального военного про- гресса.....	46
1.3. Военный прогресс как стратегия	88
1.4. Военный прогресс как тактика.....	118
Глава 2. ВОЕННЫЙ ПОГРЕСС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕТО- ДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	147
2.1. Особенности исследования отечественного военного прогресса.....	147
2.2. История военного прогресса в России.....	176
2.3. Военный прогресс в системе социального прогресса в России	208
Глава 3. ВОЕННЫЙ ПРОГРЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	235
3.1. Отечественный военный прогресс в условиях новой социально- политической парадигмы.....	235
3.2. Амбивалентность военного прогресса в эпоху глобализации	267
3.3. Перспективы военного прогресса как гарант будущего России.....	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	333
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	338

Научное издание

Максимов Сергей Владимирович

**ДИАЛЕКТИКА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННОГО ПРОГРЕССА**

Монография

Редакторы Т. И. Тайгина, Э. А. Королькова
Компьютерная верстка И. В. Гревцовой

Подписано в печать 25.06.2013. Печать плоская. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,25. Тираж 100 экз. Заказ № 2523

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел./факс (391) 206-21-49, e-mail: rio@lan.krasu.ru

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел./факс (391) 206-26-67, 206-26-49
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>